

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный лингвистический университет»

ГЕРМАНИСТИКА 2021: NOVE ET NOVA

Материалы IV Международной научной конференции

10–12 ноября 2021 года, МГЛУ, г. Москва

УДК 811.11(063)
ББК 81.43я5
Г381

DOI 10.52070/978-5-00120-318-6_2021

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета
Научный план 2021 г., поз. 23

Рецензенты

доктор филологических наук доцент В. М. Глушак
(МГИМО МИД РФ)

доктор филологических наук доцент Е. Ф. Косиченко
(ФГБОУ ВО МГЛУ)

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук Е. И. Карпенко
(ответственный редактор)

кандидат филологических наук В. В. Стрельцова
Е. Ю. Цветаев

Г381

Германистика 2021: nove et nova : материалы IV Международной научной конференции. 10–12 ноября 2021 г., МГЛУ, г. Москва. – М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2021. – 327 с.

ISBN 978-5-00120-318-6

В сборнике представлены материалы IV Международной научной конференции «Германистика 2021: nove et nova» (10–12 ноября 2021 г., МГЛУ, г. Москва). Доклады затрагивают широкий спектр теоретических и прикладных аспектов современной германистики: лексико-фразеологического, грамматического, фонетико-фонологического, дискурсологического, лингвокультурологического и лингводидактического. На материале германских языков разрабатываются проблемы литературной лингвистики. Сборник рекомендуется широкому кругу специалистов в области германистики, а также студентам и аспирантам языковых и неязыковых вузов.

УДК 811.11(063)
ББК 81.43я5

ISBN 978-5-00120-318-6

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2021

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Добровольский Дмитрий Олегович

доктор филологических наук, профессор
Институт русского языка РАН, Институт языкознания РАН
Стокгольмский университет
dobrovolskij@gmail.com

Кротова Елена Борисовна

кандидат филологических наук
Институт русского языка РАН
elena_krotova@inbox.ru

Цветаева Елена Николаевна

кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет
elenatsvetaeva@yandex.ru

Шарандин Артём Вячеславович

кандидат филологических наук, доцент
Российский государственный гуманитарный университет
sharandin@gmail.com

СЛУЖЕБНЫЕ И ДИСКУРСИВНЫЕ СЛОВА: ВАРИАТИВНОСТЬ ГРАММАТИЧЕСКОЙ НОРМЫ

Служебные и дискурсивные слова, отличающиеся абстрактной семантикой и полифункциональностью, представляют собой особую трудность при изучении любого языка как иностранного. Анализ корпусных данных помогает решить проблему их адекватного описания; в докладе возможности такого описания представлены на примере немецкого предлога *wegen*.

Ключевые слова: грамматическая норма, дискурсивные слова, служебные слова, предлоги, падежное управление, корпусный анализ

В практике преподавания немецкого языка как иностранного много камней преткновения. Большинство из них специалисты в области лингводидактики научились преодолевать. Но некоторые части лексической системы требуют особого подхода. Речь идет о служебных и дискурсивных словах, отличающихся развитой многозначностью и полифункциональностью, предопределенной высокой степенью абстрактности их семантики.

Уникальность подобных единиц лексикона объясняется несколькими причинами. Среди них чрезмерная сложность симуляции естественных ситуаций их употребления, сложное, порой противоречивое историческое прошлое и – как правило, связанная с этим – вариативность языковой нормы, в том числе и собственно грамматической.

Примеров трудностей такого рода очень много. К ним относится среди прочего правильный выбор союза и союзного слова *da*, *weil*, *denn*, *zumal* или *daher* и *deswegen*. Исследования показывают, что изучающие немецкий язык как иностранный употребляют их с другой частотой по сравнению с носителями – в частности, крайне частотный в речи носителей союз *zumal* неносителями практически не употребляется, а выбор между *da*, *weil* и *denn*, обусловленный весьма сложными контекстными и ситуативными причинами, редко делается безупречно.

Еще одна важная особенность – управление предлогов в случаях вариативной нормы. Именно об этом наш доклад. Изучающие язык испытывают неуверенность в тех случаях, когда предлог – в норме или в процессе изменения нормы – допускает различное управление.

В любом языке имеется довольно много примеров вариативности грамматической нормы. Часто один из существующих вариантов признается кодифицированной нормой, а другой – (еще) нет. Но даже в таких случаях речь идет о вариативности нормы. Следует иметь в виду, что норма – понятие динамическое, хотя и более консервативное, чем узус. Когда меняется узус, это с течением времени может привести к изменению нормы или к ее модификации в том смысле, что нормативными признаются несколько вариантов.

Можно привести достаточно много примеров из русского языка. Так, в литературе неоднократно обсуждались случаи экспансии управления с предлогом **о** типа **О чем смеетесь?** Вариативность предложного управления, наблюдаемая в узусе, этим не ограничивается. Нормативными считаются формы *отзыв о...* и *рецензия на...* Например, *отзыв о диссертации* и *рецензия на статью*. Однако в реальном

употреблении это требование нормы часто нарушается. Сочетание *отзыв на...* встречается не менее часто, чем *отзыв о...* (ср., например, [Прокопович и др. 1975]).

Некоторые отступления от нормы, хотя и однозначно квалифицируются как речевые ошибки или оговорки, оказываются – по результатам ряда серьезных исследований – настолько частотными, что могут остаться незамеченными в реальной коммуникации (если не ставить себе целью следить за правильностью речи собеседника). К ним относятся смешение форм родительного и предложного падежей во множественном числе русских существительных. Ср. пример из [Пиперски 2020]: *в тринадцати предыдущих случаях* вместо *в тринадцати предыдущих случаях*. См. на эту тему также [Гловинская 2012].

Очевидно, что в большинстве упомянутых случаев речь идет о вариативности, связанной с процессами системного характера. Эти процессы обуславливают грамматическую вариативность в любом языке, они особенно заметны в случае предложной вариативности разного рода и всегда связаны с более глубинными историческими явлениями, задающими определенный вектор изменения языковой нормы.

Так, исторический процесс редукции падежной системы немецкого, как и большинства германских языков, имел целый ряд последствий, к которым относятся: изменение семантики существующих падежей, а также создание благоприятных условий для вытеснения морфологических признаков падежей семантически более специализированными предложными конструкциями, которые в процессе дальнейшей грамматикализации представляют собой своего рода аналитические эквиваленты соответствующих падежных форм. Последнее обстоятельство можно считать одним из факторов, поддерживающих общую тенденцию немецкого языка к развитию аналитизма на грамматическом уровне.

Собственно, в падежной системе остаются и даже развивают свою семантику падежи с наиболее абстрактным значением, их абстрактно-грамматический характер, а также многозначность – результат позднейшего обобщения на основе слияния форм и значений [Жирмунский 1965: 207–210]. Таким особенным падежом для немецкого является дательный, а судьба родительного падежа (генитива) была всегда непростой: например, количество глаголов, требующих после себя генитива с достаточно большого сократилось в наши дни до минимума, в то же время, эта тенденция совершенно не коснулась

существительных, а число предлогов, требующих после себя родительного падежа существенно возросло, особенно это касается предлогов, возникших в результате конверсии (непервообразных, производных): *mithilfe, trotz, in Anbetracht*. Одна из причин – огромное количество текстов, переводившихся с латинского, причем латинский аблатив стали все чаще передавать предложными конструкциями.

Управление этих предлогов часто вариативно, что связано с историческими особенностями развития падежной системы немецкого языка и находит свое отражение, например, в диалектном употреблении: некоторые диалекты в принципе избегают падежной (маркированной) формы родительного падежа, предпочитая дательный либо прибегая к аналитическим конструкциям [Nübling 2006: 102].

Так, предлог *wegen* уже на самых ранних этапах своего развития, едва оформившись в самостоятельное слово, в южных регионах немецкоговорящих стран поддерживает дательный падеж, в то время как на севере используется исторический генитив. Это не могло не отразиться и на разговорной форме существования немецкого языка и, конечно, существенно влияет и на саму языковую норму. Среди носителей на интуитивном уровне бытует ощущение, что генитив характеризуется неким «академизмом», и такие фразы воспринимаются как гиперкорректные. Однако история развития немецких предлогов часто свидетельствует об обратном.

Для систематизации вариативных особенностей, характерных для предлога *wegen* сегодня, мы обратились к архиву корпусов с синтаксической разметкой Института немецкого языка в Мангейме. На его основе был создан виртуальный корпус, содержащий только немецкие источники (австрийские и швейцарские были исключены из рассмотрения). Полученный корпусный материал анализировался с помощью скриптов на языке Python и библиотеки spacy (программная библиотека для расширенной обработки естественного языка).

Для каждого примера употребления предлога *wegen* собиралась следующая информация:

1. структура предложной группы (например, *wegen* + существительное или *wegen* + прилагательное + существительное и т. д.);
2. падеж (подробнее ниже);
3. вершина предложной группы;
4. существительное, входящее в предложную группу, его род и число;
5. источник примера.

Всего были проанализированы 9406 примеров. В половине случаев можно однозначно говорить об употреблении формы генитива (52 % выборки): существительные мужского или среднего рода с показателем генитива (окончание и/ или соответствующий артикль), существительные во множественном числе с артиклем или прилагательным в генитиве. В 31 % случаев нельзя точно сказать, идет ли речь об употреблении в генитиве или дативе – именные группы с существительным женского рода в единственном числе имеют идентичные формальные показатели в обоих падежах (ср. *wegen zu großer Terrorgefahr*). На третьем месте по частотности беспадежное употребление – 10 % выборки. Сюда вошли случаи, где сразу после *wegen* – существительное в единственном числе, при этом перед ним отсутствует сопроводительное слово, а у существительного среднего или мужского рода нет генитивного окончания (например, *wegen Alkohol*). В 4 % случаев падеж определить невозможно вообще. В эту категорию попадают в основном идущие сразу после *wegen* омонимичные формы существительных. Датив встречается лишь в 3 % случаев. Смешанное употребление (генитив и датив внутри одной предложной группы) встречается редко (0,12 %). В трети таких употреблений сначала идет генитив ед.ч., а затем датив мн.ч. (например, *wegen des kalten Winters und gestiegenen Gaspreisen*).

Продемонстрируем на собранном материале возможности корпусного анализа для случаев употребления предлога *wegen* с дательным падежом как вариантом падежной нормы. Случаи такого употребления характерны не для одного определенного географического ареала: источники – 7 газет из разных регионов Германии и Википедия. В основном существительные в такой конструкции встречаются во мн.ч. (77,5 %). В качестве существительного во мн. ч. выступают чаще всего следующие слова с их композитами: *Problem* 27%; *Delikt* 9%; *Verstoß* 8%; *Vorwurf* 3%; *Diebstahl* 2%. В ед. ч. существительные употребляются реже (22,5 %). Среди существительных чаще всего встречается *Diebstahl* 4%, также встречается личное местоимение *er* 6%. В качестве вершины синтаксической группы, помимо *sein* 7%, часто встречаются также *verurteilen* 6%; *kommen* 2%; *ermitteln* 2%; *verantworten* 2%. Очевидно, что в представленных группах речь идет как о морфосинтаксических (выбор формы грамматического числа, местоимения либо существительного в составе предложной группы), так и о семантических / дискурсивных (правовая сфера) предпочтениях употребления дательного

падежа. Последний фактор непосредственно связан с чрезвычайно клишированным, формульным характером языка права, формировавшимся в течение долгого времени под влиянием как диалектального разнообразия нормы, так и иноязычного (латинского) наследия.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Допуская различные виды управления, предлог *wegen* (по крайней мере в письменной речи) однозначно предпочитает генитив.
2. Употребления *wegen* с дативом встречаются, как правило, в определенных контекстных условиях. С одной стороны, это однозначное предпочтение датива с личными местоимениями (*wegen mir/dir/ihm*), что сегодня является обязательной нормой, в другой – это статистические предпочтения сочетания *wegen* с существительными определенных семантических классов.
3. На этом примере становится очевидной сущность самого явления варьирования грамматической нормы. Наличие вариантов нормы не сводится к свободному варьированию.

Литература

Гловинская М. Я. О чем свидетельствует реакция носителей языка на грамматические инновации // Вопросы культуры речи. Вып. 11 / отв. ред. А. Д. Шмелев. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 178–185.

Жирмунский В. М. История немецкого языка. Изд. пятое. М.: Высшая школа, 1965.

Пиперски А. Ч. Корпусные наблюдения над смешением родительного и предложного падежей русских существительных // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. М., 2020. № 2 (24). С. 32–43.

Прокопович Н. Н., Дерibas Л. А., Прокопович Е. Н. Именное и глагольное управление в современном русском языке. М.: Русский язык, 1975.

Nübling D. Historische Sprachwissenschaft des Deutschen. Eine Einführung in die Prinzipien des Sprachwandels. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2006.

AUXILIARY AND DISCURSIVE WORDS: GRAMMAR NORM VARIATION

Auxiliary and discursive words characterised by abstract semantics and poly-functionality cause special difficulties for foreign language learners. Corpus

data analysis helps to tackle the challenge of adequate description of such words. The present paper discusses this problem using the German preposition *wegen*.

Key words: grammatical norm, discursive words, auxiliary words, prepositions, case government, corpus-based analysis

Dalmas, Martine

PhD (habil.), Professor
Sorbonne Université, Paris, Frankreich
martine.dalmas@sorbonne-universite.fr

VIELFALT DER BEZÜGE, VIELFALT DER FUNKTIONEN: WEGE ZUR METADISKURSIVITÄT

Der Beitrag befasst sich mit der konventionellen Markierung der metadiskursiven Aktivität. Am Beispiel des Adjektivs „glatt“ und seiner syntaktischen Variabilität wird der Gebrauch solcher Lexeme als „Partikel“ erklärt. Bei gleichbleibender Grundbedeutung erfolgt die Pragmatisierung aufgrund kontextueller Faktoren.

Schlüsselwörter: Diskursmarker, Pragmatisierung, Adjektive, Partikeln, Kontext, -glatt

Ausgangspunkt der Untersuchung ist die Ebenenvielfalt von Äußerungen. Über den propositionalen Gehalt hinaus enthalten Sprachproduktionen bekanntlich Elemente unterschiedlicher Form und Funktion, die eng mit der Aktivität des Sprechers zusammenhängen und direkt oder indirekt den Adressaten mit einbeziehen. Ihre Rolle hängt mit der „metadiskursiven Reflexion“ zusammen, die dem Menschen angeboren ist und sich in den Sprachformen niederschlägt. Die Bezeichnung „Diskursmarker“, die in der Romania weit verbreitet ist (*marqueurs discursifs*), umfasst viele Formen, die sich auf unterschiedliche metadiskursive Funktionen beziehen. Ihnen gemeinsam ist der Bezug auf die Sprechinstanz: Sie können beispielsweise die Organisation der Inhalte und des Textes betreffen oder als Indikatoren der Sprechereinstellung aufzufassen sein, oder sie beziehen sich auf den prädikativen Akt oder gar auf den Äußerungsakt. Zu den Diskursmarkern gehören je nach den Autoren monolexikalische oder polylexikalische Formen, aber auch phraseologische Einheiten.

Der Vortrag befasst sich mit der metadiskursiven Aktivität: Mein Ziel ist zu zeigen, welche Bezüge bei Grammatikalisierung und Pragmatisierung zum Tragen kommen. Im Mittelpunkt der Ausführungen steht das Lexem „glatt“. Nach einer kurzen Begriffsklärung werden seine verschiedenen Verwendungsweisen analysiert, um – ausgehend von seinem Gebrauch als Adjektiv – seine metadiskursive Funktion zu beschreiben.

Einleitend wird definitorisch auf die Unterscheidung der Begriffe „Lexikalisierung“ und „Grammatikalisierung“ kurz eingegangen, mit Hinweis auf die Kriterien der beiden Prozesse des Sprachwandels. In der Forschung wird die Bezeichnung „Pragmatisierung“ dann verwendet, wenn es um die diskursive, d. h. interaktionale Dimension geht [Diewald 2011]. Auch wenn bei manchen Autoren auf die Abgrenzung zwischen Grammatikalisierung und Pragmatisierung zugunsten ersterer verzichtet wird, wird hier die Unterscheidung zwischen beiden Begriffen beibehalten, um der interaktionalen Bedeutungskomponente besser gerecht zu werden. Metadiskursive Angaben sind nämlich wichtige Hilfen für den Rezipienten bei seiner Interpretationsarbeit. Als Ergebnis einer Pragmatisierung zu betrachten sind z. B. verfestigte polylexikalische Ausdrücke (wie etwa *vor allem, alles in allem, sagen wir, sozusagen, siehst du, ...*) oder monolexikalische Einheiten (wie etwa *bloß, ruhig, glatt, natürlich*), die sich auf den (argumentativen) Stellenwert, die Art der Formulierung, den Evidenzgrad, die Prädikation, ... beziehen.

Das Lexem „glatt“ fungiert in seinem referentiellen Gebrauch als Adjektiv und tendiert im heutigen Deutsch zu einem partikelhaften Gebrauch.

- Ausgangspunkt ist sein adjektivischer Gebrauch.
- Ein besonderes Augenmerk wird zunächst auf seine Verwendung in resultativen Konstruktionen gelegt, in denen es sich auf die akkusativische Ergänzung bezieht, die semantisch als PATIENS interpretiert wird. Eine vergleichende Korpusuntersuchung („glatt“ vs. „platt“) zeigt nämlich, dass „glatt“ sich vornehmlich mit Verben (Handlungen) und Nomina (Entitäten) verbindet, bei denen es sich um ein erwartungsgemäß positives, einwandfreies Ergebnis einer unbehindert ausgeführten Handlung handelt. Interessant dabei ist, dass es sich dann häufig um eine übertragene Bedeutung handelt, sowohl des Verbs als auch des Adjektivs. Wie

es in resultativen Konstruktionen meistens der Fall ist, wird die Handlung durch das Adjektiv ausgedrückt, während das Verb die Art und Weise bezeichnet. Bei der übertragenen Bedeutung sind sowohl das Verb als auch das Adjektiv bildlich aufzufassen. Der Vergleich mit „platt“ macht deutlich, dass bei „glatt“ eine positive Bewertung dabei ist, welche die „glatt“-Konstruktionen von den „platt“-Konstruktionen unterscheidet (*eine Festplatte glatt bügeln; eine Rohübersetzung glatt bügeln; eine Biografie glatt bügeln; einen Artikel sprachlich glatt bügeln VS. Argumente platt bügeln; Differenzen platt bügeln*).

- Als Attribut in seiner wörtlichen Bedeutung bezeichnet das Adjektiv „glatt“ Flächen ohne Unebenheiten. Die Bewertung kann positiv oder negativ sein, je nach der Fläche und deren Funktion. So wird eine *glatte Straße* als gefährlich betrachtet, während bei Sport und Spiel *glattes Eis* in der Arena oder *eine glatte Rutschbahn* den Erwartungen der Nutzer entsprechen. Eine *glatte Haut* ist beneidenswert, auch *glattes Haar* ist heutzutage Mode. Beim übertragenen Gebrauch muss man auch unterscheiden: Einerseits hat man es mit der positiv konnotierten Bedeutung „ohne Hindernisse“ bzw. „ohne Probleme“ zu tun, bei der das Bild einer glatten Fläche noch vorhanden ist (*eine glatte Landung; eine glatte Fahrt*). Andererseits hat man es auch mit negativ konnotierten Verbindungen mit der Bedeutung „heuchlerisch“ (*ein glattes Benehmen*). Besonders interessant ist der attributive Gebrauch bei deverbalen Nomina, die auf eine Sprechhandlung verweisen (*eine glatte Lüge; eine glatte Ausrede*) oder auf Nomina, die direkt auf einen Sprechakt verweisen (*ein glattes Nein*), denn da stößt man genau auf die interessantesten Fälle, die sich (nur) teilweise auf eine „adverbialer“ Funktion zurückführen lassen und den zwielichtigen Charakter des Lexems an den Tag legen.
- Was als „adverbialer“ Gebrauch beschrieben werden könnte, bedarf der näheren Betrachtung. Die Bezeichnung „adverbial“ wird in der Forschung uneinheitlich verwendet und betrifft eine breite Palette von Funktionen, die vom eigentlichen „ad-verbale“ Bezug (z. B. Ausdruck der Art und Weise) bis hin zur Ebene des Äußerungsakts reichen (z. B. Ausdruck der Einstellung). Wenn es weder attributiv noch prädikativ verwendet wird, weist der

Gebrauch des Lexems „glatt“ Merkmale auf, die syntaktisch und semantisch unter die Lupe genommen werden müssen.

- Der letzte Teil des Beitrags befasst sich mit dem so genannten „adverbialen“ Gebrauch von „glatt“ und stützt sich auf eine breit angelegte Korpusuntersuchung (*Deutsches Referenzkorpus* [DeReKo], IDS / Mannheim). Die annotierten Korpora ermöglichen jedoch keine saubere Abgrenzung vom Gebrauch als Objektprädikativ in resultativen Konstruktionen, so dass zunächst hier die Treffer manuell herausgefiltert werden müssen. Es werden dann die relevanten Kookkurrenzen genau untersucht, d. h. es werden in erster Linie die Verben aufgelistet und semantisch analysiert. Die ersten Beobachtungen zeigen, dass bei einigen Verben (*glatt verlaufen; etwas glatt erledigen*) das Lexem noch eindeutig Spuren von seiner Ausgangsbedeutung (Grundmerkmal „ohne Unebenheit“) behält und auf ein hindernisfreies, problemloses Geschehen hinweist. Andererseits aber kookkurriert „glatt“ häufig mit sprechaktbezeichnenden Verben (*glatt lügen; etwas glatt ablehnen; etwas glatt leugnen*); in diesen Fällen ist das Lexem nicht mehr durch eine *wie*-Frage erfragbar, sein Bezug verdient eine nähere Untersuchung, denn dieser Gebrauch rückt in einen Bereich, zu dem auch andere Lexeme adjektivischen Ursprungs gehören (*einfach, ruhig, schlicht*) [Pasch et al. 2003]. Der Einsatz von „glatt“ in Äußerungen, die auf negativ orientierte sprachliche Verhaltensweisen hinweisen, betrifft hier nicht direkt den durch das Verb ausgedrückten Prozess, sondern die Prädikation als Akt und markiert einen metadiskursiven Kommentar durch den Sprecher. Aufgrund seiner semantischen Stabilität und über seine syntaktische Variabilität erfährt das Lexem eine pragmatische Spezifizierung als Diskursmarker. Seine Zugehörigkeit zu der Funktionsklasse der „Partikeln“ im Zusammenhang mit kontextspezifischen Faktoren [Diewald 2006] wird am Ende des Vortrags diskutiert.

Literatur

Diewald G. Context types in grammaticalization as constructions. In: Constructions. Special Volume, 1. 2006. P. 1–29.

Diewald G. Pragmaticalization (defined) as grammaticalization of discourse function. In: Linguistics 49-2, 2011. P. 365–390.

Pasch R. et al. 2003. Handbuch der deutschen Konnektoren I. Berlin, New York: de Gruyter, 2009 (Schriften des Instituts für deutsche Sprache, vol. 9).

DIVERSITY OF REFERENCES, DIVERSITY OF FUNCTIONS: WAYS TO METADISCURSIVITY

The article deals with the conventional marking of metadiscursive activity. Using the example of the adjective “glatt” and its syntactic variability, the use of such lexemes as “particles” is explained. While the basic meaning remains the same, pragmatization is based on contextual factors.

Key words: discourse markers, pragmatization, adjectives, particles, context, -glatt

Зыкова Ирина Владимировна

доктор филологических наук, доцент
Институт языкознания РАН
irina_zykova@iling-ran.ru

ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ КАК ФАКТОР ЛИНГВОКРЕАТИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ КИНОДИСКУРСА¹

Статья посвящена разработке методологии изучения лингвокреативных явлений в кинодискурсе. Освещаются результаты интердискурсивной параметризации лингвокреативности в отечественных и британских кинокомедиях, которые позволяют судить о специфике их лингвокреативного моделирования.

Ключевые слова: кинодискурс, интердискурсивность, лингвокреативность, интердискурсивная параметризация

Значительное внимание в современной филологической науке уделяется сегодня изучению интердискурсивности. Несмотря на то, что данный феномен имеет глубокие культурно-исторические корни, всплеск научного интереса к нему отмечается во второй половине XX века в связи с активной разработкой метода дискурс-анализа представителями ряда научных направлений. Заметную роль в развитии понимания природы интердискурсивности сыграла, в частности, концепция дискурса М. Фуко, а также деятельность научной школы

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

«автоматического анализа» М. Пеше, который выделял в качестве основополагающей следующую особенность дискурса: «всякий дискурс – в силу того, что существует и функционирует в системе других дискурсов – отражает в своем “телесном” составе, в репертуаре своих, в том числе возможных, высказываний, – другие и многие дискурсы, и следы этих отражений мы обнаруживаем в текстах» [Пеше 1999: 267–268].

Как показывают современные исследования, сложная природа феномена интердискурсивности приводит к формированию многочисленных подходов к его пониманию. Существующие трактовки отражают результаты изучения этого явления с разных исследовательских позиций. Например, интердискурсивность определяется В. Е. Чернявской как «взаимодействие различных систем знания, культурных кодов, когнитивных стратегий» [Чернявская 2007: 22]. По мнению З. И. Резановой, «интердискурсивность, являясь непосредственной реальностью коммуникации, обнаруживается не только в переключении стилистических регистров речи, но и в наличии маркеров актуализации инодискурсивных смыслов в определенной доминирующей дискурсивной формации» [Резанова 2008: 64].

В нашей работе интердискурсивность исследуется с точки зрения ее роли в лингвокреативном моделировании вербальной системы кинопроизведений. Материалом исследования послужили советские и российские кинокомедии, вышедшие в период с 1960-х по 2010-е годы, например: «Печки-лавочки» (В. Шукшин, 1972), «Гараж» (Э. Рязанов, 1979), «Кин-дза-дза» (Г. Данелия, 1986), «Приходи на меня посмотреть» (О. Янковский, М. Агранович, 2000). К анализу также привлекались британские кинокомедии разных периодов, например, «Double bunk» (С.М. Pennington-Richards, 1961), «About time» (R. Curtis, 2013). Дискурсивной основой комедийных фильмов (как отечественных, так и британских) является стилизованная разговорная (преимущественно диалогическая) речь, отличающаяся от естественной или спонтанной коммуникации в обычной жизни. Соответственно, базовым дискурсом в кинокомедиях выступает художественно переработанный и эстетически адаптированный повседневно-разговорный дискурс со свойственным ему использованием нейтрально-разговорной и нейтрально-официальной лексики, соответствующим этому дискурсу синтаксическим строем, фонологическими и лингвостилистическими особенностями.

Изучение интердискурсивности осуществлялось посредством разрабатываемого нами метода дискурсивно-параметрического анализа лингвокреативности (метод ДПАЛ), включающего метод корпусной разметки. В основе метода ДПАЛ лежит многоуровневая система параметров лингвокреативности, в которой выделяются интердискурсивные параметры. Под интердискурсивными параметрами нами понимаются группы языковых показателей (маркеров) намеренного, прагматически и / или художественно-эстетически обусловленного введения в базовый дискурс кинопроизведений элементов других дискурсов, оказывающих разное воздействие на его лингвокреативность. Для проведения корпусной разметки киноматериала была разработана система кодовых обозначений интердискурсивных параметров, маркирующих введение в базовый дискурс кинофильма элементов других дискурсов. Каждому интердискурсивному параметру присвоен соответствующий буквенный код: <FD> – «художественный дискурс», <PD> – «поэтический дискурс», <PhD> – «философский дискурс и дискурс философствования», <SD> – «научный дискурс» и др. Всего в ходе исследования было выделено тринадцать интердискурсивных параметров, активизирующихся в процессе построения вербальной системы исследуемых кинокомедий, например:

- (1) Шулейкин (Евгений Леонов): *Паду ли я, стрелой пронзенный, / Иль мимо пролетит она <...>*. <PD> (к/ф «Полосатый рейс»)
- (2) Артур (Гоша Куценко): «... остальные члены преступной группировки жалости не достойны. В ближайшее время будут задержаны и предстанут перед суровым лицом закона». Должен же перед ним хоть кто-нибудь стоять? <MD> (к/ф «Патриотическая комедия»)
- (3) Заголовок газетной статьи: DRAMATIC RISE IN NUMBER OF UNMARRIED MOTHERS / *Influence of the telly?* / GOVERNMENT TO ACT! <MD> (к/ф «Double bunk»)

Интердискурсивная вставка в примере (1) представляет собой две строки из романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (гл. 6, XXI) (<PD> – «поэтический дискурс»), пример (2) содержит субъективно-оценочную подачу сведений для выпуска новостной телепередачи о криминальных событиях, а пример (3) – формулировку проблемы, которой посвящена газетная статья (<MD> – «массмедийный дискурс»). Все интердискурсивные элементы делают речь киногероев ироничной, служат средствами иронично-шутливого обыгрывания происходящих в кинокомедиях событий.

Как показало исследование, в интердискурсивных вставках можно обнаружить разного рода лингвокреативные явления. Сравним, например, две интердискурсивных вставки, представляющих ввод научного и поэтического дискурсов в советскую и британскую кинокомедию, соответственно:

- (4) Член гаражного кооператива (Борислав Брондуков): *Товарищи! Я сейчас работаю над **проблемой поведения животных в условиях повышенной опасности**. Так вот, животные, моя милая, не уничтожают себе подобных. – Да ладно, отвали. – Не ерничайте... Тигр не ест тигра, медведь не пожират медведя, а заяц не убивает зайца.* <...> <SD> (к/ф «Гараж»)
- (5) Песня во вступительной заставке: *These little **shanties are romance** / Tell our **sailor took a chance** / He **bought a boat** for almost double its worth / Then **gave his bird a double birth*** <...> <PD> (к/ф «Double bunk»)

В примерах (4–5) свидетельством реализации креативного потенциала русского и английского языков в кинодискурсе являются такие средства, как: звуковые повторы, креативные сравнения, метафоры и аллегории, смена социокоммуникативного регистра, параллельные конструкции, градация, антитеза, синонимическая аттракция, фразеологические обороты, ироничное обращение, сниженная лексика, повышающая экспрессивность речи и некоторые другие. Таким образом, в ходе исследования было установлено, что введение элементов различных типов дискурса в базовый дискурс кинокомедии наделяет его оригинальными образно-выразительными средствами и повышают его лингвокреативный потенциал. Сравним результаты, полученные на материале двух отечественных кинокомедий (см. табл. 1).

Таблица 1

Соотношение показателей повышения лингвокреативности кинокомедии за счет активизации интердискурсивных параметров

Кинокомедии	«Джентльмены удачи» (1971)	«Мужчина в моей голове» (2009)
Типы интердискурсивных вставок	<PD>, <SD>, <CD>, <AD>, <DCL>, <ED>	<FD>, <PD>, <SD>, <CD>, <AD>, <MD>, <RD>, <ED>, <PhD>
Количество лингвокреативных единиц в интердискурсивных вставках	345	750

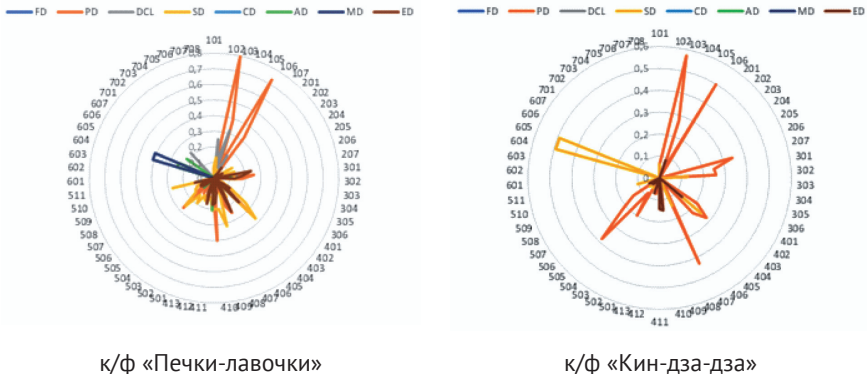
Кинокомедии	«Джентльмены удачи» (1971)	«Мужчина в моей голове» (2009)
Общее количество лингвокреативных единиц в кинофильмах	3078	4667
Показатель повышения лингвокреативности (%)	11.2	16.0

Как указано в таблице 1, благодаря интеграции в кинодискурс различных интердискурсивных элементов общее количество лингвокреативных единиц возрастает на 11.2 % в кинокомедии «Джентльмены удачи» и на 16 % в кинокомедии «Мужчина в моей голове».

В результате обработки данных корпусной разметки интердискурсивных параметров в программе HETEROSTAT [Киосе, Ефремов 2020] были смоделированы интердискурсивные корреляционные профили, отражающие информацию о: а) количестве и типах интегрируемых дискурсов, б) специфике попарных корреляций каждой интердискурсивной вставки с разными лингвокреативными средствами вербальной системы базового дискурса: фонологическими (коды 101–107), морфологическими (коды 201–207), словообразовательными (301–306), лексическими (401–413), синтаксическими (коды 501–511), графическими (коды 601–607), а также с лингвокреативными средствами, содержащимися в других интердискурсивных вставках (коды 701–708) (см. диаграмму 1).

Диаграмма 1

Интердискурсивные корреляционные профили кинокомедий

Как показано в диаграмме 1, в кинокомедию «Печки-лавочки» интегрированы элементы поэтического, научного, рекламного, философского, массмедийного, эпистолярного дискурсов и дискурса детской литературы; наибольшей частотой активности обладают: а) интердискурсивные поэтические вставки, коррелирующие преимущественно с лингвокреативными единицами фонологического и лексического уровней, и б) интердискурсивные философские вставки, коррелирующие в наибольшей мере с лингвокреативными единицами лексического и синтаксического уровней. В кинокомедию же «Кин-дза-дза» вводятся элементы поэтического, научного, философского и эпистолярного дискурсов; наибольшей частотой активности характеризуются интердискурсивные поэтические вставки, которые имеют высокие коэффициенты сопряженности с лингвокреативными средствами лексического и графического уровней.

Суммируя все полученные результаты, мы можем сделать вывод о разном лингвокреативном моделировании дискурса исследуемых кинопроизведений посредством интердискурсивных параметров. В целом, проведенное исследование позволяет сформировать представление об интердискурсивности как о феномене, изучение которого вносит вклад в развитие одной из основополагающих теорий современной лингвистики – теории лингвистической креативности.

Литература

Киосе М. И., Ефремов А. А. HETEROSTAT. Программа HETEROSTAT комплексного расчёта параметров дискурса. Дата регистрации: 21.09.2020. Государственный номер регистрации: 2020661240.

Пеше М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. С. 267–268.

Резанова З. И. Трансформации советских стереотипов и мифологем в дискурсе региональных СМИ // Язык и культура, 2008. № 3. С. 63–71.

Чернявская В. Е. Интертекстуальность и интердискурсивность // Текст – Дискурс – Стил. Коммуникации в экономике. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, 2003. С. 23–42.

INTERDISCURSIVITY AS A FACTOR OF LINGUOCREATIVE MODELING OF CINEMATIC DISCOURSE

The paper aims to elaborate a methodology for studying linguocreative phenomena in the cinematic discourse. It highlights the results of interdiscursive

parameterization of linguistic creativity in Russian and British comedy films, which reveal the specifics of their linguo-creative modeling.

Key words: cinematic discourse, interdiscursivity, linguistic creativity, interdiscursive parameterization

Павлова Анна Владимировна

кандидат филологических наук
Университет имени Иоганна Гутенберга,
г. Майнц, г. Гермерсхайм, Германия
pavloan@uni-mainz.de

О ПРОЕКТЕ ДВУЯЗЫЧНОГО РУССКО-НЕМЕЦКОГО СЛОВАРЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-КОНСТРУКЦИЙ

Речь идет об исследовании синтаксической фразеологии в контрастивной перспективе применительно к языковой паре «русский – немецкий». Был разработан многоуровневый корпусный метод описания для определения межъязыковых эквивалентных фразеологизмов-конструкций на лексикографическом уровне с использованием нескольких параметров сравнения.

Ключевые слова: грамматика конструкций, синтаксическая фразеология, контрастивный анализ, двуязычная лексикография

В русском и немецком языковых пространствах с прошлого десятилетия – с тенденцией к возрастанию в последние годы – наблюдается интерес к грамматике конструкций в контексте. В Германии этот интерес в основном связан с фреймовой семантикой и интеракциональной лингвистикой [Stefanowitsch, Fischer 2008; Ziem, Lasch 2015]. В российской лингвистике интерес к синтаксической идиоматике возник значительно раньше: уже в 1996 году появилось учебное пособие [Величко 1996], в котором содержится некоторое количество фразеологизированных конструкций в виде учебного словаря, с описанием схем и значений. А в 2013 г. В. Ю. Меликяном был опубликован Синтаксический фразеологический словарь русского языка [Меликян 2013]. В [Величко 2016] приводятся шесть семантических блоков, соответствующих, по мнению автора, основным функциям фразеологизированных конструкций в речи:

оценка, согласие / несогласие, модальные значения, единственность / множественность, акцентирование и обусловленность.

В последние полтора десятилетия интенсивность изучения фразеологизированных конструкций в российской лингвистике заметно возросла в связи с общим поворотом к грамматике конструкций (см. работы таких авторов, как Л. Л. Иомдин, Д. О. Добровольский, Е. В. Рахилина, Ю. Л. Кузнецова, Е. В. Урысон). «Мостик» между грамматикой конструкций и идиоматикой перебрасывает, в частности, Д. О. Добровольский: «Поскольку фразеология по определению находится в промежуточной зоне между лексиконом и грамматикой, вполне естественно, что интересы грамматики конструкций и теории фразеологии пересекаются» [Добровольский 2016: 7]. Д. Н. Шмелев назвал идиоматизированные синтаксические конструкции фразеосхемами. По его словам, фразеосхемы «не связаны с определенными словами как таковыми, но обладают фиксированной и неизменной схемой построения, включая сюда обязательный порядок слов и наличие строго определенных, сильно ограниченных в варьировании грамматических форм, а иногда и определенных служебных слов» [Шмелев 2002: 419]. В работах Д. О. Добровольского предлагается использовать термин «фразеологизм-конструкция». В отличие от термина «фразеосхема», этот термин дает исследователю большую свободу в выборе объекта исследования: в то время как под «фразеосхемами» понимаются конструкции фразеологизированного характера, в которых имеются некоторые постоянные элементы (их называют иногда «якоря», или «анкеры») и определенные слоты (относительно свободно заполняемые лексическими элементами позиции), термин «фразеологизм-конструкция», вбирая в себя обозначение фразеосхемы, может быть отнесен и к схемам, в которых нет анкеров вовсе, а зафиксированы только морфологические свойства заполнителей слотов (например, «мужик мужиком», «молодец молодцом») или которые, наоборот, представляют собой устойчивое сочетание двух-трех слов, не обнаруживающее слотов, но при этом встраивающееся только в высказывания или части высказываний с определенной (точнее, заведомо предопределенной) семантикой, например: «(но) не тут-то было». Основными признаками, отличающими фразеологизмы-конструкции от смежных с ними полей лингвистических объектов, являются следующие:

- 1) принципиальная открытость модели (наличие слотов или семантически предсказуемого контекста);

- 2) некоторая (часто ограниченная в разной степени) свобода выбора при заполнении слотов лексикой;
- 3) наличие у модели семантики (чаще иллокутивной) и возможность ее описать;
- 4) преобладание служебных и дискурсивных слов в роли анкеров;
- 5) конкретный, имманентный модели просодический контур;
- 6) стилевой регистр чаще разговорный и экспрессивный; с этим связана высокая степень распространенности фразеологизмов-конструкций в первую очередь в бытовой диалогической речи;
- 7) неограниченность синтаксических ролей (конструкт – заполненная в речи фразеологизированная конструкция – может выступать в предложении как подлежащее, предикат, обстоятельство, модальная «вставка», придаточное, часть главного);
- 8) высокая степень вовлеченности в контекст: многие фразеологизмы-конструкции служат, например, в качестве синтаксического остова только ответных реплик диалога; другие, хотя и могут употребляться в начальных фразах какого-либо диалога или монолога, тем не менее, «утоплены» в конкретную ситуацию речи и только в ней могут быть интерпретированы; третьи выступают как важные элементы логической связи между отрезками текста.

Контрастивное изучение фразеологизмов-конструкций (ФК) в первую очередь обусловлено потребностями дидактики иностранных языков и необходимостью лексикографической фиксации языковых фактов. Примечательно, что до сих пор практически нет даже одноязычных словарей ФК (не считая уже упомянутого небольшого словаря Меликяна); причина этого заключается прежде всего в том, что неясно, в каком порядке следует подавать материал: ведь множество ФК начинается не с анкеров, а со слотов. В то же время невладение ФК и, как следствие, их неиспользование в речи отрицательно сказывается на компетенции по порождению текстов на изучаемом языке, что непосредственно затрагивает интересы дидактики преподавания как иностранного языка, так и перевода. ФК делают речь естественной, живой, способствуют логическому связыванию отрезков текста, играют неоченимую роль в создании целостного дискурса.

Все это побуждает к созданию двуязычных словарей ФК. Имеет смысл готовить словарь сразу в онлайн-формате. В связи с идеей

подобного проекта возникает, однако, множество вопросов, которые требуют безотлагательного решения. Далее освещаются некоторые первоочередные вопросы. Предварительные ответы на них приводятся там, где они уже найдены (не исключено, что в ходе работы над словарем те или иные ответы подвергнутся ревизии и будут изменены).

1. Принцип лемматизации – семантический. Имеет смысл отказаться от алфавитного принципа и распределять ФК по их значениям. Семантические блоки, которые будут служить основой структуры словаря, будут во многом отличаться от тех, которые определены в [Величко 2016].

2. Принцип записи конструкций. Будут разработаны единые принципы отображения слотов. При полной размытости слота (например, после анкером может следовать целое придаточное определенной семантики) необходимо будет также условиться о четкой индексации типа левого или правого контекста.

3. Разработка терминологии. Отчасти уже найдены подходящие термины для таких явлений, как заполненная конструкция («конструкт»), реплика-ответ, псевдо-ответная реплика и некоторые другие. В ходе работы появятся дополнительные понятия, которые потребуют терминологической фиксации.

4. Разработка принципов просодического описания. Вероятно, словесное описание просодии будет сопровождаться графиком частоты основного тона и звучащим вариантом реализации ФК. В то время как вербальное интонационное описание возможно ограничить самой ФК, звучащий вариант осуществим только для заполненной конструкции, то есть для конкретного примера.

5. Есть опасность, что описание значения ФК может оказаться в действительности описанием значения конкретного заполненного конструкта. Отчасти эта опасность будет сниматься, если удастся отыскать несколько различных конструктов с одной и той же ФК.

6. Единичные переводы, извлекаемые из параллельных текстовых корпусов, не могут считаться «образцовыми», надёжными средствами передачи ФК. Лишь частотные, регулярно повторяющиеся способы перевода одной и той же ФК в разных контекстах и с разным наполнением можно рассматривать как эквиваленты или, по крайней мере, как кандидаты для эквивалентного перевода на языковом уровне. Это необходимо отразить непосредственно в предисловии к словарю, чтобы изначально лишить пользователя иллюзий относительно надёжности данного источника для решений, которые ему самому, возможно,

придется принимать для иных контекстов. Однако, в отличие от словарей, построенных на корпусной основе (типа Linguae), в нашем словаре мы будем комментировать каждый перевод – в том числе, относительно его надежности для иных употреблений той же ФК.

7. Имеются случаи, когда в исходном тексте ФК нет, но она есть в переводе. Такие случаи также необходимо отражать в словаре. Вопрос, каким образом их следует фиксировать и в каком разделе словаря, требует ещё своего решения.

8. Объем словаря будет определяться многими, в том числе чисто техническими, параметрами – такими, как количество и состав участников проекта, интенсивность и продолжительность работы, количество источников и переводов к ним и некоторыми другими обстоятельствами.

Адресатами словаря будут студенты и школьники, изучающие русский язык как иностранный, преподаватели русского как иностранного, переводчики, лингвисты.

Литература

Величко А. В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев. М., 1996.

Величко А. В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке. Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование. М.: Макс Пресс, 2016.

Добровольский Д. О. Грамматика конструкций и фразеология // Вопросы языкознания. № 3. 2016. С. 7–21.

Меликян В. Ю. Синтаксический фразеологический словарь русского языка. М.: Флинта, 2013.

Шмелев Д. Н. О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке / Д.Н. Шмелев // Избранные труды по русскому языку / вступ. ст. Л. П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 413–438.

Fischer K., Stefanowitsch A. (Hg.): Konstruktionsgrammatik. Von der Anwendung zur Theorie. De Gruyter, 2008.

Ziem A., Lasch A. (Hg.). Konstruktionsgrammatik IV. Konstruktionen als soziale Konventionen und kognitive Routinen. Tübingen: Stauffenburg, 2015.

CONSTRUCTIONAL IDIOMS IN RUSSIAN AND GERMAN FROM A CONTRASTIVE POINT OF VIEW

The paper provides the impetus for exploring syntactic phraseology from a contrastive perspective regarding the language pair Russian-German.

A multi-level corpus-based description method for the determination of interlingual equivalent constructional idioms at the lexicographical level was developed using several comparison parameters.

Key words: grammatical constructions, syntactic phraseology, Construction Grammar, bilingual, contrastive point of view, lexicography

Rada, Roberta

PhD (habil.), Professor

Eötvös-Loránd-Universität, Germanistisches Institut, Budapest, Ungarn

rada.roberta@btk.elte.hu

POLYLEXIKALE CORONEOLOGISMEN IM DEUTSCHEN UND UNGARISCHEN

Im Vortrag wird die korpusbasierte Untersuchung der polylexikalen „Coroneologismen“ (teils phraseologischer Neologismen, teils okkasioneller Wortverbindungen als Phrasemkandidaten) im Deutschen und Ungarischen erzielt. Es wird auch kurz der Frage nachgegangen, was ihre Etablierung bzw. den Vollzug der Phraseologisierung bei den Phrasemkandidaten begünstigen bzw. beeinträchtigen kann.

Schlüsselwörter: Neologismus, Pseudoneologismus, Phrasemkandidat, Phraseologisierung

In Krisensituationen, die unser Alltagsleben markant beeinflussen und verändern, wie auch in der durch die Corona-Pandemie und Quarantäne geprägten, entstehen gehäuft Neologismen. Das sind aus morphologischer Sicht sowohl Einwortlexeme (meistens Wortbildungskonstruktionen) als auch Wortverbindungen. Vielfach haben wir es mit Entlehnungen aus anderen Sprachen, z.B. aus dem Englischen, zu tun.

Die Neologismen der Coronakrise werden in vielen Sprachen durch die Kontaminationsform „Coroneologismen“ bezeichnet. Neologismen gelten schon als lexikalisiert, sie werden aber von den Sprachteilhabern als neu empfunden und sind daher stilistisch markiert.

Der Vortrag wird sich auf die polylexikalen Coroneologismen konzentrieren.

In einem ersten Schritt setze ich mir die korpusbasierte Untersuchung der polylexikalen „Coroneologismen“ im Deutschen und Ungarischen

zum Ziel. Die deutschen Belege sind auf der Basis des auf der Homepage des Leibniz-Institutes für Deutsche Sprache elektronisch zugänglichen Wortmaterials „Neologismen in der Coronapandemie“ recherchiert worden. Auf ungarischer Seite stützt sich die Untersuchung auf das 2020 erschienene Printwörterbuch „Karanténszótár“ („Quarantänewörterbuch“).

Geht man von einer gängigen Neologismusdefinition [Herberg, Kinne, Steffens 2004] aus, so zeigt sich, dass sich nicht alle in den beiden Korpora erfassten Wortverbindungen automatisch als phraseologische Neologismen erweisen. Manche können lediglich als okkasionelle Wortverbindungen und damit als Phrasemkandidaten eingestuft werden. Darüber hinaus gibt es auch einige, die sich als Pseudoneologismen entpuppen.

Die gesammelten sprachlichen Einheiten des Deutschen und des Ungarischen werden parallel nach verschiedenen linguistischen Kriterien analysiert. Es wird der quantitative Anteil der Wortverbindungen im Korpus überprüft. Es wird nach der Funktion der polylexikalen Coroneologismen gefragt, und ihre Bezeichneten werden thematischen Gruppen zugeordnet. Darüber hinaus werden die dominanten Wege ihrer Entstehung beschrieben sowie die ihnen zu Grunde liegenden grammatischen Muster analysiert. Die Analyseergebnisse werden Kriterium für Kriterium interlingual verglichen, die ermittelten Unterschiede und Gemeinsamkeiten reflektiert.

Im Spiegel der Analyseergebnisse wird in einem zweiten Schritt danach gefragt, welche inner- bzw. außersprachlichen Faktoren die Etablierung der phraseologischen Neologismen im deutschen und ungarischen Wortschatz einerseits bzw. den Vollzug der Phraseologisierung bei den Phrasemkandidaten andererseits begünstigen bzw. beeinträchtigen können.

Die „Bildung von Phraseologismen ist mit der Entstehung der phraseologischen Merkmale verbunden“ [Burger, Buhofer, Sialm 1982: 315]. Meistens geht es bei der Phraseologisierung um die Frage, wie sich ein Syntagma zu einer festen Wortverbindung entwickelt. Dieser Entwicklungsprozess ist zum einen durch ein „gewisses Maß an Invarianz“ bedingt, um die mit der Wortverbindung „verbundene Bedeutung ausdrücken zu können“ [ebd.]. Zum anderen spielt die wiederholte, häufige Verwendung der Wortverbindung eine Rolle, die deren Einheit und Festigkeit stärkt. Dies wiederum wird durch verschiedene Faktoren beeinflusst. Einige können mit bestimmten,

bereits besprochenen Analysekriterien in Zusammenhang gebracht werden (z.B. Funktion, Relevanz der Referenzobjekte, grammatische Muster). Andere hängen mit den durch die soziale Isolation erzeugten spezifischen kommunikativen Bedingungen zusammen (vgl. die Rolle der Medien). Schließlich können sogar politisch-ideologische Motive regulierend auftreten (z.B. Umbenennung der Mutanten von Sars-CoV-2).

Prozesse, wie Neologisierung und Phraseologisierung vollziehen sich aber immer in Diskursen und sie werden auch hier geregelt. Daher können die Phraseologisierungsprozesse bzw. die Etablierung von neologischen Phraseologismen im Rahmen der linguistischen Untersuchung der einschlägigen Diskurse ermittelt werden. Die linguistische Diskursanalyse kann sich hierbei auf einschlägige korpuslinguistische Untersuchungen [vgl. z.B. Steyer 2004] stützen. Sie erlauben den Prozess der Verfestigung und Ausbreitung von Wortverbindungen, die man bereits als Phrasem(kandidat)e eingestuft hat, aus einer quantitativen Perspektive zu erfassen und nachzuvollziehen. Das Aufspüren der neologischen Phraseologismen bzw. der Phrasemkandidaten selbst ist jedoch nach wie vor den kompetenten Linguist*innen überlassen.

Literatur

Herberg D., Kinne M., Steffens D. Neuer Wortschatz. Neologismen der 90er Jahre im Deutschen. Unter Mitarbeit von Elke Tellenbach und Doris al-Wadi. Berlin/New York: de Gruyter, 2004 (Schriften des Instituts für Deutsche Sprache 11).

Burger H., Buhofer A., Sialm A. Handbuch der Phraseologie. Berlin/New York: de Gruyter, 1982.

Steyer K. Kookkurrenz. Korpusmethodik, linguistisches Modell, lexikografische Perspektiven. In: ders. (Hg.): Wortverbindungen – mehr oder weniger fest. Berlin/New York: de Gruyter, 2004 (Jahrbuch des IDS 2003). S. 87–116.

POLYLEXICAL CORONEOLOGISMS IN GERMAN AND HUNGARIAN

The aim of the lecture is the corpus-based investigation of the polylexical “coroneologisms” (partly phraseological neologisms, partly occasional word combinations as phrase candidates) in German and Hungarian. The question is also briefly examined what can promote or impair their establishment or the implementation of phraseologization in the phrase candidates.

Key words: neologism, pseudoneologism, phrase candidate, phraseologization

Szczęk, Joanna

PhD (habil.), Professor
Universität Wrocław, Wrocław, Polen
joanna.szczek@uwr.edu.pl

SELBSTPRÄSENTATION DER POLNISCHEN GERMANISTISCHEN WISSENSCHAFTLICHEN ZEITSCHRIFTEN IN DER DIGITALEN WELT – STRUKTURELLE UND MULTIMODALE ASPEKTE

In der Präsentation werden die Präsentationsformen der polnischen germanistischen Zeitschriften im Internet analysiert. Es geht dabei um die Makro- und Mikrostruktur der Internetauftritte mit besonderer Berücksichtigung der multimodalen Aspekte und der Möglichkeiten, die heutzutage die digitale Welt anbietet.

Schlüsselwörter: polnische wissenschaftliche Zeitschriften, Internetseiten von Zeitschriften, Selbstpräsentation, Multimodalität, digitale Präsentation

Wissenschaftliche Tätigkeit manifestiert sich in diversen Formen wissenschaftlichen Schaffens. Die offensichtlichste Form sind Publikationen, die in verschiedenen Organen erscheinen können. Ein natürliches Publikationsorgan für Forscher aus dem jeweiligen wissenschaftlichen Bereich sind wissenschaftliche Zeitschriften, in denen aktuelle Forschungsergebnisse präsentiert werden. Das ist auch die Möglichkeit, eigene Forschungsergebnisse der wissenschaftlichen Diskussion zu unterziehen, sich mit anderen Wissenschaftlern auszutauschen und überhaupt in der wissenschaftlichen Welt präsent zu sein. Die Entscheidung, seinen eigenen Beitrag in einer wissenschaftlichen Zeitschrift zu veröffentlichen ist seitens des Autors mit gewissen Pflichten gegenüber der Redaktion verbunden.

In der germanistischen Publikationslandschaft in Polen, wie in jedem anderen Land, nehmen wissenschaftliche Zeitschriften in der Welt der Wissenschaft einen wichtigen Platz ein. Jede Hochschule war und ist stets bemüht, eine wissenschaftliche Zeitschrift zu gründen und sie dann zu pflegen, um den Forschern ein Forum für die Publikation anzubieten. Manche Zeitschriften haben eine lange Tradition. Zu nennen sind in diesem Kontext u. a. „Germanica Wratislaviensia“ in Wrocław, die die älteste germanistische Zeitschrift Polens (gegründet 1957) ist, „Studia

Germanica Posnanensia“ in Poznań, „Colloquia Germanica Stetinsensia“ in Szczecin, „Studia Germanica Gedanensia“ in Gdańsk, „Folia Germanica“ in Łódź, die mit den größten germanistischen Instituten Polens verbunden waren und sind. Inzwischen hat sich die Publikationslandschaft in Polen wesentlich erweitert und man findet einerseits Zeitschriften, in denen Beiträge im Bereich einzelner Disziplinen: Literaturwissenschaft, Sprachwissenschaft, Glottodidaktik, Kulturwissenschaft veröffentlicht werden, z. B. findet man für Sprachwissenschaft u. a. folgende Zeitschriften: „Linguistische Treffen in Wrocław“, „Glottodidaktik“. Andererseits gibt es immer noch Zeitschriften interdisziplinären Charakters, wie etwa „Studia Niemcoznawcze“ in Warszawa oder „Orbis Linguarum“ in Wrocław. Es sind auch Publikationsorgane für bestimmte Subdisziplinen zu finden, wie z. B.: „Studia Translatorica“, „Text und Diskurs“ oder „Lingwistyka Stosowana“.

Die letzten Änderungen und Regelungen in Polen haben die Unterteilung der wissenschaftlichen Zeitschriften nach Disziplinen mit sich gebracht und gewisse Änderungen in der Publikationspolitik erzwungen. Hinzu kamen auch die Trends der sich entwickelnden modernen Welt, die einen großen Einfluss auf die Präsentation der Zeitschriften ausgeübt haben. Die Publikationsmöglichkeiten wurden zwar größer und die Zeitschriften immer offener, dafür aber die Annahmekriterien strenger. Die Redaktionen haben das Profil ihrer Zeitschriften bestimmen und genaue Informationen zur Begutachtungsprozedur angeben müssen. Der nächste Schritt waren die Publikationsstandards und ethische Grundsätze, die den internationalen Standards angepasst wurden, und die von jeder Redaktion eingeführt wurden. Jede Zeitschrift hat ihre eigene Internetseite gegründet und verwaltet. Diese ist seit einiger Zeit der wichtigste Ort, wo alle notwendigen Informationen über die jeweilige Zeitschrift präsentiert werden. Die Angabe von manchen Informationen ist eine Pflicht, die in entsprechenden Vorschriften geregelt wird, andere Informationen werden zusätzlich angegeben. Hinzu kommt auch die Open Access-Politik im Bereich des Zugangs zu den einzelnen Ausgaben und Beiträgen, die von vielen Redaktionen akzeptiert wurde. Darüber hinaus wurden auch die wissenschaftlichen Komitees der Zeitschriften um die Mitglieder aus dem Ausland erweitert, was zur Internationalisierung und Erhöhung der Sichtbarkeit sowie der Anerkennung von polnischen wissenschaftlichen Zeitschriften in der Welt beigetragen hat. Man bemüht sich auch

stets um die Autoren aus dem Ausland, die als „Werbebotschafter“ für die jeweilige Zeitschrift in ihren Heimatländern gelten. Manche Redaktionen germanistischer Zeitschriften haben sich auch für Beiträge in anderen Sprachen geöffnet und nehmen auch Beiträge auf Polnisch und Englisch an.

Die Makrostruktur von solchen Internetseiten ist auch unterschiedlich und vor allem wird den Bedürfnissen sowohl der Redaktion als auch der Autoren und Leser angepasst. In wie weit das aber den Redaktionen von einzelnen Zeitschriften gelingt, gilt es auch im Lichte des analysierten Materials zu überprüfen.

In der Präsentation wird im Lichte der Textlinguistik und Textsortenlinguistik auf die Selbstpräsentationen polnischer germanistischer Zeitschriften im Internet eingegangen. Sie werden als Selbstporträts betrachtet, in denen zwei Aspekte vereinigt werden: Selbst- und Fremdwahrnehmung und drei Empfängerkreise in Bezug auf ihre Funktionalitäten haben: Redakteure, Autoren und Leser (Wissenschaftler und Nicht-Wissenschaftler). Das Kriterium für das empirische Material ist die Selbstbestimmung der jeweiligen wissenschaftlichen Zeitschrift als Publikationsorgan für Germanisten. Daher werden auch die Profile der Zeitschriften analysiert. Untersucht werden Makro- und Mikrostruktur der Internetauftritte von polnischen Zeitschriften. Im Falle der Makrostruktur handelt es sich um die Grobgliederung der Internetseiten, in der sich der Inhalt manifestiert. Es werden auch Inhalte in den einzelnen Teilen der Internetseiten analysiert. Das Ziel ist dabei zu ergründen, welche inhaltlichen Elemente als obligatorisch angesehen werden können und sich zum einem Muster zusammenfügen können, und welche als fakultativ gelten und nur die Funktion haben, die Internetseite attraktiver zu machen.

Die Internetseite der wissenschaftlichen Zeitschrift wird dabei als eine komplexe Größe verstanden, die mehrere Textsorten und -varianten in sich vereinigt. Die Analyse beschränkt sich nicht nur auf linguistisch ausgerichtete Publikationsorgane. Es geht vielmehr darum, allgemeine Schlussfolgerungen in Bezug auf die wissenschaftliche Publikationslandschaft in Polen zu ziehen und gewisse Trends in der Gestaltung von Internetseiten der wissenschaftlichen Zeitschriften in Polen und im Allgemeinen zu ziehen.

Es wird auch auf die Funktionen von solchen Webseiten eingegangen, unter denen sich die persuasive Funktion am deutlichsten manifestiert. Analysiert werden sprachliche und gestaltungstypische Mittel, mit denen

versucht wird, die Aufmerksamkeit sowohl der Autoren als auch der Leser zu wecken.

Besondere Aufmerksamkeit wird auch den multimodalen Aspekten und den Möglichkeiten der digitalen Welt geschenkt, denn seit einiger Zeit profitieren die Redaktionen von Zeitschriften von solchen Möglichkeiten immer mehr, die es ihnen erlauben, die Internetseiten immer mehr benutzerfreundlich zu gestalten und immer optimaler den Bedürfnissen der Leser entgegenzukommen. Demgemäß werden auch multimodale Elemente und deren Relation zu anderen Komponenten analysiert, und das im Hinblick auf ihre Funktionen.

Zum Schluss werden Folgerungen in Bezug auf das mögliche Muster der Internetpräsenz von wissenschaftlichen Zeitschriften in Polen gezogen, was einen Beitrag zur weiteren Diskussion über die Gestaltung von Internetseiten der wissenschaftlichen Zeitschriften überhaupt leisten kann.

SELF-PRESENTATION OF POLISH GERMANIC ACADEMIC JOURNALS IN THE DIGITAL WORLD – STRUCTURAL AND MULTIMODAL ASPECTS

Scientific activity manifests itself in various forms of scientific creation. The most obvious form is publications that can appear in various organs. Scientific journals, in which current research results are presented, are a natural publication medium for researchers from the respective scientific field. Scientific journals occupy an important place in the Germanistic publication landscape in Poland. Every university was and is trying to found a scientific journal and then to maintain it in order to offer the researchers a forum for publication. The presentation deals with the self-presentations of Polish Germanic journals on the Internet in the light of text linguistics. The micro and macro structure of the websites are examined. Particular attention is paid to the multimodal aspects and the possibilities of the digital world.

Key words: Polish scientific journals, journals websites, self-presentation, multimodality, digital presentation

Яковенко Екатерина Борисовна

доктор филологических наук, доцент
Институт языкознания РАН
yakovenko@iling-ran.ru

**ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ГЕРМАНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ
И ФАКТЫ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ В КНИГЕ Э. СЕПИРА «ЯЗЫК»
(к столетию первого издания)**

В докладе, посвященном 100-летию книги Э. Сепира «Язык», рассматривается вклад американского лингвиста в общее и германское языкознание. Особое внимание уделяется проблемам, решавшимся Сепиром на материале германских языков (языковой дрейф и языковые контакты).

Ключевые слова: Сепир, теория языковой относительности, языковой дрейф, языковые изменения, языковые контакты

В 2021 г. исполняется 100 лет наиболее известному труду Эдварда Сепира «Язык. Введение в изучение речи». На современном этапе развития лингвистики само название книги представляется парадоксальным, но в то время, когда автор создавал свой труд, оно таковым не являлось: в лингвистическом мире, постепенно привыкавшем к соссюрвской оппозиции языка и речи, единый взгляд на эти сущности был вполне естественным.

В книге Э. Сепира, получившей мировое признание, поднимается ряд вопросов, которые сохраняют свою актуальность и в современном языкознании. Это, в первую очередь, связь языка и мышления, взаимодействие внутренней и внешней лингвистики, типология языков, языковые изменения, языковые контакты, – все, что подлежит активному обсуждению в лингвистической науке.

Посвятив свою книгу изложению внутренней структуры языка, Сепир уделял огромное внимание взаимодействию языка и мышления, непосредственно воспринимаемых языковых форм и глубинных, т. е. ментальных, процессов (подробнее см. [Алпатов 1999: 210–211]). При этом, последовательно опровергая теорию лингвистического детерминизма (которая ему неоднократно приписывалась и которая стала причиной яростных нападок на него), Сепир отказывался видеть прямую причинную зависимость между языком и культурой: «Nor can I

believe that culture and language are in any true sense causally related. Culture may be defined as what a society does and thinks. Language is a particular how of thought. It is difficult to see what particular causal relations may be expected to subsist between a selected inventory of experience (culture, a significant selection made by society) and the particular manner in which the society expresses all experience. The drift of culture, another way of saying history, is a complex series of changes in society's selected inventory – additions, losses, changes of emphasis and relation. The drift of language is not properly concerned with changes of content at all, merely with changes in formal expression» [Sapir 1921: 233].

Для решения поставленных в книге вопросов Сепир активно привлекал данные не только языков индейцев Северной Америки, но и ряда индоевропейских и особенно германских языков. Строго говоря, Сепир не был германистом, но его владение английским, немецким, идишем и знание закономерностей развития германских языков позволили ему выработать собственный взгляд на рассматриваемые явления. Хотя используемые Сепиром факты германского языкознания не новы, их интерпретация заслуживает внимания.

Для специалистов в области германистики наибольший интерес в книге Сепира могут представить два момента: контакты германских языков друг с другом и с негерманскими языками и теория языкового дрейфа, – которые автор рассматривал в неразрывном единстве. Под языковым дрейфом Сепир понимал внутренние языковые процессы (“Language moves down time in a current of its own making” [Ibid.: 160]). Сепир подчеркивал, что исторические изменения в языке не должны сводиться к множеству спонтанно возникающих индивидуальных, т. е. случайных, вариаций: «The linguistic drift has direction. In other words, only those individual variations embody it or carry it which move in a certain direction, just as only certain wave movements in the bay outline the tide. The drift of a language is constituted by the unconscious selection on the part of its speakers of those individual variations that are cumulative in some special direction. This direction may be inferred, in the main, from the past history of the language. In the long run any new feature of the drift becomes part and parcel of the common, accepted speech, but for a long time it may exist as a mere tendency in the speech of a few» [Ibid.: 165–166]. По мнению Сепира, дрейф языка может сопровождаться языковыми контактами, но они

сводятся к лексическим заимствованиям и не оказывают существенного воздействия на строй языка.

Использование понятия языкового дрейфа позволило Сепиру рассмотреть эволюцию английского языка (по крайней мере его фонетической и грамматической систем) как автономный процесс, не подверженный воздействию извне: «On the whole, therefore, we shall ascribe the major concordances and divergences in linguistic form – phonetic pattern and morphology – to the autonomous drift of language. <...> Language is probably the most self-contained, the most massively resistant of all social phenomena» [Ibid.: 220]. В истории английского языка ученый видел уникальное сочетание внешних факторов, обусловивших кардинальную смену его лексического состава, и внутренних, позволивших английскому сохранить свои свойства германского языка: «English... was flooded with French loan-words during the later Middle Ages, at a time when its drift toward the analytic type was especially strong. It was therefore changing rapidly both within and on the surface. The wonder, then, is not that it took on a number of external morphological features, mere accretions on its concrete inventory, but that, exposed as it was to remolding influences, it remained so true to its own type and historic drift» [Ibid.: 217].

Теория языкового дрейфа была применена Сепиром главным образом на материале английского языка. Не опровергаемая и не поддерживаемая последующими поколениями исследователей, она вместе с тем хорошо вписалась в более поздние теории языковых изменений.

Помимо этих проблем, для германского языкознания представляет интерес интерпретация Сепиром первого передвижения согласных, происхождения общегерманской лексики, параллельное развитие верхненемецкого и нижненемецкого, судьба палатального умлаута как формообразовательного средства в германских языках, эволюция английских вопросительных и относительных местоимений и наречий и др. Рассматривая узкоспециальные вопросы или же выходя за рамки своей отрасли и проводя междисциплинарные исследования, германисты могут обращаться к книге «Язык» и другим трудам Сепира, находя в них смелый, свободный, не сдерживаемый какими-либо оговорками и условностями взгляд на проблемы, и по сей день требующие ответа. Здесь нельзя не согласиться с высказыванием А. Е. Кибрика: «Сепир приходит к нам не столько из прошлого, сколько из будущего,

и его общечеловеческий взгляд на язык – это намек на то, к какому рубежу лингвистике еще предстоит подойти» [Кибрик 1993: 22].

Литература

Алпатов В. М. История лингвистических учений. Учебное пособие. М.: Языки русской культуры, 1999.

Кибрик А. Е. Э. Сепир и современное языкознание // Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. С. 5–22.

Sapir E. Language, an introduction to the study of speech. New York: Harcourt, Brace and Company, 1921.

ISSUES OF GENERAL LINGUISTICS AND GERMANIC STUDIES IN EDWARD SAPIR'S WORK «LANGUAGE» (the 100th anniversary of the first edition)

The paper dedicated to the 100th anniversary of Edward Sapir's work «Language» reconsiders the scholar's contribution to General Linguistics and Germanic Studies and focuses the issues viewed by the scholar based on Germanic languages (mainly drift of the language and language contacts).

Key words: Sapir, theory of linguistic relativity, drift of the language, language change, language contacts

СЕКЦИЯ I. ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Асташкина Надежда Николаевна

аспирант

Московский государственный лингвистический университет

astashkina_nn@mail.ru

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ЗАГОЛОВКАХ (на примере публицистических статей)

Цель данной публикации – проанализировать когнитивно-прагматические аспекты использования фразеологизмов в заголовках публицистических статей. В рамках исследования демонстрируется, как идиомы расширяют семантическое пространство заголовка.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, фразеологизм, дискурс, смысловое пространство

Поскольку публицистический стиль довольно жестко определяет языковые средства в арсенале автора, использование фразеологизмов всегда является прагматически обоснованным шагом [Talbot 2007]. В условиях высоко-конкурентной среды среди публицистических изданий заголовки становятся ключевым способом привлечения внимания читателя.

Данное исследование показывает, что авторы прибегают к использованию идиом в заголовках с целью расширения смыслового пространства заголовка, что служит цели продвижения статьи на пути к читателю.

В связи с эмоциональной окрашенностью и потенциальной оценочностью идиом, фразеологизмы качественно выделяются в ряду прочих лексических средств [Телия 1986; Рыжкина 2017]. Использование

фразеологизмов существенно сокращает дистанцию между автором и читателем и становится своего рода приглашением к диалогу. Как известно, эмоциональный отклик – важная составляющая взаимодействия между читателем и автором, – то, к чему всегда стремится последний. И идиомы, таким образом, выступают действенным инструментом, приближающим автора к этой цели.

Необходимо отметить критическую важность заголовка в публицистическом дискурсе. Заголовок выполняет одновременно информативную и рекламную функцию. Фактически от него зависит, прочтут ли статью читатель. При этом заголовок в публицистической статье должен отвечать требованиям лаконичности, что существенно осложняет задачу автора [Talbot 2007]. В связи с этим использование идиом выглядит совершенно оправданным шагом в борьбе за читателя, что доказывают, например, следующие публикации британской газеты **THE DAILY TELEGRAPH** и американского журнала **THE NEW YORKER**.

Первый пример – статья, озаглавленная «Some free PR advice for Harry: put a sock in it» (автор – Celia Walden) от 17.05.2021 в газете **THE DAILY TELEGRAPH**. Статья вышла как реакция на неоднозначные интервью принца Гарри с разоблачениями королевской семьи и британского высшего общества. Заголовок статьи отражает отношение значительной части британского общества к этим интервью, так как многие были возмущены поведением принца.

В данном случае именно крайне неформальная идиома *to put a sock in it*, означающая «закрывать рот, замолчать (букв.: «заткнуть рот кляпом»)» [Macmillan Dictionary 2006], демонстрирует читателю эмоциональный накал текста. Кроме того, экстралингвистический контекст данного фразеологизма создает образ принца: человека, не способного остановить собственные словесные излияния. И здесь читателю также открывается определенное пространство вариантов для домыслов: либо принц инфантилен, либо психически не совсем здоров, так как именно такие люди обычно не способны контролировать свою речь.

Подобный широкий экстралингвистический контекст был бы невозможен в рамках краткого заголовка без идиомы *to put a sock in it*. Столь яркий эмоциональный выпад в сторону принца с высокой степенью вероятности не пройдет незамеченным и обязательно будет «выхвачен» взглядом читателя, т. е. прагматическая составляющая идиомы также реализована.

Следующий пример – статья «Wendy Williams dishes the dirt» (автор – Michael Schulman), опубликованная в **THE NEW YORKER MAGAZINE** 17.05.2021.

Резко обличительная идиома *to dish the dirt* – «распускать сплетни, обливать грязью» [Macmillan Dictionary 2006] – весьма недвусмысленно характеризует героиню статьи Wendy Williams, ведущую американского ток-шоу. В отличие от нейтральных слов *gossip* или *rumour* использованный фразеологизм не предполагает альтернативных трактовок и сразу же обозначает позицию автора.

Таким образом, заголовок сразу же задает тон, и, кроме того, провоцирует эмоциональный отклик: если читатель знаком с героиней статьи, он займет позицию либо поддержки автора, либо активной защиты героини – и в том, и в другом случае высока вероятность отклика, не только эмоционального, но и фактического в виде комментариев. Даже в случае, если читатель не знаком с героиней статьи, эмоциональный посыл идиомы, скорее всего, заставит его заинтересоваться статьей, а значит, цель автора будет достигнута.

Обе рассмотренные публикации показывают, как значительно с помощью использования идиом в заголовках расширяется смысловое пространство заголовка, кроме того, в обоих случаях наблюдается апелляция к экстралингвистической информации, заключенной в идиомах, за счет чего достигается обогащение семантики заголовка.

Безусловное преимущество фразеологизмов в данных примерах заключается в простоте и лаконичности высказывания, что необычайно важно для формата заголовка. Таким образом, можно утверждать, что с помощью фразеологизмов автор решает ряд прагматических задач: привлекает внимание читателя, информирует его о содержании статьи и добивается от него эмоционального отклика, поскольку за лингвистическим образом идиомы стоит широкий экстралингвистический смысл.

Учитывая все вышесказанное, можно утверждать, что фразеологизмы – крайне действенный инструмент, выделяющийся среди остальных лексических средств своими лингвистическими и прагматическими особенностями.

Изученные примеры подтверждают эффективность использования фразеологизмов именно в заголовках, поскольку для автора важно, чтобы заголовок публицистической статьи решал одновременно несколько важных задач (информирование, привлечение внимания, формирование эмоционального отклика) и при этом был кратким.

Заголовки в рассмотренных публикациях полностью соответствуют прагматическим целям авторов, и главным способом достижения этих целей выступают идиомы *to put a sock in it* и *to dish the dirt*.

Именно вышеуказанные идиомы значительно расширяют смысловое пространство заголовков за счет экстралингвистической информации, зашифрованной в них, и, таким образом, способствуют решению прагматических задач авторов.

И, наконец, можно утверждать, что ввиду ключевой значимости заголовка для политического дискурса, авторы осознанно обратились к использованию идиом в заголовках своих статей, намеренно используя их экстралингвистический потенциал в своих целях.

Литература

Рыжкина Е. В. Коммуникативная значимость фразеологизма в когнитивно-дискурсивной перспективе // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIX: Когниция и коммуникация в лингвистических исследованиях. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017. С. 162–170.

Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.

Talbot M. Media discourse. Representation and interaction. Edinburgh University Press, 2007.

Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition. Macmillan Publishers Ltd, 2006.

Some free PR advice for Harry: put a sock in it. Daily Telegraph. May 17th, 2021. URL: <https://www.telegraph.co.uk/columnists/2021/05/17/free-pr-advice-harry-put-sock/>

Wendy Williams dishes the dirt. The New Yorker Magazine. May 17th, 2021. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2021/05/24/wendy-williams-dishes-the-dirt>

COGNITIVE AND PRAGMATIC ASPECTS OF IDIOMS USAGE IN HEADLINES OF ENGLISH MEDIA ARTICLES

The research aims to investigate cognitive and pragmatic aspects of idioms usage in headlines of English media articles. The research shows that idioms widen the conceptual space of a headline. Online media articles of The Daily Telegraph and The New Yorker were used for the research.

Key words: cognitive linguistics, an idiom, discourse, conceptual space

Avakova Yulia Mikhailovna

Senior lecturer

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)

mp-july@yandex.ru

**ACCESSIBLE WRITING AND PLAIN LEGAL DANISH:
MAJOR GUIDELINES AND GOALS**

The paper is aimed at describing two key instruments within Danish language policy aimed at establishing closer contact between state and public institutions and different groups of Danish speakers including those with special needs and those with no prior or professional knowledge of bureaucratic terms.

Key words: DR Ligetil, let dansk, accessible writing in Danish, plain Danish, plain legal Danish

The goal of the study is to describe two instruments within Danish language policy aimed at establishing closer contact between state and public institutions and a whole variety of Danish speakers. One of these specially devised linguistic tools is ‘the accessible Danish’ used primarily in a separate section of the website of the Danish Broadcasting Corporation (DR) called Ligetil. The regularly updated materials encompassed by the project are addressed to several groups of users. Some of these materials forgo format changes with no or limited alterations to the content: the deaf and hard of hearing who use Danish Sign Language have the opportunity to watch news in dansk tegnsprog (whereas subtitles are available in almost every TV programme), people with dyslexia and visual impairments can use the read out loud option. Those with learning disabilities and other special needs can use simplified and easily accessible versions of the most important news articles. This feature is sometimes also used by people with insufficient knowledge of Danish, living in Denmark (i.e. refugees, immigrants and exchange students) and elsewhere (learners of Danish worldwide), who wish to attain better knowledge of the language in question. The second element, much more complex in its nature, reflects efforts undertaken together by government institutions and business community. In a broader sense, it also includes guidelines developed by language authorities, relevant government bodies and courts that

ensure transparency and eliminate ambiguities in decisions and court rulings. These activities also include leaflets and brochures that provide a deeper understanding of complex documents that deal with human rights and freedoms.

The necessity to create a certain media source that would cover major news headlines in a transparent and easily accessible manner was perceived already in 2003 with the emergence of an in-depth analysis made by the Danish ministry of culture that outlined a number of best practices introduced in fellow Nordic countries that were proven efficient in several EU member states. Among other things the report explicitly states that Danish-language media can be strengthened in two ways: through versatile and linguistically appropriate delivery of information as well as by strengthening of the population's reading skills¹. Later in 2008 it was supplied by a more linguistically oriented report with a focus on language politics, Danish language within a larger perspective, its interrelations with other Nordic languages, main threats and challenges that could endanger the continuous use of Danish in all important domains².

It led to the creation of a special web portal *www.ligetil.nu* that was hosted by Ritzau news agency. Its official aim was to provide young people and adults that encounter reading problems with access to an online newspaper featuring well-written and easily understandable materials with a read out loud option. The media had to be accessible on free of charge basis and was supposed to cover the news of the day, including pictures and word explanations³. The initiative was subsequently expanded and the innovative content was moved to DR's website, where it got a subsection of its own⁴ and continues to thrive to the present day and now includes several other formats including Danish Sign Language, newsletters, news and pictures, longer illustrated texts with crossheadings and distinctive quotations.

¹https://kum.dk/fileadmin/_kum/5_Publikationer/2003/Sprog_paa_spil.pdf (last access: 10.06.2021)

²https://kum.dk/fileadmin/_kum/5_Publikationer/2008/sprog_til_tiden_netpub.pdf (last access: 10.06.2021)

³<https://via.ritzau.dk/pressemeddelelse/ligetilnu?publisherId=90408&releaseId=117916> (last access: 10.06.2021)

⁴<https://www.dr.dk/ligetil> (last access: 10.06.2021)

Danish Parliament (Folketinget) came up with a set of guidelines that were supposed to facilitate correspondence and ongoing dialogue with different actors of the civil society¹. The document states that the sender is fully responsible for the intelligibility of the information it provides. As a rule the information shouldn't be easily accessible to everyone, but it must be understood by the recipient and those who will eventually use it. If one writes to lawyers, one can assume that the recipient is familiar with legal terminology; in other instances one must explain the meaning of a certain turn of phrase [Ibid.]. Apart from knowing the focus group and the issues that might arise, one should be able to present a well-structured text on all occasions. Some of the more specific recommendations include: 1) avoidance of second person plural (De) in favour of more informal second person singular (du); 2) avoidance of passive voice when an active construction in present tense can be used; 3) avoidance of old-fashioned bureaucratic constructions; 4) avoidance of passive voice when it is impossible to understand who exactly is supposed to play an active part and who is on the receiving end of the said requirements; 5) avoidance of long formal turns of phrase expressing requests; 6) avoidance of professional terms unless they are deemed necessary; 7) avoidance of misprints and ambiguities. The guidelines also provide further advice for specific documents, commonly issued by Folketinget.

Folketinget, in its turn, has also put much effort into providing easy access to general understanding of the core principles of the Danish constitution (Grundloven) that consists of the highly formal original text dating back to 1849 with subsequent amendments made in 1953. The first attempt to facilitate general comprehension constituted in rewriting of the most obscure passages in accordance with modern Danish in what was called 'easy Danish' (let dansk)². More pressing current needs to propagate human rights and ensure their unanimous recognition by all members of the rapidly changing Danish society has led to the expansion of the original publication, that now includes the original text in its entirety accompanied by thorough commentaries, small films regarding the division of powers, detailed description of human rights and democratic values, the legal status of the royal family, the general

¹ <https://www.folketingstidende.dk/-/media/sites/folketingstidende/pdf/skriv-godt.ashx> (last access: 10.06.2021)

² https://mbarral.webs.ull.es/dk-grundloven_letdansk.pdf (last access: 10.06.2021)

election, the government, the work of parliament, the judicial system etc¹. The short version of these materials can be also found in English².

A special attention is paid to the language of court decisions. The guidelines regarding language policy in court were issued in 2003 and were later revised in 2014³. They feature approved definitions of the most common terms, abbreviations and Latin expressions, give an overview of the rules regarding the use of comma and feature a list of references on the aforementioned issues.

Basova Tatiana Aleksandrovna

PhD Student

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs

tanyatako@gmail.com

THE SYMBOLISM OF THE COMPONENT 'BONE / BONES' IN ENGLISH PHRASEOLOGY

The article investigates the symbolism and the cultural semantics of the somatic component 'bone / bones' in English nominative phraseological units. The analysis reveals a number of concepts represented by the symbolism of the chosen component, and its linguocultural subtext is explained.

Key words: phraseology, somatic units, cultural semantics, linguoculturology, symbol

It is well known that there is a correlation between language and culture. Language influences the way people think and percept the world; cultural patterns, woven into it, are naturally assimilated by its speakers. Phraseology is a mirror that reflects cultural information (archetypical, mythological, emotional, ethical, philosophical, etc.) in a fixed, frozen form; idioms and proverbs let us trace culture-specific ways of thinking and the deep layers of cultural memory via investigating the original metaphor or image on which a phraseological unit is based: „It is the

¹ <https://www.ft.dk/da/dokumenter/bestil-publikationer/publikationer/ningrundlov/min-grundlov> (last access: 10.06.2021)

² <https://www.thedanishparliament.dk/en/democracy/the-constitutional-act-of-denmark> (last access: 10.06.2021)

³ <https://domstol.dk/media/qxsjet2k/sprogpolitik-for-danmarks-domstole.pdf> (last access: 10.06.2021)

conceptual stratum of phraseological meanings that provides the retention, accumulation and transmission of cultural information through time and generations in phraseologisms and makes them operative cognitive mechanisms of cultural memory” [Zykova 2016: 438].

Phraseological units with body-part components are quite frequent in most languages. The somatic cultural code is the primary code for any culture [Ковшова 2012: 182], since exploring the body, the world through the body, and the body through the world is a basic process of human perception, which creates ‘a hermeneutic circle’ of exploration [Красных 2001: 6]. This results in the fact that in many cultures, certain characteristics are attributed to body parts and inner organs; they acquire rich symbolism. These characteristics are also called ‘naïve anatomy’, or cultural beliefs about the way the body and the organs work. The human body is not just a biological formation, but a whole mosaic of cultural symbols hidden in the conceptual layer of language, and by analysing somatic phraseology it is possible to unlock these symbols and analyse national worldview.

Somatic phraseological units describe all facets of human life and activity – be it the phenomena of the world or individual feelings and attitude, actions or personal traits and behaviour. Somatic components in such units serve as symbols that convey certain concepts, ideas and cultural values.

This article aims to describe the symbolism of the component ‘bone / bones’ in the somatic phraseological units of the English language.

From ancient times bones were considered sacred and were used as amulets and as a tool in rituals throughout the world. By inspecting them, people predicted the future and understood the will of gods and spirits. Their permanence and hardness gave rise to the idea that some part of an individual was still resident in his or her bones even after death; being the seat of the soul, bones must not be disturbed. Sometimes bones were worshipped; in the Old Testament the dry bones of Elisha still kept his individuality and could work miracles; nowadays the belief in the efficacy of saints’ bones still persists. In some cases, however, bones had to be destroyed to ‘erase’ someone’s existence completely. The English word bonfire originates from ‘bone’ + ‘fire’, indicating a fire in which bones ‘represented the animal or man burned in the ancient sacrifice’ [Brinton 1890: 18]. Bones were even used in medieval medicine, and there were many superstitions centring around them.

The analysis lets us categorize the symbols into the following groups:

Bones are archetypally connected with life and death, and their visibility symbolizes hunger or bad health, closeness to death: (all) skin and bones, a bag of bones, while invisibility is connected with good health: meat on one's bones 'fat', put (some) meat on (one's) bones 'to gain weight'.

Bones symbolize an obstacle. Idioms in this group originate from the culture of eating. The expression to make no bones about something 'to be transparent about something, to have no objection' refers to finding bones in one's food and being dissatisfied with it, while no bones means that the food is good and the person would gladly eat it. Bone in the throat literally describes a bone stuck in the throat while metaphorically it's a source of frustration. Meat and bones are also opposed in the idiom to chew the meat and spit out the bones 'to separate valuable information from that which is invalid', in which 'bones' also carry a negative connotation.

Bones symbolize the and most elementary parts of a thing (bare bones 'the basic parts', close to the bone 'close to the truth'), the deepest layer of the body (chilled to the bone 'very cold', work / wear (one's) fingers to the bone 'to work excessively hard', laid / silked to the bone 'naked') and the soul (feel / know something in one's bones 'to sense intuitively', to have a ... bone in one's body 'to have a ... trait of character', bred in the bone 'deeply rooted, as if inherited genetically' (of a trait or behaviour), to cut to the bone 'to wound emotionally', a funny bone 'sense of humour'). It can be said that bones thus symbolize completeness: to the bone 'completely', bone idle 'extremely lazy', bone dry 'completely dry'.

Due to their quality of hardness, bones symbolize hard body parts: prayer bones 'knees', crazy bone 'a point on the elbow that causes a peculiar and painful tingling sensation when struck'.

Lots of idioms spring from the behaviour of dogs with bones: be like a dog with a bone 'to be fixated on a particular topic', to throw toss (one) a bone 'to appease', which refers to giving a dog a bone or scrap from a bigger portion of food, a bone to pick 'an issue to discuss', and here the bone symbolizes 'a crucial matter', as no dog is indifferent to bones.

In some idioms the component bones is literal both on the deep stratum and the surface stratum: bone orchard, bone factory 'cemetery, the place where bones are buried'.

In English phraseology, the component 'bone / bones' encodes such concepts as: death, sickness, hunger, obstacle, crucial matter, hardness, completeness. It is not the primary element of the English cultural somatic code, being less productive than 'face', 'hand' or 'heart', but it reveals an intriguing system of associations and symbols that shape stereotypes, mentality and traditions, which requires further research.

References

Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. С. 5–19.

Zykova I. V. Phraseological Meaning as a Mechanism of Cultural Memory // Research on Phraseology Across Continents, Vol. 2. Białystok: University of Białystok Publishing House, 2013. P. 422–441.

Brinton D. G. Folk-Lore of the Bones // The Journal of American Folklore, vol. 3, no. 8, 1890. P. 17–22. URL: www.jstor.org/stable/533022 (last access: 20.06. 2021).

Заблоцки Элеонора Юрьевна

преподаватель

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

eleonora.zablotski@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ КОРОНА-ВИРУСА НА ПОЯВЛЕНИЕ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье освещается проблема влияния пандемии корона-вируса на появление неологизмов в современном немецком языке. Язык – живой организм, который развивается, растет, увеличивается в размерах и набирает вес посредством образования новых слов, отражающих реальность повседневной жизни людей.

Ключевые слова: неологизмы, корона-вирус, современный немецкий язык, повседневная жизнь

Язык – живой организм, который развивается, растет, увеличивается в размерах и набирает вес посредством образования новых слов, отражающих реальность повседневной жизни людей. Жизнь человека становится все интенсивнее и влияние человека на природу усиливается изо дня в день. Как следствие, жизнь становится комфортнее, но при этом сложнее, так как природа реагирует на вмешательство человека. Мы получаем новые вирусы и природные катастрофы.

Пандемия явилась сильнейшим потрясением для мировой общечеловеческой ответственности. Человечество создало множество новых слов для выражения своего потрясения. Тот факт, что люди называют явления и предметы, пришедшие в их жизнь вместе с пандемией, что люди могут общаться на эти темы друг с другом является хорошим сигналом. Это говорит о том, что посредством обсуждения можно находить решения для выхода из кризиса. «Проговорив» проблему легче ее решить. То, чему мы не можем дать определение, вызывает у нас страх и неуверенность.

Общению людей на тему новой пандемии помогают не только беседы «лицом к лицу», но в большинстве случаев коммуникация посредством социальных сетей. Это общение сформировалось в первую очередь под влиянием карантинных мер: закрытие мест общественного питания, концертных залов, театров, парков, переход на работу в дистанционном режиме, невозможность путешествовать и необходимость проводить отпуск на дачном участке, сократив общение с соседями.

Пандемия расколола общество на тех, кто серьезно относится к мерам защиты, и на так называемых «коронавирусных диссидентов», тех, кто отказывается принимать всерьез опасность нового вируса. Язык сразу же откликнулся на эту реальность новыми словами. «Коронавирусные диссиденты» либо не носят защитную маску, либо носят ее лишь частично прикрывая лицо. Они не желают подчиняться правилам и считают эти правила диктатурой, а также не хотят делать прививку, считая ее принуждением, а не необходимой защитой. Эти люди считают, что меры, направленные на борьбу с пандемией слишком жесткие, а опасность пандемии преувеличена. Таким образом появились слова:

der Maskentrottel – человек, который носит маску и оставляет нос открытым

die Coronadiktatur – диктатура Covid-19

der Impfzwang – принудительная вакцинация

die Corona-Hysterie – истерика по поводу пандемии [Leibniz-Institut für Deutsche Sprache (IDS) 2020: 1].

Карантинные меры являются действительно огромным стрессом для людей, несмотря на их необходимость. Постоянный страх заражения и различные бытовые ограничения приводят к нервному истощению, развитию заболеваний, психологической подавленности людей. Многие люди перестали следить за своей внешностью, так как им нет необходимости идти в офис, а маска закрывает большую часть лица, поэтому для многих женщин необходимость в макияже отпала сама собой. Люди перестали посещать фитнес-клубы, соблюдать правильный режим питания так же стало непросто, т.к. дистанционная работа растянулась во времени и нарушила регламент рабочего дня, который был привычен до пандемии. Дружеские рукопожатия и поцелуи стали опасными из-за возможности заражения. Дружеское общение так же перешло в дистанционный формат. Таким образом появились слова:

die Coronafrisur – карантинная прическа

das Abstandsbier – пиво на дистанции

der Balkonsänger – певец на балконе

das Todesküsschen – дружеский поцелуй в щеку, который воспринимается как поцелуй смерти

die Alltagsmaske – маска для ежедневного ношения [Leibniz-Institut für Deutsche Sprache (IDS) 2020: 1].

Надо отдать должное врачам и ученым, который направили все свои знания и силы на поиск вакцины. Вакцина в любое время является единственной реальной защитой от вирусов. Весь мир следил за научными разработками лабораторий разных стран и, наконец, вакцины были найдены. Для производства вакцин требуются мощности и время. В некоторых странах до сих пор наблюдается дефицит вакцин. Те, кто вакцину получил имеет больший шанс сохранить свою жизнь и пережить пандемию. Таким образом появилось слово:

der Impfneid – зависть к тем, кто прошел вакцинацию.

Согласно словарю-справочнику лингвистических терминов язык – это система фонетических, лексических и грамматических средств, являющаяся орудием выражения мыслей, чувств, волеизъявлений и служащая важнейшим средством общения людей. Будучи неразрывно

связан в своем возникновении и развитии с данным человеческим коллективом, язык представляет собой явление социальное. Язык образует органическое единство с мышлением, так как одно без другого не существует [Розенталь, Теленкова 1976: 2].

Ситуация с пандемией подтверждает это определение. Человечество активно создает слова, чтобы выразить свои мысли, чувства и волеизъявление в сложной эпидемической обстановке. В свою очередь исследователи языка активно реагируют на все лексические новообразования. Институт немецкого языка имени Лейбница в Мангейме опубликовал за период пандемии множество научных статей и интервью на тему неологизмов в современном немецком языке. Эта тема оказалась очень актуальна и вызывает живой интерес как у ученых, так и у обычных граждан. Всех интересует вопрос, как пандемия коронавируса влияет на современный немецкий язык, какие слова играют особенную роль, как можно методически систематизировать эти изменения в языке и каковы современные тенденции этих процессов. В словаре неологизмов уже задокументированы возникшие слова и в этот процесс огромный вклад приносят средства массовой информации. Вот так, например, звучат заголовки газет, журналов и телепередач:

«Ein Weg aus der Coronakrise: Das Impfen»

(Путь из корона-кризиса: прививка)

«Virusmutationen: Von Mutanten und Mutationen»

(Мутации вируса: от мутантов к мутациям)

«Warum eine Maske für Mund und Nase Mund-Nasen-Maske heißt»

(Почему маска для рта и носа называется рото-носовой маской)

«Arbeiten und Lernen in Coronazeiten: Homeoffice und Homeschooling»

(Работать и учиться во времена пандемии: домашний офис и домашнее образование)

«Corona- und andere Partys»

(Корона- и другие вечеринки)

«Maske oder Mundschutz?»

(Маска или защита рта?)

«Kommunikation in der Coronakrise»

(Коммуникация в период корона-кризиса)

[Leibniz-Institut für Deutsche Sprache (IDS) 2020: 1]

Обычно в немецком языке ежегодно появляется около 200 новых слов, но пандемия простимулировала процесс словообразования и обогатила современный немецкий язык на более чем полторы тысячи слов. И судя по всему процесс этот будет продолжаться до тех пор, пока человечество не вернется к привычному образу жизни. Особенность корона – кризиса проявляется в изменении нашего общения. Социальная дистанция похожа на попытку, при которой человек, это «социальное существо», принуждается к поведению, которое ему чуждо. Это не только большая дистанция в разговоре, но и меньший зрительный контакт, менее доступные мимика и жесты, так необходимые для придания беседе экспрессивности. Люди чувствуют себя как птицы в клетке.

Параллельно с физической дистанцией развивается цифровая близость людей. Многие впервые переживают общение по видеосвязи посредством видеоконференции. Миллионы людей склоняются над персональными компьютерами и показывают свое лицо в большом формате на дисплее. Взгляды направлены в камеру, вместо глаз собеседника мы видим черный глаз бездушного прибора. Беседа теряет динамику, а важные жесты не всегда улавливаются собеседником.

Пандемия корона-вируса оказала влияние и на тематику общественной коммуникации. На первое место вышла тема пандемии, информация о беженцах в Греции, война в Сирии, выборы в парламент и другие темы ушли на задний план. При этом отмечается особая метафоричность речи: меры против вируса называются «войной», которую мы должны вести, за «затишьем перед грозой» следует «борьба» и затем «победа». Вполне возможно, что вирус вынудит население планеты вести «партизанскую войну», постепенно возвращая захваченную вирусом территорию.

Корона-вирус является не только эпидемиологическим вызовом обществу, но также психологическим, экономическим и политическим. Совершенно очевидно, что он влияет на нашу коммуникацию, и чем больше проходит времени, тем более обыденным становятся это явление. В жизнь жителей Германии теперь прочно вошли такие слова:

overzoomed («передозировка Zoom»), обусловленная чрезмерным общением в популярной видеоконференции Zoom, что приводит в конечном итоге к стрессу;

der Pandemiezirkus («пандемический цирк») – цирком называется жизнь на карантине, наполненная стрессом, раздражителями, неприятными ситуациями;

der Balkonsänger («балконный исполнитель») – поющий на балконе человек, чьи песни предназначены зрителям из числа соседей или прохожих;

der Zellstoffhamster («целлюлозный хомяк») – человек, запасвающийся большим количеством туалетной бумаги, закупая ее впрок [Leibniz-Institut für Deutsche Sprache (IDS) 2020: 1].

Любое общественное потрясение оставляет лексические «следы» в современном языке. Немецкие лингвисты сходятся во мнении, что ни одна тема не вторгалась в лексикон так активно, как тема корона-вирусной инфекции. Само название этого масштабного явления стало одним из первых новообразований в немецком языке, появившихся вместе с COVID-19. Это явление было названо «корона-кризис» («Corona-Krise»). Так или иначе, но со временем неологизмы становятся общеупотребимой лексикой и в итоге заканчивают свой век архаизмами. Язык является живым организмом, в котором рождаются, живут и отмирают клетки. Хочется надеяться, что впереди человечество ждут лучшие времена и поводом для образования неологизмов будут развитие и прогресс, а не техногенные катастрофы и пандемии.

Литература

Leibniz-Institut für Deutsche Sprache (IDS) URL: www.ids-mannheim.de (дата обращения: 15.06.2021).

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителей. Изд. 2-е испр. и доп. М.: Просвещение, 1976.

THE IMPACT OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC ON THE APPEARANCE OF NEOLOGISMS IN MODERN GERMAN

This article highlights the problem of the impact of the corona virus pandemic on the appearance of neologisms in modern German. A language is a living organism that develops, grows, increases in size and gains weight through the formation of new words that reflect the reality of people's everyday life.

Key words: neologisms, corona virus, modern German, everyday life

Захарова Мария Юрьевна

кандидат филологических наук

Московский государственный областной университет

delehrerin@mail.ru

**КОНЦЕПТ «БОЛЬ» В НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ
(на материале немецких паремий)**

Настоящая работа посвящена особенностям реализации концепта «боль» в немецкоязычных паремиях. Лексико-грамматический и семантический разбор материала исследования позволили продемонстрировать важность национально-культурного компонента при описании базовых концептов немецкой языковой картины мира.

Ключевые слова: немецкая лингвокультура, концепт БОЛЬ, паремии, национально-культурная коннотация

Паремии – объект изучения различных областей науки о языке, так как данные фразеологические единицы имеют неоднозначную природу. Паремия (*греч.* παροιμία, *лат.* proverbium, parabola) означает поговорку, пословицу или притчу и является знаком языка и необходимым элементом в общении. Изучением паремиологических единиц с давних времен занимались такие ученые, как Д. Э. Роттердамский, В. фон Гумбольдт, В. И. Даль, А. А. Потебня, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. Л. Челаковский, В. В. Виноградов, С. Д. Мастепанов, Г. Л. Пермяков, Н. Ф. Алефиренко. Как утверждала В. Н. Телия, «паремии» как множества и родовые понятия, касающиеся «поговорок» и «пословиц», выступают в качестве инвариантных понятий [Телия 1996: 98]. Данные два термина рассматриваются с позиции семантики и семиотики как сентенции, которые являются некой оценкой бытового и культурного мировоззрения, свод морально-нравственных и этических норм. Термин «пословица» стоит воспринимать как дискурсивное и закономерное изречение метафорического характера, имеющее дидактическое назначение, рифму, ритм и фонетическую структуру. А «поговорка» часто рассматривается как фразеологизм в ограниченном смысле слова.

История возникновения поговорок и пословиц крайне интересна, так как инкорпорирует язык народа с традициями, обычаями, мудростью, многовековым жизненным опытом, образом жизни и менталитетом страны, то есть с её культурой. Любое историческое событие

оставляет отпечаток в языковой картине мира какого-либо языка. Кроме того, исторические эпохи государств вносят во фразеологическую и паремиологическую системы языка поговорки и пословицы, которые являются лингвистическими памятниками.

Немецкие паремиологические единицы уходят корнями в глубокую древность, являясь общественным сознанием для жителей Германии, Австрии, Бельгии, Швейцарии, Люксембурга. Однако на данный язык многократно повлияли латинский, английский и французский языки, поэтому в немецкой фразеологии существенный процент составляют заимствования и библейские афоризмы.

Необходимо отметить вклад национальных писателей в паремиологическую структуру немецкого языка: «In der Jugend lernt, im Alter versteht man» – Marie Freifrau Ebner von Eschenbach, die mährisch-österreichische Schriftstellerin («В юности учатся, а в старости осознают» – Баронесса Мария фон Эбнер-Эшенбах, австрийская писательница чешского происхождения), «Die Freunde nennen sich aufrichtig. Die Feinde sind es» – Arthur Schopenhauer, der deutscher Philosoph («Называют друзьями, а являются врагами» – Артур Шопенгауэр, немецкий философ), «Je weniger Wort, je besser Gebet» – Martin Luther, der deutscher römisch-katholischer Theologe und Kirchenpolitiker («Чем меньше слов, тем лучше молитвослов» – Мартин Лютер, римско-католический богослов и церковный деятель) [Цвиллинг 1984].

С точки зрения лексического состава паремий немецкоязычных народов важно подчеркнуть общеупотребительный характер паремиологической лексики, которая является нейтральной, простой для понимания любого человека, естественной, чёткой, без эмоционально-экспрессивной окраски. Семантически данные фразеологические единицы метафоричны и многозначны, при этом характеризуются наличием национально-культурной коннотации.

Что касается образных средств выразительности, то немецкие паремии включают в себя такие, как повторы, сравнения, олицетворения, эпитеты.

Синтаксическая структура немецкоязычных паремий заключается в абсолютном преобладании повествовательных конструкций, а также сравнительных с союзом *als* и сложноподчинённых предложений с относительными придаточными *Relativsätze*. Можно заметить частое использование глаголов в форме *Präsens Indikativ* вневременного характера, следовательно, большое количество паремий синтаксически

представляют собой неопределенно-личные предложения с неопределенно-личным местоимением *man*, которое подразумевает множество неизвестных лиц: «Bei Wölfen und Eulen lernt man's Heulen» [Цвиллинг 1984]. Однако в паремиях немецкого языка не используются личные формы глагола. Множество данных фразеологических единиц имеют форму Satzgefüge (сложноподчинённых предложений) различных видов, например: «Wenn der Berg nicht zum Propheten kommt, muss der Prophet zum Berg kommen» [Цвиллинг 1984].

Неопределенные артикли (*ein, eine*) и отрицательные артикли (*kein, keine*) используются также часто, как и определённые (*der, die, das*). Модальные глаголы можно встретить довольно редко, а вот сильные глаголы преобладают. Наиболее употребительны следующие союзы: *und, auch, als, so, wie, wenn*.

В немецких фразеологических единицах пропагандируются такие положительные качества, как трудолюбие, бескорыстие, конформность, смелость, дружелюбие, честность и ассертивность. Особенно значимо в немецких паремиях высмеивание отрицательных качеств: упрямства, лени, легкомыслия, нерешительности, воровства, глупости, гордыни, нетерпеливости, болтливости и расточительства. Пословицы и поговорки в немецком языке имеют социальную сингулярность.

Концепт БОЛЬ, ставший, к сожалению, чрезвычайно актуальным за последний год, занимает отдельное место среди паремиологических концептов (ср. [Концепт боль в типологическом освещении 2009]). Боль может рассматриваться как 1) одномоментный процесс, для выражения которого используется общий стативный глагол «болеть»; 2) боль, как множественный процесс, описывается как последовательность неприятных ощущений, повторяющихся через некоторые промежутки времени. Такая боль в морфологии выражается формами с итеративной семантикой, например, «покалывает», или отглагольным именем в форме множественного числа, например, немецкое существительное – *der Stich* и глагол – *stechen (колоть)*: «Stiche in der Lunge fühlen» [Цвиллинг 1984].

Концепт БОЛЬ в немецкой картине мира выражается вариативно. В немецком языке встречаются следующие лексические единицы, относящиеся к разным частям речи и выражающие страдания как физические, так и сердечные: глаголы – *krank sein, leiden*; существительные – *der Schmerz, das Weh*; прилагательные – *krank, weh, kränklich, krankhaft, leidend, ungesund, schmerzend*.

Немецкие паремии, содержащие концепт БОЛЬ, обладают определёнными лексико-грамматическими особенностями. Например: «Die Arznei ist oft ärger als das Übel» [Цвиллинг 1984] – «Лекарство не лечит, а калечит» [Брицын и др. 2009], «Der Narben lacht, wer die Wunden nie gefühlt» [Цвиллинг 1984] – «Чужое горе не болит» [Даль 1862]. В обоих выражениях присутствует общеупотребительная лексика: *das Übel*, *die Narbe*, *die Wunde*, характеризующаяся негативной коннотацией.

С точки зрения синтаксической структуры два выражения представляют собой разные модели. В первом примере отрицание отсутствует, однако наблюдается сравнительная степень прилагательного *ärger* в сочетании с союзом *als* – традиционная сравнительная конструкция.

Второе выражение – сложноподчинённое предложение с относительным местоимением в функции союзного слова в придаточном предложении. В данном случае местоимение играет синтаксическую роль подлежащего. В качестве сказуемого подразумевается Perfekt глагола *fühlen*, однако вспомогательный глагол составной временной формы отсутствует.

Этимологический анализ и лексико-грамматическое описание немецкоязычных паремий показали, что паремиологический фонд немецкой языковой картины всегда оставался достаточно закрытым для внешних воздействий. Упомянутый феномен даёт основание сделать вывод о роли национально-культурного компонента в паремиологическом фонде немецкой лингвокультуры. Тот факт, что в современном немецком паремиологическом фонде есть ряд народных пословиц, свидетельствует о самодостаточности и относительно быстром развитии языковой картины мира на протяжении её исторического развития. Это также подтверждает статус немецкого языка как одного из основных языков международных контактов в современном мире.

Литература

Даль В. И. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, загадок, поверий и проч. М.: Университетская типография, 1862.

Концепт боль в типологическом освещении / ред. В. М. Брицын, Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, Г. М. Яворская. К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2009.

Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.

Цвиллинг М. Я. Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 1984.

CONCEPT OF PAIN IN GERMAN LINGUO-CULTURE (case study of German paroemia)

The present work is devoted to the main features of how the concept of pain manifests in German-speaking paroemias. Lexico-grammatical and semantic analysis of the study material has demonstrated the importance of the national-cultural component in describing the basic concepts of the German linguistic picture of the world.

Key words: German linguo-culture, concept of pain, paroemia, national-cultural connotation

Катамадзе Мария Олеговна

кандидат филологических наук

Московский педагогический государственный университет

m.katamadze18@gmail.com

К ВОПРОСУ О КОРПУСНОМ АНАЛИЗЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ

Доклад посвящен исследованию семантических и прагматических характеристик синонимов «Sozialstaat», «Wohlfahrtsstaat», «Versorgungsstaat» в немецкоязычном общественно-политическом дискурсе на материале Мангеймского корпуса немецкого языка DeReKo.

Ключевые слова: синонимы, семантическая структура, прагматические характеристики, общественно-политический дискурс, корпусный анализ

Цель работы – с помощью корпусного анализа установить сходство и различие в использовании синонимов *Sozialstaat*, *Wohlfahrtsstaat*, *Versorgungsstaat* в общественно-политическом дискурсе, выявить основные дифференцирующие семы в структуре значения этих синонимов.

Задачи:

1. Проанализировать дефиниции синонимов *Sozialstaat*, *Wohlfahrtsstaat*, *Versorgungsstaat* в словарях Duden online, DWDS. С помощью Duden online установить и сравнить классы частотности рассматриваемых лексем.
2. С помощью DeReKo и поисковой системы COSMAS II определить количественное соотношение синонимов и их классы частотности. Используя настройку Ansicht nach Themen, установить и сравнить распределение лексем в текстах разной тематики.
3. Используя архив письменного языка (W-Archiv der geschriebenen Sprache), отобрать 10 наиболее частотных коокуренентов для базовых компонентов *Sozialstaat*, *Wohlfahrtsstaat*, *Versorgungsstaat*. Составить и сравнить профили коокуренций. Используя коокурененты, сформулировать коллокации с исследуемыми базовыми компонентами.
4. Проанализировать контексты употребления коллокаций, установить синтагматические паттерны их использования, описать прагматические характеристики.
5. С помощью инструмента CNS (Contrasting Near-Synonyms) и электронной базы коокуренций CCDB (Cooccurrence Database) сравнить глобальные контексты употребления исследуемых синонимов.
6. Опираясь на коллокации, выявить основные дифференцирующие семы в структуре значения синонимов *Sozialstaat*, *Wohlfahrtsstaat*, *Versorgungsstaat*.

Методы и методики лингвистического анализа: количественный и качественный анализ дискурса, контекстуальный анализ коллокаций, сопоставительный анализ семантической структуры синонимов.

Из словарных статей можно предположить, что эти лексемы образуют синонимический ряд, доминантой в котором является лексема *Sozialstaat*.

Судя по совпадающим в Duden и DWDS дефинициям, лексема является нейтральной и не имеет прагматических ограничений.

При этом понятие *Sozialstaat* включает в себя представления о демократии, экономической безопасности граждан, выравнивание социальных противоречий [<https://www.duden.de/rechtschreibung/Sozialstaat>].

В словаре Duden Universalwörterbuch лексема *Wohlfahrtsstaat* имеет эмотивную помету *häufig abwertend*, что, однако, противоречит нейтральной дефиниции, в которой *Wohlfahrtsstaat* характеризуется как государство, которое с помощью законодательства и других мер заботится о благополучии своих граждан [<https://www.duden.de/rechtschreibung/Wohlfahrtsstaat>].

В словаре DWDS эта лемма также имеет помету *gelegentlich abwertend*, что поясняется указанием на то, что забота государства о гражданах может носить опекающий характер и приводить к зависимости. Словарная статья содержит информацию о прагматической амбивалентности лексемы *Wohlfahrtsstaat*, которая в дискурсе может обозначать как ориентированное на свободу граждан социальное государство (*Sozialstaat*), так и противопоставленное ему «обеспечивающее государство» (*Versorgungsstaat*) [<https://www.dwds.de/wb/Wohlfahrtsstaat>].

Лексему *Versorgungsstaat* Duden online и DWDS определяют как политический жаргонизм с эмотивной пометой *meist abwertend*, не давая при этом подробной дефиниции [<https://www.dwds.de/wb/Versorgungsstaat>].

Таким образом, рассматриваемые синонимы относятся к семантико-стилистическими. Центральной семой является «забота о гражданах», дифференцирующие семы указывают на характер этой заботы.

По данным архива письменного языка W-Archiv DeReKo, синонимы *Sozialstaat*, *Wohlfahrtsstaat*, *Versorgungsstaat* относятся к классам частотности 13, 15, 19 соответственно и представлены в отношении 1:4 (*Sozialstaat: Wohlfahrtsstaat*), 1:76 (*Sozialstaat: Versorgungsstaat*), 1:16 (*Wohlfahrtsstaat: Versorgungsstaat*). Среди тем текстов, в которых присутствуют рассматриваемые синонимы, основными для трех лексем являются «Politik», «Staat Gesellschaft», «Wirtschaft Finanzen».

Ниже представлена таблица с десятью наиболее устойчивыми коокурентами трех лексем. Степень устойчивости коокуренций определяется статистической величиной LLR (Logarithmic Likelihood Ratio). Наиболее частотные и значимые коокуренты имеют наибольшие значение LLR. Общие для трёх профилей коокуренты выделены жирным (см. табл. 1).

Следующая таблица содержит примеры коллокаций и их синтагматических паттернов для выступающих базовыми компонентами (*Bezugswort*) синонимов и их коокурентов *vorsorgen*, *sozial*, *total*.

Коллокации и синтагматические паттерны найдены в ходе контекстуального анализа коокуренентов, а также с помощью дополнительных запросов, например: *soziale Marktwirtschaft / s0 «und» / s0 Wohlfahrtsstaat; &vorsorgen Sozialstaat / s0 &nachsorgen Sozialstaat* (см. табл. 2).

Таблица 1

Bezugswort	Sozialstaat	Wohlfahrtsstaat	Versorgungsstaat
Коккurenzprofile	Arbeit	sozial	total
	vorsorgen	schwedisch	Wohlfahrts-
	reformieren	modern	Sozialstaat
	ausgebaut	skandinavisch	Wohlfahrtsstaat
	umbauen	Schwede	Eigenverantwortung
	Demokratie	Sozialstaat	sozial
	ausbauen	sozialdemokratisch	allumfassend
	finanzieren	Prägung	Marktwirtschaft
	sozial	finanzieren	unfinanzierbar
	Prägung	ausgebaut	lähmen

Таблица 2

Bezugswort	Sozialstaat (SoS)	Wohlfahrtsstaat (WfS)	Versorgungsstaat (VS)
Syntagmatische Muster	<i>ein vorsorgender/ nachsorgender SoS</i>	<i>soziale Marktwirtschaft</i>	<i>der totale VS</i>
	mit der Idee vom „vorsorgenden SoS“ den „nachsorgenden SoS“ abschaffen	die soziale Marktwirtschaft und der WfS konsolidieren	den totalen VS kritisieren; der totale VS ist weder wünschbar noch bezahlbar

На основании контекстуального анализа коллокаций можно заключить, что понятие *Sozialstaat* в немецком общественно-политическом

дискурсе тесно связано с понятием *Arbeit*. Коллокация *Sozialstaat und Arbeit* многократно используется как название в сочетании с существительными *Thema, Grafik, Statistik, Bericht, Kommentar, Meldung* и т. д., что свидетельствует о том, что трудоустройство граждан имеет для социального государства первостепенное значение. Противопоставление коллокаций *vorsorgender / nachsorgender Sozialstaat* подчеркивает дискуссионность вопроса о функциях социального государства и характере его помощи. Социальное государство подвергается реформации и перестройке (*den Sozialstaat reformieren / umbauen*). Хорошо развитое социальное государство (*ausgebauter Sozialstaat*) стоит в одном ряду с другими показателями благополучия, такими как *Offene Außenpolitik, liberale Wirtschaftspolitik, restriktive Finanzpolitik, restriktive Migrationspolitik, ausgebauter Umweltschutz, Demokratie*. При этом не теряют своей актуальности вопросы его финансирования (*den Sozialstaat aus Steuern / über Lohnnebenkosten finanzieren*) и оптимального размера (*den Sozialstaat massiv und übertrieben ausbauen*).

Понятие *Wohlfahrtsstaat* может противопоставляться концепту *SOZIALSTAAT* (*kein Sozialstaat, sondern ein Wohlfahrtstaat, Wohlfahrtstaat einen Sozialstaat machen, zu einem Wohlfahrtstaat verkommen / degenerieren*) или сближаться с ним (*die soziale Marktwirtschaft und der Wohlfahrtstaat konsolidieren*). Судя по частотности коокуренентов *modern, sozialdemokratisch* (*der sozialdemokratisch geprägte Wohlfahrtsstaat*), *ausgebaut* (*gut / stark / wohl ausgebauter Wohlfahrtsstaat*) можно говорить о тенденции к утрате отрицательных коннотаций. При этом частотные коллокации *Wohlfahrtstaat skandinavischer Prägung / nach skandinavischem Vorbild, Schwedischer Wohlfahrtsstaat als Modell* указывает на то, что это понятие начинает ассоциироваться именно со скандинавской моделью социального государства, в то время как для *Sozialstaat* стабильными являются коллокации *Sozialstaat europäischer / westdeutscher Prägung*.

На высокое сходство контекстов употребления двух лексем указывает оранжевый цвет большинства кластеров карты семантической близости *CNS-Merkmalsskanten* ресурса *CCDB* [<http://corpora.ids-mannheim.de/ccdb/>].

Анализ коллокаций для базового компонента *Versorgungsstaat* выявил только отрицательные коннотации. Лексема номинирует государство, осуществляющее тотальную опеку над гражданами (*totaler / allumfassender Versorgungsstaat*), что парализует их собственную

ответственность (*Eigenverantwortung lähmen, bedrohen, ausbremsen*) и снижает эффективность и свободу деятельности (*Leistungsdenken / Leistungsbereitschaft / Freiheit lähmen*).

Таким образом, у синонимов *Sozialstaat, Wohlfahrtsstaat* можно выделить общие конкретизирующие семы «свобода граждан», «ответственность граждан». При этом характерная для *Wohlfahrtsstaat* сема «скандинавская модель» является дифференцирующей. В структуре значения лексемы *Versorgungsstaat* присутствуют семы «тотальность заботы», «подавление ответственности граждан», «подавление самостоятельности граждан», а также сема негативной оценки.

Литература

COSMAS II. URL: <https://www2.ids-mannheim.de/cosmas2/> (дата обращения: 05.07.2021).

Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: www.dwds.de/ (дата обращения: 05.07.2021).

Duden online. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/online> (дата обращения 05.07.2021).

Koorkkurenzdatenbank CCDB. URL: <http://corpora.ids-mannheim.de/ccdb/> (дата обращения 05.07.2021).

TO THE QUESTION OF CORPUS-BASED ANALYSIS OF LEXICAL SYNONYMY

The report is devoted to the study of the semantic and pragmatic characteristics of the synonyms “Sozialstaat”, “Wohlfahrtsstaat”, “Versorgungsstaat” in the German-language socio-political discourse on the material of the Mannheim corpus of the German language DeReKo.

Key words: synonyms, semantic structure, pragmatic characteristics, socio-political discourse, corpus-based research

Куликова Валерия Александровна

преподаватель

Московский государственный лингвистический университет

val.kulikova@hotmail.com

**О КОРОЛЯХ, ГЕРЦОГАХ И ГРАФАХ:
ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ СРАВНЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

Сравнение как базовая категория языка и мышления выступает основой многих процессов, в том числе процессов вторичной номинации. На материале антропонимов *König*, *Fürst* и *Herzog*, выступающих элементом лингвокогнитивной сравнительной модели, в статье анализируется потенциал антропонимов при категоризации действительности.

Ключевые слова: антропоним, лингвокогнитивная сравнительная модель, метафора, метонимия, метафтонимия

Познание человеком окружающего мира неразрывно связано с процессами номинации, направленными на создание и закрепление наименований за отдельными объектами окружающего мира [Телия 1990: 336]. Сравнение как часть процесса познания выступает в данном случае как когнитивно-семантическая категория, в которой отражаются черты сходства и / или различия объектов действительности. Операция сравнения особенно тесно связана с явлением вторичной номинации, т. е. переосмысления и использования «уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения» [Телия 1977: 129]. Сравнение подразумевает градуальный, или ступенчатый, характер отношения к выделенным у двух объектов свойств; это позволяет рассматривать сравнение не только как процесс установления сходства, но и как процесс отождествления. Отождествление как результат когнитивной операции сравнения располагается в верхней области градуальной шкалы, определяющей степень сходства [Nahnemann 1999: 55]. Опираясь на данное утверждение, мы рассмотрим потенциал антропонимов *König*, *Fürst* и *Herzog* как элемента лингвокогнитивной сравнительной модели на материале современных немецких средств массовой информации.

В данном исследовании антропоним понимается в широком смысле, т. е. как часть номинативного класса лексических единиц,

служащих для обозначения человека. Такие антропонимы как *König*, *Fürst* и *Herzog* в своем первом значении используются для наименования человека, обладающего определенным высоким статусом в монархическом обществе, который отражен / закреплен в соответствующем титуле. Принимая во внимание тот факт, что процессы номинации связаны с соотношением наименований и фрагментов объективной реальности, следует отметить, что использование этих антропонимов в «отрыве» от своего прямого дискурса в современных СМИ носит преимущественно метафорический характер. Антропонимы *König*, *Fürst* и *Herzog* воспринимаются уже не как титул, характерный для монархического строя, а как некий символ выдающихся достижений в той или иной области. Такой подход позволяет выделить следующую лингвокогнитивную сравнительную модель, построенную на механизме отождествления: $A1 = A + gX$, где:

A1 – объект сравнения;

A – широкозначный антропоним, обозначающий титул / статус лица;

gX – определение в форме родительного падеже, указывающее на область деятельности A1.

Обратимся к примерам:

- (1) *Bonnell ist 58 Jahre alt. Früher war er mal Europas König der Videospiele. 1983 gründete er die Computerspielfirma Infogrames. (Die Zeit, 13.07.2017, Nr. 26)*

В контексте (1) речь идет о Бруно Боннеле, соучредителе известной компании по разработке видеоигр, ныне депутате Национального собрания Франции. В своей деятельности (предпринимательской карьере) Бруно Боннель занимал всеми признанное (по крайней мере в Европе) высокое положение, за что и был удостоен сравнения с королем – *König der Videospiele*.

- (2) *Der König des globalen Kunstbetriebs ist wieder einmal der allgegenwärtige Star-Kurator Hans Ulrich Obrist. Im jährlichen Bäumchenwechsel-dich-Spiel auf der Rangliste „Power 100“ steht Obrist diesmal auf Platz eins. (Die Zeit, 20.10.2016 (online))*

В контексте (2) представлено сравнение из области искусства: Ханс Ульрих Обрист не раз входил в список самых влиятельных людей в области искусства, где занимал лидирующие строчки. В 2012 г. он основал Академию мирового искусства в Кельне, а с 2016 г. возглавляет

лондонскую галерею «Сerpентайн». Это послужило основанием для сравнения Обриста с королем в области искусства.

- (3) Ich vergleiche das gern mit *Franz Beckenbauer*, der immer als *Kaiser des Fußballs* benannt wurde. Für uns ist *Mo der König des Hockeys*. Wenn der König abdankt, beginnen neue Zeiten. (*Die Zeit*, 19.08.2016 (online))

В контексте (3) речь идет о Морице Фюрште, немецком хоккеисте на траве, двукратном олимпийском чемпионе. Тренер сборной Валентин Альтенбург, комментируя информацию о завершении карьеры Морица Фюрште, говорит о выдающихся способностях игрока и его большом вкладе в игру в целом. Тренер называет Морица Фюрште *Королем хоккея*. При этом он сам отмечает, что сравнение построено по аналогии: Франца Беккенбауэра, футболиста, который изобрёл амплу футбольного защитника и который считается лучшим центральным защитником XX в., называют *Императором футбола*. Это свидетельствует о рекуррентном характере сравнительной модели.

- (4) Fans von Marilyn Manson dürfen sich auf das nächste Jahr freuen: *Der Fürst der harten Schauerromantik* hat ein neues Album angekündigt. (*Die Zeit*, 27.10.2014 (online))

Контекст (4) посвящен новости о том, что известный американский рок-музыкант Мэрилин Мэнсон готовит новый альбом. Поведение и внешность исполнителя всегда отличались эпатажным характером, целью которого было желание шокировать и поразить публику. Любовь к драматическому стилю нашла отражение в определении, следующим за антропонимом в сравнительной модели – *harte Schauerromantik*. Вероятно, выбор титула *Fürst* в сравнении обусловлен также стилистикой образа Мэнсона: выбеленное лицо, черные губы, разноцветные линзы воспринимаются как атрибуты *князя Тьмы*, т. е. чего-то сатанинского.

- (5) Trotzdem ist er eine unverwechselbare Berühmtheit, die man in England respektvoll „Duke of Hazard“ nennt: *Herzog des Risikos*. Das liegt an seinem lockeren Mundwerk. Heute feiert *Prinz Philip*, Duke of Edinburgh und Ehemann von Queen Elizabeth II., seinen 99. Geburtstag. (stern.de)

В серии статей, посвященных очередному дню рождения принца Филиппа, герцога Эдинбургского, супруга королевы Елизаветы II, часто встречается сочетание *Herzog des Risikos*. Этот пример несколько отличается от примеров, приведенных в контекстах (1)–(4): принц Филипп

действительно обладает титулом герцога. Таким образом, акцент в этом контексте словно смещается с антропонима *Herzog* на определение в форме родительного падеже, традиционно указывающее на область деятельности объекта сравнения (здесь: принц Филипп). Однако определение *des Risikos* в данном случае не указывает на деятельность в ее первичном понимании: непосредственное указание на деятельность и основание сравнения представлено в предложении *Das liegt an seinem lockeren Mundwerk*. Принц Филипп всегда отличался особым чувством юмора, его манера прямо выражать свои мысли и шутки часто бывали причиной скандалов. Именно это легко в основу сравнения: герцог Эдинбургский ведет себя словно он герцог азарта.

Как показал анализ контекстов, справедливо говорить о существовании определенной лингвокогнитивной сравнительной модели, элементом которой выступают антропонимы, обозначающие титул человека. Семантическое развитие проанализированных антропонимов *König, Fürst* и *Herzog* в метафорическом сравнении свидетельствует об их огромном потенциале к категоризации окружающей действительности, они позволяют передать обширный пласт информации, связанной не только с семантикой самой лексемы, но с лингвокогнитивными интенциями и мотивами адресата.

Литература

Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды [Текст] / В. Н. Телия // Языковая номинация (Виды наименований). М.: Наука, 1977. С. 129–221.

Телия В. Н. Номинация / В. Н. Телия // Лингвистический энциклопедический словарь; гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 330–336.

Hahnemann S. Vergleiche im Vergleich: zur Syntax und Semantik ausgewählter Vergleichsstrukturen mit «als» und «wie» im Deutschen. (Linguistische Arbeiten 397) Tübingen: Niemeyer, 1999.

KÖNIG, FÜRST AND HERZOG: LINGUO-COGNITIVE COMPARATIVE MODELS IN MODERN GERMAN

Comparison being a basic mental and linguistic category serves as the basis of many processes, including the processes of nomination. The article dwells upon the potential of anthroponyms *König, Fürst* and *Herzog* as an element of the linguo-cognitive comparative model in categorizing reality.

Key words: anthroponym, linguocognitive comparative model, metaphor, metonymy, metaphonymy

Левицкий Андрей Эдуардович

доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
andrelev@list.ru

**НОВАЯ ЛЕКСИКА КАК ОТРАЖЕНИЕ НОВЫХ СИТУАЦИЙ
(на материале современного английского языка)¹**

В статье рассматривается взаимосвязь между новыми ситуациями, возникающими в жизни человека, и лексическими единицами, их называющими. Семантический и деривационный анализ новых лексем в современном английском языке позволяет проиллюстрировать эту связь.

Ключевые слова: семантика, деривация, новая лексика, ситуация

Рост словообразовательной активности тесно связан с изменениями в науке и технике, творчестве и социогуманитарной сфере. Появление новых реалий в отмеченных направлениях деятельности сказывается на появлении и трансформации семантики новых лексических единиц. Отметим, что новые реалии являются триггерами новых ситуаций. Если под ситуацией понимать коммуникативно-когнитивный феномен, отражающий некий фрагмент реальности, то на передний план выходит номинативный аспект новообразованных лексических единиц, акцентирующих внимание на их семантике и моделях образования. Нельзя также игнорировать синтагматический аспект новой лексемы.

Так, ситуация, когда человек фотографирует сам себя, ставшая традицией массовой культуры в начале XXI века, привела к образованию лексемы *selfie*, а впоследствии – к росту целого словообразовательного гнезда и многих устойчивых словосочетаний нефразеологического характера.

Сложность данной ситуации и её полная номинативная неразработанность привели к тому, что новообразованная лексическая единица включила семы 'Деятель', 'Действие', 'Процесс', 'Техническое средство (инструмент)', 'Результат' и 'Объект'. Акцент в процессе номинации делается именно на главном признаке – совпадении автора

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

и объекта фотографирования, что определяется номинациями результата (*a selfie*) и действия (*to make / take a selfie*). Словари конкретизируют семантику данной единицы:

an image that includes oneself and is taken by oneself using a digital camera especially for posting on social networks [<https://www.merriam-webster.com/dictionary/selfie>].

Таким образом, семантика *selfie* профилирует 'Объект' (image), 'Действие' (is taken by), 'Деятеля' (oneself), 'Техническое средство' (digital camera), 'Цель' / 'Результат' (posting on social networks). Приведенная дефиниция четко показывает семантику новообразованной единицы и воссоздает ситуацию фотографирования человеком самого себя современным гаджетом.

Вместе с тем, есть и другой подход к анализу семантики *selfie*, согласно которому данная лексическая единица рассматривается как стиль фотографирования, что соответствует семе 'Действие' с акцентом на его форме или способе (style of photography). При этом выделяются два дополнительных показателя: обязательность лица фотографа (photographer's own face is included in the photograph) и наличие фотоаппарата в его руках (camera is held by the photographer when the photo is taken) [<https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Selfie>].

Итак, 'Деятель' выполняет 'Действие' с помощью 'Технического средства' над самим собой, в результате чего появляется некий 'Объект' для достижения конкретного 'Результата'. Для появления данной лексемы важно было сделать прозрачной её семантику. Именно поэтому за основу брались выполнение действие Деятеля над самим собой, что зафиксировано корневой морфемой *self-* (себя); суффиксальная морфема *-ie* с диминутивной семантикой фиксирует факт уменьшения формы человека на фотографии.

Впервые эта лексема была зафиксирована в письменной форме в 2002 году на вебсайте Australian news, но распространилась по миру лишь после 2012 года. Уже к ноябрю 2013 года *selfie* стала настолько активно употребляться в печати и электронных средствах массовой информации, что вошла в Oxford Dictionaries (publisher of the Oxford English Dictionary as well as other dictionaries), став Словом Года. Это ускорило распространение как самой ситуации, так и использование данной номинации. Так, в декабре 2013 года на заупокойной мессе по Нельсону Манделе Президент США Барак Обама сделал селфи с премьер-министрами Дании Элле Торнинг-Шмидт и Великобритании

Девидом Кемероном. *Selfie* в комментариях журналистов о данном событии передавало концентрацию Обамы на самом себе (self-centeredness and self-involvement) [<https://www.merriam-webster.com/dictionary/selfie>]. Отметим наличие одного корня в словах *selfie* и *selfish* (эгоистичный).

Ситуация, когда человек фотографирует сам себя, оказалась распространённой в связи с увеличением количества гаджетов и социальных сетей в интернете, что не могло не сказаться на продуктивности новой лексической единицы. Как реакции на детализацию данной ситуации появились *relfie* и *felfie*. Для номинации ситуации, когда двое влюбленных фотографируют себя вместе, чтобы подчеркнуть существование романтических отношений между собой, и появляется *relfie* как результат словообразовательной контаминации *relationship selfie* = *rel* + *fie*. Так, его дефиниция даётся через *selfie*:

Relfie stands for relationship selfie. When a couple in a relationship takes a selfie together [<https://www.urbandictionary.com/define.php?term=relfie>].

Таким же образом определяется *felfie* по сходной модели: *family selfie* = *f* + *elfie*:

A family selfie – a photo taken of a family by one of the family members in the photo [<https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Felfie>].

Первая *felfie* была сделана в Риме во время встречи Папы Римского Франциска с представителями католической молодёжи. Именно его слова и стали основой для новой номинации. Имелось в виду, что они все составляют единую семью. Несмотря на метафоричность первого употребления данной номинации в сети она стала употребляться и для фотографии семьи как ячейки общества, а не только людей, разделяющих общие взгляды и ценности.

Кроме того, словари фиксируют и оригинальные примеры омонимов *felfie* из социальных сетей, таких как фото с котами, с животными на ферме, подложный (фейковый) снимок и фото ног (feet):

- a) selfie taken with a feline companion (a.k.a. cat). She's a crazy cat lady; her facebook wall is full of felfies (by Rilwen May 21, 2016);
- b) farmer selfie. Taking a picture with farm animals or around farming equipment. Nellson the bull starred in the first felfie ever which went viral within minutes in the youth movement farming community of alken (by Kerels1314 February 16, 2014);

- c) *felfie* can quickly be summed up as a “fake selfie” or a photograph taken of ones self that is not actually of the person they say it is. It is commonly used by males and females who send photos out to a person (male or female) of themselves revealing parts of their body in the hope that they may receive one in return. *Felfies* usually do not show the persons face as this would be a give away. They are generally used so that the person receiving the “*felfie*” will be aroused and think that the person sending the photo has a better body than they actually do;
- d) foot selfie. She keeps taking *felfies* of her shoes and feet (by Sleeper2015 December 10, 2014) [<https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Felfie>].

Отметим, что во всех приведенных примерах использована одна модель словообразовательной контаминации *f* + *elfie*, хотя ситуации, описанные с их помощью, разнятся.

Схожая модель *v* + *elfie* использована для создания еще не зарегистрированной лексемы *velfie*, номинирующей ситуацию съемки видео с самим собой:

A video taken of oneself (a combination of „video“ and „selfie“). We're all familiar with the selfie. So it shouldn't come as a surprise that a new way to show yourself online has taken hold – the *velfie* [<https://www.merriam-webster.com/words-at-play/velfie-meaning-words-were-watching>].

The *v-* in video has similarly been deployed as the initial in a number of new coinages as video has been introduced to a technology or concept that already existed. It replaced the *b* in blog, for example, to make vlog for a blog that emphasizes video material over text. Similarly, it replaced the *p* in podcast to make vodcast for a podcast in video format. When MTV was introduced in 1981, the term veejay (combining video with deejay, another word for disc jockey) emerged as a logical term for the host of its music-video programming [ibid.].

Ещё незафиксированный статус данной лексемы и не распространенной ситуации приводят к тому, что *velfie* нуждается в текстовом комментарии:

We were seeing a lot of apps that were trying to riff off the '*velfie*' (video selfie) concept... (Karissa Bell, Mashable, 23 July 2015) [ibid.]

Подводя итоги исследования, отметим, что ситуация фотографирования человеком самого себя всё более расширяется за счёт распространения суперсовременных гаджетов и популярности селфи-культуры

в социальных сетях. Новые лексемы, появившиеся в процессе номинации различных селфи-ситуаций, не отличаются разнообразием – они (кроме ядерной *селфи*) созданы по модели словообразовательной контаминации.

NEW LEXEMES AS REFLECTIONS OF NEW SITUATIONS IN PRESENT-DAY ENGLISH

The article deals with revealing the link between new situations, which persons experience in their every-day life and lexical units, which designate them. Semantic and derivational analyses of new lexemes in Present-day English illustrates this link.

Key words: semantics, derivation, new lexemes, situation

Нефедова Любовь Аркадьевна

доктор филологических наук, профессор
Московский педагогический государственный университет
la.nefedova@mpgu.su

ЛЕКСИКА НЕМЕЦКОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНОГО МНОГООБРАЗИЯ

В статье рассматриваются актуальные вопросы разнообразия в лексике как отражение состояния современного общества, а именно различные лексические варианты в немецкой письменной речи, отражающие гендерное многообразие.

Ключевые слова: немецкая письменная речь, лексическое разнообразие, гендерное многообразие

Понятие разнообразия языка соотносится, прежде всего, с понятием «лексическое разнообразие», которое понимается, исходя из природы слова как языкового знака, двояко:

- как множественность, гибкость форм одного слова; лексическая полионимия, т. е. множественность номинаций одного предмета, понятия, явления, с одной стороны;

- как полисемантичесность, или многозначность, слова, возможность выражать им тончайшие оттенки смысла, обеспечивая меткость и точность выражения, с другой стороны.

Лексический уровень языка представляет собой очень развитую и многослойную структуру: лексика различается по сфере употребления (общеупотребительная лексика и лексика ограниченной сферы употребления), по эмоциональной окраске (нейтральная и эмоционально окрашенная, эмоционально-оценочная лексика), по происхождению (автохтонная и заимствованная) и т. д.

Лексическое разнообразие (*нем.* *lexikalische Diversität*, или *lexikalische Vielfalt*) возникает благодаря различным способам выражения того или иного факта внеязыковой реальности и обусловлено, по мнению большинства ученых, различными видами языковой вариативности (*нем.* *Varianz, Varietät*):

- диатопическая (территориальная, показывающая соотношение стандартного языка и диалектов);
- диастратическая (социальная, показывающая соотношение стандартного языка и социолектов);
- диахроническая (историческая);
- диафазическая (стилистическая);
- диамезическая (характерная для устной или письменной речи) [Лукина 2014: 9].

Многообразие современной лексики немецкого языка обусловлено, главным образом, диафазической и диамезической вариативностью, что находит отражение в лексической полионимии, которая может быть интерпретирована как лексическое богатство языка.

С другой стороны, множественность форм выражения одного и того же отрезка реального мира в языке может восприниматься носителями другого языка как избыточность. При сопоставлении языков становится очевидной кажущаяся «избыточность» или «недостаточность» форм выражения одного и того же понятия в том или ином языке, что можно наблюдать, сравнивая современную лексику немецкого языка с аналогичной лексикой русского языка. Это наглядно демонстрирует рассматриваемая далее гендерно маркированная лексика (большое количество вариантов номинаций в немецком языке кажется избыточным, с точки зрения русскоговорящих).

В последнее время понятие «гендер», которое, в первую очередь, касается соответствующих социальных ролей полов, снова стало предметом активных лингвистических дискуссий. Основным

дискуссионным вопросом остается проблема гендерного равенства в языке. Целью так называемого «гендерно справедливого» языка (*нем. gender- или geschlechtergerechte Sprache*) является стремление отразить в языке равенство полов, прежде всего, обозначить в языке женщин, что уже реализуется с помощью различных мовированных языковых форм.

В то время как раньше считалось, что мужской род может служить в качестве общего рода (*нем. generisches Maskulinum*), т. е. включать также женщин (например, *Teilnehmer* – участники; мужчины и женщины), сегодня (по крайней мере, в письменной речи) для достижения языкового равенства предпочтительны другие формы. С одной стороны, используются гендерно-нейтральные субстантивированные причастия I (*Teilnehmende*): *Während der Tagung können Teilnehmende und Vortragende die Inhalte dann diskutieren* – Во время конференции участники и выступающие могут обсудить проблемы. Номинации *Teilnehmende* и *Vortragende* гендерно-нейтральны, в их семантике нет указания на гендерный признак. Однако эти формы подвергаются критике и отвергаются многими учеными, так как они относятся только к лицам, которые осуществляют соответствующую деятельность в определенный момент.

С другой стороны, распространены различные формы, обозначающие как мужской, так и женский пол: парные (бинарные) формы *Teilnehmerinnen und Teilnehmer*, *Teilnehmer / Teilnehmerinnen*, а также сокращения *Teilnehmer/innen*, *Teilnehmer/-innen*, *Teilnehmer(innen)*, *TeilnehmerInnen* (Общество немецкого языка не рекомендует употреблять форму с маюскулом). Так в немецком языке проявляются две тенденции, которые отражают «глобальный запрос на гендерное равенство и парадоксальным образом уравнивают друг друга: к нейтрализации гендерного признака и к его акцентуации» [Серова 2018: 207].

Такое разнообразие форм обусловлено стремлением к точности выражения (обозначить мужчин и женщин, употребив словосочетания, т. е. сочетания маскулитивов и феминитивов), что приводит к громоздкости, тяжеловесности выражения, затрудняет чтение текстов. Противоположная тенденция к экономии языковых средств способствует поиску оптимальных форм краткого, лаконичного выражения. Варианты различного написания с употреблением косой черты (слэш), заглавной буквы I и скобок показывают возможность выбора одной из

форм. Разнообразии гендерно маркированной лексики обусловлено, таким образом, проявлением двух противоположных тенденций языка к точности и экономии [Нефедова 2009].

Как отмечает Г. Шуппенер, сейчас существует большой выбор различных вариантов, которые можно положительно рассматривать как разнообразие и свободу выбора, а отрицательно – как отсутствие единообразия или путаницу. Субъективные предпочтения и мнения, безусловно, имеют решающее значение для оценки этих вариантов [Schuppenener 2020: 10].

Итак, сначала речь шла о равном отношении к женщинам и мужчинам в языке. Но уже в 2014 г. Facebook США предложил своим подписчикам возможность выбрать в графе «пол» 58 вариантов гендерной принадлежности. В том же году около 800 человек в Австрии, среди которых были профессора, учителя и журналисты, обратились в открытом письме к министрам образования и науки с критикой «языкового равноправия». Подписавшие письмо, в том числе немецкий публицист Бастиан Зик, выступили за «возвращение к языковой нормальности» и призвали министров «положить конец распространению выражения гендерного многообразия в языке».

С 2017 г., однако, после принятия Федеральным Конституционным судом Германии решения о равноправии всех людей независимо от их гендерной идентичности, в немецкой письменной речи получили распространение новые способы написания, отражающие отказ от бинарного понимания гендерной идентичности: гендерная звездочка (*Teilnehmer*innen*), гендергэп, также гендерный пробел (*Teilnehmer_innen*), двоеточие (*Teilnehmer:innen*), интерпункт (*Teilnehmer•innen*). Таким образом перестали делать акцент на половой принадлежности, обозначения стали отражать все многообразие современных гендеров, включая гендерквир, или небинарный гендер. При наличии четырех различных форм гендерная звездочка указывается как более употребительная, что, возможно, найдет отражение в новых правилах правописания. Нам, однако, чаще встречалась форма с двоеточием:

Informationen zum Coronavirus für Referent:innen und Teilnehmer:innen –
Информация о коронавирусе для выступающих и участников.

Очевидно, что «гендерно справедливый» язык – это язык, который реализуется в письменной речи: гендерная звездочка и другие формы

маркировки относятся к графическим средствам письменной речи. В устной речи разнообразие нейтрализуется: при произнесении слов рекомендуется делать паузу в том месте, где находятся звездочка или другой знак.

В заключение отметим, что лексическое разнообразие в немецкой письменной речи, обусловленное признанием и уважением гендерного многообразия, отражает гендерную политику современных немецкоязычных стран. Наблюдая за гендерно маркированной лексикой, показывающей множественность гендерных идентичностей в современном обществе, можно увидеть динамику развития языка за последние десятилетия. Таким образом, вряд ли можно отрицать, что язык формируется или, по крайней мере, находится под влиянием социальной реальности; в то же время язык формирует социальные отношения. Принимая во внимание поддержку большинством членов общества необходимости стандартизировать язык в отношении «гендерной справедливости», лексическое разнообразие в немецкой письменной речи можно признать целесообразным.

Литература

Лукина А. Е. Понятие «языковой вариативности» в отечественной и зарубежной лингвистической традиции // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2014. Том 11. № 1. С. 7–11.

Нефедова Л. А. О тенденции точности и экспрессивности выражения в лексике современного немецкого языка // Научное наследие Владимира Григорьевича Адмони и современная лингвистика: материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. Г. Адмони. Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. 2009. С. 183–185.

Серова И. Г. Гендерное равенство в языке: глобальный тренд или ненужная инновация? // XXII Царскосельские чтения. Материалы международной научной конференции 2018. Санкт-Петербург: издательство Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. С. 205–208.

Schuppener G. Sprache als Spiegel der Gesellschaft. Bemerkungen zu vier aktuellen Themen der deutschen Gegenwartssprache // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов (= Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists). Т. 17: Типология текстов и дискурсивные практики в немецкоязычном культурном пространстве / под общ. ред. А.В. Иванова. М.: Флинта, 2020. С. 8–23.

VOCABULARY OF GERMAN WRITTEN SPEECH AS A REFLECTION OF GENDER DIVERSITY

The article discusses topical vocabulary diversity issues as a reflection of the state of modern society, namely, various lexical variants in German written speech, reflecting the gender diversity.

Key words: German written speech, lexical diversity, gender diversity

Мальцева Елизавета Игоревна

преподаватель

Московский государственный лингвистический университет

elizaveta_korshu@mail.ru

ЛЕКСИКА И ТЕКСТ В МЕТАЯЗЫКЕ ИСКУССТВА

Доклад посвящен проблеме междисциплинарного трансфера между лингвистикой и искусствоведением, способствующего развитию многозначности специальных единиц. В ходе исследования проводится анализ лексем, описывающих единицы «лексического» и «текстового» уровней искусства.

Ключевые слова: трансфер, метаязык, семантическая деривация, транстерминологизация

Исследование посвящено анализу языковых единиц и категорий на лексическом уровне и уровне текста, которые употребляются в искусствоведении, т. е. в нелингвистическом значении. Выбор подобной темы исследования объясняется тезисом об общей коммуникативной природе языка и искусства и их знаковом характере [Лотман 2002], что способствует взаимодействию обеих систем и приводит к трансферу понятий между ними. Например, уже устоявшийся речевой оборот *язык искусства* (нем. Sprache der Kunst) говорит о восприятии искусства как особого способа общения, функционирующего по определенным правилам. Под трансфером в современной лингвистике понимается обмен знаниями между культурами, языками и науками [Фещенко, Бочавер 2016].

Материалом исследования служат профессиональные немецко-язычные искусствоведческие статьи, посвященные анализу музыкальных и танцевальных постановок, произведений изобразительного

искусства, а также специальные словари и энциклопедии по истории и теории искусства.

Связь между языком и искусством прослеживается с эпохи Античности и представлена такими понятиями как фигура, орнамент, а также названиями тропов (*метафора, хиазм, антитеза* и др.), которые можно считать одними из первых примеров трансфера «язык – искусство». Обмен подобными языковыми средствами между античной риторикой и теорией искусства становится возможным благодаря коммуникативной функции их базовых единиц – слова и визуального образа. Музыка приблизительно с эпохи Средневековья рассматривается как иная форма речи, построенная по принципу ораторской речи. Такая идея способствовала появлению музыкальной риторики в XVII и первой половине XVIII вв., описанной в трактатах немецких музыкальных теоретиков: Иоахим Бурмейстер «*Musica poetica*» (1606), Афанасий Кирхер «*Musurgia universalis*» (1650). При дальнейшем развитии теории музыки происходит трансфер понятия *фраза* (нем. *Satz*, *Phrase*, англ. *phrase*), а также заимствуется идея о членении музыкального фрагмента (нем. *Motiv*, *Zwischensatz*, *Nebensatz*, *Periode*). Такой трансфер объясняется общим свойством музыки и речи – протяженностью во времени, что сделало возможным сопоставление структуры музыкального произведения и речи.

В исследовании предпринимается попытка объяснить возможную причину трансфера лингвистических понятий, участвующих в формировании метаязыка (языка описания) искусства. Языковым инструментом трансфера служит семантическая деривация [Анна А. Зализняк 2006], которая заключается в изменении семантики существующих лексических единиц. Поскольку речь идет о междисциплинарном трансфере понятий, особое внимание уделяется изменению специального значения, при котором термин называет большее количество предметов и явлений, переживая процесс транстерминологизации [Татаринов 2006]. Значительная часть терминов, перешедших в метаязык искусства, обозначает единицы разных языковых уровней (например, нем. *die Bewegungen [entsprechen] den **Mitlauten**, den **Silben**; aus zwey Takten bestehender **Zwischensatz**; eine **Phrase** tanzen*). В исследовании подробно рассматриваются языковые средства, служащие номинации единиц «лексического» и «текстового» уровней искусства, устанавливается их словообразовательный и семантический потенциал в различных контекстах.

Для описания совокупности танцевальных движений и позиций в современных рецензиях, посвященных хореографическим постановкам, употребляется лексема *Vokabular* (ср. *рус.* хореографическая лексика), а для обозначения одного элемента – лексема *Vokabel*. При этом обе лексемы обычно сопровождаются атрибутом, указывающим на отличительные свойства – авторский стиль, вид танца (*нем.* *das klassische Ballettvokabular, postmodern dekonstruierte Klassik-Vokabeln*). Так же, как и слова языка, танцевальные элементы могут образовывать устойчивые структуры, обозначаемые в немецком языке лексемой *Idiom* (*нем.* [etw.] *mit modernen, zeitgenössischen Tanzidiomen kombinieren*). Необходимо отметить и другое «лингвистическое» значение лексемы *Idiom* «диалект, наречие» (от *греч.* *idiōma* «своеобразие, особенность»), которое перешло в метаязык музыки (*нем.* *Herausbildung des russischen nationalen Musikidioms*). Помимо этого, *Idiom* в профессиональных текстах о музыке употребляется для номинации жанра (*нем.* *Volksmusikidiom*) или музыкальной формы (*нем.* *Rondoidiom*).

Семиотическое толкование текста как определенного сообщения позволяет говорить не только о вербальном, но и визуальном (*нем.* *der visuelle Text*) и танцевальном видах текста (*нем.* *Bewegungstext*). Такое расширение значения понятия текст в семиотике становится возможным и благодаря его этимологии (*лат.* *textus* «ткань, сплетение»), говорящей о наличии последовательности элементов, образующих целое. Трансформация исходного значения по модели от конкретного к абстрактному (ткань, сплетение → словесное высказывание) характерна и для производной лексемы *Textur*. В изобразительном искусстве термин *Textur* (*нем.* *Textur eines Bildes*) обладает конкретным значением, поскольку описывает материал, на котором представлена работа, а также технику, с помощью которой она выполнена. *Textur* в «музыкальном» смысле, описывая абстрактную по природе музыку, обозначает принцип сложения голосов и созвучий (*нем.* *musikalische Texturen*).

При искусствоведческом анализе структуры и содержания произведений искусства – как и в литературном произведении – отмечаются «текстовые» категории, например, нарративность и связность (*нем.* *Narrativität eines Bildes, die dramaturgische Kohärenz des Stücks*). В рецензиях нарративность произведения искусства описывается общеязыковыми лексемами, например, глаголами говорения и их

производными (*нем.* die getanzte Selbsterzählung, Erzählstrom des körperlichen Überwindens), что подчеркивает идею о передаче информации слушателю или зрителю.

Итак, общая коммуникативная основа, а также возможность вычленения структурных элементов, складывающихся в единое целое, позволяет сравнивать систему искусства с языком и речевым (литературным) произведением. Такой «лингвистический» принцип осмысления искусства способствует трансферу понятий между искусствоведением и лингвистикой, благодаря которому происходит семантическое развитие специальной лексики.

Литература

Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства (Серия «Мир искусств»). Сост. Р. Г. Григорьева. Предисл. С. М. Даниэля. СПб.: Академический проект, 2002.

Фещенко В. В., Бочавер С. Ю. Теория культурных трансферов: от переводоведения – через cultural studies – к теоретической лингвистике // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии: коллективная монография / отв. ред. В. В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2016. С. 5–36.

Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 20–25. (серия «Studia Philologica»).

Татаринов В. А. Общее терминоведение: энцикл. словарь. М.: Московский лицей, 2006.

LEXICS AND TEXT OF METALANGUAGE OF ART

The study focuses on the problem of interdisciplinary transfer between linguistics and theory of art, which contributes to the development of polysemy of terms. The study analyzes lexemes that name the units of the „lexical” and “textual” levels of art.

Key words: transfer, metalanguage, semantic derivation, trans-term formation

Orlova Yelena Vladimirovna

PhD student

Novosibirsk State Technical University

eagleo0408@mail.ru

TRIGGERS OF THE ARTISTIC SYMBOL “STONE”

The article is dedicated to the study of the symbol semantic structure. In this research, the author has studied the symbol “stone” and the use of the word ‘stone’ in the British National Corpus to analyze the dominating meanings of the word and to discover which trigger is more powerful in the cause of reactions and associations for the word “stone”.

Key words: an artistic symbol, a trigger, a semiotic connection, a semantic structure of the word, BNC

An artistic symbol is a complex phenomenon arisen on the basis of any cultural symbol which comes through the author’s perception and then gets woven into some figurative text where it forms a wider meaning and the image content. The artistic symbol is understood as a special figurative construction, conventional objective substantiality containing a set of meanings that are enclosed in one linguistic unit [Лосев 1982: 123].

As a rule, any artistic symbol consists of three parts: a concrete image, semiotic connection and an abstract content [Аверинцев 2006: 156–157]. For example, a dove is a symbol of peace; so the dove is a concrete image, peace is the abstract content, and semiotic connection is expressed by signs or functions of the dove in some culture. We presume that the word denoting any symbol contains special triggers which evoke certain associations and produce the abstract content of the symbol. Such triggers represent semes denoting features of a word which are perceived in a process of the metaphoric transposition. In some cases certain expressive means (epithets, metaphors, metonymies, alliteration, assonance, allusion, and epigraphs) may perform the role of the trigger. We believe that the set of these techniques is aimed at generating a reader’s certain associations that help to extract a fixed image from their consciousness and understand the author’s message.

Nowadays the concept “trigger” is used in various areas: management, advertising, business, politics, linguistics, but it initially occurred

in psychology. This term comes from the English word “trigger” which denotes a part of a gun that causes the gun to fire when pressed and also an event or situation that causes something to start. In linguistics triggers are not always perceived in a negative sense. They may be interpreted as statements which provoke certain emotional reactions. The author of this article believes that symbols contain certain triggers which are expressed by the semes included in the sphere of the denotative meaning, intensional and implicational field. The intensional field of the word meaning represents a bunch of constant features of the word [Никитин 2007: 24– 32]. We also presume that the triggers are subjected to their meaning change from the physical state to the abstract concept in the process of a metaphoric transposition. So, the triggers provoke the cognitive mechanism of comparison. For example, such physical feature of a stone as coldness is perceived figuratively in the sense of indifference.

In many cultures the word “stone” symbolizes strength, stability and wholeness. It is also considered to have magical powers and spiritual meaning. With the passage of time this symbol has got another interpretation denoting obduracy and emotional coldness [Tressider, URL]. The linguistic analysis of the word “stone” allows distinguishing such triggers (core semes) as “hard, solid” which define the character and the qualities of a stone, the periphery semes “used for a purpose of ceremonies” underline its functions in many cultures. The trigger represented with the seme “gravel” found in the implicational field refers to the use of stones in funerals. The use of the word “stone” in the British National Corpus shows that this word has got 7782 cases.

The statistics shows that the word “stone” is accompanied by the following groups of adjectives: 1) massive (8), heavy (12), solid (4) which form the meaning of strength; 2) the adjective “cold” (24) evokes the meaning of indifference; 3) the adjectives “funerary” (2) and “ceremonial” (2) reveal the functions of stones in culture and refer to the meaning of death; 4) the adjectives “precious” and “sacred” show that the stone was used in magic and jeweller’s art.

The author claims that the adjectives “heavy, solid, cold, sacred, precious, funerary” may be considered as triggers because they are perceived in abstract meanings of strength, indifference, magic and death. So, these meanings of the word “stone” will be dominating in the language.

Thus, it can be noted that the analyzed triggers evoke such national-cultural interpretations of the symbol “stone” as “the lack of empathy

and feelings, emotional dryness and obduracy”, “a stimulus for the step ahead”, “doing harm and criticizing something”, “a completely and totally unchangeable condition” which are reflected in the occasional symbol use in the the French Lieutenant’s Woman novel by J.R. Fowles.

So, we have proved that a word denoting any symbol contains special triggers which evoke certain associations and reproductions of the abstract content connected with the word with processes of comparison and metaphoric transposition. In this investigation we have found the triggers expressed by semes of the denotative meaning which form the intensional field of the word and also the triggers situated in the implicational word field. Besides, we have revealed the triggers expressed by different stylistic devices such as epithets, alliteration, inversion, epigraphs and rhyme. Thus, the triggers play a crucial role in symbol interpretation and perception. The statistics depicted the most powerful triggers of the word “stone” which evoke its symbolic interpretations.

References

- Аверинцев С. С.* София-Логос. Словарь. Киев: Дух і Літера, 2006. С. 155–161.
- Лосев А. Ф.* Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во Московского университета, 1982.
- Никитин М. В.* Курс лингвистической семантики: учебное пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007.
- Tressider J.* The Dictionary of Symbols. URL: http://modernlib.ru/books/tresid-der_dzhek/ (дата обращения 15.06.2021).

Панкратьева Елена Сергеевна

кандидат филологических наук
 Московский государственный лингвистический университет
 helene-sergeevna@yandex.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВЕСНЫХ КОМПЛЕКСОВ В КНИЖНЫХ ЭМБЛЕМАХ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

В статье рассматриваются особенности семиотически гетерогенного жанра книжной эмблемы и возможности совмещения вербального и иконического представления фразеологических единиц в эмблематических сборниках XVI–XVII вв.

Ключевые слова: книжная эмблема, фразеологическая единица, устойчивый словесный комплекс, семиотическая гибридизация, историческая фразеология

Эмблематические сборники раннего Нового времени представляют собой семиотически гетерогенные образования, основанные на взаимодействии текста и зрительного образа.

Основоположителем эмблемы принято считать А. Альчиато, издавшего в 1531 г. «Книгу эмблем» (*Emblematum liber*), хотя правомерно утверждать, что развитию данного жанра способствовали другие формы античной и средневековой культуры (эпиграмма, иероглифика, басня и др.). Тем не менее легко узнаваемые композиционно-коммуникативные особенности эмблемы обусловили ее популярность на протяжении XVI–XVII вв.

Отличительной чертой анализируемого жанра является комбинирование вербальных и иконических знаков. Так, эмблема обычно представляет собой комбинацию трех элементов: названия или девиза (*Inscriptio*, *Motto*, *Lemma*), иллюстрации (*Pictura*, *Icon*, *Imago*) и подписи или разъясняющего текста (*Subscriptio*, *Epigramm*). Текст-визуальная целостность книжной эмблемы, достигнутая посредством корреляции изображения и текстового материала, позволяет рассматривать ее как иконотекст или поликодовый текст.

Продолжая традицию визуализации устойчивых словесных комплексов, характерную для эпохи позднего Средневековья и Возрождения, авторы эмблематических изображений нередко иллюстрируют какой-либо фразеологизм, поговорку, афоризм или дидактическое изречение. При этом свойственная книжной эмблеме триадичная структура допускает использование фразеологических единиц как в двух текстовых компонентах (*Inscriptio* и *Subscriptio*), так и на рисунке. В некоторых случаях фразеологические образы идентифицируются во всех трех элементах произведения.

Необходимо отметить, что, по мнению А. Шене, характерная для эмблемы трехчастная модель соответствует ее двойной функции, а именно изображению и толкованию: *Inscriptio* и *Subscriptio* способны выполнять изобразительную функцию, дополняя *Pictura*, а *Inscriptio* и *Pictura* могут участвовать в толковании образа [Schöne 1964: 20]. В качестве примера приведем одну из эмблем сборника Г.-А. Хильтебрандта «*Neu-Eröffneter Anmuthiger Bilder Schatz*» (1674),

представленную под заголовком *Eyle mit Weyle*, которая подкреплена изображением «спешащего» зайца и подписью:

Wer eilt mit weil zu recht auch kumbt: Groß eil sehr offt ein Mißfall nimbt
[Hiltebrandt 1674: 167].

Устойчивая единица отражена в том числе в девизе и эпиграмме на латинском языке, а также интерпретируется в последующем авторском комментарии. Эмблемы, иллюстрирующие выражение *Eyle mit Weyle*, встречаются и в других сборниках, например, у А. Альчиато, Я. Борница и др. Данное обстоятельство не вызывает удивления, так как известно, что авторы рассматриваемой эпохи нередко заимствовали друг у друга не только текстовые фрагменты или целые произведения, но и иконические знаки.

Стоит указать, что обращение авторов книжных эмблем к фразеологизмам имеет не только развлекательную функцию. Визуализация устойчивого словесного комплекса оказывает на реципиента комплексное прагматическое воздействие. Использование фразеологического знака усиливает дидактическую функцию книжной эмблемы, так как устойчивые единицы, в частности поговорки, аккумулируют в себе жизненный опыт народа и реализуются в языке в виде определенного совета, рекомендации, напутствия, предостережения, в связи с чем многие пословичные изречения оцениваются читателем как проверенное и истинное знание или образец действия.

Нельзя не упомянуть, что многие эмблематические сборники издавались на латыни и содержали образцы актуальных для своего времени античных поговорок, афоризмов и нравоучительных мыслей как в оригинале, так и с переводом и авторской трактовкой. В этом отношении интересной видится интерпретация латинского выражения *Et canis et felis concordia rara* в сборнике Я. Борница «*Emblemata ethico politica. Ingenuâ at que eruditâ interpretatione nunc primùm illustrata*» (1669). Автор преобразует устойчивый словесный комплекс *Schimpff vnd ernst stehet beisammen*, подтверждение функционирования которого находим в словаре К.-Ф.-В. Вандера [Wander, URL]:

Schimpff und Ernst kombt offt zusamn /
Bistu klug laß dich nit fangen [Bornitz 1669].

Впрочем, иллюстрация дерущихся кошки и собаки на данной эмблеме соответствует содержанию высказывания не на немецком

языке, а на латыни, хотя немецкоязычному реципиенту знаком подобный образ, представленный, например, в следующих паремиях:

Katz' und Hund machen selten Freundschaftsbund; Wie Katz' und Hund miteinander leben; Katzen und Hunde vertragen sich selten wol [Wander, URL].

Вследствие этого не всегда использованный автором устойчивый словесный комплекс на родном языке отражает смысл изображения. Например, одна из эмблем сборника Г.-А. Хильтебрандта «*Neu-Eröffneter Anmuthiger Bilder Schatz*» носит название *Viel Wort füllen den Sack nicht*, дополненное эпиграммой *Viel Worte nichts thun zu der Sachen. / Die That die muß das Werck verschaffen* [Hiltebrandt 1674: 360]. Уточним, что рассматриваемые выражения зафиксированы в словаре К.-Ф.-В. Вандера: *Viel Wort füllen den Säckel nicht; Vil Wort füllen den Sack nicht, sondern die That* [Wander, URL]. Название и эпиграмма в большей степени соответствуют девизу эмблемы *Muchas palabras, pocas obras*. Однако значение иллюстрации, на которой реципиент видит собаку, лающую на льва, помогает интерпретировать латинское изречение *In cassum irritas, Catulo latrante, Leonem; / Facto opus est, quoties nil ubi verba valent*, а также толкование составителя издания, объясняющего силу и величие льва, выступающего символом власти и могущества. Примечательно, что Я. Борниц в сборнике «*Emblemata ethico politica. Ingenuâ at que eruditâ interpretatione nunc primùm illustrata*» приводит на латинском языке иную интерпретацию и включает латинское высказывание *Multa verba, opera pauca* [Bornitz 1669]. В этой связи следует также подчеркнуть, что изучение фразеологических единиц на латинском языке может способствовать выявлению фактов заимствования и калькирования античных выражений, в том числе идентификации межъязыковых фразеологических универсалий.

Не менее необходимым представляется анализ индивидуально-авторских преобразований и вариантных модификаций устойчивых единиц в рассматриваемых произведениях. Например, в упомянутом сборнике Г.-А. Хильтебрандта обыгрывается паремия *Aller guten Dinge sind drei* в эпиграмме на одной из эмблем под одноименным заголовком:

Daß alles Ding besteht auss Drey /
Das Butterfaß dir zeigt hierbey [Hiltebrandt 1674: 369].

Этот же сборник включает эмблему с названием «*Ein böses Weib ist dem Manne ein täglichs Fegfeuer*», дополненную эпиграммой:

Das mag auch wol sein ein Fegfeuer. /
Ein alt Weib keiffend ohne Steuer [Hiltebrandt 1674: 372].

В словаре К.-Ф.-В. Вандера встречаем паремиологические изречения *Böse Weiber können gut Feuer machen; Der hat Fegefeuer genug, der mit einem bösen Weibe zieht am Pflug* [Wander, URL].

Актуальным видится и верификация фразеологического корпуса эмблем с опорой на паремиологические сборники XVI–XVII вв. При этом особого внимания заслуживают устойчивые единицы, потерявшие свою актуальность и тем самым вышедшие из употребления. Идентификация устойчивых знаков в эмблематических сборниках позволит всесторонне изучить фразеологический корпус более ранних периодов развития языка.

Таким образом, текст-визуальный ренессансно-барочный жанр книжной эмблемы являет собой интересный материал не только как источник изучения исторической фразеологии, но и как источник зрительных образов в культурном пространстве анализируемой эпохи.

Литература

Bornitz J. Emblemata ethico politica. Ingenuâ at que eruditâ interpretatione nunc primùm illustrata. 1669. URL: <https://archive.org/details/emblemataethicop01born/page/186/mode/2up> (дата обращения: 10.05.2021).

Hiltebrandt G.-A. Neu-Eröffneter Anmuthiger Bilder Schatz: Allen Sinn- und Weißheit Liebenden zur Lustigen Beschawung... vorgestellt. Franckfurt: Ludwig Bourgeat, 1674.

Schöne A. Emblematic und Drama im Zeitalter des Barock. München: C.H. Beck, 1964.

Wander K.-F.-W. (Hrsg.). Deutsches Sprichwörter-Lexikon. Leipzig, 1870. URL: www.zeno.org (дата обращения: 10.05.2021).

THE USE OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN EARLY MODERN BOOK EMBLEMS

The article deals with the features of the semiotic heterogeneous genre of the book emblem and the possibility of combining the verbal and iconic representation of phraseological units in the emblematic collections of the XVI–XVII centuries.

Key words: book emblem, emblematics, phraseological unit, semiotic hybridization, historical phraseology

Рахматуллаева Надежда Геннадьевна

кандидат филологических наук

Московский государственный лингвистический университет

rakhm@mail.ru

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ АНАЛОГИЯ
В УСЛОВИЯХ ЛИНГВОКРЕАТИВНОГО ВСПЛЕСКА,
ВЫЗВАННОГО ПАНДЕМИЕЙ**

Статья посвящена трем направлениям пополнения английского языка за счет фразеологических неологизмов, построенных по моделям структурно-семантической аналогии: 1) модификация фразеологизма с заменой на созвучный компонент; 2) создание новообразования на базе существующей структурно-семантической модели; 3) вовлечение во фразообразование лингвистически активных слов.

Ключевые слова: номинация, аналогия, структурно-семантическая модель, фразеологический неологизм

Как отмечают лингвисты и журналисты, 2020 год, год пандемии и сопутствовавших ей потрясений, ознаменовался беспрецедентным пополнением английского языка. Как отмечает видный лексикограф и ответственный за обновление словаря издательства Оксфорд (далее ОСАЯ) Каспер Гратвел, в 2020 году составители словаря наблюдали и регистрировали возникновение сотен новых слов и употреблений, каждое из которых в другое время получило бы звание слова года [Grathwohl 2020].

При этом, хотя благодаря новым средствам и способам скорость распространения новых слов и выражений значительно изменилась, однако нельзя не заметить, что сами тенденции возникновения новообразований не отличаются от наблюдавшихся ранее при изучении этих явлений.

Анализ материала позволяет выделить три основных процесса, представляющих интерес для исследования фразообразований, возникающих по моделям структурно-семантической аналогии:

- 1) модификация существующего фразеологизма в ответ на вызовы времени;
- 2) продолжение существующего ограниченного или открытого ряда;

3) вовлечение во фразообразование лингвистически активных в данный момент лексических элементов (*buzz words*).

1. Примером возникновения модификации, отвечающей за просам данного момента, может служить новообразование *an / the elephant in the zoom*. Такая замена регулярно производится на фонологически близкое слово. Данное новообразование возникло на базе фразеологизма *an / the elephant in the (living) room* – очевидная проблема или вопрос, который избегается говорящими. В модифицированном выражении *room* заменяется на *zoom*, в результате новообразование описывает очевидную проблему, которую участники видеоконференции не решаются затронуть.

Сходные явления наблюдались нами и раньше при модификации выражения *a rock and a hard place – Iraq and a hard place, Barack and a hard place* [Рахматуллаева 2015: 44,47]

2. Примером возникновения неологизмов в результате продолжения существующего ограниченного или открытого ряда устойчивых единиц могут служить *armchair virologist / epidemiologist* и *zoom fatigue* соответственно. Первое выражение возникает на базе уже сложившейся структурно-семантической модели и продолжает уже имеющийся в языке ряд кабинетных стратегов *armchair critic, armchair general / strategist, armchair quarterback*. Этот ряд фразеологизмов объединен общим значением и первым компонентом. Более того регистрируется и связанное значение слова *armchair* при атрибутивном употреблении – «не имеющий практического и непосредственного опыта в данной области или виде деятельности». Как в предыдущем случае, фразообразование происходит по аналогии, а сама эта модель накладывает ограничения на продолжение ряда и заменяемый компонент, так как данное значение слова *armchair* реализуется именно в сочетании с обозначениями деятелей, специалистов.

Продолжение открытого ряда иллюстрируется выражением *zoom fatigue* (усталость, депрессия из-за постоянных переговоров онлайн), который продолжает длинный синонимический ряд: *compassion fatigue, password fatigue*, и т.п., построенных по аналогии с медицинским термином *combat fatigue* начала 1990-х – буквально «усталость от войны», психологическая травма, полученная в ходе боевых действий (подробнее см. [Рахматуллаева 2015: 144]).

3. Вовлечение во фразообразование лингвистически активных в данный момент лексических элементов (*buzz words*) хорошо

иллюстрируются новообразованиями *support bubble* и *social bubble*, так как по свидетельству ОСАЯ элемент *bubble* проявляет в последние десятилетия значительную фразеобразовательную активность. Активизация лексического компонента идет в двух направлениях: во-первых, в экономической сфере со значением «искусственный рост / подъем», в сочетаниях *bubble economy*, *US housing / real estate bubble*, и др., где образным основанием номинации является представление о «мыльном пузыре» как о чем-то легко надуваемом и легко лопающимся. Другое направление – переносные значения *bubble* в сфере общественно-политической жизни: «исключительные, благоприятные условия за счет отгороженности от окружающего мира» в выражениях типа *to live in a bubble* – «жить в своем мире» и *Westminster bubble* – «британская политическая элита, противопоставляющая себя обществу в целом». К этому же направлению относится и новое связанное значение *bubble* – «круг контактов, круг общения», регистрируемое в сочетаниях *support bubble* и *social bubble*. Значение приобретает особую актуальность в период пандемии и используется на правительственном уровне. *Support bubble* – «круг/сфера поддержки», по определению британского правительства, мера ослабления режима самоизоляции, при которой разрешается общение не только с теми, с кем вы живете в квартире, но и соседями или родственниками в пределах одного дома, или еще одного дома, если вы живете один. Используемый образ пузыря для разграничения тех, кто внутри группы, и тех, кто вне ее, продолжает упомянутый общественно-политический образный ряд. Однако в фокусе номинации новообразования предстают несколько другие признаки, акцент делается на «эпидемиологически безопасный круг контактов». Определение места данных новообразований в языке невозможно без соотношения с *Westminster bubble*, структурно-семантическую аналогию с которым нельзя не отметить, или *housing bubble*, с которым они имеют лишь формально-структурное сходство.

Подобное вовлечение лексически активных на определенный момент элементов были замечены нами еще при изучении новообразований 1970–90-х годов. Например, появление нового значения у слова *trip* (1966), «эмоциональное переживание», сопровождалось возникновением выражений *ego trip* и *power trip* (1969), описывающие действия, предпринимаемые с целью самоутверждения (подробнее см. [Рахматуллаева 2015: 14]).

Упомянутые процессы демонстрируют верность в отношении фразеологической неологизации постулата вовлеченности в неологизацию всех уровней языка [Санько 2000: 13], подчиненность исследуемого фразообразования законам развития, обновления и внутрисистемного преобразования и совершенствования языка [Алефиренко 2009:7]. Тесная связь различных внутриязыковых процессов прослеживается в рассмотренном случае модификации единичной ФЕ, где для актуализации используются элементы лексического и фонетического уровня. Сходные процессы наблюдаются при продолжении рядов, когда происходит замена компонента, где тоже используется лексический уровень, но наличие ряда приводит к возникновению и выстраиванию сложных отношений между старыми и новыми фразеологическими единицами, то есть возникают новые отношения синонимии / антонимии или гипо-гиперонимии. И наконец, последние два процесса демонстрируют тесную связь фразеологии и семантики отдельных слов в области связанного, т.е. контекстно-ограниченного значения.

Литература

Алефиренко Н. Ф. Неофразеологизация в свете когнитивно-дискурсивного подхода // Вісник Дніпропетровського університету. Сер. Мовознавство. 2009. Вип. 15, т. 1. С. 3–9.

Рахматуллаева Н. Г. Когнитивные основания структурно-семантической аналогии во фразеологии английского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.

Санько Е. В. Неологизация в современном русском языке конца XX века: межуровневый аспект: автореф. дис ... д-ра филол. наук. М., 2015.

Casper Grathwohl. Oxford Languages announces 'Words of an Unprecedented Year' Oxford dictionary. URL: https://global.oup.com/news-items/archive/woty_2020?cc=ru (дата обращения: 1.05.2021).

STRUCTURAL AND SEMANTIC ANALOGY IN TIMES OF UNPRECEDENTED LINGUISTIC CREATIVITY CAUSED BY THE PANDEMIC

The article focuses on three ways of replenishing English through new nonce phrases built on the basis of structural and semantic analogy: 1) modification of idioms through like-sounding component exchange; 2) building

a nonce phrase on the existing structural and semantic pattern; 3) active involvement of buzz words in phrase creation.

Key words: nomination, analogy, structural and semantic model, nonce phrase

Taymour Maria Pavlovna

PhD

Moscow State Linguistic University

mariataymour@gmail.com

MULTIMODAL METAPHORS IN MODERN VIRTUAL DISCOURSE

This paper explores the phenomenon of multimodal metaphors in modern virtual discourse and the possibility of considering such metaphors as “mixed”. With the help of conceptual metaphor analysis, conceptual integration and image schema techniques, the main reasons of the cognitive dissonance, the role, and basic functions of multimodal metaphors were identified.

Key words: multimodal metaphor, metonymy, metaphonymy, mixed metaphor, cognitive dissonance

The main research into metaphor in texts, until recently, was focused on conceptual metaphor manifested verbally. Despite the fact that the ability of conceptual metaphor to exist outside the linguistic system was recognised, the combination of verbal and non-verbal realisations of conceptual metaphor was not the issue of systematic and comprehensive research. The most typical type of such texts is contemporary social and commercial adverts. To describe the process of inferring the meaning of multimodal mixed metaphors in modern digital texts the usual set of cognitive-linguistic tools has been employed: the conceptual metaphor analysis and metaphonymic analysis has been used for the meaning construction; the conceptual integration theory by Fauconnier has been exploited to account for the source domains’ blending procedure, and the analysis by image schemas [Kövecses 2010] to reveal the underpinning scaffolding of the mixing process.

While monomodal metaphors possess only one modality, in which Forceville discriminates nine modes of depiction: written signs, pictorial signs, spoken signs, sounds, gestures, music, smells, touch, and

taste [Forceville 2009]. Meanwhile, multimodal metaphors predominantly or exclusively combine several modes, e.g., verbal-visual or verbal-auditory modalities. Increased interest in multimodality in metaphors can be accounted for by the nature of digital communication in modern society that engages various modalities additional to the verbal one, as well as by the development of tools (multimodal corpora, eye-tracking techniques), which enable scholars to analyse and reproduce the results. While some bodily experiences that constitute the basis for many conceptual metaphors are shared almost universally, there are other dimensions that can influence and change the perception of a metaphor in a text. One of such issues is individual's cultural background. It could presumably be shaped by one's social position, age, gender, level of education, immediate cultural context, and some other factors. Another defining factor in metaphor perception turns out to be the difference between the 'traditional' verbal metaphors and metaphors comprising extralinguistic modalities. One of the additional

challenging factors could be the existence of different levels of cognitive dissonance experienced by a recipient while deciphering the meaning of a text that includes multimodal metaphor, which can be measured experimentally (which is beyond the scope of this paper). Verbal mixed metaphors are usually spontaneous and serve to display the author's creativity. They show the ability to compress information or to sound witty and humorous on the spur of the moment, while multimodal metaphors are typically thought out and aim at particular target audience that is able to perceive the information "enciphered" by an author (e.g., in advertising). Nowadays many companies use multimodality in their digital ads as it is well

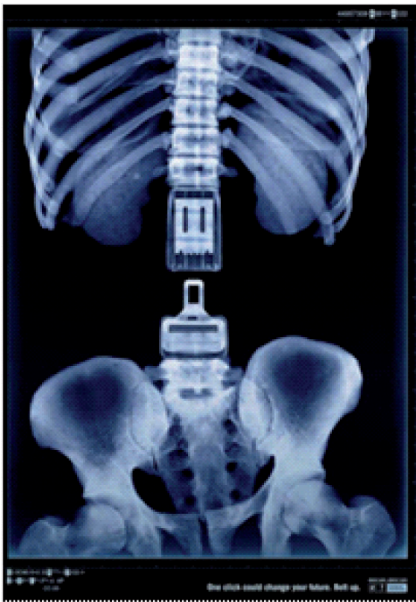

Figure 1. Social advert Driving
 (<http://justsomething.co/20-thought-provoking-advertisements-that-will-make-you-look-twice/>)

realised that pictures trigger deeper and faster emotional response of an addressee in comparison to words only [Таймур 2020].

Fig. 1 is an advert which encapsulates a visual part (an X-ray photography of a human spinal column, where one of the vertebrae is depicted as a buckle of a car seatbelt) and a verbal part (One click could change our future. Belt up).

The image seems to be a rather successful example of a multimodal metaphor, as the target audience is admittedly able to derive the expected interpretation of the social ad, inferring it effortlessly from the system of metaphoric and metonymic mappings. This system is quite elaborate (see Fig. 2), but it resembles the cautious driving example despite the difference in components. The parallel metonymic projections are unambiguously scaffolding the metaphoric inference clued by the caption.

In commercials, the main aim, unlike in social ads, is more pragmatically specific – to sell some particular product that is easily recognisable. The visual component is supposed to create positive unambiguous associations to encourage a client to purchase a product. In Fig. 3 the image of a plastic bottle in the right-hand corner of the picture and the caption Advanced synthetic motor oil by Avia unambiguously help to identify the advertised product (motor oil), as well as the brand. However, it remains unclear, what this advanced motor oil has to do with the horse in the middle of the picture, which is depicted in a somewhat atypical and uncomfortable position for a horse, licking its hind leg like a cat or a dog.

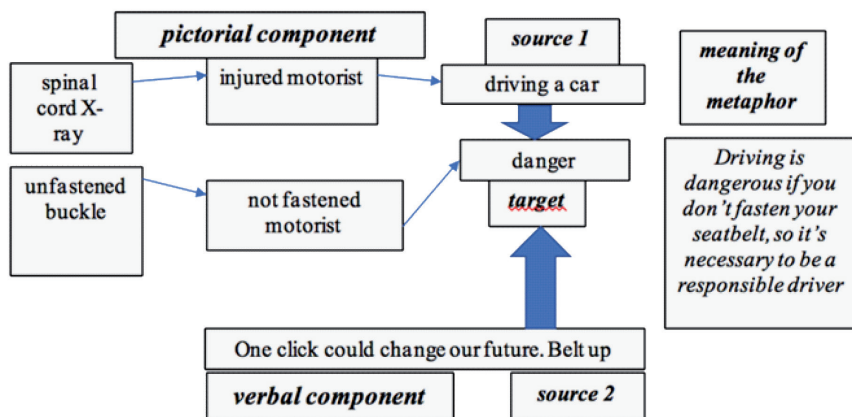

Figure 2. Metaphonymic map for the social advert *Driving*

Figure 3. Commercial advertising by Avia (<https://images.app.goo.gl/RxPkrUffnjoCBTzi8>)

The clue for understanding sits in the knowledge that ‘horsepower’ is used to measure the capacity of a car engine. If the recipient is aware of this, the metonymic chain exploited in the advert becomes relatively clear: motor oil (which helps the engine to function properly) – car engine (with horsepower capacity) – a horse. But in all three advertisements the horses are depicted in somewhat untypical positions for horses (licking hind legs, stretching, playing with a ball), but very characteristic of cats. This weird likeliness seems to be a deliberate tool of the advertiser, who exploits the metaphor A HORSE IS A CAT. The caption *Makes your horses purr* tips the recipient to identify the source domain (CAT), as their background knowledge should suggest that only cats produce this sound of purring. Thus, the horse symbolises power, while its feline manners stand for purring (usually of a happy cat). If applied to a car engine, it implies the idea of a smoothly running engine. Thus, this mixed multimodal metaphor may be interpreted as “the motor of your car will run without problems and will be “happy”, resembling a happy cat”. Since the metonymic chain exploits very untypical projections, the ad does not seem very friendly to the consumer [Голубкова, Таймур 2020]. It is especially challenging for the representatives of cultures, where a cat is seen as a mouse-catcher, not a pet.

As a conclusion, mixed metaphors are frequently employed in modern virtual discourse, especially in social and commercial ads. Our case studies revealed that multimodal metaphors owe their complexity in terms of meaning construction to the nature of their source domains which are numerous and often multimodal (i.e. belong to two semiotic systems). Apart from the possible ambiguity of the verbal component (caption), the visual component has no definite ‘grammar’ in the iconic sense of the word, and is liable to a variety of (mis)interpretations. Among the most important features of such texts is cognitive dissonance, i.e. a psychological state of discomfort of a recipient, and the contextual density of a text, i.e. the ability to pack maximum information into the limited space of a poster or an advert.

References

Голубкова Е. Е., Таймур М. П. Вербально-графическая метафора: рецепты успешного приготовления // Когнитивные исследования языка. 2020. №2 (41). С. 385–389.

Таймур М. П. Смешанные вербально-графические метафоры в рекламе (на материале английского языка) // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2020. № 6 (835). С. 84–95.

Forceville C. The role of non-verbal metaphor sound and music in multimodal metaphor // Multimodal metaphor. Forceville, C. & Urios-Aparisi, E. (eds.). Berlin – New York: Mouton de Gruyter. 2009. P. 383–400.

Kövecses Z. Metaphor. A practical introduction. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Tokareva Natalya Dmitrievna

PhD, Professor

Moscow State Linguistic University

tata2535@gmail.com

STYLISTIC USE OF COLLOCATIONS IN BRITISH NEWSPAPER DISCOURSE

Newspaper discourse is called upon, apart from its major function to inform the readers, to impose upon them the newspaper's ideological view of the events. Collocations are widely used in newspaper discourse for stylistic purposes; they present a highly productive source of expressiveness often forming stylistic devices and in this way contribute to the readers' alignment to the newspaper's ideology.

Key words: newspaper discourse, collocations, stylistic devices, ideology, instancial phraseological combinations, ideology

One of the functions of newspapers is to keep people informed of a variety of cutting-edge developments in the country in all their diversity. Another important function of a newspaper, particularly of an editorial is to conceptualize the described events in the readers' mind in the perspective, which will play into the hands of the newspaper's proprietors. The information is proffered in the way, which is in full coordination with the ideological stance of the newspaper.

The editorial of the **DAILY MAIL**, one of the most popular British newspapers, which is called Comment is analysed with the focus on the interface of phraseology and stylistics¹. There exist different approaches to the analysis of phraseological units but whichever theoretical perspective is followed, it is apparent that stylistically newspaper discourse is inseparable from the use of phraseological combinations, which are engaged in the process of conveying the newspaper's message. John Firth introduced the term "collocation". It refers to syntagmatic attraction between two or more lexical items (J. Firth cited from [Lehecha 2015: 2]). Such items are restricted in formation and use by language conventions. Collocations are not picked out randomly but they are fixed by language use grammatically and lexically.

The first function of a word or a phraseological unit, collocations among them, is the denotative function. But there is another dimension to the process which is highly politically and socially important, and it is the connotative function that comes into play. Connotation includes the emotional component and evaluation, which merge so closely that they sometimes form one whole segment in the text. It is the connotative meaning of a phrase that contains the implication, which the newspaper conveys to the reader deliberately. It creates the necessary background for the newspaper's further steps to carry on with the task of persuasion or manipulation.

The **DAILY MAIL** is a newspaper with extremely conservative ideology. The report pertains to the events, which took place in 2020; they arose from the anti-racist riots in a number of countries and were a matter of heated discussion in Great Britain. The **DAILY MAIL** Comment article is headlined "A nation that forgets its past has no future': Confronted by the Nazi threat, Churchill led the country through its darkest hour". It deals with the boarding up of Churchill's statue in downtown London. It is in the headline that the reader comes across the first stylistically important collocation "the darkest hour". It is not a newly formed collocation; it has a long history of use. The phrase is generally attributed to the hours before sunrise. But in this case it is both- an allusion and a metaphore describing Britain's opposition to the German onslaught in World War II.

Thus it is not the lexical meaning of the components but it is the meaning of the whole collocation that has the denotative meaning of "an

¹„The Daily Mail“, 13 June 2020, Comment.

extremely hard period". The analysis of the article brings out the obvious objective of the author to put through the pro-party message of inviolability and power of the Conservative Party. Describing Churchill's courageous stand during the War the author resorts to a great number of collocations. In the set phrase "...the Nazi threat on our doorstep" which means "very close to someone's place" the author underscores the immense threat of a possible German invasion. This is the stylistic device of periphrasis, which adds an additional meaning to the possible peril and to the greatness of the leader of the country at the time. Describing Churchill's statue the way it looked during the riots -all boarded up - the author adds the collocation "shoued in darkness". Apart from its denotative meaning in reference to the gloomy sight of a deceased person, it arouses a murky image of Churchill's statue. The collocation has a definite connotation of the statue as a dismal figure; this is a case of metaphoric intensification. The more so, that the noun "darkness" is directly connected with the previous two cases of the use of the adjective "dark" in the superlative degree: "the darkest hour" both in the headline and in the text.

Describing the reasons for keeping the statue safe the author uses the so-called instantial combination. These are free combinations of words with a semantic link between them. Describing the protestors, the author uses the word combination "a violent mob" which being haphazardly chosen is highly expressive. It is here that the author pictures the protestors as a band of disorganized and aggressive people. In the sentence which is syntactically incomplete, there is a case of antithesis "to protect these treasured national monuments from a violent mob" where the instantial phraseological combination forms a part of this stylistic device actualizing the opposition of the opinions.

The collocations cited above demonstrate inherent cohesion of the words which are components of collocatons. They are instances of conventional use which are preserved in the long-term memory and are ready for use at the moment of need. It is a kind of diachronic stability, which is akin to cognitive processes in language reproduction.

Collocations add a lot of expressiveness to newspaper discourse forming different stylistic devices which are deliberately used in appropriate contexts for greater emphasis. Thus alongside with other linguistic means, the **DAILY MAIL** Comment writers saturate the discourse with collocations whose purpose is to adapt the reader's mind to the ideological stance which eventually leads beyond assessing the event, to

the newspaper controlling the reader's mind. The use of phraseological units, collocations among them, with clearly cut political edge adds a desirable dimension to the process of the readers' alignment with the newspaper.

References

Lehecha Th. Collocation and Colligation. Handbook of Pragmatics 2015.

Fedulenkova Tatiana Nikolaevna

PhD, Professor

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs

fedulenkova@list.ru

USUAL STRUCTURAL PATTERNS IN BUSINESS TERMINOLOGICAL PHRASEOLOGY

The paper is devoted to the study of 'The New Penguin Business Dictionary' with the view of seeking out regular structural patterns in the sphere of Business English terminology having a transferred meaning, id est, in the sphere of terminological phraseology of Modern English.

Key words: business terminology, phraseological unit, component, structural patterns

During the period of linguistic postmodernism, going in tandem with the rapid development of the world economy and business relations, the study of business phraseology seems to be more in demand both theoretically and practically [Куприна 2009: 50], which determines the relevance of this paper. The pragmatic demand for banking terminology of phraseological properties stimulates the attention of linguists to scientific studies in the field of terminology and phraseology [Федуленкова et al. 2018: 498].

The paper is aimed at seeking out a set of regular structural patterns in business terms of phraseological nature. The language material of our research is the entries of substantive terms in 'The New Penguin Business Dictionary' [Bannock 2012]. The research is based on A. V. Kunin's phraseological conception and the method of phraseological identification that was introduced by the scholar into linguistics [Кунин 1996: 38].

The result of the structural analysis consists in that it finds out the following seven regular patterns in the field of Business English terminology with phraseological character:

Pattern 1. N + N, embracing 48,9% of the BE-terms under study: anchor store – major retail outlet that serves as a magnet for shoppers [Bannock 2012: 10]; bear market – a period during which prices in a financial market are going down and a lot of people are selling shares [Bannock 2012: 31]; expansion path – a graphical depiction of the optimal combination of some item, as the scale of output is expanded [Bannock 2012: 128]; recovery stocks – shares in companies which have suffered a re-rating downwards and which are now recommended in the hope or expectation that they will recover [Bannock 2012: 310];

Pattern 2. Adj + N, embracing 21,8% of the BE-terms under study: fiscal policy – government management of its spending and taxation decisions [Bannock 2012: 138]; global bond – a fixed-interest security issued simultaneously in the US, Europe and Asia [Bannock 2012: 149]; horizontal integration – the combination of firms operating in the same industry at the same stage of the production-distribution channel [Bannock 2012: 157];

Pattern 3. Ptc2 + N, embracing 8,7% of the BE-terms under study: evoked set – the special group of brands which a consumer actively considers and sees as acceptable options in a given product category [Bannock 2012: 125]; funded debt – generally, short-term debt that has been converted into long-term debt [Bannock 2012: 143]; weighted average – an average calculated by assigning weights to each reflect their relative importance [Bannock 2012: 385];

Pattern 4. Ptc1 + N, embracing 7,2% of the BE-terms under study: accepting house – an institution specializing in accepting or guaranteeing [Bannock 2012: 2]; clearing bank – a member of the London bankers' clearing house [Bannock 2012: 59]; floating capital – capital invested not in fixed assets (e.g. such as buildings) but in work in progress, wages paid [Bannock 2012: 139];

Pattern 5. N + N + N, embracing 7,2% of the BE-terms under study: equity pair trade – the adopting of offsetting positions in the equity of a company in different markets where there are small differences in the price of the stock [Bannock 2012: 121]; fault tree analysis – a particular technique for analyzing production and operational failures [Bannock 2012: 134]; pyramid investment scheme – an investment in

which generous returns are paid to one set of investors, financed by the deposits of a later set of investments [Bannock 2012: 300];

Pattern 6. Adj + N + N, embracing 5,8% of the BE-terms under study: blue chip issue – shares in leading quoted companies that can be easily bought and sold without influencing their price [Bannock 2012: 34]; foreign exchange market – the exchanging currencies through purchase and sale [Bannock 2012: 141]; final salary scheme – an alternative term for an occupational pension scheme in which pension benefits are established not with reference to how much a person has contributed to the scheme, but to his salary on leaving the scheme [Bannock 2012: 135];

Pattern 7. Adj + Ger, embracing 5,8% of the BE-terms under study: full listing (UK) – the inclusion of a company in the Official List of the London Stock Exchange [Bannock 2012: 143]; financial accounting – the process of operating the profit and loss account and balance sheet for an enterprise, usually on an annual or 6-monthly basis [Bannock 2012: 135]; hot desking – the sharing of office space [Bannock 2012: 157].

Conclusions. The most regular structural patterns are as follows:

- 1) N + N, embracing 48,9 % of the BE-terms under study;
- 2) Adj + N, embracing 21,8 % of the BE-terms under study.

Research perspectives are seen in the study of semantic value of components and their contribution to the meaning of the term.

References

Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: ВШ, Дубна: Феникс, 1996.

Куприна Т. В. От терминологического взрыва до лингвокультурной адаптации // Фразеология и терминология: Грани пересечения: монография / Федуленкова Т. Н., Иванов А. В., Куприна Т. В. и др. Архангельск: Поморский ун-т, 2009. С. 50–74.

Федуленкова Т. Н., Быкова Н. Д., Дерягин В. В. Уровни деловой терминологии фразеологической сферы в современном английском языке // Военно-гуманитарный альманах. Сер. «Лингвистика» : материалы XII Международ. науч. конф. по актуальным проблемам языка и коммуникации «Язык. Коммуникация. Перевод». Москва, Военный университет, 29 июня 2018 г. / под общ. ред. Н. В. Иванова. М.: Международные отношения, 2018. Вып. 3. Т. 1. С. 498–503.

Bannock G. The New Penguin Business Dictionary. L.: Penguin, 2012.

Lyagupova Larisa Nikolaevna

PhD (habil.), Professor
 Nationale Universität Donezk
 Lyagupova@donnu.ru

ZU DEN UNPRODUKTIVEN WORTBILDUNGSTYPEN IM MITTELHOCHDEUTSCHEN HANDSCHRIFTENKORPUS

Mit dem vorliegenden Beitrag sollte auf das Potential der Korpusanalyse bei der Beschreibung der Wortbildungstypen im Bereich der substantivischen Präfix-Derivate anhand des mittelhochdeutschen Handschriften-Korpus hingewiesen werden.

Schlüsselwörter: Handschriften-Korpus, Mittelhochdeutsch, Präfix-Substantiv, unproduktiver Wortbildungstyp

1. Als unproduktive Wortbildungstypen sind im vorliegenden Beitrag die Substantiv-Derivate mit *â-*, *ab-*, *after-*, *misse-* und *ur-* klassifiziert, die im sog. Bochumer-Korpus der mittelhochdeutschen Handschriften [Klein, Solms, Wegera 2009] belegt sind.

Ein Übergewicht weist unter den unproduktiven Präfixen im Mhd-Korpus *â-* auf. Dieses scheinende Übergewicht wird aber ausgeglichen, wenn man bedenkt, dass die Motivation von 3 Substantiven mit *â-* unklar ist. Die häufigsten substantivischen Bildungen sind in den Korpus-texten die Substantiv-Derivate mit *ab-* und *misse-*, was allerdings durch die erhöhte Frequenz in den Handschriften (Hss.) von *abgot* und *missetât* zu erklären ist. Das häufigste Substantiv mit *â-* ist *âkust*. Das am meisten gebrauchte *after-*-Derivat ist *aftersprâche*.

Die meisten untersuchten Präfigierungen sind Modifikationsbildungen, wobei die jeweiligen Präfixe dem Basissubstantiv zusätzliche Modifikationsmerkmale verleihen.

Als Wortbildungspleonasmen sind die Präfixbildungen klassifiziert, die keine Funktionsunterschiede zu ihren Motivationsbasen aufweisen und dabei morphologisch sowie semantisch motiviert sind. Sie sind nicht paraphrasierbar, sodass sie keiner Funktionsklasse subsumiert sein können.

Der allmähliche Verlust der semantischen Verbindung zum Basiswort führt zur Idiomatisierung von Substantiv-Derivaten. Dabei bleibt die morphologische Motivation des jeweiligen Derivats durchsichtig.

2. Die Substantive der unproduktiven Wortbildungstypen sind nur in einigen Zeit-Sprach-Rastern des Mittelhochdeutschen konzentriert.

Die *â*-Bildungen sind nahezu ausschließlich im oberdeutschen Raum verbreitet, wobei sie sich in der 1. Hälfte des 13. Jhs. nahezu verschwinden.

Die hohe Frequenz der Substantiv-Derivate mit *ab-* ist in allen Zeit- sowie in fast allen Raum-Rastern des Mhd. mit der hohen Belegbarkeit von *abgot* und *abgründe* verbunden, die bei den *misse*-Derivaten mit der hohen Frequenz von *missetât*.

Die Auswertung der Verbreitung von *missetât* ergibt eine deutliche Dominanz der jeweiligen Belege in den obd. Korpustexten im Vergleich mit denen im mitteldeutschen Raum im Verhältnis ~ 3 : 1. Im obd. Raum verschwindet *missetât* nahezu am Ende der mhd. Zeit, während die jeweiligen Belege im ganzen md. Raum bis auf das Mittelfränkische nachweisbar sind. Die ähnlichen Entwicklungstendenzen beziehen sich auf *misserôst*: Die Belege dafür finden sich im obd. Raum nur am Anfang der mhd. Zeit, seit dem 13. Jh. Sie sind ausschließlich in den md. Korpustexten dokumentiert.

Das Präfix *after-* prägt die mitteldeutschen Quellen aus. Die Substantiv-Derivate mit *after-* sind am Anfang der mhd. Zeit im hess.-thür. (omd.) Sprachraum belegt, dagegen im mfrk. sowie im rhfrk.-hess. Sprachraum – gegen deren Ende.

Die Bildung *urvlucht* ist nur am Anfang der mhd. Zeit (in der 2. Hälfte des 12. Jhs.) im rhfrk. Raum nachgewiesen. Die Belege für *ursache* sind in der 1. H. des 13. Jhs. lediglich rip. belegt, in der 1. H. des 14. Jhs. – im ganzen mitteldeutschen Raum, demgegenüber ist die Verwendung von *ursache* im obd. Raum im 13. Jh. und in der 1. Hälfte des 14. Jhs. auf das (Ost)schwäbische begrenzt.

Die untersuchten Substantiv-Derivate lassen sich aufgrund von Modifikationsmerkmalen in folgende Funktionsklassen einteilen: Taxation, Negation, Augmentation und zeitliche Abfolge.

3. Den Taxativa werden die Substantiv-Derivate subsumiert, die mit 'schlecht / falsch / Mangel an + Basissubstantiv (BS)' paraphrasierbar sind. Mithin weisen sich im Hss.-Korpus folgende Wortbidungstypen mit taxierender Funktion auf: 1) *ab*⁻¹: *abgot* 'falscher Gott'; 2) *â*⁻¹: *âkust* 'Unkunst', *âname* 'Beiname'; 3) *misse*⁻¹: *misserât*¹ 'übler Rat', *missetât* 'üble Tat, Sünde, Verbrechen', *misserit* 'Misstritt'; 4) *misse*⁻²: *missetât*₂; 5) *after*⁻¹: *aftersprâche* 'Verleumdung'; 6) *after*⁻²: *aftersprechen* 'Verleumden'.

Die taxierende Funktion wird mithin den Substantiv-Präfixen *â-*, *ab-*, *after-*, *misse-* zugeteilt. Alle Derivate der untersuchten Wortbildungstypen (bis auf *abgot* und *âleibe*₁) präsentieren Abstrakta. Die Basen von zwei Bildungen sind durch die Vokal-Alternanz gekennzeichnet, alle Motivationsbasen sind Simplizia.

4. Als Substantiv-Derivate mit negierender Funktion der Präfixe werden Bildungen eingeordnet, die mittels 'kein/ ohne + BS' paraphrasierbar sind. Den Negativa lassen sich aufgrund der Hss.-Analyse folgende Wortbildungstypen zuordnen: 1) *â*⁻²: *âmaht* 'Ohnmacht', *âteil* 'Teilnahmslosigkeit'; 2) *misse*⁻³: *missehëllunge* 'Misshelligkeit'; 3) *misse*⁻⁴: *missetrôst* 'kein Trost'.

Unter den Negativa lässt sich im Mhd.-Korpus keinen Leittyp nennen.

Als unproduktiv weisen sich im Hss.-Korpus die Substantiv-Derivate der Typen *â*⁻², *misse*⁻³, *misse*⁻⁴ auf. Ein Substantiv ist doppelmotiviert und lässt sich auch als ein deverbales grammatisches Abstraktum interpretiert werden. Alle Negativa sind Abstrakta, eines davon ist von einem suffigierten Basissubstantiv gebildet. Die Stammvokal-Alternanz ist in dieser Funktionsklasse nicht bezeugt.

5. Für die Einordnung der substantischen Präfigierungen als Augmentativa erweist sich die Wortbildungsparaphrase 'sehr tief + BS' als plausibel. Als solches ist im mhd. Hss.-Korpus lediglich *abgründe* mit 33 Belegen paraphrasierbar, das dem Wortbildungstyp *ab*⁻² zugeordnet ist.

Die Basis von *abgründe* enthält einen Vokal, der umgelautet werden kann, was aber im Mhd.-Korpus nicht immer der Fall ist: in einigen Belegen bleibt der Umlaut aus. Das untersuchte Derivat ist sowohl in der direkten Bedeutung als die Bezeichnung der jeweiligen Landschaft (wo es sehr tief ist) belegt, als auch in der übertragenen (abstrakten) Bedeutung i. S. v. 'Tiefe einer Seele bzw. Herzenstiefe'.

6. Für die Einordnung der Bildungen als Derivate, deren Präfixe auf die zeitliche Abfolge des Basissubstantivs hinweisen, dient die Wortbildungsparaphrase 'nächster + BS'. Darunter ist im Korpus ausschließlich der Wortbildungstyp *after*⁻³ mit der Personenbezeichnung *afterkumelinc* 'Nachkomme' subsumiert. Das vorliegende Derivat ist von einer suffigierten Basis abgeleitet, die einen Ablaut aufweist.

7. Als Wortbildungspleonasmen werden hier Derivate bezeichnet, die keiner Funktionsklasse zugerechnet sein können, da sie keine modifizierenden Unterschiede zu den jeweiligen Basissubstantiven

aufweisen, sodass die Deutungsformel 'Präfixsubstantiv = Basis-substantiv' hinsichtlich dieser Bildungen plausibel ist. Dabei sind die Wortbildungspleonasmen morphologisch sowie semantisch motiviert. Als die Wortbildungspleonasmen sind im Korpus folgende unproduktive Wortbildungstypen klassifiziert: 1) *ur-*: *ursache*, *urloup* i. S. v. 'Erlaubnis (zu gehen)', *urvlucht* 'Zuflucht'; 2) *â-³*: *âleibe₂*, 'Überbleibsel'.

Der Anteil der Wortbildungspleonasmen an den unproduktiven Wortbildungstypen ist geringfügig. Ein Derivat (*urvlucht*) weist eine suffigierte Motivationsbasis auf, die mit Ablaut gekennzeichnet ist. Das Substantiv *urvlucht* bezeichnet, auch im abstrakten Sinne, eine Stelle, andere Wortbildungspleonasmen sind ursprünglich abstrakte Begriffe.

Zahlenmäßig heben sich die unproduktiven Typen der Wortbildungspleonasmen von den Substantiv-Derivaten ab, deren Präfixe eine modifizierende Bedeutungskomponente aufweisen.

8. Abschließend kann man feststellen, dass die Modifikationsbildungen mit den unproduktiven Präfixen sowohl nach den Lexem-, als auch nach den Belegzahlen ein deutliches Übergewicht im Korpus aufweisen. Sie werden in vier Funktionsklassen eingeteilt.

Knapp zwei Drittel der Modifikationsbildungen präsentieren Taxativa. In dieser Funktion sind vier Belege von fünf bezeugt. In einem nahezu Viertel aller Lexeme handelt es sich um die negierende Funktion der Präfixe, deren Anteil im Korpus demgegenüber geringfügig ist. Andere Funktionsklassen weisen sich in den untersuchten Hss. vereinzelt auf. Die einzige Bildung mit der augmentativen Funktion von *ab-* – *abgründe* – erweist sich mit 33 Belegen als ausgesprochen wichtig in der Komposition der religiösen Texte.

Die meisten Basislexeme sind Simplizia, nur in zwei Fällen handelt es sich um abgeleitete (suffigierte) Motivationsbasen.

In den meisten Basiswörtern ist der Lautwechsel nicht ausgeprägt, wobei mehr als ein Viertel der Modifikationsbildungen Vokal- bzw. Konsonantentalternanz aufweisen. Drei Motivationsbasen sind mit Ablaut, eine mit Umlaut, noch eine mit Vokalharmonie gekennzeichnet.

Im Vergleich zu den motivierten Präfixsubstantiven ist die Motivation einiger Lexeme kaum nachvollziehbar. Der Anteil dieser Bildungen ist geringfügig. Als Substantive mit unklarer Motivation erweisen sich unter den Bildungen mit unproduktiven Präfixen lediglich die Substantive mit *â-* – *âbulge* 'Zorn', *âgëz* 'Vergessenheit' und *âwërf* 'Auswurf'.

Literatur

Klein Th., Solms H.-J., Wegera K.-P. Mittelhochdeutsche Grammatik; unter Mitarbeit von I. Andersen u.a. Teil III: Wortbildung. Tübingen: Niemeyer, 2009.

ON THE NON-PRODUCTIVE WORD-FORMATION TYPES IN THE MIDDLE-HIGH-GERMAN MANUSCRIPTS' CORPUS

The report is meant to reveal the potential of corpus investigations when describing the word-formation types of prefixal nouns on the material of Middle-High-German manuscripts' corpus.

Key words: manuscripts' corpus, Middle-High-German, prefixal noun, word-formation type

СЕКЦИЯ II. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Барсукова Эльмира Камиловна

аспирант

Московский государственный лингвистический университет

elia2605@yandex.ru

ИСТОКИ ДВОЙНОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Исследуемое явление двойной грамматической модальности берет начало в северных диалектах древнеанглийского периода, затем отмечается в языке скотс, откуда через ирландскую провинцию Ольстер попадает за океан, где получает дальнейшее развитие.

Ключевые слова: модальность, двойная модальность, происхождение, диалект

Двойная грамматическая модальность в английском языке представляет собой сочетания двух и более модальных глаголов в предложениях типа: *We might should consider another option*. Как правило, первый компонент выражает эпистемическую модальность, а второй – деонтическое или динамическое значение.

В статье обсуждается вопрос о происхождении таких сочетаний в английском языке: несмотря на распространение двойной модальности в страны внутреннего, внешнего и, частично, развивающегося круга, единая точка зрения на исторические истоки данного явления все еще отсутствует.

Особое внимание доклада посвящено полемике относительно двух возможных истоков двойной грамматической модальности: часть ученых считает, что сочетания берут свое начало в древнеанглийском языке и являются прямыми потомками первых сочетаний, в то время как другие утверждают иностранное происхождение явления, указывая, тем самым, на то, что сочетания были заимствованы из других языков, в частности – скандинавских.

Сторонниками версии о непосредственно английском происхождении двойной модальности выступают Ф. Виссер [Visser 1973] и Э. Трауготт [Traugott 1972]. По их мнению, сочетания впервые появляются в нортумбрийском диалекте английского языка – диалекте северного ареала, в древнеанглийский период (сочетание *must ought*). В среднеанглийский период активно употребляются сочетания *shall may* и *shall can*, после чего они выходят из употребления «за исключением шотландских диалектов, где продолжают существовать сочетания с *can* в качестве второго компонента» [Visser 1973: 2404]. Изначально, функционирование таких сочетаний в языке представлялось возможным ввиду следующих причин: 1) тип сочетаний отличался от современных – это были комбинации смыслового и вспомогательного глаголов и 2) модальные глаголы еще не оформились в отдельную группу глаголов (*modal auxiliaries*). Кроме этого, Ф. Виссер в своих выводах об исконно английском происхождении сочетаний опирается на факт наличия аналогичных комбинаций в других германских языках – в голландском и немецком, в контекстах типа:

Dat zou niet moeten kunnen (DiPaolo, McClenon, 1979).

Wie sollten dann diese Bewegungen exakt erfaßt werden können?
(Gastarbeiter, 1999).

Эта версия оспаривается С. Нейглом [Nagle 1994] и его коллегой М. Монтгомери [Montgomery, Nagle 1994], которые утверждают, что древнеанглийское сочетание *must ought* не имеет аналога в современной системе двойной модальности, равно как и среднеанглийские частотные сочетания *shall may* и *shall can*, первый компонент которых не регистрируется в составе современного модального комплекса. Так же, как и Ф. Виссер, С. Нейгл отмечает, что после так называемого «переосмысления» статуса модальных глаголов в XVI в. (от *англ. re-analysis*) и их выделения в отдельную группу вспомогательных глаголов двойные модальные сочетания исчезают из английского языка, поскольку одновременное употребление нескольких модальных глаголов начинает рассматриваться как нарушение грамматической нормы. После «переосмысления» статуса модальных глаголов сочетания снова появляются в языке: два столетия спустя, в 1756 году, на территории Шотландии отмечаются первые случаи употребления двойной модальности – в письменных текстах на языке скотс. Однако, в отличие от Ф. Виссера, который полагал, что сочетания после исчезновения

в XVI в. продолжили существовать в шотландских диалектах, С. Нейгл не связывает последующее появление сочетаний в языке скотс (1756) с нортумбрийским диалектом, отказываясь, тем самым, от идеи прямого, внутриязыкового развития двойного модального комплекса. Вместо этого, С. Нейгл предлагает версию о внешнеязыковом влиянии, полагая, что в данной ситуации источником сочетаний в языке скотс мог выступить и древнескандинавский язык. М. Монтгомери также предпринимал попытки установить источник двойной модальности в языке скотс, выдвигая одновременно две версии о внутриязыковом развитии и внешнеязыковом влиянии родственных языков. К сожалению, в период между выходом двойных модальных сочетаний из употребления (конец XVI в.) и их появлением спустя два столетия в языке скотс (1756) все еще нет зарегистрированных примеров употребления двойного модального комплекса, которые могли бы пролить свет на источник возникновения модальных сочетаний в языке скотс. Значит, версии о внутри- или внешнеязыковом развитии невозможно подтвердить или опровергнуть.

В рамках настоящей работы мы, однако, склонны полагать, что современные двойные модальные сочетания берут свое начало в древнеанглийский период в диалектах северного ареала, в частности, в нортумбрийском диалекте, на основе которого и оформился язык скотс, где и появляются такие сочетания после исчезновения в XVI в. Так, язык скотс с большой вероятностью вобрал в себя черты диалекта-основы – нортумбрийского диалекта, в котором и регистрируются первые двойные модальные сочетания в древнеанглийский период.

В конце XIX – начале XX в. двойные модальные сочетания начинают все чаще регистрироваться на территории Шотландии и Соединенных Штатов Америки, где впервые явление отмечается в 1859 году в штате Северная Каролина. За океан двойная грамматическая модальность попадает из Шотландии, из языка скотс. М. Монтгомери рассматривает этот вопрос детально и приходит к выводу, что схема Шотландия-США не является замкнутой. В начале XVII в., в 1610 году, часть населения Шотландии эмигрировала в Северную Ирландию и обосновалась в провинции Ольстер. Здесь в середине XIX в. также отмечаются примеры двойных модальных сочетаний: преимущественно, сочетания *will can*, на основе чего М. Монтгомери приходит к выводу, что именно ирландская провинция Ольстер может быть рассмотрена в качестве промежуточного элемента в схеме развития

и распространения двойной модальности. На территории Соединенных Штатов Америки шотландские ирландцы начали свой путь со штата Пенсильвании в направлении на юг, через Вирджинию и Джорджию [Montgomery, Nagle 1994].

Итак, современная система двойной грамматической модальности начинает постепенно оформляться еще в древнеанглийский период в северных диалектах: в языке появляются первые сочетания модальных глаголов. В дальнейшем, эти сочетания попадают в язык скотс, который оформился на базе нортумбрийского диалекта английского языка. Из языка скотс сочетания, через ирландскую провинцию Ольстер, попадают на территорию современных Соединенных Штатов Америки, где получают свое дальнейшее развитие. Исходя из всего вышесказанного, мы можем охарактеризовать происхождение двойной грамматической модальности как внутриязыковое.

Литература

Montgomery M., Nagle S. Double modals in Scotland and the Southern United States: Trans-Atlantic inheritance or independent development? // *Folia Linguistica Historica*. 1993. Vol. 14 (1–2). P. 91–107.

Nagle S. The English double modal conspiracy // *Diachronica*. 1994. Vol. 11. P. 199–212.

Traugott E. A History of English Syntax: A Transformational Approach to the History of English Sentence Structure. New York: Holt, 1972.

Visser F. T. A historical Syntax of the English language. Leiden: Brill, 1973.

SOURCES OF DOUBLE GRAMMATICAL MODALITY IN THE ENGLISH LANGUAGE

The study discusses the grammatical phenomenon of double modality and its sources in the English language. Double modals, stemming from the Old English Northumbrian dialect, were brought to the USA from Scots by the immigrants through Ulster.

Key words: modality, double modality, origin, dialect

Бондарь Владимир Анатольевич

кандидат филологических наук

Санкт-Петербургский государственный университет

alstar@inbox.ru

ОБ АОРИСТИЗАЦИИ ПЕРФЕКТА В СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИЙ ПЕРИОД

Перфект с именными группами, связанными с действиями исторических личностей, рассматривается как его особое функциональное употребление со смещением дискурсного фокуса без изменения семантики. Важную роль в аористизации перфекта играло экспериенциальное значение в контекстах близкоудаленных временных точек (*naht, gestern*).

Ключевые слова: перфект, претерит, перфектив, экспериенциальное значение, глагольная семантика, средневерхненемецкий

1. Материал исследования

В данном исследовании на материале примеров из Корпуса средневерхненемецких литературных текстов анализируются причины начала аористизации, т.е. движения немецкого перфекта в сторону претерита. Используемый в работе корпус насчитывает около миллиона словоформ и включает поэтические и прозаические тексты разных жанров и диалектов. Настоящее исследование ограничивается анализом конструкции *haben + P II*. Для этого были отобраны и рассмотрены все контексты использования словоформ **hab-* (без диакритики) + *P II*, а затем осуществлен поиск и анализ контекстов, где анализируемая конструкция используется с обстоятельствами времени *naht* (ночью) и *gestern* (вчера).

2. Нарративный перфект

По мнению некоторых авторов [Dentler 1997], для смещения семантики перфекта в сторону претерита существенным моментом (переходным мостиком) выступают нарративные пассажи, в которых перфект используется не для продвижения точечных, оторванных от момента речи прошедших событий (дейктическое время), но скорее для той или иной связи прошедших событий с моментом говорения.

Использование презентного перфекта в нарративных пассажах, как это ни удивительно, широко распространено и в современном английском и его вариантах, где перфект, тем не менее, сохраняет свое перфектное значение, но используется в таких контекстах для достижения определенных нарративных эффектов: создание эффекта сопричастности или удивления, выделения действия из цепочки событий, которое как бы погружает слушающего в гущу событий. Иными словами, такое употребление никоим образом не указывает на перфективную или претеритальную семантику английского перфекта и является особым прагматическим использованием. В современном английском и его вариантах данное употребление перфекта не дает никаких оснований полагать, что презентный перфект движется в сторону претерита, как нет оснований относить *praesens historicum* к прошедшему времени, а не рассматривать его как особый прием употребления настоящего времени в контекстах прошедшего времени. В нашем корпусе мы находим примеры, в которых действие исторических личностей может передаваться с помощью *haben* + P II:

(1) Dâvît, psalmista, hât von in geschriben dâ...

Давид Псалмопевец о них там написал... (M205A: *Pfaffe Konrad: 'Rolandslied' (A)* [XII в. (?), баварский диалект, переложение со старофранцузской поэмы «Песнь о Роланде»], строки 3453, 3454).

В похожем смысловом окружении, однако, используется и настоящее время: *disiv wort chundet iwer wissâge dauid* (эти слова возвещает ваш пророк Давид). Также есть контексты, где презент и перфект параллельно используются в отношении совершённых историческими личностями действий: *sô uns Arator saget, der von in geschriben habet* (так нам говорит Аратор, который о них написал [M199B: *Mittelfränkische Reimbibel B*, ок. 1100, поэзия, баварский диалект строки 484a–484b]). Такие примеры можно сопоставлять с употреблением *praesens historicum*: в обоих случаях действие относится к прошлому, а первоначальное значение форм относится к настоящему. Зачастую в подобных контекстах используются глаголы говорения или глагол *schriben* «писать».

3. Степень удаленности события и семантика перфекта

Анализируя семантику перфекта в испанском диалекте города Аликанте, С. Швентер приходит к выводу, что движение презентного перфекта в сторону перфектива, т. е. выражение темпорально

ограниченной ситуации со способностью к сочетанию с темпоральными наречиями точного прошедшего времени, происходит через развитие прошедшей ходиернальной семантики [Schwenter 1994].

Применяя и модифицируя предложенный С. Швентером подход, мы предлагаем под этим углом рассмотреть процессы, которые происходили с перфектом в средневерхненемецкий период. В отличие от современного диалекта испанского языка в Аликанте, средневерхненемецкий материал, имеющийся в нашем распоряжении, не дает таких примеров, в которых перфект переходил бы в ходиернальный перфектив, т. е. обозначал действие, завершённое в этот же день (сегодня), но с наречиями точного времени, например, мы сегодня купили фрукты в 8 часов утра (перфект выражает прошедшие события сегодняшнего дня по шкале С. Швентера). Однако у нас есть примеры, которые по своей сути близки к данной стадии. В корпусе находим немногочисленные примеры использования темпоральных наречий точного прошедшего времени, которые указывают на близкородственное прошедшее время: *naht* (прошлой ночью) и *gesteren* (вчера). Рассмотрим данные примеры.

- (2) praeseptor per totam noctem laborantes nihil cepimus (Лука 5:5). Gebytre durch dise gantze nacht habe wir geerbeitet. Ven habin nichtis nicht gevangen.

Господин, мы трудились всю ночь и ничего не поймали. (M318: *Evangelienbuch des Matthias von Beheim* [текст XIV в., проза, восточно-средненемецкий диалект], f. 43v, Z. 19–20).

В примере (2) глагол *arbeiten* является динамическим, неопредельным; по классификации Вендлера он принадлежит к классу глаголов деятельности (activity verbs) и может сочетаться с формами перфекта. Представляется резонным интерпретировать такие формы как экспериенциальный перфект, указывающий на совершение в течение определенного отрезка времени действие, вероятно повторяемое, в результате которого у субъекта действия появляется опыт, релевантный для момента речи, а не как континуативный перфект, подразумевающий, что начавшаяся в прошлом ситуация продолжает в момент речи. Для экспериенциального перфекта характерно то, что текущая релевантность в нем ослаблена, в силу чего, например, в английском и его вариантах, в экспериенциальных контекстах предпочтение отдается простому прошедшему времени. Текущая релевантность сохраняется в примере (2) благодаря результативному перфекту, который используется в

последующем предложении, выступающем как выражение логического вывода предшествующего действия. Отсутствие в *habe geerbeitet* текущей релевантности, а также незначительная временная удаленность от момента речи делают возможным использование наречия *naht*. Следующий шаг в аористизации перфекта представлен в примере (3):

- (3) wir sprechen ofte zesamen: “hân [!] ich dir gesteren gedienet, sô diene dû mir hiute. der gotessun hât uns gedienet, nû ist billich, daz wir im ouch dienen. er hât uns lange gedienet und getriuwelîchen. lange hât er uns gedienet, driu und drîzige jâr getriuwelîchen”.

Мы говорим часто вместе: «я тебе служил вчера, так послужи ты мне сегодня. Сын Божий нам служил, теперь же должно и нам послужить ему. Он служил нам долго и верно. Служил он нам долго, тридцать три года, [и] верно» (*M168: Leysersche Predigten (M/G T 15)* [текст XIII в., проза, южнобаварский диалект], *f. 14rb, Z. 38-44, f. 14va, Z. 1*).

В данном примере также используется динамический, неопределенный глагол класса деятельности (*dienen*), что позволяет интерпретировать значение перфекта (*hân gedienet*) как экспериенциальное, которое соотносится с другим экспериенциальным употреблением перфекта в данном пассаже (*hât uns lange gedienet*). Степень удаленности действия также незначительная: вчера противостоит сегодня, как бы составляя один временной континуум, аналогично тому, что мы наблюдаем в примере (2).

Исходя из вышеприведенных примеров, мы предполагаем, что в средневерхненемецком (около XIII в.) начинает происходить смещение перфекта (изначально экспериенциального, с ослабленной текущей релевантностью) в сторону перфектива, который контекстуально обладает определенной релевантностью для момента говорения. Сдвиг развивается в контекстах с ближайшим временным удалением от точки говорения, которое могло восприниматься как обладающее непосредственной связью с моментом речи (ср. ночь-день, в который произносится речь, вчера-сегодня). Изначально, разделение могло быть похожим на то, что мы имеем в современном английском: речь, произнесенная утром, если утро еще не закончилось, с большой долей вероятности потребует от говорящего употребления перфекта (*This morning I have woken up quite early.* – «Сегодня утром я проснулся довольно рано»), произнесенная же вечером – простое прошедшее. Однако отсутствие текущей релевантности в экспериенциальном

перфекте, восприятие прошлой ночи как непосредственной части дня, а также преобладание перфекта для выражения действий, совершенных в течение дня (сегодня) – все это могло способствовать восприятию контекстов подобных (2) и (3) как выражения завершенного прошедшего действия (перфект выражает прошедшие события сегодняшнего дня (ночи), в частности с временными наречиями точного прошедшего времени по шкале С. Швентера).

Литература

Dentler S. Zur Perfekterneuerung im Mittelhochdeutschen: die Erweiterung des zeitreferentiellen Funktionsbereichs von Perfektfügungen. Göteborg: Acta Universitatis Gothoburgensis (Göteborger germanistische Forschungen, 37), 1997.

Schwenter S.A. The grammaticalization of an anterior in progress: Evidence from a peninsular Spanish dialect // *Studies in Language*. 1994. 18, 1. P.71–111.

Referenzkorpus Mittelhochdeutsch, 1050–1350. URL: www.linguistics.rub.de/rem/ (дата обращения: 15.06.2021).

ON AORISTIZATION OF THE PERFECT IN MIDDLE HIGH GERMAN

The perfect with noun phrases associated with actions of historical figures is regarded as its special functional use with a shift in discourse focus without change in semantics. An important role in aoristization of the perfect was performed by the experiential perfect in contexts of proximate time points (naht, gestern).

Key words: perfect, preterit, perfective, experiential perfect, verbal semantics, Middle High German

Гурецкая Мария Вячеславовна

аспирант

Московский государственный лингвистический университет

meribell2009@yandex.ru

**РАЗВИТИЕ КОНЦЕПТА «СОСТОЯНИЕ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(в период XIV–XX вв.)**

В статье обсуждаются семантика и средства выражения концепта «состояние» на примере литературных памятников XIV–XX вв. Выдвигается гипотеза, что изменение концепта «состояние» в английском языке в диахронии является отражением преобразований языковой картины мира определенного языкового сообщества.

Ключевые слова: диахрония, языковая картина мира, концепт состояние, гештальт-функция, структурно-семантические модели

В работе предпринята попытка осветить диахронический подход в изучении концепта «состояние» в период XIV–XX вв. Источником выборки материала служат литературные памятники указанного периода. Методологией предлагаемого исследования является когнитивная семантика, диахроническая концептология, структурно-семантическое моделирование, теория динамической природы языковой системы, функциональная грамматика и теория гештальта. Выдвигается гипотеза о том, что различного рода изменения в репрезентации концепта «состояние» являются отражением изменения восприятия мироощущения людей соответствующей эпохи, и эти изменения зарегистрированы в художественной литературе, которая является наиболее достоверным источником изучения и интерпретации языковых средств в лингвистике.

Состояние рассматривается в науке как онтологическая и семантическая категория. В философии состояние отражает форму существования субстанции, в то время как в лингвистике состояние является семантической категорией, которая выражает специфическую форму бытия предмета, не влияющую на его сущностные свойства. В нашей работе состояние понимается как «онтологический и лингвистический, частично вербализованный, лексически, морфологически и синтаксически репрезентированный концепт; как единица знания, гештальтно передающая способы языкового представления знаний

о мире» [Сорокина 2018: 161]. В концепт «состояние» входят абстрагированные смыслы. Разные виды состояния представлены термином «гештальт-функции», которые в сочетании составляют концептуальные характеристики концепта «состояние» и формируют его содержание. Как онтологический концепт, состояние имеет два субконцепта: «нерезультативное состояние» и «результативное состояние».

Как уже было упомянуто, гипотезой исследования выдвигается предположение о том, что изменения в репрезентации «состояния» вызваны изменениями языковой картины мира. В связи с этим невозможно не раскрыть сущность данного термина. Существуют различные интерпретации «языковой картины мира». Например, В. А. Маслова утверждает, что «термин «языковая картина мира» – это не более чем метафора, ибо в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую «окраску» этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которые порождаются спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа» [Маслова 2004: 52–53].

Мы полагаемся на определение Е. С. Кубряковой, которая характеризует языковую картину мира, как «проекцию концептуальной системы нашего сознания» [Кубрякова 1997: 47]. Оно подчеркивает ментальную основу языковой картины мира и ее вербализацию в языке посредством разнообразных грамматических и лексических средств. В результате исследования было выявлено преобладание субконцепта «нерезультативное состояние» над субконцептом «результативное состояние». Наиболее употребительным гештальт-функциями (ГФ) оказались ГФ «физическое состояние» и ГФ «психологическое состояние», внутри которых были выявлены наиболее частотные семантические функции (СФ). К ним относятся «стабильное физическое состояние» и «стабильное психологическое состояние». Наиболее заметные изменения были выявлены нами в определенные временные периоды: к ним относятся XVII, XIX и XX вв. В нашем докладе они именуются, как «точки разлома». Именно в этих точках вектор развития выявленных нами параметров меняется на противоположный, что может говорить о возможных изменениях в картине мире английского этноса.

В настоящем докладе мы предпримем попытку объяснения, почему «точки разлома» пришлось именно на вышеупомянутые века. На наш взгляд анализ литературных памятников соответствующих периодов поможет дать достоверный ответ. Обратимся к истории. Так английская литература XVII в., представленная главным образом произведениями У. Шекспира, проникнута трагизмом, в связи с чем особое внимание начинает уделяться психологическому состоянию героев. Именно этим можно объяснить заметный рост ГФ «психологическое состояние». Нарастание трагизма может найти объяснение в религиозных предпосылках: наблюдалось ужесточение власти церкви.

Еще одна точка разлома была зарегистрирована в нашем исследовании в XIX в., в период викторианской эпохи. Английская литература данного периода отмечена опорой на традиции сентиментального бытового романа с преимущественным акцентом на обыденном, прозаическом. В сюжетах преобладает описание уклада жизни людей и уделяется внимание деталям быта, что приводит к росту числа ГФ «физическое состояние». Это интерпретируется политическими изменениями: именно в этот момент начинает формироваться капиталистическое общество. На смену романтизму приходит реализм.

В XX в. вновь происходит подъем ГФ «психологическое состояние», что связано с господством психологического романа модернистского направления. Центральной фигурой произведения становится человек и его внутренние переживания. Это вызвано прежде всего экономическими предпосылками. К концу XIX в. становится ясно, что Британия миновала свой расцвет и постепенно впадает в эпоху неопределенности. Этот период совпал с экономической депрессией, потерей колоний и как следствие потерей прежнего привилегированного положения в Европе. Английское общество охвачено общим чувством нестабильности, неуверенности в будущем и страхом перед грядущим.

Отсюда можно сделать вывод о том, что выявленные точки разлома могут свидетельствовать об изменении в мироощущении людей, что нашло отражение в литературе соответствующего периода. Картина мира человека подвергалась изменениям под влиянием прежде всего внешних факторов, к которым относились политические, экономические и религиозные. Совпадение точек разлома при исследовании установленных нами параметров (гештальт-функции, семантические функции) является неслучайным. На наш взгляд использование диахронных методов в языкознании является надежным

и результативным. С их помощью нам удалось выявить динамику развития концепта «состояние» в период XIV–XX вв., а также выявить основные причины, которые привели к этим изменениям.

Литература

Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Институт языкознания РАН, 1997.

Маслова В. А. Когнитивная лингвистика [Текст] / В. А. Маслова. Минск: Тетра Системс, 2004.

Сорокина Т. С. Концепт «Состояние» как гештальт и когнитивная схема языковой интерпретации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. №10 (803). С. 161. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-sostoyanie-kak-geshtalt-i-kognitivnaya-shema-yazykovoy-interpretatsii> (дата обращения: 24.05.2021).

DEVELOPMENT OF STATE CONCEPT IN ENGLISH (XIV–XX cc.)

The work discusses the semantics and means of expressing the STATE concept using the example of literary monuments of the XIV–XX centuries. The diachronic change of the STATE concept in English is presumed to be a reflection of the transformations in the linguistic picture of the world of a certain linguistic community.

Key words: diachrony, language world view, STATE concept, gestalt function, structural-semantic modeling

Дмитриева Мария Николаевна

кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
ahdbeshiza@yandex.ru

МОДЕЛИ ИМЕННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА ШВЕЙЦАРИИ В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ

Аналитическое описание принципов словообразования позволяет выявить механизмы номинаций реалий культуры и общественной жизни Швейцарии. В ходе анализа структурных и семантических особенностей дериватов

наблюдаются расширенные потенциальные валентности сегментных морфем – постфиксов. При словосложении имеет место переосмысление исходных компонентов семантической структуры.

Ключевые слова: именная словообразование, дериват, композит, словосложение, теория полицентризма, национальный вариант языка

Теория национальной вариативности немецкого языка указывает на то, что национальная специфика немецкого языка, или в другой терминологии полицентричность, пронизывает всю систему языка [Домашнев 1983: 151–181, Домашнев 2005: 858–861; Ammon 2015: 222 и след.]. Наибольшие по объему разделы посвящены фонетическим и морфологическим изменениям, а также особенностям, связанным с наличием в каждом варианте лексем, национально окрашенных формул приветствия и прощания и некоторые другие особенности. Национальная специфика проявляется также и в системе словообразования. В качестве одной из характерных черт швейцарского немецкого отмечается «архаичная окраска швейцарски маркированной лексики» [Филичева 1992: 71].

В контексте настоящего исследования принимается, что понятия литературный язык и швейцарский вариант немецкого языка в рамках разработанного в отечественной германистике теоретического подхода являются тождественными [Домашнев 1983: 15; Рахманова 2004: 283].

Целью данной работы является на примере именного словообразования лексем швейцарского варианта немецкого языка показать механизмы проявления национальной специфики. Для данной статьи на основе Словаря вариативности немецкого языка [VW 2004] обработаны около 2500 словарных статей. Развернутую характеристику материала исследования см. в работе [Дмитриева 2021: 109–112]. Словарь вариативности немецкого языка представляет собой «уникальный в своем роде опыт систематизации национального варьирования немецкого языка» (in einem einzigen und ... einzigartigen Wörterbuch [Löffler 2016: 63]). В семантическом плане наиболее богатый материал исследования представляют собой номинации безэквивалентной лексики.

Одной из наиболее обширных тематических группировок является «История и государственное устройство». Например: композиты (N + N) с первым компонентом *Kanton der* «кантон», обозначающие (1) *Kantonsarzt der, -in die*; окружной врач; (2) *Kantonsgericht das*;

«окружной суд» [VW: 385]; (3) *Kantonsrat der* [VW: 386] «кантональный совет». Первый компонент – лексема для обозначения федеративной единицы в Швейцарии, имеющей собственный парламент и собственное правительство. К наиболее обсуждаемым примерам названной тематической группы относится лексема (4) *Eidgenosse der* «швейцарец, гражданин Швейцарии» [VW: 199] (N + N), приводимая в качестве иллюстративного материала; см.: [Домашнев 1983: 155; Филичева 1992: 77]. Первый компонент композита *Eid der* представляет собой редкое заимствование в немецкий предположительно из кельтского языка: ср. двн *eid* [DUW: 473].

Интересным примером тематической группы «Культура» является (5) *Leuchtenstadt die* 'Luzern' [VW: 473] (N + N) «Люцерн»; буквальное значение 'город света'. Название кантона и его административного центра – города Люцерна – обнаруживает этимологические связи с лексемой *Leuchte*, заимствованной из латинского языка: ср.: *lucerna* «лампа». В Словаре современного немецкого литературного языка слово имеет помету «устар., поэт.» [DUW: 1127].

К группе обиходно-разговорной лексики принадлежит лексема (6) *Nullentscheid der* [VW: 534] со значением 'Entscheidung, die alles beim alten lässt' «решение оставить все по-прежнему»; ср. контекст употребления: *Das Aufatmen nach dem Nullentscheid* «вздых облегчения после решения оставить все по-прежнему». Пример (6) показывает реализацию нечастотной схемы композита с числительным в качестве первого компонента: Z + N.

Другим примером в этой группе может быть композит (7) *Nasenvelo das* [VW: 523] (N + N) «очки», используемый – преимущественно в юмористических текстах – для номинации предмета коррекции зрения.

Среди субстантивных дериватов наибольший интерес представляет подгруппа имен существительных с *-li*. Данный постфикс, характерный для алеманнского диалекта и вошедший в систему швейцарского немецкого, фиксируется в качестве диминутивного ареального суффикса [Домашнев 1983: 145, 161, 163–164; Копчук 2018: 332; Ammon 1995: 278]. В приведенных источниках указывается на присущее суффиксу значение уменьшительности, синонимические отношения с постфиксом *-chen*, а также фиксируется возможность употребления суффикса для выражения эмоционально-субъективных оценок. Но не приводится никаких дальнейших пояснений относительно семантических возможностей суффикса.

Между тем, наблюдение за группой лексем с данным постфиксом позволяет составить более детальное представление о механизмах его употребления в швейцарском немецком. Для лексем грамматического среднего рода общим значением постфикса *-li* является предметное диминутивное значение: например, (8) *Lädeli das* 'kleines Geschäft, in dem Lebensmittel und Gegenstände des täglichen Bedarfs verkauft werden' [VW: 451] обозначает «небольшой магазин, в котором продаются продукты и товары повседневного спроса». Помимо дефиниции в словарной статье приведен контекст: (8a) *In fünf Minuten waren wir beim Stöckli... wo auf der hinteren Seite das Lädeli drin ist* «Через пять минут мы оказались около небольшого жилого дома, в котором со стороны двора находился магазинчик». В пример (8a) включена еще одна лексема с *-li*: *Stöckli das*, которой также отведена словарная статья; см. (9) *Stöckli das* [VW: 761]. В контексте (8a) реализовано первое из значений: 'kleines Wohnhaus' «маленький жилой дом».

Постфикс *-li* используется и в художественных произведениях для создания национального колорита; в качестве примера можно назвать стихотворение И. В. фон Гете «Schweizerlied» («Швейцарская песня»).

Анализ языкового материала показал, что модели именного словообразования наравне с другими языковыми ресурсами систематически отображают национальную специфику немецкого языка Швейцарии. Лексемы используются для номинации реалий, предметов и явлений действительности. Наблюдения над «внутренней валентностью» сегментных словообразовательных элементов в составе деривационных образований позволяют сделать вывод о больших возможностях их сочетаемости в швейцарском немецком по сравнению с немецким языком Германии. При более широком подходе можно сделать вывод о том, что в новом аспекте раскрывается потенциал языковой подсистемы немецкого словообразования в целом, происходит обогащение «традиционных» сегментных морфем дополнительными смыслами. Обсуждение закономерностей словообразования в аспекте теории национальной вариативности представляется новаторским шагом и требует дальнейшей обработки и анализа языковых данных.

Литература

Дмитриева М. Н. Особенности швейцарского варианта немецкого языка в аспекте словообразования // По следам учителя. Исследования по скандинавистике и германистике: сборник статей к 90-летию профессора В. П. Беркова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2021. С. 109–117.

Домашнев А. И. Основные характеристики понятия «национальный вариант литературного языка» // Труды по германскому языкознанию и социолингвистике. СПб.: Наука, 2005. С. 857–861.

Домашнев А. И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. Ленинград: Наука, 1983.

Колчук Л. Б. Проблема языкового стандарта в условиях диглоссии немецкого языка Швейцарии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 11 (89). Ч. 2. С. 343–350.

Рахманова Н. И. История немецкого языка. От теории к практике: учебное пособие. М.: Высшая школа, 2004.

Филичева Н. И. Немецкий литературный язык: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1992.

Ammon U. Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Das Problem der nationalen Varietäten. Walter de Gruyter. Berlin, New York, 1995.

Ammon U. Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt. Walter de Gruyter. Berlin, München, Boston, 2015.

Löffler H. Germanistische Soziolinguistik. Erich Schmidt Verlag. Berlin, 2016.

MODELS OF NOMINAL WORD FORMATION OF THE SWISS GERMAN LANGUAGE IN THE ASPECT OF NATIONAL VARIABILITY

The analytical description of the principles of word formation allows us to identify the mechanisms of nominating the realities of Switzerland. While analysing the structural and semantic features of derivatives, extended potential valences of segmental morphemes are observed.

Key words: nominal word formation, derivative, composite, word composition, theory of polycentrism, national version of the language

Mukhin Sergey Vladimirovich

PhD, Associate Professor

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)

s.muhin@inno.mgimo.ru

ON FIXITY OF THE V+N WORD-COMBINATIONS WITH THE VERB *NIMAN* IN GOTHIC

The research focuses on fixity of Gothic V+N word-combinations with the verb *niman*. Scrutiny is given to their separate formation and phraseological meaning,

with the conclusion that phraseological status can be potentially attributed to 18 verb-noun complexes with the verb *niman*.

Key words: Gothic, phraseology, combinability, fixity, verb-noun complex

The verb *niman* features a remarkably high incidence in Gothic texts. It belongs to a group of strong verbs with ablaut sequence -i-, -a-, -ē-, -u- [Гухман 1958: 142]. The overall number of contexts with the word-forms of *niman* amounts to 110. Some contexts are reproduced in more than one manuscript. Besides, the verb can build combinations with pronouns. Consequently, the ultimate number of unique contexts with V+N combinations to be analyzed is 83.

With the verb *niman* it is its transitivity that tops the list of important requisites needed to form fixed expressions with nouns. Forming a syntactic structure is the first step to further idiomatization.

In the entirety of Gothic texts there are 44 nouns capable of standing alongside with *niman* to form V+N combinations. In most of them, the accusative type of syntactic government is effected.

Below is the complete list of nouns which lend themselves to combination with *niman*. All of them are provided here in the nominative form, including those words whose nominative is not registered in text: paida 'coat', ligrs 'bed', galga 'cross', mizdo 'reward', runa 'counsel', garuni 'counsel', skatts 'silver coin', swamm 'sponge', leik 'dead body', bimait 'circumcision', ahma 'spirit', stains 'stone', saiwala 'soul', anabusns 'commandment', pund 'pound', asts 'branch', *wasti 'dress', faheþs 'joy', waurd 'word', hansa 'troop', waurms 'snake', Iesus 'Jesus', spilda 'desk', hlaifs 'bread', boka 'book', qens 'wife', badi 'bed', barn 'child', waihts 'thing', akran 'fruit', lew 'opportunity', wargipa 'curse', sigislaun 'award', waips 'wreath, crown', ansts 'gift', andawizns 'salary', *sinþs 'instance', sarwa 'weapon', hilms 'helmet', arbi 'inheritance', andalauni 'reward', dauhtar 'daughter', wein 'wine', fisks 'fish'. It is clear enough that the nouns which may be combined with *niman* can hardly be grouped on the grounds of their individual lexical semantics. Nevertheless, they do fall into two large groups in accordance with either the material or abstract meaning:

1) material nouns, which name objects and substances: paida 'coat', swamm 'sponge', asts 'branch', hilms 'helmet', wein 'wine', fisks 'fish' etc.;

2) abstract nouns, which denote qualities, characteristics, abilities, conditions, actions, processes, relations, etc. [Новицкая 2014: 31]: runa

‘counsel’, *anabusns* ‘commandment’, *lew* ‘opportunity’, *wargiþa* ‘curse’, *sigis-laun* ‘award’, *andawizns* ‘salary’, *arbi* ‘inheritance’, etc.

Phraseological analysis suggests considering certain signatures of fixity [Кунин 1998: 47]. The most important of them pertain to structure, semantics and use. A fixed expression has to show the following properties:

- 1) separate formation;
- 2) idiomatic meaning which is not a sum of the componential meanings;
- 3) regularity of use.

Let us consider each of them.

1) Separate formation

Both lexical components in a fixed expression have morphological form constituted by specific grammar formants, which is not the case in composite words. In the latter, one of the two stems is void of form, like in the verb composites *ubilwaurdjan* ‘to slander’ and *wailamerjan* ‘to announce’ of the same structure V+N (N+V). The nominal components *ubil-* and *waila-* have no ending of the accusative and are therefore stems of a composite word.

2) Idiomatic meaning

Idiomaticity of meaning implies semantic transformation of at least one of the components of the word-combination. Word-combinations with *niman* are subject to two semantic phenomena that contribute to building stronger ties between the components: it is development of abstract meaning of the verb and metaphorization of the noun.

The first phenomenon is typical of many languages, including modern ones. Expressions like *to take care* in English, *prendre la route* in French, *Abschied nehmen* in German are just some of many more examples of such kind. In all of these expressions the lexical equivalents of Gothic *niman* are not used in their original meaning “to take in hand”. It can even be assumed that they are to some degree desemantized, as they merely denote action as such without specifying it.

Likewise, the verb *niman* performs just a structural function:

At maurgin þan waurþanana, runa nemun allai gudjans jah þai sinistans manageins bi Iesu, ei afdaupidedeina ina. – ‘When the morning was come, all the chief priests and elders of the people took counsel against Jesus to put him to death’. Mt. 27:1 [New Testament].

As for metaphorization, it is characteristic of the nominal components which are usually nouns with originally material meaning:

ak sik silban uslausida, wlit skalkis nimands, in galeikja manne waurþans – ‘But he emptied himself, taking the form of a slave, becoming as human beings are.’ Php. 2:7.

The originally material noun *wlits* ‘face’ within the word-combination adopts the abstract meaning “image, likeness”, due to which the entire expression comes to designate “to become similar to”.

Nouns with originally abstract meaning do not demonstrate any transformation of it, producing phraseomatic units:

unte frawaurhts lew nimandei þairh anabusn uslutoda mik – ‘because sin, finding its opportunity by means of the commandment, beguiled me.’ Rom. 7:11.

3) Regularity of use

Recurrence of Gothic V+N combinations is but a conventional notion. In the available volume of texts, the incidence of particular expressions does not exceed a few contexts. The largest number (5 contexts) is noted with the expression **niman galgan* ‘to carry the cross’. Hence, it is virtually impossible to speak of any textually verified recurrence.

Proceeding from the analysis above, certain signatures of idiomatic or phraseomatic fixity can be noted with the following 18 V+N expressions with *niman*. Almost all of them are listed here in the nominative form, which is not found in text:

- *niman galgan ‘to carry the cross’
- *runa / garuni niman ‘to take counsel’
- *bimait niman ‘to accept circumcision’
- *saiwala niman ‘to take a soul’
- *anabusn niman / *niman anabusnins ‘to accept a commandment’
- *waurda niman ‘take words’
- *ahman niman ‘to take the spirit’
- *niman qen / dauhtar ‘to marry, to take as a wife’
- *lew niman ‘to take a chance’
- *wargiþa niman ‘to receive a damnation’
- *riurjana waip niman ‘a wreath that will not wither’
- niman anst ‘to receive bliss’
- *niman andawizn ‘to get a salary’
- *niman sarwa gudis ‘to have God’s armor, to be protected by God’

- *hilm naseinai niman 'to receive salvation'
- *wlit niman 'to take an image of'
- *niman andalauni 'to receive an award'
- *niman arbi 'to get inheritance'

References

Гухман М. М. Готский язык. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1958.

Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, Дубна: Феникс, 1996.

Новицкая И. В. Древнегерманские абстрактные существительные: когнитивные основания становления словообразовательных типов (на материале готского, древневерхненемецкого и древнеисландского языков): в 2 т.; дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2014. Т. 1.

New Testament. Catholic online. URL: www.catholic.org/bible/new_testament.php (дата обращения: 21.05.2021).

Первак Татьяна Владимировна

кандидат филологических наук

Московский государственный областной университет

alexfirst@yandex.ru

СЕМАНТИКА МОДАЛЬНЫХ СЛОВ С СУФФИКСОМ -*WEISE* В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Цель настоящей статьи заключается в описании семантических особенностей модальных слов с суффиксом *-weise* в немецком языке. В работе рассмотрена семантическая классификация данных слов и показана взаимосвязь между их семантикой и синтаксическим употреблением.

Ключевые слова: модальное слово, оценочность, эвиденциальность, эпистемичность, суффикс *-weise*

В современной германистике достаточно хорошо рассмотрен вопрос о сходствах и различиях наречий и модальных слов, а также разработан ряд основополагающих критериев, позволяющих разграничивать данные классы слов [Elsner 2018; Helbig, Helbig 1990; Pittner, Berman 2015]. Обращает на себя внимание тот факт,

что наречия, образованные с помощью *-weise*, также образуют неоднородную группу, к которой относятся как наречия способа и образа действия (*Adverbien der Art und Weise*), так и модальные слова (*Satzadverbiale, Modalwort, Modaladverb*), ср.:

- (1) Sie arbeitet *stundenweise* in der Buchhaltung, natürlich im Homeoffice [DWDS].
- (2) *Dummerweise* habe ich auch „heimlich“ im Krankenhaus (Einzelzimmer) geraucht, bis man mir den Rauschmiss androhte [DWDS].

Так, в примере (1) наречие *stundenweise* описывает, каким образом совершается действие (по часам), и относится к пропозиции. В высказывании (2) модальное слово *dummerweise* комментирует содержание высказывания, иными словами, выражает отношение говорящего к пропозиции и, в отличие от наречия, легко трансформируется в матричное предложение: *Es ist dumm von mir, dass...*, что в целом является грамматичным для наречий.

Морфологически также прослеживается различие – наречия образуются от существительных, глаголов или числительных (*schrittweise, leihweise, hundertweise*); модальные слова – от прилагательных и причастий (*typischerweise, verbotenerweise*). В отличие от модальных слов наречия на *-weise* могут синтаксически выполнять функцию определения и согласовываться с существительным в грамматических категориях:

- (3) Der Verein erlebt ein gesundes, *schrittweises* Wachstum [DWDS].

Продемонстрируем разграничение наречий и модальных слов на *-weise* еще одним примером:

- (4) Es fällt schwer *nicht löffelweise* daran zu naschen [DWDS].
- (5) Bei bisherigen Gipfeltreffen dieser Art wurden Menschenrechtsfragen *interessanterweise nicht* berührt [DWDS].

Различная постановка отрицания в предложениях объясняется тем, что в (4) речь идет о частичном отрицании, характерном для наречий, поэтому *nicht* занимает позицию перед *löffelweise*, а в (5) речь идет об отрицании пропозиционального содержания, а не модального слова *interessanterweise*.

Однако ряд модальных слов на *-weise* все же допускает частичное отрицание, находясь при этом в рематической позиции под ударением:

- (6) Nun möchte ich aber *nicht dummerweise* noch ein zweites Mal bezahlen müssen [DWDS].

Далее хотелось бы отметить, что сама группа слов с суффиксом *-weise*, входящая в класс модальных слов, также не представляет собой однородного явления и в одинаковых условиях данные слова обнаруживают различные ограничения в употреблении.

Все это определяет цель исследования – описать семантические и синтаксические особенности слов с суффиксом *-weise*, входящих в класс модальных слов. Данная цель подразумевает ответы на следующие вопросы:

- (1) какие значения могут передавать данные модальные слова;
- (2) каким образом семантика модальных слов с суффиксом *-weise* влияет на особенности их синтаксического употребления.

Для всестороннего рассмотрения анализируемой проблемы был привлечен корпус немецкого языка DWDS (<https://www.dwds.de/>). Источником материала исследования послужил подкорпус Webkorpora. Методом поиска по ключевым словам и по заданным критериям было отобрано и проанализировано около 200 примеров использования слов на *-weise* в различных типах коммуникативных предложений.

Перейдем к первому вопросу. В зависимости от того, какое влияние модальные слова на *-weise* оказывают на значение высказывания, в германистике их разделяют на (1) оценочно-утвердительные (*bewertend-assertive Satzadverbialia*), (2) модально «ослабляющие» (*modal abschwächende*) и (3) эвиденциально-утвердительные (*evidenzbetonend-assertive*).

С помощью оценочных слов говорящий позитивно или негативно оценивает содержание пропозиции. К этой группе относятся такие слова, как *begrüßenswerterweise*, *bemerkenswerterweise*, *dummerweise*, *dankenswerterweise*, *erfreulicherweise*, *glücklicherweise* (положительная оценка); *bedauerlicherweise*, *unglücklicherweise*, *enttäuschenderweise* (отрицательная оценка). Модально «ослабляющие» слова отражают степень уверенности говорящего в истинности содержания пропозиции. Спецификой данных слов является то, что их присутствие вносит амбивалентность в состав высказывания и не позволяет однозначно судить об истинности или ложности пропозиции. К модально «ослабляющим» словам относятся *möglicherweise*, *begreiflicherweise*, *natürlicherweise*, *normalerweise*. С помощью эвиденциально-утвердительных слов

подчеркивается очевидность положения вещей, например, посредством опоры на общие знания. В эту группу входят такие слова, как *natürlicherweise*, *logischerweise*, *bezeichnenderweise*, *bekannterweise* [Zifonun, Hoffmann, Srecker 1997: 1127].

Иначе классифицируют данные слова Г. Гельбих и А. Гельбих, подразделяя их на эмотивы (Emotivum) и оценочные индикаторы (Bewertungsindikator). Эмотивы объединены по признаку, который указывает на эмоциональное отношение говорящего к фактам действительности. Таким образом, у данных слов (*bedauerlicherweise*, *erfreulicherweise*, *glücklicherweise*) речь идет об эмоциональном отношении к пропозиции, а не о выражении модальности. Этот факт отличает эмотивы от оценочных слов (*ratsamerweise*, *leichtsinnigerweise*, *begreiflicherweise*), которые также практически не выражают отношение говорящего к степени вероятности или достоверности пропозиции и не показывают его эмоциональное отношение к суждению, а дают рациональную и качественную оценку пропозиции [Helbig, Helbig 1990: 58].

Попробуем следующим шагом сопоставить модальные слова в некоторых типах коммуникативных предложений, а именно в вопросительных и побудительных, используя классификацию Г. Цифонун. В качестве примера возьмем слова (1) *erfreulicherweise*, *dankenswerterweise*, (2) *möglicherweise*, *normalerweise* и (3) *logischerweise*.

С помощью модального слова *erfreulicherweise* можно выразить эмоционально-оценочное отношение говорящего к пропозиции (*Es ist erfreulich für Sprecher, dass...*), с помощью *dankenswerterweise* – дать оценку действию, выраженному в пропозиции, как достойному благодарности (*Es ist dankenswert von Subjekt, dass...*). *Erfreulicherweise* дополнительно к эмоционально-оценочному отношению говорящего передает отношение субъекта (*Es ist erfreulich für Subjekt, dass...*) [Helbig, Helbig 1990: 117]. Оба оценочных слова выступают в качестве комментария на прагматическом уровне и на семантическом выражают субъективное отношение говорящего к пропозиции. Этим можно объяснить тот факт, что данные слова не встречаются в вопросительных и побудительных предложениях (примеры в корпусе не зафиксированы).

Модальное слово *möglicherweise* выражает эпистемическую модальность – говорящий высказывает предположение или оценивает вероятность того, насколько положение вещей в пропозиции может быть истинным. Напротив, *normalerweise* передает стереотипность представлений пропозиции. Слова данной группы ослабляют степень

уверенности говорящего в содержании высказывания и могут встречаться в вопросительных, но не в побудительных предложениях, например:

Wie stark engagieren sich Eltern im schulischen Umfeld ihrer Kinder, und welche Faktoren behindern dies *möglicherweise*? [DWDS]

Was kosten denn so kleine Kühlschränke *normalerweise*? [DWDS]

Модальное слово *logischerweise* используется для выражения эвиденциальной семантики, в частности значения инференциальности. С помощью *logischerweise* говорящий с определенной степенью уверенности делает логический вывод, основываясь на наблюдаемых результатах или очевидных данных. В семантике *logischerweise* также содержится оценочный компонент. *Logischerweise* может ограниченно встречаться как в вопросительных, так и побудительных предложениях:

Worum geht es den Eliten *logischerweise*? [DWDS]

Zieh *logischerweise* daraus deine Schlussfolgerungen! [Helbig, Helbig 1990: 163].

В целом можно сделать вывод о том, модальные слова с суффиксом *-weise* гетерогенны по своей семантике, что оказывает влияние на их синтаксическое употребление. Характерным для них является в первую очередь оценочно-эмоциональное значение и лишь в некоторых случаях – эвиденциальное и эпистемическое значения. Общим для данных слов является то, что они выражают позицию говорящего или обозначают отношение говорящего к субъекту, поэтому они, как правило, не входят в пропозицию и допускают трансформацию в матричное предложение, оценивая положение вещей в целом.

Литература

Elsner D. Empirisch basierte Überlegungen zu Ableitungen mit *-weise/-erweise*. In: Grammar and Corpora 2016. Heidelberg: Heidelberg University Publishing, 2018. S. 211–220.

Helbig G., Helbig A. Lexikon deutscher Modalwörter. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1990.

Pittner K., Berman J. Deutsche Syntax. Ein Arbeitsbuch. 6., aktualisierte Auflage. Tübingen: Gunther Narr Verlag, 2015.

Zifonun G., Hoffmann L., Strecker B. Grammatik der deutschen Sprache. Berlin, New York: DeGruyter, 1997.

THE SEMANTICS OF MODAL WORDS WITH SUFFIX *-weise* IN GERMAN

The purpose of this article is to describe the semantic features of modal words with the suffix *-weise* in German. The paper considers the semantic classification of these words and discloses the relationship between their semantics and syntactic use.

Key words: modal word, evaluation, evidentiality, epistemicity, suffix *-weise*

Салькова Марина Алексеевна

кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет

Петрова Любовь Сергеевна

аспирант
Московский государственный лингвистический университет
lubasha114@mail.ru

НОРМА, УЗУС, АНОМАЛИЯ: ОНИ ТАКИЕ РАЗНЫЕ, И ВСЁ-ТАКИ ОНИ ВМЕСТЕ

В работе обсуждаются понятия, которые одновременно противопоставлены друг другу и обеспечивают функциональность языковой системы. В качестве иллюстративного материала приводятся употребления грамматических ненамеренных аномалий в современной англоязычной интернет-коммуникации.

Ключевые слова: языковая норма, узус, языковая аномалия, функциональный подход, грамматическая непреднамеренная аномалия

Проблема языковой правильности волнует носителей языка, начиная с античных времен. Интерес к ней не иссяк и по сей день, особенно в области грамматики, где решение о правильности или неправильности того или иного явления традиционно является приоритетным для оформления мысли. Как остроумно подметила Беатрис Джой Чут, чей литературный и педагогический талант высоко оценили современники, 'You may loathe it, it may bore you, but nothing will replace it, and once mastered, it will support you like a rock.' В этой связи мы рассмотрим терминологическую триаду «норма – узус – аномалия».

Как эти понятия связаны между собой? Являются ли они взаимоисключающими или наоборот, дополняют друг друга? Противоречит ли узус норме или является формой бытия последней? Выводит ли аномалия из равновесия языковую систему или выполняет конструктивную функцию? В ходе обсуждения мы постараемся дать ответы на эти и другие вопросы.

Наименее традиционным является включение понятия аномальности в круг грамматических вопросов, хотя само по себе оно носит междисциплинарный характер и занимает значительное место в социальных и гуманитарных областях знания, где оно обнаруживает сходство с термином отклонение / девиантность.

Что есть аномалия для лингвиста? В рамках когнитивного подхода аномалия рассматривается как отклонение от известных нам закономерностей в процессе познания объекта. «Тем самым явление оказывается аномальным не само по себе, а относительно тех или иных законов» [Радбиль 2006: 24]. Для языковой аномалии таким законом выступает языковая норма. Но и это понятие в лингвистике трактуется неоднозначно. В диспозитивном смысле, норма определяется как общепринятое употребление, то есть сближается с узусом, или «использованием языка в разных сферах человеческой деятельности, речевой практикой» [Крысин 2007: 5], а в императивном – как правила, зафиксированные в справочной литературе. Очевидно, что более объективным кажется узкое понимание нормы, так как употребление зависит от многих нелингвистических факторов, в частности, географического, культурного и исторического. Таким образом, языковую аномалию в общем виде можно понимать, как «нарушение правила употребления какой-то языковой или текстовой единицы» [Апресян 1990: 50].

Исторически, в лингвистике в связи с изучением аномальных языковых явлений противостоят друг другу два подхода: традиционный (нормативный) и функциональный. Согласно первому (господствующему до XIX в.) – аномалия принимает статус ошибки, выступает примером того, как не надо говорить, то есть носит отрицательную коннотацию. Функциональный же подход (связанный, главным образом, с представителями Женевской школы Ш. Балли, А. Сеше, А. Фреем и Пражского лингвистического кружка В. Матезиусом, Б. Гавранekom, А. Едличкой) говорит о том, что «ошибки, по крайней мере те, которые возникают постоянно, чаще всего порождены глубинными тенденциями в речи

в целом» [Фрей 2006: 17]. Следовательно, аномалии понимаются как «точки роста новых явлений» [Апресян 1990: 64] и рассматриваются как фактор языкового развития. В современной отечественной и зарубежной лингвистике вопрос о языковой аномальности также в основном трактуется в связи с «диалектическим противостоянием тенденции к стабильности существующей нормы и тенденции к обновлению языка, на первых порах принимающей вид отклонений от существующих норм» [Радбиль 2006: 32]. Очевидно, функциональный подход, объединяясь с когнитивными интересами исследователя, представляет возможность заглянуть вглубь языкового явления.

Как видится, языковые аномалии имеют сферой своего бытования узус и носят более ярко выраженный характер по сравнению с нормой, так как зачастую обнаружить норму становится возможным благодаря фиксации неких отклонений. Стоит отметить, что аномалия, понимаемая как отклонение, не перечеркивает само правило, «а главное – оно (отклонение) может быть рационально мотивировано, коммуникативно адекватно, прагматически успешно и семантически осмысленно» [Радбиль 2006: 26]. Многие исследователи, которые занимались вопросом языковой аномалии (Э. Сепир, Л. Блумфильд, Л. В. Щерба, В. Матезиус, В. А. Ицкович, Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова и др.), отмечали конструктивный характер этого явления, а именно ее способность проявлять скрытые возможности языковой системы и даже оказывать определенный эффект на адресата – эстетический, митигационный, манипулятивный. В ракурсе культуры речи аномальность активно обсуждается как идентифицирующая составляющая отдельной личности и целого языкового сообщества. Более того, лингвистами отмечается и закономерный характер языковой аномалии: в частности, в работе Т. Б. Радбиля [Радбиль 2006] было доказано существование типовых моделей аномальности, выступающих как проявление синергической сущности языка.

Сегодня не существует единой общепринятой классификации аномалий. Наиболее важным среди предлагающихся лингвистами типологий нам представляется деление аномалий на намеренные и ненамеренные. Намеренные аномалии порождаются носителями языка осознанно, в целях «языковой игры» на уровне обыденной коммуникации или в художественных целях. К ненамеренным аномалиям относятся нарушения разного рода языковых правил, порожденные говорящим случайно. Отметим, что ненамеренные аномалии могут носить

как конструктивный, так и деструктивный характер. Ошибки нерегулярного характера – последствия незнания, оговорки, эмоционального всплеска и т.д. – не имеют перспектив в языке и действительно могут выступать как деструктивное начало. Для лингвистов же важно увидеть конструктивные ненамеренные отклонения, то есть те, которые со временем могут быть приняты системой языка и послужить толчком к ее обновлению (изменению норм). Но провести эту грань между конструктивным и деструктивным непросто: то, что сейчас является нетипичной ошибкой, может со временем стать широко употребляемой формой. «Тем самым граница между деструктивными и конструктивными аномалиями в языке оказывается непрочной и постоянно размывается» [Апресян 1990: 64].

Основным предметом исследования среди отечественных лингвистов в последнее время являлись намеренные языковые аномалии в художественных и публицистических текстах (Т. Б. Радбиль, О. В. Мурдускин, В. З. Санников). Мы же предлагаем для рассмотрения более узкий и специфичный материал, а именно, ненамеренные грамматические аномалии в их узусной среде – англоязычной интернет-коммуникации. Интенсивность пополнения интернет-пространства языковыми фактами предоставляет возможность наглядно продемонстрировать преимущества наблюдаемых отклонений от грамматических норм и вычленив основания для их закрепления в языке.

В целом, проблема языковой аномальности представляется настолько неисчерпаемой, что просто невозможно охватить все ее предполагаемые «выходы» в новые сферы исследования, из чего можно сделать вывод, что данный вопрос еще долгое время не потеряет своей актуальности.

Литература

Апресян Ю. Д. Языковые аномалии: типы и функции // *Res Philologica: Филологические исследования. Памяти академика Георгия Владимировича Степанова (1919–1986)* / под ред. Д. С. Лихачева. М.; Л.: Наука, 1990.

Радбиль Т. Б. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Языковые аномалии в художественном тексте. М., 2006.

Крысин Л. П. Русская литературная норма и современная речевая практика // *Русский язык в научном освещении*. 2007. № 2 (14). С. 5–17.

Фрей А. Грамматика ошибок. М.: Комкнига, 2006.

NORM, USAGE, ANOMALY: THEY ARE SO DIFFERENT, BUT STILL THEY ARE TOGETHER

The paper discusses and interprets linguistic notions that on the face of it seem to be antonymous but are dialectically inseparable, which grants the language system its functionality. Grammatical unintentional anomalies in contemporary English-language Internet communication are used to illustrate the main findings.

Key words: language norm, language usage, language anomaly, functional approach, grammatical unintentional anomaly

Сорокина Татьяна Сергеевна

доктор филологических наук, профессор
Московский государственный лингвистический университет
sotan1462116@gmail.com

«ВСПОМОГАТЕЛЬНОСТЬ» АНГЛИЙСКИХ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ: ПУТИ, ТЕМПЫ И СТЕПЕНЬ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ

«Вспомогательность» центральных английских модальных глаголов все еще является дискуссионной. На основании имеющейся исследовательской практики рассматриваются пути, темпы и степень грамматикализации этих глаголов в диахронии.

Ключевые слова: модальные глаголы, «вспомогательность», грамматикализация

«Вспомогательность» (auxiliarisation) современных английских модальных глаголов до сих пор является дискуссионной. Последние работы в области грамматикализации модальных глаголов отмечают трудности в определении того, что считать «вспомогательностью». Так, Т. Кутева [Kuteva 2001] пишет, что диахронный аспект ауксилиаризации обычно не учитывается как объяснительный фактор современной природы этого явления, т. е. вспомогательные глаголы трактуются без учета того процесса, результатом которого они являются.

Диахронный анализ грамматикализации модельных глаголов все еще оставляет для исследования несколько вопросов:

- 1) Когда и как происходила грамматикализация модальных глаголов в английском языке?

- 2) Через какие этапы она проходила?
- 3) Все ли модальные глаголы следовали по одному и тому же пути («path», «cline»)?
- 4) Формировали ли они закрытый класс уже в древнеанглийский (далее – ДА) период или были все еще полными лексическими глаголами?

Опираясь на работы Б. Лоури [Lowrey 2012] и О. Фишер [Fischer 2004], мы попытаемся ответить на поставленные вопросы.

В ДА период предки современных центральных модельных глаголов имели следующие лексические значения: **sculan* – «owe» (быть должным), **kunnan* – «know» (знать), **wiljan* – «want» (хотеть), **magan* – «to have the power of» (быть в состоянии), **motan* – «be able to, be obliged to» (мочь, быть должным сделать что-то). В настоящее время модальные значения подразделяются на корневые (динамические и деонтические) и эпистемические. В ДА период центральные модальные глаголы также сохраняют некоторые морфологические черты, характерные для лексических глаголов: отдельные формы 2-го лица ед. числа, формы сослагательного наклонения, они все еще употребляются в отдельных контекстах косвенной речи. Таким образом, в ДА период модальные глаголы еще не обладают всеми характеристиками «закрытого» класса.

Когда же произошла перестройка центральных модальных глаголов их полных лексических в почти вспомогательные (nearly auxiliary)?

Д. Лайтфут [Lightfoot 1979] впервые высказал идею о радикальной трансформации модальных глаголов («radical re-analysis») в диахронии, что вызвало однозначную реакцию со стороны лингвистов. По их мнению, исторические изменения модальных глаголов происходили не «взрывом», одновременным толчком («push chain») в XVI веке, а постепенно («drag chain»). Кроме того, это гораздо более длительный процесс, находящий объяснение в теории грамматикализации. Согласно этой точке зрения изменения центральных модальных глаголов происходят циклично, и эти циклы («modal cycles») снова и снова повторяются. По мнению О. Фишер, в ДА период предки современных модальных глаголов в первом модальном цикле ограничивают свою полнолексическую семантику до деонтических, динамических и эпистемических значений. Как следствие этого, они теряют некоторые морфологические черты, а также более не употребляются в прежних синтаксических конструкциях. Следующие циклы

касаются дальнейшей грамматикализации модальных глаголов (*shall / will* для передачи значения будущего действия). О. Фишер также считает, что изменения модальных глаголов происходят постепенно и не эволюционно в одном направлении, но с заметными колебаниями. Так, старые употребления модальных инфинитивов и причастий, исчезающие к концу ДА периода, вновь становятся частотными в среднеанглийский период (СА). Хронологически поздний СА и ранненовоанглийский считаются периодами наиболее радикальных изменений модальных глаголов.

Рассмотрение модальных глаголов по отдельности (а не как совокупного класса) показывает, что этот процесс не был однородным для всех глаголов, и что они развивались в грамматические элементы с разной скоростью.

Так, глагол *willan* грамматикализуется быстрее остальных глаголов. Уже в ДА он встречается с инфинитивами других глаголов в значении предсказания («prediction»). Это означает, что на этой стадии он становится слабым эпистемическим глаголом («weak epistemic modal»). Более того, есть свидетельства [Lowrey 2012], что этот глагол из лексического (*want*) сразу превращается в эпистемический, минуя стадию деонтических значений. В итоге, в ДА период глагол *will* демонстрирует, с одной стороны, сосуществование черт лексического и вспомогательного глагола, и, с другой стороны, обнаруживает заметные темпы языковых изменений.

Глагол *sculan* также находится в ДА на относительно продвинутой стадии грамматикализации. Он явно демонстрирует переход от корневой модальности долженствования к эпистемической характеристике будущего действия. Процесс грамматикализации *scolde* уже в ДА период проходит три стадии: от слабого корневого (долженствование) через некое значение нереальности к перифразе морфологической формы сослагательного наклонения. Иными словами, в ДА период уже достигается этап грамматикализации, когда *should* в определенных контекстах вытесняет морфологическую форму сослагательного наклонения, т. е. становится «quazi-subjunctive».

Из всех модальных глаголов *motan* претерпел наиболее значительные семантические изменения. В ранний ДА период он более похож на *may*, чем на современный *must*, так как выражает значение разрешения. В более поздний ДА период его семантика меняется: он выражает уже не разрешение, а долженствование.

Magan по своей семантике в ДА период располагается где-то между *motan* и *cunpan* и напоминает современное существительное *might*. Он функционирует как корневой глагол со значением силы, умственной и физической способности, а также в некоторых случаях разрешения. *Magan* и *mihte* первые из центральных модальных глаголов развивают эпистемические значения.

Cunpan из всех модальных глаголов грамматикализуется в последнюю очередь, дольше сохраняя черты лексического глагола. Его преимущественная семантика – корневая. Также отмечается возможность двойных модальных сочетаний в современных диалектах скотс, где *can* выступает как лексический глагол. Это еще одно подтверждение того, что грамматикализация *can* еще не закончена.

Вывод:

1) исторические изменения лексической семантики и приобретение черт «вспомогательности» не есть результат «взрыва», мгновенного «переосмысления» («re-analysis») английских модальных глаголов, но следствие длительного, постадийного, «циклического» процесса, сопровождающегося флюктуациями.

2) не демонстрируя «одноколейности» развития в диахронии, английские модальные глаголы подвергаются грамматикализации в разной степени и с разной скоростью, что и определяет меру их «вспомогательности» в настоящее время.

Литература

Fischer O. C. M. (2004). The development of the modals in English: Radical versus gradual changes. In: D. Hart (red.), English modality in context. Diachronic perspectives (pp. 16–32). (Linguistic insights. Studies in Language and Communication 11). Peter Lang. URL: https://www.researchgate.net/publication/254764660_The_development_of_the_modals_in_english_Radical_versus_gradual_changes (дата обращения: 20.05.2021).

Kuteva T. (2001). Auxiliation. An Enquiry into the Nature of Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press. URL: https://www.researchgate.net/publication/231884314_Tania_Kuteva_Auxiliation_an_enquiry_into_the_nature_of_grammaticalization_New_York_Oxford_Oxford_University_Press_2001_Pp_ix209 (дата обращения: 20.05.2021).

Lightfoot D. (1979) Principles of Diachronic Syntax, Cambridge Studies in Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press. URL: https://openlibrary.org/books/OL4742279M/Principles_of_diachronic_syntax (дата обращения: 20.05.2021).

Lowrey B. (2012) Grammaticalisation and the Old English Modals // *Quaderna*, 1. pp. 1-29. URL: <https://quaderna.org/wp-content/uploads/2012/11/Lowrey-grammaticalisation-old-english-modals-DEF.pdf> (дата обращения: 16.04.2021).

AUXILIARISATION OF ENGLISH MODAL VERBS: CLINE, RATE AND DEGREE OF GRAMMATICALISATION

Auxiliarisation of central English modal verbs is still debatable. Based on the results of contemporary linguistic studies is the analysis of the cline, rate and degree of their grammaticalization viewed diachronically.

Key words: modal verbs, auxiliarisation, grammaticalisation

Шипова Ирина Алексеевна

доктор филологических наук, профессор
Московский педагогический государственный университет
schipowa@mail.ru

ПРАГМАТИКА КОМПОЗИТНЫХ ФОРМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (на материале текста романа «Качели дыхания» Герты Мюллер)

В работе рассматриваются композитные прилагательные как нестандартные единицы языка, приобретающие в контексте художественного произведения яркую образность и выполняющие определенные прагматические задачи, связанные с выразительным потенциалом их семантических, морфологических и синтаксических свойств.

Ключевые слова: композитные прилагательные, морфологическая сочетаемость элементов, синтаксическая функция прилагательных, тип лексикализации, компрессия текстовой информации

Материалом исследования выступает текст романа родившейся и выросшей в Румынии писательницы немецкого происхождения Герты Мюллер «Качели дыхания» («Atemschaukel» von Herta Müller), удостоенного нобелевской премии по литературе в 2009 году. Выбор данного материала обусловлен частотностью композитных прилагательных, основная часть которых имеет семантику сравнения, что

позволяет автору текста решить ряд важных задач по изображению действительности, о которой идет речь в повествовании. Роман рассказывает о молодом человеке немецкого происхождения, родившегося и выросшего в Румынии и отправленного в 1945 году в трудовой лагерь на Донбассе для работы по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства Советского Союза, поскольку считалось, что эта этническая группа на территории Румынии пособничала нацистам во время войны.

События, описываемые в тексте романа от лица главного героя Леопольда Ауберга, которому на момент депортации было семнадцать лет, отражают жестокие лишения людей, оказавшихся в условиях голода, принуждения, незащищенности от несправедливых унижений. Роль прилагательных в таком повествовании чрезвычайно важна. Рассматриваемые в грамматике немецкого языка как часть речи, они выполняющая функцию характеристики предмета, процесса или состояния с целью его однозначной и точной идентификации или модализации [Zifonun, Hoffmann, Strecker 1997]. Прилагательные позволяют оттенять или выделять самые разные свойства тех элементов синтаксической структуры предложения, которые они определяют или идентифицируют. В композитной форме эта часть речи приобретает формальную целостность, что повышает степень образной выразительности любого описания, что в художественном тексте имеет особую ценность.

Комплексность семантики композитных прилагательных обусловлена их формальными и семантическими свойствами, в том числе их частеречным составом. Как правило, это сложные слова, состоящие из существительного и прилагательного, соединение которых часто несет в себе элемент сравнения, что позволяет увеличить объем семантического наполнения слова за счет его дополнительно создаваемой комплексности, например:

die straßenlage (Bonbonabteilung) длинный как улица кондитерский отдел,
giftbleiches (Gras) – ядовито выцветшая трава.

В состав композита могут входить и два прилагательных, но они менее распространены в анализируемом тексте (см. пример 1а).

Важным представляется рассмотрение синтаксических функций композитных прилагательных, которые могут выступать в предложении как определение (1а), предикатив (1), или как приложение, иллюстрируемое в примере (2). В каждом случае сочетание с определяемым

словом добавляет те оттенки образности, которые с прагматической точки зрения передают замысел автора, например:

- (1) Sie (Flugasche) ist **mausgrau**, samtig und riecht nicht, besteht aus Plätzchen, (1a) **winzigkleinen** Schuppen (Müller, 179).
- (2) Er war ein zusammengebautes Kind – seine Augen von der Mutter, alt und rund und **abendblau** (Müller, 276).

Особенность прилагательных подобного рода состоит в том, что благодаря им в высказывание вводится дополнительная пропозиция [Fijas 1998: 393], потому что характеристика определения может быть развернута в самостоятельную предикативную цепочку, как показано в (3а):

- (3) Der Vater malte die Karpaten, alle paar Tage ein neues Aquarell mit **grauzähnigen** Bergen und **schneeverwischten** Tannen... (Müller, 89).
- (3a) ein Aquarell, wo die Berge wie graue Zähne aussahen und die Tannen waren, als wäre der Schnee darauf verwischt.

Очевидно, что таким образом возникает компрессия текстовой информации, повышается плотность текстовой ткани, что делает воздействие на реципиента текста более интенсивным.

Уровень выразительного потенциала композитных прилагательных также связан с видом лексикализации его составляющих [Kotin 2010: 152]. Первичная лексикализация отражает компоненты слова в их референциальном прочтении, не разнящимся с денотативным значением элементов композита, как в примере (4):

- (4) **Taufeuchtes** Gras reicht mir bis in die Achseln (Müller, 97). – Трава влажна от росы и доходит мне до подмышек.

Однако образность сложного прилагательного значительно выше, если речь идет о вторичной лексикализации, при которой компоненты слова воспринимаются на основе метафорического или метонимического переноса значения, как в примере (5):

- (5) Die Schminksachen waren rosa und hatten einen **schneidigsüßen** Duft (Müller, 287).

Очевидно, что в прямом смысле слова запах не может *сладкорезущим*. В данном случае речь идет о синестезии – совмещение различных перцептивных актов в одной лексеме, то есть о метафорическом прочтении композита.

Прилагательные вторичного типа лексикализации относятся к окказиональным словам, создаваемым Г. Мюллер на базе креативного переосмысления их семантики, например: *blechtiefes* oder *sopranhohes Gebell* (Müller, 206). В этом заключается особая роль авторских композитных прилагательных, которые образуют практически новое слово немецкого языка, приобретают свою самостоятельность в рамках словарного состава и расширяют его выразительные возможности.

Пример (6) иллюстрирует, как такой композит вписывается в структуру предложения, расширяя семантическую емкость высказывания с помощью неконвенционального соединения входящих в него элементов:

- (6) Es wurde das allerlängste Lied in meinem Leben, fünf Jahre lang haben die Frauen es gesungen und es so *heimwehkrank* gemacht wie wir alle waren (Müller, 19).

Текст романа позволяет выделить различные группы сложных прилагательных и сделать вывод о том, какие семантические типы в нем наиболее частотны, и с чем это может быть связано. Анализ показывает, что это сложные прилагательные с компонентом, обозначающим цвет, например:

- (10) Von zu Hause wusste ich, wie kandierte Früchte sind: *grasgrün*, *himbeerrot*, *zitronengelb* (Müller, 236).

Прагматически предпочтение таких прилагательных объясняется естественностью мировосприятия и его наглядностью, с одной стороны, и с взаимосвязью цвета с предметностью окружающего мира в той перспективе, в которой это видит автор, с другой:

- (11) *schneeweißes* Taschentuch; eine *fuchsrote* Flamme и др.

Остальные группы составляют композиты со значением меры длины или формы предмета: *fingerlang* (Müller, 194), *meterdick* (ebd., 164), *sackförmig* (Müller, 51), что объясняется конкретизацией описания, необходимой с прагматической точки зрения автору, для того чтобы сделать описание реальности зримым и вызвать соответствующие ассоциации в памяти читателя.

По итогам проведенного анализа были сделаны следующие выводы. Композитные прилагательные увеличивают семантическую емкость данной части речи, способствуют компрессии информации в тексте, повышают плотность текстовой ткани, расширяют выразительные

свойства лексического состава языка. Это позволяет автору романа сделать образность художественного произведения наглядной за счет наложения телесных, зрительных и ментальных элементов мировосприятия, которые в целом отражают картину мира такой, какой видит ее герой-повествователь.

Литература

Fijas L. Das Postulat der Ökonomie für den Fachsprachengebrauch // Hiffmann, L. / Kalverkrämer, H. / Wiegand, H. E. (Hg.): Fachsprachen. Ein internationales Handbuch zur Fachsprachenforschung und Terminologiewissenschaft. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1998. S. 390–397.

Kotin M. Die Sprache in Statu Movendi, Bd. 1 : Einführung – Nomination – Deixis. Heidelberg: Winter-Verlag, 2010.

Zifonun G., Hoffmann L., Strecker D. Grammatik der deutschen Sprache. Bd. 1 Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1997.

Müller H. Atemschaukel. Roman. München: Carl Hanser Vlg., 2009.

PRAGMATICS OF COMPOSITE FORMS OF ADJECTIVES IN A LITERARY TEXT (based on the text of the novel «Atemschaukel» by Herta Müller)

The report examines the composite adjectives in the literary text of Herta Müller «Swing of Breath», which serve to increase the expressive potential of the work, contribute to the compression of information, expand the metaphorical base of the text.

Key words: composite adjectives, morphological compatibility of elements, syntactic function of adjectives, type of lexicalization, compression of textual information

СЕКЦИЯ III. ФОНЕТИКО-ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Bogdanova Iolanta Mikhailovna

PhD, Associate Professor
Moscow State Linguistic University
lanabogdanova@mail.ru

CHALLENGES AND PERSPECTIVES OF TEACHING PHONETICS DISTANTLY (in lockdown)

The article highlights some problems of online communication. It looks at pros and cons of distant teaching English phonetics to first year students in a linguistic university. Research findings are based on the observations and conclusions drawn from practical experience and supported by the students' views borrowed from a questionnaire.

Key words: online learning, English pronunciation, challenges, pros and cons

Our life abounds in stressful and challenging situations. The global Covid-19 pandemic has struck a hard blow on many aspects of our life including education. Young school leavers who have already enrolled in a university and looked forward to gaining knowledge faced the necessity to study online. Instead of socializing with other students inside university classrooms and being instructed and taught by university tutors directly through face to face communication first year students find themselves in a situation when they are obliged to stay at home and have their personal computer functioning as a mediator between a teacher and a student. However, since they have long been practicing online communication through social networking and messaging the necessity to learn a language remotely is not very challenging to them. To teach the pronunciation of the English language distantly in lockdown

is a challenge for the teachers, not to mention the fact that it has never been done before.

Acquiring pronunciation skills in learning a language is a top priority for language students, it is the first step in target language acquisition. It should be achieved not by imitating the pronunciation and approximating it to the standard but through conscious analysis of the specific articulatory features of the target language and detailed explanations of the work of the organs of speech. This approach has proved to be successful which is illustrated by thousands of graduates of Russian linguistic universities, MSLU being the best example.

The aim of this work is to describe pros and cons of teaching English phonetics to language beginner-students via the internet. The work is based on the observations and conclusions drawn from the obtained practical experience of teaching English pronunciation to first year students of MSLU online in lockdown. Moreover, the students' views on being taught phonetics distantly are analyzed in addition. A questionnaire was compiled for the students to fill in which contained a set of questions about their pronunciation gains and losses during online learning phonetics and their overall approach to studying distantly.

Starting to teach phonetics the teacher assumes that the sphere of phonetics is the one that is hardest hit by the student's mother tongue articulations. The student transfers his native language articulation skills into the foreign language and thus speaks with a strong foreign accent. This transference affects all the components of the phonetic system of the language. Learning a language at a linguistic university a student aims at perfecting their pronunciation skill. The aim of the teacher is to minimize the Russian influence on the pronunciation of the student. Thus, to master the English language the goal is set for the learner to acquire the English accent, closest to RP, which is the teaching norm and is most widely represented in dictionaries, textbooks, audio and video materials.

The initial stage of dealing with English pronunciation involves detailed explanations of the key features differentiating the English and Russian pronunciation bases – apico-alveolar phonemes in English versus dental in Russian, absence of palatalization in English versus the phonological status of palatalization in Russian, aspirated voiceless plosives in English versus absence of aspiration in Russian, phonological distinction between long and short vowels in English versus absence of this feature in Russian to mention but a few.

The next step is to practice silent drills (or mute drills) for the purpose of creating the so called “muscle memory”. The students silently make their organs of speech take up the required positions. At this stage online work is preferable. Being in front of the web camera the students see their own positions of the organs of speech constantly comparing them with the positions illustrated by the teacher, both the students’ and the teacher’s icons being on the screen. The visual control of the position of the lips, the tongue, the jaw is definitely a positive gain of online work.

Addressing the students online (via zoom) the teacher illustrates the phoneme (word, sentence, etc.) pronouncing it and records his exemplary pronunciation. These recorded video illustrations may be repeatedly watched by the students providing individual practice. Besides, numerous visual and auditory illustrations borrowed from the internet also fit the needs. This point was stressed by the students in their questionnaires as a significant positive effect of online learning.

While instructing students, listening to their pronunciations and correcting them the teacher widely uses gestures and hand movements. According to the method developed by D.E. Ogorodnov in teaching vocal music and speech the use of hand movements leads to urge the brain to operate the human vocal cords more effectively and thus achieving considerable results [Огороднов, URL]. Working on phonetics via the internet, many gestures may accompany the teacher’s explanations. Thus, to pronounce the vowel /æ/ a wide opening of the mouth cavity is illustrated by showing the forefinger and thumb wide apart, to illustrate the articulation of the /e/ phoneme these fingers are close to each other. To practice intonation variations – scales and tones – the hand movements imitating the movement of the pitch of the voice from a higher level to the lowest one are also practiced. The students are asked to reproduce these movements by their fingers and hands. Working individually, the teacher instructs each student and gives them advice on how to improve their efforts. This individual work is highly appreciated by the students.

In online communication the relations between the teacher and the student change. The fact that the teacher talks from the large screen looking directly at the student creates an atmosphere of proximity and individualization, especially in case of having a private conversation and discussing the student’s personal interests, cultural and educational background.

Thus, the positive factors of online learning are the following. Studying online saves students' time allowing them not to waste it commuting to the university and back. 100% of the students share the opinion.

Comfortable home atmosphere lessens the stressful load and brings about the students' positive attitude thus stimulating their creative activity. Individualization and longer individual contacts make the teacher-student communication more student-oriented. Visualization (video recordings and the teacher's illustrations) give the students the maximum benefit.

The negative factors of learning remotely. The main drawback is the absence of direct physical contact between the students of the group and between the teacher and the students. This drawback is pointed out by the majority of the students.

There is no group work motivation. The students staying at home may feel relaxed, passive and inattentive. Consequently, they may turn off their web camera.

Difficulties of finding suitable space for online communication at home.

Communication gaps caused by weak internet service.

The analysis of the questionnaire filled in by the students shows that about 80 % of them favourably accepted the need to study remotely. 88% stated that their priorities/ goals were met/suited. They describe their acquired skills as higher than average (75 %), they can correctly pronounce isolated sounds (78,5 %), sounds in speech (87,5 %), intonation patterns (62,5 %) and choose the right intonation contour for the required communicative type of the sentence (87,5 %).

Learning remotely via the internet opens up a new stage in education offering options for the students to choose from.

References

Огороднов Д. Е. Методика музыкально-певческого воспитания: учебное пособие. URL: [www.http://www.ogorodnov.info/metodicheskoe-posobie-1994g/](http://www.ogorodnov.info/metodicheskoe-posobie-1994g/) (дата обращения: 15.05.2021).

Simarin Dmitry Alexandrowich

PhD, Associate Professor
Moskauer Staatliche Linguistische Universität
79262829559@yandex.ru

Gubanova Kristina Alexandrovna

Studentin
Moskauer Staatliche Linguistische Universität

DIE PROSODISCHEN BESONDERHEITEN DER STATISCHEN AUDIODESKRIPTION

Die Studie widmet sich der Untersuchung der prosodischen Mittel in der statischen Audiodeskription. Unter „Audiodeskription“ versteht man ein entwickeltes Verfahren vor allem für Menschen ohne Sehvermögen. Die Besonderheiten, die im Laufe der Untersuchung festgestellt sind, sorgen für das vollständige Erhalten der akustischen Informationen von Menschen ohne Sehvermögen.

Schlüsselwörter: Audiodeskription, Tempo, Sehvermögen, Akzentverlegung, Pausen

In letzter Zeit hat die Gesellschaft eine klare Tendenz zur sich verbreitenden Barrierefreiheit in allen Lebensbereichen. In diesem Zusammenhang unternimmt man immer mehr Anstrengungen, um die problemlose Zugänglichkeit und Benutzbarkeit sowohl vom Raum als auch von der Information durchzusetzen. Das bedingt die Aktualität der Entwicklung der hochwertigen barrierefreien audiovisuellen Medienangebote für Menschen mit Sinnesbehinderungen. Dazu gehören die Untertitelung, die Gebärdenspracheeinblendung und die Audiodeskription (kurz AD).

Heutzutage stellt die Audiodeskription im wissenschaftlichen Diskurs eine ganz neue Richtung dar und hat ihre sprachlichen Besonderheiten, die wenig untersucht sind. Unter „Audiodeskription“ (im Englischen „Audio Description“ oder „Video Description“, im Französischen „Audio Vision“) versteht man ein entwickeltes Verfahren vor allem für Menschen ohne Sehvermögen. Dabei werden die optischen Informationen in einen geschriebenen Text verarbeitet und akustisch repräsentiert. Deshalb ist die „Audiodeskription“ ein neues sinnvolles Ganzes, das aus verbalen und akustischen Elementen besteht [Benecke 2014: 1].

Das Objekt (bzw. „der Ausgangstext“) und die Realisierungsform der Audiodeskription variieren sich je nach situationsrelevanten Umständen. Daraus ergeben sich unterschiedliche Kategorien der Audiodeskription. Laut M. Hirvonen gelten der Vorbereitungsgrad der Audiodeskriptoren und das von ihnen gewählte Material für die Beschreibung als Hauptkriterien für die AD-Klassifikation [Hirvonen, URL]. Nach dem Vorbereitungsgrad lässt sich die Audiodeskription in folgende Arten einteilen:

1. spontane (Live) Audiodeskription;
2. vorbereitete (mit Skript) Audiodeskription.

Unter der spontanen AD versteht man eine lebendige Sprechsituation. So wird die akustische Beschreibung gleichzeitig mit den visuellen Handlungen und ohne Training realisiert. Bei der vorbereiteten Audiodeskription handelt es sich um die Hörbeschreibung mit der im Voraus hergestellten und ausprobierten AD-Manuskript. Vorbereitete Audiodeskription wird oft von professionellen SprecherInnen aufgenommen.

Nach dem Ausgangsmaterial sind folgende AD-Arten zu unterscheiden:

1. dynamische Audiodeskription;
2. statische Audiodeskription.

Dynamische Audiodeskription ist die Beschreibung von Objekten, die sich durch ihre Variabilität in Zeit und Raum und durch die Besitzung der ganzen Reihe der akustischen Information auszeichnen. Es können sowohl die Aufnahmen z.B. Filme, Programme, als auch Nicht-Aufnahmen z.B. Theater, Oper, Tanz, Sport, sein. Die statische Audiodeskription umfasst die Beschreibung von solchen Objekten, die unverändert bleiben und keine extra akustische Information (außer Audiobeschreibung) besitzen. Dazu gehört die Beschreibung der Kunstwerke z.B. Gemälde, Skulpturen, Fotos, und der visuellen Medien z.B. Informationstabelle, digitale Anzeige.

Die Audiodeskription gilt in Rahmen des kommunikativ-pragmatischen Aspekts als erfolgreich, wenn die Hörer die phatische und poetische Funktion für erfüllt halten. Unter der phatischen Funktion versteht man die suggestive Beeinflussung, dass Rezipienten kein Wichtiges vermissen. Die poetische Funktion bedeutet die Kompensation der ästhetischen Gefühle durch lautliche Erscheinungen [Pujol, URL]. Da die Audiodeskription fast immer durch das Gehör wahrgenommen wird, ist komplette Realisierung von beiden Funktionen auf den richtigen Gebrauch von prosodischen Mitteln zurückzuführen. Deshalb ist das Lautbild der Kommentatoren, das die akustische Repräsentation der

Audiodeskription formiert, bedeutungsvoll. Es fehlt trotzdem an den Richtlinien, anhand deren die Stimmqualität und die Sprachkompetenz der Audiodeskriptoren bei Aufnahmen der Beschreibung verbessert werden können.

Diese Studie widmet sich den prosodischen Merkmalen der vorbereiteten statischen Audiodeskription. Suprasegmentäre phonetische Mittel werden beim Realisierungsprozess der statischen Audiodeskription je nach den extralinguistischen Faktoren als permanente Phrasierungsmittel verwendet. Das Ziel der Studie ist den Gebrauch der prosodischen Mittel in der statischen Audiodeskription festzustellen. Die Forschung wird mithilfe der auditiven Analyse und Computeranalyse durchgeführt. Es wurden das Sprechtempo, die Pausendauer, die Akzentverlegung und die Tonhöhe analysiert. Die Auswahl des Analysematerials wurde gemäß dem Ziel der Untersuchung durchgeführt, die sich auf die Identifizierung der prosodischen Merkmale der statischen Audiodeskription konzentriert. Das Material schließt authentische deutschsprachige aufgenommene Audio-Texte der vorbereiteten Beschreibung der Architektur, Malerei und Landschaften ein.

Die statische Audiodeskription gehört zur Form der Redekunst. Das Sprechtempo zwischen 90 und 120 Wörter pro Minute gilt für alle neutralen Redensarten als angemessen. Aus der angeführten Analyse ergibt sich, dass in der statischen Audiodeskription die Sprechgeschwindigkeit von 100 bis 135 Wörter pro Minute bevorzugt wird. Solches Sprechtempo liegt im Referenzbereich eines deutschen Sprechers, der seine Rede im neutralen Stil hält. In den größeren rhythmischen Einheiten kann es abhängig vom Informationsinhalt variiert werden. Nach den Regeln der Rhetorik ist die Audiodeskription wie künstlerische Texte in mehrere Abschnitte einzuteilen: 1) Einführung; 2) Hauptteil und 3) Abschluss. Die Audiodeskriptoren stellen damit zusätzliche Information in den ersten und letzten Absatz und realisieren sie im schnellen Tempo (etwa 130–135 wpm). Die Hauptbeschreibung wird sowohl im mittleren (etwa 120–125 wpm), als auch im langsamen (etwa 100–106 wpm) Tempo vorgelesen. Diese prosodische Erscheinung erhöht die Konzentration und zieht auf sich die Aufmerksamkeit beim Hören.

Unter dem Einfluss von extralinguistischen Faktoren (die individuelle Charakteristik der Empfänger – die Anwesenheit von Sehbehinderungen und die Redensart – das neutrale und vorbereitete Lesen) gewinnt die Audiodeskription prosodische Besonderheiten bei der Pausendauer und

Akzentverlegung. Anhand der Analyse wird es ersichtlich, dass in der Audiodeskription syntaktische Pausen eine längere Dauer haben. Die minimale Länge der Pausen, die als Grenzsignal einer Pausengruppe beim gewöhnlichen Lesen gilt, ist 0,25 Sek.; die mittleren Pausen haben die Länge von 0,6 Sek. und die Pause von 0,9 Sek. wird als lang wahrgenommen. Die Pausendauer der Audiodeskriptoren übertrifft diese Standardquantität in 0-6 – 1 Sek. Die Betonungen werden am meisten auf attributive Komponenten des Satzes gesetzt:

- 1) Adjektive;
- 2) Substantive des Ortes;
- 3) Numerale;
- 4) Adverbiale usw. Am intensivsten werden die Betonungen auf Adjektive realisiert.

Die Gesamtheit dieser suprasegmentären phonetischen Erscheinungen ermöglicht die Realisierung des komplexen geordneten Sprechrhythmus. Er wird durch die Wiederholung von größeren rhythmischen Einheiten wie transfrastisches Ganzes, Phrasen und Syntagmen mit gleichen prosodischen Merkmalen geschaffen. Das stellt den künstlerischen Charakter der statischen Audiodeskription fest.

Die Tonhöhe des Grundtons spielt für die Sprachverständlichkeit, die Deutlichkeit von den ausgesprochenen Lauten sowie für die Wahrnehmung der Rede eine große Rolle. Die Analyse zeigte, dass für die AD-Aufnahme die Sprecher mit einem tiefen Sprechstimmumfang gewählt werden. Ihre Tonhöhe variiert sich zwischen 100 und 250 Hz. Solcher Frequenzgang ist auf die Neutralität der Stimme der Audiodeskriptoren zurückzuführen. Zusammenfassend verfügt die statische Audiodeskription sowohl über die den rhetorischen Regeln entsprechenden als auch über die spezifischen Merkmale im Bereich der Prosodie:

1. die inhaltsbegründete Variation des Sprechtempos;
2. die Realisierung des komplexen geordneten Rhythmus durch größere rhythmische Einheiten;
3. die Verlängerung der Pausendauer;
4. die Akzentverlegung auf die attributiven Komponenten;
5. der tiefe Sprechstimmumfang.

Die oben dargestellten Besonderheiten sorgen bei praktischer Anwendung nicht nur für die erfolgreiche Erfüllung der poetischen und phatischen Funktionen der Audiobeschreibung, sondern auch für das vollständige Erhalten der akustischen Informationen von Menschen ohne Sehvermögen.

Literatur

Benecke B. Audiodeskription als partielle Translation. Modell und Methode. Berlin: LIT-Verlag, 2014.

Hirvonen M. Katsaus kuvailutulkkaukseen – visuaalisen tiedon saavuttaminen puheen ja kielen kautta. URL: <http://ojs.tsv.fi/index.php/pk/article/view/9430> (дата обращения: 20.05.2021).

Pujol J. Audio description or Audio narration? That is the Question // Euroconferences MuTra. URL: http://www.euroconferences.info/2007_abstracts.php (дата обращения: 20.05.2021).

PROSODIC FEATURES OF STATIC AUDIO DESCRIPTION

The paper is devoted to the study of prosodic means of static audio description. Audio description is a developed procedure, especially for people without eyesight. The peculiarities established in the course of the examination ensure the complete receipt of the acoustic information by people without vision.

Key words: audio description, tempo, eyesight, accentuation, pauses

Карпенко Елена Игоревна

кандидат филологических наук
Московский государственный лингвистический университет
elena_karpenko@list.ru

Калашникова Елена Александровна

кандидат филологических наук
Московский государственный лингвистический университет
elk99@mail.ru

СПОСОБЫ КИНЕСИКО-ПРОСОДИЧЕСКОГО ОФОРМЛЕНИЯ РЕЧИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРСОНАЖА (на материале немецкоязычной художественной литературы)

В докладе рассматриваются способы передачи различных модальностей речи персонажей в литературном тексте (жестов, мимики, просодии). Отдельное внимание уделено сочетанию модальностей в одном (полимодальном) коммуникативном акте и способам его лингвистического оформления.

Ключевые слова: полимодальность, кинема, просодия, немецкий язык

Современная литература обладает арсеналом средств для передачи коммуникативного поведения литературных персонажей. В стилистике отдельные аспекты вербального, пара- и невербального поведения главных героев (мимика, жесты) объединяются понятием языкового портрета. Однако языковой портрет является комплексной макростилистической категорией, отражающей более или менее константные (регулярно воспроизводимые) характеристики речи персонажа. В то же время детальное кинесико-просодическое описание коммуникативного поведения персонажей в литературном тексте встречается гораздо чаще: описание театральных постановок, пантомим, просмотр и прослушивание теле- и радиопередач, объявления по громкоговорителю на вокзале и в аэропорту, разговор прохожих, перебранка соседей, телефонные переговоры – все, что становится предметом эстетической обработки в литературном тексте, может быть передано с учетом всех модальностей коммуникативного акта – вербальной, визуальной, жестовой, аудиальной.

Рассмотрим далее способы сочетания различных видов модальностей в литературном тексте при передаче коммуникативного поведения персонажей.

1. Кинесическое оформление речи

Жестовые кинемы могут передавать различные характеристики жестов: их тип, форму, амплитуду, скорость выполнения. Чем более детально кинесическое оформление коммуникативного акта, тем проще определить тип жеста. Очевидно, что осложненная сравнением кинема *hinterherwinken wie ein Blöder / махать кому-л. вслед как сумасшедший* описывает и сам эмблематический жест прощания, и его интенсивность (жест выполняется энергично, с многократными повторениями и с бóльшей чем обычно амплитудой). В следующем описании представлен метафорический жест, основанный на концептуальной метафоре контейнера [Lakoff, Johnson 1980]:

«Нм», meinte Franz und legte eine Hand an seine Stirn, um das wilde Durcheinander seiner Gedanken dahinter ein wenig einzudämmen (R. Seethaler. Der Trafikant).

«Гм», произнес Франц и положил ладонь на лоб, чтобы хоть немного сдерживать чудовищный хаос мыслей в голове (здесь и далее перевод наш. – Е.К., Е.К.).

Голова в данном случае концептуализируется как «вместилище» мыслей, а попытка справиться с их хаотическим наплывом находит выражение в соответствующем «сдерживающем» жесте. Хотя жест не является уникальным, номинация кинемы представляет собой свободное сочетание *eine Hand an seine Stirn legen* / *положить ладонь на лоб*.

Следует отметить, что большое количество кинем в литературном тексте представляют собой коллокации, описывающие повторяющиеся, формульные (приветствия, прощания) жесты, как в следующем примере, где кинесическая коллокация усиливает вербально выраженный смысл:

«Weiß nicht», sagte Franz und zuckte mit den Schultern
(*R. Seethaler. Der Trafikant*).

«Не знаю», сказал Франц и пожал плечами.

2. Просодическое оформление речи

Просодические характеристики речи, такие как тембр и громкость голоса, движение и высота тона, ритм и темп, паузы также становятся предметом описания при передаче коммуникативного поведения персонажей. В следующем примере представлена перебранка двух подростков:

«Die will sich wichtigmachen», sagte Tschick.

«Ich hab dich genau gehört!», brüllte das Mädchen in unglaublicher Lautstärke (*W. Herrndorf. Tschick*).

«Корчит из себя важную личность», сказал Чик.

«Я тебя прекрасно услышала!», неправдоподобно громко проревела девушка.

Глагол *brüllen* в значении «орать, реветь» можно считать стёртой метафорой, синкретично передающей и манеру, и громкость говорения. Однако в данном контексте громкость голоса (признак, имплицитно присутствующий в семантике глагола) эксплицируется за счет обстоятельства образа действия *in unglaublicher Lautstärke* / *невероятно громко*. Благодаря этому в семантике глагола «оживают» признаки прямого значения *brüllen*, а именно *dumpf* / *утробный* и *durchdringend* / *пронзительный*, передающие тембральную окраску речи. Известно, что животные рычат, когда предупреждают о возможном нападении. Девушка таким образом демонстрирует агрессивное отношение к собеседнику.

Метафорические номинации являются конденсированными средствами передачи просодических характеристик речи [Городникова 1983]. Если в предыдущем примере (*brüllen*) синкретично переданы громкость и тембр голоса, то в следующем примере характеристика речи является еще более комплексной:

Sie bombardierte ihn mit noch ungefähr hundert Schimpfwörtern (*W. Herrndorf. Tschick*).

Она обстреляла его сотней ругательств.

Метафорическая номинация *bombardieren* передает не только темп речи в сочетании с силой голоса, но и ритм, то есть героиня не просто ругается с быстрой скоростью, но, очевидно, делает это громко, в сжатом, чеканном ритме.

3. Кинесико-просодическое оформление речи (речь, просодия, мимика, жесты в одном коммуникативном акте)

Как известно, полимодальная избыточность, т.е. одновременное участие различных модальностей в конструировании смысла высказывания, является неотъемлемой чертой естественной речи, направленной на нивелирование возможных коммуникативных помех [Карпенко, Калашникова 2020]. Передача всего разнообразия мира чувственных восприятий и человеческих действий в литературном тексте, по-видимому, невозможна без учета полимодальности коммуникативного акта. Исследование показывает, что полимодальность коммуникативного акта часто становится предметом детального отображения, при этом значимость подобных описаний может ограничиваться микроконтекстом (в отличие от языкового портрета). Описания полимодальных речевых актов могут быть весьма компактными, если включают конденсированные номинации, ср.:

„Du hast nicht geblinkt“, sagte ich kläglich, die Arme immer noch an die Brust gepresst. Ich war vor Aufregung fast tot (*W. Herrndorf. Tschick*).

«Ты не мигнул», сказал я жалобно со все еще прижатыми к груди руками. Я был до смерти возбужден.

Двое подростков едут в угнанной машине, при этом говорящий находится в состоянии крайнего возбуждения и страха. Упрек водителю в несоблюдении правил дорожного движения (*Du hast nicht geblinkt*)

усиливается при помощи просодических и кинетических характеристик коммуникативного акта. Атрибут *kläglich* / жалобно характеризует движение и высоту тона голоса. Очевидно, что в данной ситуации жалобная интонация у молодого человека раскрывает его «слабую» подчиненную позицию по отношению к партнеру.

Жестовая кинема *die Arme an die Brust pressen* / прижать руки к груди выражает желание защититься от гипотетического столкновения. Жест-адаптер (по классификации [Ekman, Friesen 1969]), как правило выполняемый бессознательно, помогает говорящему справиться с эмоциональным возбуждением, которое одновременно передано при помощи просодической характеристики *kläglich sagen* / жалобно сказать что-л.

Таким образом, полимодальность коммуникативного акта находит отражение в литературном тексте. Среди невербальных аспектов коммуникации наиболее часто предметом описания становятся жестикация, мимика, зрительный контакт. Среди паравербальных средств коммуникации, наиболее часто подвергающихся эстетической обработке в литературном тексте, следует отметить тембральные характеристики, высоту и движение тона, темп и громкость голоса.

Литература

Городникова М.Д. Взаимодействие вербальных и невербальных средств в немецкой речи. М.: МГПИИЯ, 1983.

Карпенко Е.И., Калашникова Е.А. О понятии избыточности в полимодальной перспективе (на материале немецкого языка). Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 2 (831). С. 76–85.

Ekman P., Friesen W. V. The Repertoire of Nonverbal Behaviour: Categories, Origins, Usage and Coding. Semiotika. № 1. 1969. P. 49–98.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. The University of Chicago Press, 1980.

KINESIC AND PROSODIC MEANS OF PROTAGONIST'S SPEECH (In German literature)

A belletristic text reflects all types of verbal, paraverbal, and non-verbal modalities of protagonist's speech. The article explores the kinesic and prosodic means as well as how the two combine with the speech and what

are the different ways to describe polymodal communicative behaviour as exemplified in contemporary German literature.

Key words: polymodality, kinesic means, prosody, the German language

Weidauer, Sebastian

PhD Student

Europa-Universität Viadrina Frankfurt (Oder), Deutschland

euv189927@europa-uni.de

TRANSFERPROZESSE BEIM FREMDSPRACHERWERB RUSSISCH-DEUTSCH

Als besonders herausfordernd im Fremdsprachenerwerbsprozess erweist sich der Transfer vor allem muttersprachlicher Strukturen auf lautlicher Ebene, der Aussprachefehler zur Folge haben und die Kommunikation beeinträchtigen kann. Am Beispiel der russischen und deutschen Sprache wird gezeigt, welche phonetisch-phonologischen Schwierigkeiten und Vorteile für den Erwerb beider Sprachsysteme zu beobachten sind.

Schlüsselwörter: Fremdsprache, Phonetik, Transfer, segmentale Fehler

Le langage est source de malentendus...¹

Antoine de Saint-Exupéry

...und doch ist die Sprache zugleich das Mittel der Kommunikation, das Instrument gegenseitiger Verständigung, welches sehr bewusst und behutsam gebraucht werden muss, damit diese Verständigung wirklich funktioniert. Die Fähigkeit des Menschen, neben seiner Muttersprache weitere „fremde“ Sprachen zu erlernen, ermöglicht ihm, nicht nur in seinem Sprachraum, sondern auch über dessen Grenzen hinweg zu kommunizieren.

Dass der Lern- bzw. Erwerbsprozess einer Fremdsprache aber kein problemloser, sondern ein komplexer ist, beschreibt u. a. Günther Storch [Storch 2008: 315], wenn er den Weg hin zu einer fremden Sprache metaphorisch als mit Fehler-quellen gepflastert bezeichnet und den Fehler in Anlehnung an Stephen Pit Corder [Corder 1979: 256] als einen

¹ dt.: „Die Sprache ist eine Quelle von Missverständnissen.“

konstitutiven Bestandteil des Lernprozesses erachtet. So konstatiert bereits Eienkel [Eienkel 1903: 140] vor über einem Jahrhundert, dass „beim Aufeinandertreffen zweier Sprachen die Einwirkung der einen auf die andere nicht nur eine unvermeidliche, sondern auch eine alle Gebiete der Sprache umfassende“ sei. Im Fokus der Wissenschaft, sei es in der Sprachkontaktforschung oder der Fremdsprachendidaktik, steht hierbei vor allem der Einfluss der Mutter- auf die zu erlernende Fremdsprache (und vice versa). Mit Blick auf die Fremdsprachendidaktik merkt Juhász [Juhász 1980: 647] an, dass die „Dominanz der Muttersprache (...) selbst nach längerem Lernen der fremden Sprache kaum eliminierbar und deshalb ein/das Hauptproblem des Fremdsprachenunterrichts“ sei.

Die muttersprachlichen Strukturen wirken im gesamten Sprachbereich der „fremden“ Sprache, sowohl auf grammatischer und lexikalisch-semanticischer als auch auf phonetisch-phonologischer Ebene (vgl. Juhász 1970: 10; Juhász 1980: 647; Weinreich 1979: 2, 64). Für den Fremdspracherwerb im Allgemeinen aber betonen auch Burgschmidt / Götz [Burgschmidt / Götz 1974: 124], dass sich Aussprachefehler als besonders „hartnäckig“ erwiesen, und auch Bernstein [Bernstein 1979: 142] stellt fest, dass lautliche Fehlrealisierungen im Zweitspracherwerb mit 58% aller Fehlrealisierungen auffallend häufig sind. Wie Dieling / Hirschfeld [Dieling / Hirschfeld 1995: 60] bemerken, kann dies vor allem damit zusammenhängen, dass phonetische Strukturen bei der Sprachproduktion stets präsent sind. Diesbezüglich merkt Kleppin [Kleppin 2004: 100] an, dass Aussprachefehler selbst bei sehr guten Kenntnissen in den Bereichen Wortschatz und Grammatik oftmals fortbestehen und die Kommunikation wesentlich beeinträchtigen können. Vermöge der ausgeprägten auditiven Diskriminationsfähigkeit nämlich ist der Mensch imstande, auch minimale phonetische Abweichungen von der Standardaussprache wahrzunehmen, zu artikulieren. SprecherInnen können Unterschiede identifizieren und anhand des wahrgenommenen Akzents eindeutige Rückschlüsse auf die Herkunft des/r Sprechers/in ziehen.

Nichtsdestoweniger bringt das Aufeinandertreffen zweier Sprachen nicht ausschließlich Hürden mit sich. Es besteht darüber hinaus die Möglichkeit, dass Sprachsysteme einander derart ähneln, dass ein/e LernerIn im Fremdsprach-erwerbsprozess davon profitieren kann und der Erwerb begünstigt wird.

Zunächst werde ich im Vortrag erläutern, wie Transferprozesse im Fremdspracherwerb ablaufen und am Beispiel der russischen und

deutschen Sprache zeigen, welche konkreten Schwierigkeiten, aber auch welche Vorteile auf der Ebene beider Sprachsysteme zu beobachten sind, wenn russische MuttersprachlerInnen das Deutsche bzw. deutsche MuttersprachlerInnen das Russische erlernen. Der Fokus wird hierbei auf der phonetisch-phonologischen Ebene liegen (v.a. Reduktion, Assimilation, Wortakzent). Anhand konkreter fremdsprachlicher Realisierungen kann die abweichende Aussprache erläutert und veranschaulicht werden.

Literatur

Bernstein W. Wie kommt die muttersprachliche Interferenz beim Erlernen des fremdsprachlichen Wortschatzes zum Ausdruck? In: *Linguistik und Didaktik* № 38. 1979. Bayerischer Schulbuch-Verlag. Fink. München, S. 142–147.

Burgschmidt E., Götz D. Kontrastive Linguistik deutsch/englisch. Theorie und Anwendung. München: M. Hueber, 1974.

Corder St. P. (1979): *Introducing applied linguistics*. Harmondsworth: Penguin Books, 1979.

Dieling H., Hirschfeld U. Phonetik lehren und lernen. Erprobungsfassung № 2. 1995. Goethe-Institut. München.

Einenkel E. Einige Fragen aus der englischen historischen Syntax. In: *ADLER, Max: Verhandlungen der 47. Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner in Halle a. d. Saale 1903*. Leipzig: B. G. Teubner, S. 140–142.

Juhász J. Probleme der Interferenz. München: Hueber, 1970.

Juhász J. Interferenzlinguistik. In: *Althaus, Hans-Peter et al.: Lexikon der germanistischen Linguistik*. Tübingen: Niemeyer, 1980. S. 646–652.

Kleppin K. Fehler und Fehlerkorrektur. Fernstudieneinheit 19: Teilbereich Deutsch als Fremdsprache. Berlin : Langenscheidt, 2004.

Saint-Exupéry, Antoine de. *Le petit prince*. New York: Reynal/Hitchcock, 1943

Storch G. Deutsch als Fremdsprache – Eine Didaktik. Theoretische Grundlagen und praktische Unterrichtsgestaltung. Paderborn: Wilhelm Fink, 2008.

Weinreich U. *Languages in Contact. Findings and Problems*. Berlin: de Gruyter [u.a.], 1979.

PROCESSES OF TRANSFER IN FOREIGN LANGUAGE ACQUISITION: RUSSIAN – GERMAN

Particularly challenging in the foreign language acquisition process is the transfer of native-language structures on the phonetic level, which can result in pronunciation errors and impair communication. Using the example

of Russian and German, it is shown which phonetic-phonological difficulties and advantages can be observed for the acquisition of both language systems.

Key words: foreign language, phonetics, transfer, segmental errors

СЕКЦИЯ IV. ЛИНГВОЛИТЕРАТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Абрамов Пётр Валерьевич

кандидат филологических наук, доцент
Высшая школа сценических искусств
Лаборатория сравнительного литературоведения
и художественной антропологии МГЛУ
p_abramow@rambler.ru

АУТОПОЭЗИС И РЕКУРСИЯ В ЖАНРЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

Рассматриваются явления аутопоэзиса и рекурсии в каноническом тексте автобиографического произведения И. В. Гёте «Поэзия и правда», определяется их формообразующая роль в становлении автобиографической наррации и взаимодействие с жанровым канонем автобиографии.

Ключевые слова: аутопоэзис, Матурана, рекурсия, автобиография, Гёте, биографема

В современном литературоведении всё шире используется междисциплинарный подход: взгляд на знакомые, канонические тексты сквозь призму новейшей терминологии смежных дисциплин открывает перед исследователями новые грани в постижении как внутренней структуры текста, так и его жанрового своеобразия.

«Поэзия и правда» И. В. Гёте – текст в автобиографическом дискурсе канонический и довольно детально исследованный как отечественными, так и зарубежными литературоведами. Однако учитывая тот факт, что создавался он одним из последних «универсальных гениев» и впитал в себя множество контекстов и сюжетов, став во многом полиморфным и многожанровым, целесообразно применить к его анализу концепцию аутопоэзиса У. Матураны и Ф. Варелы и обнаружить элементы рекурсии, свойственной в основном текстам второй половины XX века.

Важно отметить, что предложенная в 1970-е гг. концепция аутопоэзиса исходила от биологов и антропологов, что весьма продуктивно соотносится с идеей самораскрытия личности в автобиографии Гёте в русле его естественнонаучных штудий и мыслей о прарастении. Предположение, что аутопоэзис – составная часть автобиографической наррации подтверждается не только известной каноничностью текста автобиографии (а канон нередко замкнут на самом себе), но и тем, что текст Гёте подвержен рекурсии как в сюжетном, так и в структурном смысле. «Живые существа отличаются тем, что их организация носит аутопоэзный характер» [Матурана, Варела 2019: 53]. Дело здесь не только в том, что поэт, описывая свою жизнь, смотрит на неё с высоты прожитых лет и воссоздаёт в автобиографии повторно, дело в некоем раздвоении Субъекта и Объекта: автор наблюдает сам себя и сам же себя описывает. В случае с Гёте это также хорошо соотносится с его концепцией метаморфоза растений.

Переход человеческой личности от одной сферы деятельности к другой, от созерцания к действию – есть повторение вечного круговорота Природы, где согласно идеям Гёте, происходит вечное возрождение / умирание субъекта. «Всё образовавшееся сейчас же снова преобразуется, и мы сами, если хотим достигнуть хоть сколько-нибудь живого созерцания природы, должны, следуя её примеру, сохранить такую же подвижность и пластичность» [Гёте 1957: 12]. Подобная топика применима и к тексту «Поэзии и правды», в котором можно наблюдать не только «превращение пережитого в образ» (одна из любимых метафор Гёте), но и метаморфозы жанра: сказка неожиданно становится реальностью, напротив – реальные факты оборачиваются мифологическими конструктами, всё в тексте автобиографии подвижно и полиморфно; новелла, притча, сказка и автокомментарий смешиваются вплоть до того, что возникает иллюзия самоописывающегося текста.

Достигается этот эффект прежде всего благодаря включению поэтом достоверных фактов из своей биографии в контекст литературной жизни современной ему Германии. Так неожиданно автор превращается в историка литературы, повествующего нам о первом успехе «Вертера», о собственных стихотворных опытах, но всё это описывается с элементами отстранения. Пространство повествования становится подчёркнуто референтным. Под референцией мы

понимаем соотношение текстового и внетекстового миров. Таким образом очевидно, что текст фактически создаёт новое пространство, в котором герои подчиняются как законам жанра, канона, критериям повторяемости, репрезентации. В этой связи автобиография несёт в себе черты аутопоэтического текста: автор-повествователь (создатель) и сам текст (создаваемое) находятся в неразрывной субъектно-объектной связи. Автор оценивает сам себя, порою предельно субъективно, но когда он использует свидетельства современников, пользуется „чужой“ памятью (концепт „post-memory“ по М. Хирш), тогда он превращается в объект повествования. Похожее происходит и с текстом как с подвижной семиотической структурой: текст автобиографии выстраивается по канонам жанра с использованием знаковых, нередко повторяющихся биографем, узнаваемых топосов и даже мифов. В случае с автобиографией, в которой присутствуют элементы аутопоэзиса, текст выстраивается автором, но и авторское сознание находится под воздействием этого текста. Автор и текст как бы „моделируют“ друг друга.

В тесной взаимосвязи с аутопоэзисом в структуре автобиографического текста присутствует и рекурсия. Рекурсивное описание, когда писатель смотрит на себя со стороны, широко использовал не только Гёте (знаменитый эпизод с двойником), но также Петрарка, Сервантес, Руссо, многие романтики. Приём рекурсии активно бытовал и в народных немецких книгах, и в средневековых алхимических трактатах, хорошо знакомых Гёте (один из ярких визуальных примеров – изображение Уробороса).

Аутопоэзису присуща рекурсия как неотъемлемая часть автономации субъекта – этот фактор нередко находит своё подтверждение в автобиографических текстах. Использование указанных категорий при анализе автобиографии отнюдь не усложняет картину рецепции текста, но позволяет выявить глубинные взаимосвязи между образами, метафорами и художественными приёмами, которые автор зашифровывал и использовал в своём произведении.

Литература

Матурана У., Варела Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания. М.: Едиториал УРСС, 2019.

Гёте И. В. Избранные сочинения по естествознанию. М.: Издательство АН СССР, 1957.

AUTOPOIESIS AND RECURSION IN THE GENRE OF AUTOBIOGRAPHICAL PROSE

The report examines the autopoiesis and recursion phenomena in a canonical text of the autobiographical work by J. W. Goethe called 'Dichtung und Wahrheit', determines their formative role in the formation of autobiographical narration and interaction with the genre canon of autobiography.

Key words: autopoiesis, recursion, autobiography, Goethe, biographeme

Бакина Анна Дмитриевна

кандидат филологических наук, доцент

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева

heart-anna@yandex.ru

БИБЛИЯ И БИБЛЕИЗМЫ В АСПЕКТЕ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ (на материале произведений У. Шекспира)

В работе обсуждается специфика функционирования и прагматический потенциал библеизмов в произведениях У. Шекспира. Библия является прецедентным текстом самого высокого порядка, способным транслировать универсальные истины через поколения. В произведениях У. Шекспира библейские отсылки выступают в качестве прецедентных единиц библейского происхождения особой значимости, выявление и верная интерпретация которых помогает читателю полностью понять авторский художественный замысел.

Ключевые слова: Библия, библеизм, прецедентный текст, Шекспир

Многие согласятся с тем, что произведения великого английско-го классика У. Шекспира являются сокровищницей глубоких смыслов, идей и истин; в них мастерски представлена человеческая сущность во всем ее многообразии. Читая шекспировские пьесы, мы постоянно сталкиваемся с отсылками к библейским текстам, отличительной характеристикой которых наряду с метафоричностью, символическостью, многоплановостью культурно-исторического контекста, выступает интертекстуальность (гипертекстуальность) [Кибизова, Бакина 2020: 104].

Актуальность данного исследования обусловлена возрождающимся интересом к изучению Библии во всем мире, сохраняющимся

значением произведений классической английской литературы, в частности принадлежащих перу У. Шекспира, а также возрастающим вниманием к библеизмам как маркерам библейской прецедентности. Являясь текстом, обладающим исключительной культурной значимостью, Библия выступает в качестве прецедентно «сильного» текста (термин В. Н. Топорова) и требует тщательного изучения. Мы поддерживаем мнение Н. М. Орловой, согласно которому «уникальный по длительности своего существования и времени воздействия на все сферы культуры текст Библии не теряет своего прецедентного значения, живет в сознании миллионов носителей европейской и мировой культуры и бесконечно воспроизводится во вновь продуцируемых речевых произведениях на разных языках, что, в свою очередь, ведет к его постоянному динамическому варьированию» [Орлова 2010: 3].

Данное исследование ставит своей целью обосновать гипотезу о том, что библеизмы в произведениях У. Шекспира выступают в качестве прецедентных единиц библейского происхождения особой значимости, выявление и понимание которых обуславливает раскрытие авторского художественного замысла.

Руководствуясь контекстуальным методом и методикой интертекстуального анализа, мы исследовали библеизмы из трагедии «Гамлет» (перевод Б. Пастернака), комедии «Двенадцатая ночь» (перевод Э. Линецкой) и хроник: «Ричард II» (перевод М. Донского) и «Генрих IV» (перевод Б. Пастернака). В качестве оригиналов библейских текстов были использованы Синодальный перевод Библии и Новый международный перевод Библии на английском языке (1978).

Проиллюстрируем обоснование выдвинутой гипотезы исследования следующими примерами:

В акте III, сцене 2, король Ричард, возмущенный предполагаемым им предательством со стороны трех своих фаворитов, произносит: “*Three **Judases**, each one thrice worse than **Judas!**” («Из трех Иуд тройной Иуда каждый!»), тем самым подчеркивая высшую степень вероломства людей, на чью преданность был вправе рассчитывать. Общеизвестно, что один из 12 учеников Христа предал его первосвященникам и тем самым обрек на мученическую смерть на кресте (Матфей 26:14–16):*

Then one of the Twelve—the one called ***Judas Iscariot*** — went to the chief priests and asked, “What are you willing to give me if I deliver him over to you?” So they counted out for him thirty pieces of silver. From then on ***Judas*** watched for an opportunity to hand him over.

Тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошёл к первосвященникам и сказал: «Что вы дадите мне, и я вам предам Его?» Они предложили ему тридцать сребреников; и с того времени он искал удобного случая предать Его.

Имя Иуды стало символом подлого предательства. Чтобы усилить впечатление, У. Шекспир подчеркивает, что каждый из трех предполагаемых предателей не просто Иуда, а «тройной Иуда».

Конечно, У. Шекспир не мог обойти вниманием и печально известного Понтия Пилата, прокуратора Иудеи, чье имя так же, как имя Иуды, стало нарицательным. В IV акте, сцене 1, король Ричард сетует:

Though some of you with *Pilate* wash your hands Showing an outward pity; yet you *Pilates* Have here deliver'd me to my sour cross, And water cannot wash away your sin.

Кой-кто меня жалеет лицемерно И умывает руки, как Пилат; Но это вам, Пилаты, не мешает На муки крестные меня отдать, И вам водой не смыть сего греха.

Великий драматург делает отсылку к знаменитой евангельской сцене, в которой прокуратор в угоду толпе отправляет Иисуса на казнь, хотя в душе и понимает, что Христос ни в чем не виновен (Матфей 27:24–26):

When *Pilate* saw that he was getting nowhere, but that instead an uproar was starting, he took water and washed his hands in front of the crowd. "I am innocent of this man's blood," he said. "It is your responsibility!" All the people answered, "His blood is on us and on our children!" Then he released Barabbas to them. But he had Jesus flogged, and handed him over to be crucified.

Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: «Невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы». И, отвечая, весь народ сказал: «Кровь Его на нас и на детях наших». Тогда отпустил им Варавву, а Иисуса, бив, предал на распятие.

В акте I, сцене 1 граф Нортемберленд, противник короля Генриха IV, узнав о гибели собственного сына, восклицает:

Keep the wild flood confined! let order die! And let this world no longer be a stage To feed contention in a lingering act; But let one spirit of the first-born *Cain* Reign in all bosoms, that, each heart being set On bloody courses, the rude scene may end.

Пусть небеса разверзнут хляби вод. Пусть хлынут волны нового потопа. Пускай умрет порядок. Пусть во всех Проснется Каин, и в потоках крови Окончится существованья фарс...

Для лучшего понимания чувств убитого горем отца Шекспир отсылает зрителя (читателя) к Бытию 7:11–12:

In the six hundredth year of *Noah's* life, on the seventeenth day of the second month – on that day all the springs of the great deep burst forth, and the floodgates of the heavens were opened. And rain fell on the earth forty days and forty nights.

В шестисотый год жизни Ноевой, во второй месяц, в семнадцатый день месяца, в сей день разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились; и лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей.

и к Бытию 4:8:

Now *Cain* said to his brother Abel, "Let's go out to the field." While they were in the field, Cain attacked his brother Abel and killed him.

И сказал Каин Авелю, брату своему: «Пойдем в поле». И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его.

Полученные результаты исследования позволяют заключить, что произведения У. Шекспира характеризуются частотным обращением к библейским сюжетам, а именно содержат многочисленные отсылки к библейским текстам, без идентификации и анализа которых трудно или невозможно достичь полного понимания смысла произведения. Данные осуществленной выборки наглядно демонстрируют, что «излюбленными» библеизмами У. Шекспира выступают прецедентные библейские имена (Иуда, Понтий Пилат, Каин, Лазарь, Ной и др.). В трагедии «Гамлет» отсылки к Библии, особенно в устах принца Датского, заставляют читателя «с головой окунуться» в омут страданий протагониста. В комедии «Двенадцатая ночь» библеизмы употреблены в особой гиперболизированно ироничной манере.

Таким образом, в проанализированных произведениях Библия выступает в качестве прецедентного текста [Караулов 1987] по отношению к произведениям У. Шекспира. Использование автором библеизмов позволило в полной мере донести до зрителя и читателя имплицитные смыслы, а также сделать восприятие своих пьес более живым и эмоциональным благодаря наличию вертикального контекста.

Литература

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов; отв. ред. Д. Н. Шмелев; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. М.: Наука, 1987.

Кибизова Е. Р., Бакина А. Д. Семантические особенности библейских аллюзий и специфика их перевода / Кибизова Е. Р., Бакина А. Д. // Форум молодёжной науки. Гуманитарные науки. 2020. № 6. С. 101–109.

Орлова Н. М. Библейский текст как прецедентный феномен: автореф. дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Орлова Н. М.; [Место защиты: Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского]. Саратов, 2010.

THE BIBLE AND BIBLICAL EXPRESSIONS IN A PRECEDENT ASPECT (based on the works of W. Shakespeare)

The work discusses the specificity of functioning and pragmatic potential of biblical expressions in the works of W. Shakespeare. The core thesis is the statement that the Holy Bible is a precedent text of the highest level and is capable of translating universal truths through generations. In the works of W. Shakespeare, biblical references act as precedent units of biblical origin of special significance, the identification and valid interpretation of which helps the reader to fully perceive the author's artistic intention.

Key words: Bible, biblical expressions, precedent text, Shakespeare

Башилова Юлия Владимировна

аспирант

Московский государственный лингвистический университет

j.b-wulf@yandex.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ МОТИВА ПУТИ В РОМАНЕ-ПУТЕШЕСТВИИ «СТРАНСТВИЯ ФРАНЦА ШТЕРНБАЛЬДА» ЛЮДВИГА ТИКА

На материале романа «Странствия Франца Штернбальда» Л. Тика в результате семантического анализа текстовых фрагментов, выделенных методом сплошной выборки, выявляются лексические и словообразовательные средства репрезентации мотива пути. Производится семантическая классификация языковых единиц, актуализирующих мотив пути в тексте романа.

Ключевые слова: мотив пути, хронотоп, маркер, немецкий романтизм, Людвиг Тик

Мотив пути является одной из доминант в художественной системе романтизма. Историк романтизма Н. Я. Берковский констатирует,

что романтики «с особым влечением изображали дорогу... Один из лейтмотивов романтической литературы... дорога» [Берковский 1973: 34].

Вслед за А. Н. Веселовским, мы понимаем под мотивом «простейшую повествовательную единицу», лежащую в основе сюжета [Понятие мотива ... URL].

Актуализация мотива пути закономерно связана с развитием сюжета, основой которого является путешествие главного героя из родного Нюрнберга в Италию. Художественные особенности композиции и обусловленные ими лингвистические характеристики текста подтверждают репрезентативность данного произведения для раскрытия заявленной темы. Отбор текстовых примеров производится методом сплошной выборки.

Проводя исследование, мы ставим перед собой следующие задачи: выявить лингвистические средства актуализации мотива пути в тексте романа; классифицировать выделенные языковые средства.

В исследуемом тексте маркеры мотива пути присутствуют на лексическом и словообразовательном уровнях. В результате семантического анализа выделенных лексем мы составили классификацию языковых единиц, отнесенных нами к средствам лингвистической репрезентации мотива пути.

Лексические маркеры мотива пути представлены различными частями речи. Мы выделили группы лексем, ориентируясь на их семантику.

В основе сюжета лежит преодоление пути героем. Путь понимается как процесс: *Reise / Reisen* – путешествие, *Wanderung / Wanderschaft* – странствие. Путник – *Wanderer, Reisende* – совершает путь в одиночестве или с попутчиком – *Begleiter*.

Путь имеет начальную и конечную точки. Путешествие начинается на родине героя, которая обозначается как *die Heimat* – родина, *das Vaterland* – отечество, *der Wohnort* – место проживания. Героя влекут дальние страны – *die Weite*, чужбина – *die Fremde*.

Странствию предшествуют обстоятельства, мотивирующие героя отправиться в путь – *sich zur Reis bequemen, in die Weite hineingehen*. Им руководит желание вырваться из тесных пределов обыденного – *die enge Heimat verlassen*, попытать счастья на чужой стороне – *ein ungewisses Glück erproben*.

В пути героя поддерживает патетическое представление о цели путешествия, его идеализация:

das hohe gelobte Land der Römer – обетованная земля римлян,
 dieses wundervolle Land – эта чудесная страна,
 die Pracht Roms – великолепие Рима,
 der Glanz Italiens – блеск Италии,
 der Glanz des Fremden – блеск чужих стран.

Путь делится на этапы, преодоление каждого из них маркируется в тексте: *einen Umweg machen* – сделать крюк. Первый и последний этапы маршрута: *расставание с родиной* – *das Scheiden* и *возвращение домой* – *das Wiedersehen*.

Для обозначения промежуточных остановок на маршруте используются обозначения населенных пунктов (*Stadt* – город, *Dorf* – деревня) или топонимы (*Frankenland* – Франкония, *Mergentheim* – Мергентхайм).

Путь связан с динамикой, передвижением, поэтому среди маркеров пути присутствуют глаголы *wandern* – странствовать, *zurückkehren* – возвратиться, *weiterreisen* – продолжить путешествие. Местонахождение героя и направление передвижений выражают наречия с локальной семантикой: *hier* – здесь, *vorwärts* – вперед, *bergüber* – через горы, *weit weg* – далеко отсюда.

Высказывается эмоциональное отношение к процессу преодоления пути: позитивное, обнадеживающее (*das höchste Glück* – великое счастье, *ein herrlicher Zustand* – блаженство) либо негативное, преисполненное разочарования (*das größte Unglück*), страха перед неизвестностью (*jd geht in sein Unglück* – кто-л. уходит себе на беду).

Автор использует метафорические представления о пути, сравнивая путников с перелетными птицами – *die ziehenden Vögel*.

Путь – это не только перемещение в пространстве. Вся жизнь – путь (*Lebenslauf*), который нужно пройти достойно. Человек рискует сбиться с пути (*irremachen*), но ему покровительствует бог, наставляя на путь истинный (*js. Schritte leiten* – направить чьи-л. шаги).

На словообразовательном уровне нами выделена особая группа сложных лексем, содержащих компоненты *-weg*, *-lauf*, являющиеся актуализаторами мотива пути в тексте романа: *Umweg* – дорога в обход, *Lebensweg* – жизненный путь, *Lebenslauf* – течение жизни.

Следует отметить, что некоторые из выделенных нами языковых единиц (*Heimat*, *Vaterland*, *Wohnort*, *Fremde*, *Ferne*) являются членами бинарной оппозиции (БО) родина / чужбина, описываемой нами в ходе диссертационного исследования. Изучение дистрибуции (окружения)

этих языковых единиц в контексте романа является необходимым этапом разработки семиотического пространства немецкого литературного романтизма в целом.

Литература

Берковский Н. Я. История немецкой литературы. Л.: Художественная литература, 1973. Т. 3. Романтизм в Германии / вступ. статья А. Аникста.

Понятие мотива в литературоведении и его интерпретация А. Н. Веселовским в соотнесенности с сюжетом. URL: <https://myfilology.ru//137/motiv-v-literature-problema-opredeleniya-ponyatiya/> (дата обращения 15.05.2021).

LINGUISTIC MARKERS OF THE MOTIVE OF THE WANDERER IN THE NOVEL FRANZ STERNBALD'S JOURNEY BY LUDWIG TIECK

The article explores linguistic means by which the motive of the way is represented in the novel *Franz Sternbald's Journey* by Ludwig Tieck. Using the method of semantic analysis the classification of lexical and morphological units which refer to the motive of the way is performed. Language items are divided into uneven groups, differing from each other by the meaning of units they include.

Key words: motive of the wanderer, chronotope, marker, German Romanticism, Ludwig Tieck

Воронина Анна Игоревна

аспирант

Московский государственный лингвистический университет
annworonina@gmail

Любимова Наталия Викторовна

кандидат педагогических наук, профессор

Московский государственный лингвистический университет
natalju@yandex.ru

ОРОНИМЫ В ШВЕЙЦАРСКОЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ГОРНОЙ ПРОЗЕ

Оронимы представляют интерес с точки зрения оформления категории пространства в тексте. В рамках предлагаемого исследования будут рассмотрены

функции оронимов как маркеров художественного альпийского пространства, что составляет их геопозитический потенциал.

Ключевые слова: топономастикон, ороним, литературное пространство, швейцарская горная проза

Литературный топономастикон предлагает читателю, интерпретирующему текстовое пространство, надежные маркеры данной категории. Тексты швейцарской *горной прозы* наполнены топонимами разных классов, которые пришли в литературу из реального мира. Особенно часто читатель сталкивается с оронимами, гидронимами, дромонимами, ойконимами и т. д. В данной работе мы предлагаем рассмотреть функциональную нагрузку оронимов – «собственных имен любого элемента рельефа земной поверхности» [Подольская 1988: 104–105], при этом мы будем рассматривать термин оронимы в узком смысле, т. е. как наименования горных вершин и хребтов.

Оронимы, как и прочие топонимы, решают в художественном тексте свои особые задачи. Они обладают лингвистическим и экстралингвистическим потенциалом, и каждый автор, как правило, заинтересован в использовании данного потенциала в построении фабулы и в развитии сюжетных линий.

Оронимы образуют в тексте своеобразную систему координат, которая становится местом событий, развивающихся в данном конкретном пространстве. Так, описывая долину Шамони, И. В. Гете в дневниках своей второй поездки по Швейцарии в 1779 г. упорно фокусировал внимание на внутритекстовой системе координат, в центре которой находился Монблан, имя которого Гете вновь и вновь упоминал в описании, будто не желая терять из виду столь импозантный ориентир.

Тем самым оронимы, как и прочие топонимы, помогают читателю выстроить ментальную карту конструируемого автором текстового пространства. Чем подробнее представлено художественное пространство в тексте, тем достовернее кажутся все категории произведения, включая сюжет и литературный портрет героев.

Оронимы не только передают конкретную информацию. Будучи ключевыми словами и помогая читателю соотносить события с конкретными территориями, они могут стать ярким выразительным средством, содержащим дополнительную имплицитную информацию, которая, к сожалению, может остаться нераскрытой без

соответствующего анализа. Более того, оронимы участвуют в развитии пространственно-временного континуума, способствуют определению жанровой принадлежности и структурной организации текста, создают колорит или настроение.

Наблюдения показывают, что оронимы являются необходимыми маркерами в текстах немецкоязычной швейцарской горной литературы. Наиболее интересным представляется вопрос о том, что побуждает каждого из авторов внедрить конкретные оронимы в структуру пространства художественного произведения. Мотивация часто имеет личностный характер: автор может руководствоваться воспоминаниями о месте рождения или о детстве, которое прошло в системе координат какой-то конкретной вершины (Piz Tumpiv и Sez Nerg в романе А. Камениша). Мотивы могут сформироваться под влиянием любви автора к горным прогулкам или занятий альпинизмом (Tödi в рассказах и репортажах М. Фриша). Кроме того, мотив можно трактовать как символическое прочтение дурной или магической репутации какой-либо вершины (Pilatus), объяснить всеобщей известностью и популярностью (Rigi) или положением в картине мира соответствующего этносоциума (St. Gotthard, Matterhorn, Eiger). Следует также обращать внимание на происхождение имени и возможные трактовки его значения.

Порой авторы воздерживаются от использования имен горных вершин в литературном пространстве, оставляя вершину безымянной, однако, и в этом случае текст может содержать недвусмысленные указания на конкретные географические объекты. В качестве примера можно привести реалии из повести М. Фриша «Ответ из тишины» (1937). Протагонист ставит перед собой задачу покорить некую вершину, имя которой ни разу не упоминается в тексте, достигнув ее по еще неопробованному, крайне тяжелому маршруту, по так наз. *северному гребню* (Nordgrat). Именно словосочетание *северный гребень* вызывает ассоциации с реальной историей многочисленных и трагических попыток покорения альпийской вершины Эйгер (Eiger) по *северной стене* (Nordwand) в первой половине XX в. И хотя в тексте Фриша как место локализации горной вершины указываются Альпы франкоязычного кантона Валé на юге Швейцарии, текстовое пространство содержит многочисленные элементы, свойственные альпийскому ландшафту кантона Гларус в центральной части Швейцарии, который был очень хорошо знаком Фришу по его горным походам [Zorfi 2009].

Подобные намеки интертекстуального свойства открывают дополнительные горизонты для интерпретации. Сложность заключается в том, что часто их возможно распознать, лишь привлекая дополнительные источники информации. К тому же, за счет подобного приема создается интрига для работающего с произведением читателя.

Тем не менее, с большой долей уверенности можно утверждать, что при конструировании альпийского пространства в литературных текстах швейцарские авторы предпочитают использовать *реальные* оронимы, что можно объяснить символическим статусом горных вершин в качестве объекта коллективной памяти (так называемое *место памяти* – *фр.* lieu de mémoire / *нем.* Erinnerungsort) в духе Пьера Нора [Норá 1999]. Реальные горные вершины – носители оронимов – представляют собой не только впечатляющие объекты природы, но и являются объектами культуры, которые отражают особенности менталитета, содержат информацию об истории конкретного народа [Передреева 2018: 3]. Следовательно, при анализе художественного текста горной литературы важно не ограничиваться констатацией или перечислением тех или иных оронимов, а анализировать их на образном и концептуальном уровнях.

Литература

Нора П. Проблематика мест памяти. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50. URL: <https://mipt.ru/education/chair/philosophy/upload/6ec/nora1-arph7asf0ow.pdf> (дата обращения: 15.06.2021).

Передреева Т. В. Лингвокультурологический потенциал немецких топонимов: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2018. URL: https://bashedu.ru/sites/default/files/dissovets_files/disrab/dissertaciya_peredreevoy_t.v.pdf (дата обращения: 15.06.2021).

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Наука, 1988.

Zopfi E. Dichter am Berg: alpine Literatur in der Schweiz. Zürich: AS Verlag, 2009.

ORONYMS IN MOUNTAIN PROSE OF GERMAN SPEAKING SWITZERLAND

Oronyms are of interest in terms of the ways the category of space is being formatted in the text. In the proposed research, the functions of oronyms are

considered as markers of the literary alpine space, which constitutes their geopoetic potential.

Key words: toponomasticon, oronym, literary space, Swiss mountain prose

Киосе Мария Ивановна

доктор филологических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет
ведущий научный сотрудник Центра Социокогнитивных
исследований дискурса МГЛУ
maria_kiose@mail.ru

УСПЕШНАЯ И ОПТИМАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ МЕТАФОР ДЕТЬМИ И ВЗРОСЛЫМИ¹

В работе проведен контрастивный анализ особенностей глазо-двигательной интерпретации и распознавания окказиональной и конвенциональной текстовой образности взрослыми и детьми среднего школьного возраста. Полученные результаты свидетельствуют об отсутствии сопряженности успешной и оптимальной интерпретации образности детьми и ее присутствию в реакциях взрослых.

Ключевые слова: окказиональная метафора, корпусный анализ, окулографический эксперимент, средний школьный возраст, успешная интерпретация, оптимальная интерпретация

Исследование особенностей интерпретации текстовой образности сопряжено с постановкой и решением двух вопросов: во-первых, вопроса об оптимальной когнитивной, например, глазо-двигательной, нагрузке (она должна быть не слишком высокой, иначе снижаются показатели распознавания информации, но и не очень низкой, иначе теряется интерес к информации) во время восприятия и понимания информации и, во-вторых, вопроса о требованиях к текстовой информации (например, в литературе, адресованной читателю-ребенку),

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-012-00370 «Гетерогенность текста и факторы ее успешной интерпретации читателем» в Московском государственном лингвистическом университете.

ориентированной на успешное восприятие. Таким образом, двумя основными критериями оценки интерпретации становятся ее оптимальность и успешность. Как известно, одним из наиболее сложных примеров текстового конструирования, интерпретация которого сопровождается возрастанием когнитивной нагрузки [Ashby et al. 2017; Köder & Falkum 2020], является окказиональная метафора и метонимия. При этом увеличение когнитивной нагрузки фиксируется не только в глазодвигательных отчетах детей, но и взрослых, в особенности если речь идет о нетипичных примерах, например, демонстрирующих низкую корпусную частотность моделей конструирования [Olkonieni et al. 2016; Giora et al. 2018].

В настоящей работе проверяется гипотеза о том, что несмотря на общую тенденцию к увеличению когнитивной нагрузки (в аспекте увеличения глазодвигательной нагрузки и ухудшении распознавания), взрослые и подростки будут использовать разные техники глазодвигательного поведения и техники распознавания при чтении текстов, содержащих окказиональные метафорические включения.

Для верификации гипотезы реализуется двухэтапная процедура контрастивного анализа особенностей интерпретации окказиональных текстовых метафор взрослыми и детьми среднего школьного возраста. Результаты получены в ходе двух проведенных окулографических экспериментов, которым предшествовал корпусный анализ особенностей текстового конструирования таких метафор (первый этап исследования). По его итогам были выбраны текстовые образцы, демонстрирующие случаи типичного и нетипичного конструирования с участием метафор, при этом были подвергнуты анализу особенности когнитивного конструирования (конструирование участников и событий) и языкового конструирования (на всех уровнях языка). Типичные и нетипичные образцы были далее использованы для составления стимульных материалов, используемых во время окулографических экспериментов с участием взрослых и детей (второй этап исследования). Типичные образцы использовались как демонстрирующие более конвенциональные проявления метафор, а нетипичные – как демонстрирующие окказиональные проявления.

В ходе корпусного анализа (на материале НКРЯ и произведений для среднего школьного возраста) были установлены особенности конструирования макрометафорических моделей и особенности языкового конструирования метафор. Так, определены типы

макрометафорических моделей (ЖИВОЕ есть НЕЖИВОЕ, ЧЕЛОВЕК есть ЖИВОТНОЕ, СОБЫТИЕ есть ПРЕДМЕТ и др.), которые чаще и реже встречаются в текстах, а также лингвистические характеристики их оформления (синтаксическая позиция, использование препозитивных атрибутов, расстояние до антецедента и др.). Далее с помощью факторного анализа определены типичные и нетипичные образцы, или образцы, особенности конструирования которых демонстрируют различие (специфику); далее образцы конструирования используются для составления стимульных текстов для прочтения испытуемыми (участниками экспериментов) и стимулирования их ответов на вопросы о распознавании референции окказиональных включений.

Эксперимент проводился с привлечением стационарного оборудования (SMI RED) и переносного оборудования (EYE TRIBE) с участием взрослых (студенты, средний возраст 22 года) и школьников (средний возраст 14 лет). Дизайн эксперимента предполагал прочтение текстовых фрагментов с включенными метафорическими единицами и выбор варианта ответа (о референциальной отнесенности метафорических единиц). Фиксировались глазодвигательные реакции участников (показатели их глазодвигательной нагрузки) и реакции по распознаванию; таким образом, анализ позволил установить сопряженность более и менее оптимальной и более и менее успешной когнитивной нагрузки. В ходе эксперимента обнаружено, что глазодвигательные паттерны и особенности распознавания метафор детьми и взрослыми действительно демонстрируют ряд существенных различий. Результаты эксперимента с участием взрослых показали, что индекс распознавания окказиональных метафор значительно ниже, чем конвенциональных, при этом в зонах интереса (в зонах расположения окказиональных метафор) и последующих зонах наблюдается, например, увеличение продолжительности фиксаций, что свидетельствует и о возрастании глазодвигательной нагрузки. Необходимо отметить, что индекс распознавания выше в случаях возрастания глазодвигательной нагрузки. В то же время результаты эксперимента с участием детей среднего школьного возраста имели следующее отличие: при снижении индекса распознавания окказиональных метафор сопряженности индекса и продолжительности фиксаций (и саккад) не наблюдается. Даже в случаях распознавания метафор глазодвигательные паттерны в отношении окказиональных и конвенциональных метафор не демонстрируют значимых различий.

Полученные данные о продолжительности фиксаций у испытуемых, верно распознавших референцию окказиональных и конвенциональных метафор, не имеют устойчивого распределения; во многих случаях дети, верно распознавшие окказиональную метафору, имели сниженные показатели глазодвигательной нагрузки. Такие результаты свидетельствуют о том, что дети и взрослые применяют разные модели принятия решений о конструировании референтов и текстовых событий в целом; активность этих моделей у детей определяется разными (индивидуальными) факторами, в то же время у взрослых она более постоянна. Это наблюдение также позволяет сделать вывод о том, что глазодвигательные паттерны ребенка среднего школьного возраста еще не отличаются устойчивым характером; при этом результативность распознавания метафор, окказиональных и конвенциональных, детьми и взрослыми уже имеет сходный характер.

Контрастивное исследование в целом подтвердило полученные в более ранних экспериментах данные о возрастании когнитивной нагрузки при восприятии окказиональных метафор, однако позволило уточнить особенности проявления такой нагрузки в реакциях взрослых и детей среднего школьного возраста. Как оказалось, утверждать наличие глазодвигательных техник более и менее оптимальной интерпретации, или интерпретации, требующей снижения глазодвигательной нагрузки при условии корректного распознавания референции окказиональных метафор детьми, не представляется возможным. Для рассматриваемого возраста сопряженность успешности и оптимальности интерпретации не является некоторой «константой», или устойчивой характеристикой. В то же время применительно к взрослым участникам можно обнаружить, что оптимальной глазодвигательной интерпретацией, сопровождающей успешную интерпретацию окказиональной образности, становится такая, которая задействует техники увеличения продолжительности фиксаций, увеличения продолжительности первой фиксации в зоне интереса, появления возвратных фиксаций. Применение данных техник взрослыми участниками сопряжено с более успешным распознаванием референции метафоры.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что особенности чтения и распознавания окказиональных метафор могут быть использованы в ходе экспертной оценки уровня сформированности навыков интерпретации текстовой образности. О сформированности таких

навыков будут свидетельствовать реакции, демонстрирующие сходство с реакциями взрослых, а именно, демонстрирующие сопряженность успешности и оптимальности интерпретации таких единиц.

Литература

Ashby J., Roncero C., Almeida R. G., Agauas S. J. The Early Processing of Metaphors and Similes: Evidence from Eye Movements // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 2017. P. 1–9.

Giora R., Jaffe I., Becker I., Fein O. Strongly mitigating a highly positive concept: The case of default sarcastic interpretations // *Review of Cognitive Linguistics*. 2018. 6 (1). P. 19–47.

Köder F. & Falkum I. L. 2020. Children's Metonymy Comprehension: Evidence from Eye Tracking and Picture Selection // *Journal of Pragmatics*, 156, 2020. P. 191–205.

Olkonemi H., Ranta H. & Kaakinen J.K. 2016. Individual Differences in the Processing of Written Sarcasm and Metaphor: Evidence from Eye Movements // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 42, 2016. P. 433–450.

SUCCESSFUL AND OPTIMAL INTERPRETATION OF NOVEL METAPHORS IN CHILDREN'S AND ADULTS' RESPONSES

The work presents the results of contrastive analysis that features eye movement patterns and default interpretation patterns of adults and secondary school children reading text fragments containing examples of novel figurativeness. The results suffice to deny the contingency between successful and optimal interpretation among young readers and to prove it among adult readers.

Key words: novel metaphor, corpus analysis, oculographic experiment, secondary school children, successful interpretation, optimal interpretation

Кострова Ольга Андреевна

доктор филологических наук, профессор

Самарский государственный социально-педагогический университет

olga_kostrova@mail.ru

ХРОНОТОП В НЕМЕЦКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ЛИНГВОЛИТЕРАТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Развивая идею Э. Ризель о необходимости лингволитературной интеграции, в статье рассматривается литературоведческая категория «хронотоп» в романе Б. Шлинка «Чтец». Систематизируются морфолого-синтаксические средства выявления хронотопа «путь».

Ключевые слова: пространственность, темпоральность, грамматическое время, локально-темпоральные обстоятельства

Теория лингвостилистической интерпретации художественного текста, созданная Э. Ризель, объединяет категории литературоведения и лингвостилистики [Ноздрина, Фадеева 2007: 241]. В нашем исследовании интегрируются литературоведческая категория «хронотоп» и грамматические средства ее выражения в немецком художественном тексте. М. М. Бахтин применил заимствованное из математики понятие «хронотоп» к анализу художественного текста. Проведенный им диахронический анализ литературных произведений разных эпох позволили выделить пространственно-временные характеристики, типичные для творчества того или иного писателя. Хронотоп определялся Бахтиным как неразрывное пространственно-временное единство, но именовался в пространственных терминах, таких как «порог», «путь», «дворянская усадьба», «замок», поскольку знаки времени могут раскрываться в пространственных координатах. При этом временной компонент признавался им главным [Бахтин 1975: 234]. Посмотрим, как выражаются грамматически пространственные и временные координаты, представляющие неразрывное единство, в романе «Чтец».

Главенствующая роль темпорального компонента проявляется через употребление временных форм, а также обстоятельств времени, которые в типичных случаях выражаются наречиями, предложными группами существительных и наречий и сложными предложениями с придаточными времени. Хронотоп «путь» понимается

метафорически как жизненный путь протагониста, как история его отношений с женщиной, намного старшей его, скрывавшей свое нацистское прошлое.

Протагонист находится в постоянном диалоге с самим собой, вспоминая этапы развития этих отношений. В грамматическом оформлении хронотопа ведущую роль играют дейктические средства: темпоральный и локальный дейксис, полудейксис (*Semideixis*) (термин Р. Харвега [Harweg 1990: 104]), абсолютный и относительный дейксис. Рассмотрим разные виды и формы проявления дейксиса и их связь с литературоведческим пониманием хронотопа.

Пространственный компонент хронотопа «путь» имплицитно подразумевает развитие во времени, предполагает начальную и конечную точку пути. В рассматриваемом романе завязка сюжета соотносится с возрастом протагониста – 15 лет, о чем читатель узнает из первого предложения романа, а именно, из придаточного темпорального. Точка координат, с высоты которой протагонист пытается понять свою историю, отстоит во времени примерно на 40 лет. Заканчивается роман предложением, содержащим локальное обстоятельство, которое имплицитно подразумевает значительный промежуток времени. Тем самым хронотоп «путь» получает временное ограничение в виде начальной и конечной точек. Ср. соответственно:

- (1) Als ich fünfzehn war, hatte ich Gelbsucht.
- (2) Es war das erste und das einzige Mal, dass ich an ihrem Grab stand.

Чередование пространственно-временных координат от настоящего к прошлому и обратно в настоящее выражается грамматически сменой временных форм глагола (*Präsens* – *Präteritum* / *Perfekt*) и наречий *jetzt* / *heute* – *damals*. При этом координаты говорящего определяются как абсолютный дейксис (*Präsens*: *ich* – *jetzt* – *hier*), а временной план прошлого обозначается как относительный дейксис (*Präteritum* / *Perfekt* / *Plusquamperfekt*: *ich bzw. jemand anderer* – *damals* – *da*). Относительность темпорального дейксиса особенно наглядно проявляется при согласовании временных форм *Präsens* – *Perfekt* и *Plusquamperfekt* – *Präteritum*. Ср. соответственно:

- (3) Warum macht mich so traurig, wenn ich an damals denke? Ist es Sehnsucht nach vergangenem Glück – und glücklich war ich in den nächsten Wochen, in denen ich wirklich wie blöd gearbeitet und die Klasse geschafft habe...

- (4) Nachdem Hanna die Stadt verlassen hatte, dauerte es eine Weile, bis ich aufhörte, überall nach ihr Ausschau zu halten...

Грамматические времена обозначают смену перспективы говорящего в обобщенном плане, не конкретизируя отдельных этапов. Делimitативную функцию принимают на себя обстоятельства времени, выраженные предложными группами существительного или сложными предложениями с темпоральными придаточными. Так в романе две части из трех открываются темпоральными обстоятельствами (1, 4), а в начальном предложении третьей части предложная группа существительного *nach dem Prozess*, имеющая временную семантику, функционально является определением к существительному темпоральной семантики *Sommer*:

- (5) Den Sommer nach dem Prozess verbrachte ich im Lesesaal der Universitätsbibliothek.

Таким образом, жизненный путь протагониста охватывает три основных отрезка: знакомство и счастливые часы с любимой женщиной вплоть до ее таинственного исчезновения, кульминация – судебный процесс над Ганной, раскрывающий протагонисту ее прошлое, и развязка – переосмысление отношения как со стороны Михаэля, так и со стороны Ганны. Михаэль осознает свою функцию в судьбе Ганны в роли чтеца, позволившего ей преодолеть свою неграмотность, а Ганна, переосмыслив свое прошлое, решается на самоубийство. Все три отрезка имеют темпоральную делimitацию.

Временное членение текста внутри каждой части происходит тоже с помощью темпоральных обстоятельств. При этом обстоятельства, выраженные предложными группами существительного, выступают в функции полудейксиса. Собственно дейктическую роль принимает на себя определенный артикль, реализуя грамматический дейксис, который не зависит от позиции говорящего [Leiss 2000: 249], а существительное сохраняет номинативную функцию. Относительность дейксиса подчеркивается определениями к существительному, имеющими семантику следования, ср.:

- (6) In der folgenden Nacht habe ich mich in sie verliebt.

Аналогично – как полудейксис – функционируют и локальные обстоятельства, отмечающие места, в которых происходит продвижение сюжета. В этих обстоятельствах имплицитно, как правило, точки на

временной оси, на которых протагонист задерживает внимание, вспоминая свою историю. Так завязка сюжета происходит как преодоление некоторого «порога», символизирующего типичный пространственный хронотоп [Бахтин 1975]. Таким «порогом» служат в романе ступени лестницы, ведущей к квартире Ганны, где протагонист принимает решение дождаться хозяйку квартиры, не отдавая еще себе отчета в том, к чему это может привести. В следующем примере время имплицуруется в глаголе неперфективной семантики *warten*, ср.:

(7) Ich setzte mich auf die Stufen und wartete.

Совместное употребление темпоральных и локальных обстоятельств имеет место при обозначении наиболее значимых моментов в развитии сюжета. Так вводится, например, повод к тому, чтобы протагонист стал чтецом:

(8) Am Tag nach unserem Gespräch wollte Hanna wissen, was ich in der Schule lernte.

Таким образом, глагольные времена и темпорально-локальные обстоятельства становятся грамматическими маркерами хронотопа, соотносимыми с позицией протагониста-рассказчика, от лица которого ведется повествование. Литературный метафорический хронотоп «жизненный путь героя» представляется как эвоцирование определенных этапов продвижения на этом пути по направлению к позиции протагониста во времени, с которой его взгляд (перспектива повествования) устремляется в прошлое. При этом, если литературный хронотоп выражается категорией пространства, имплицурующей категорию развития во времени, то среди грамматических средств кодирования хронотопа преобладают темпоральные маркеры, которые только в ключевых моментах развития сюжета подкрепляются локальными обстоятельствами. О ведущей роли времени в грамматическом оформлении хронотопа свидетельствует и количественное преобладание средств: грамматические времена, обстоятельства времени, включая сложные предложения с темпоральными придаточными. Пространственная составляющая хронотопа реализуется в романе обстоятельствами места, которые выражаются преимущественно предложными группами существительного с предлогами пространственной семантики. Эти обстоятельства фиксируют места, значимые для развития сюжета и имплицурующие определенную точку на временном отрезке пути.

Литература

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.

Ноздрина Л. А., Фадеева Г. М. К 100-летию Э.Г. Ризель и 90-летию Е.И. Шендельс (Юбилейная научная конференция в МГЛУ) // Вестник ВГУ, Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2007, № 1. С. 241–242.

Harweg R. Studien zur Deixis. Bochum: Universitätsverlag Dr. Norbert Brockmeyer, 1990.

Leiss E. Artikel und Aspekt: die grammatischen Muster der Definitheit. Berlin: Walter de Gruyter, 2000.

CHRONOTOPOS IN GERMAN FICTIONAL TEXT: LINGUISTIC AND LITERARY INTERPRETATION

Developing the idea of Elise Riesel about the convergence of literary and linguistic interpretation, the author considers the literary category of chronotopos in the *Der Vorleser* novel by B. Schlink and systematizes morphological and syntactical means that encode the chronotopos “way”.

Key words: spatiality, temporality, tense, local and temporal circumstances

Рыбакова Маргарита Борисовна

преподаватель

Московский государственный лингвистический университет

eva212@inbox.ru

ТИПИЧНЫЕ СПОСОБЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА (на материале современных немецких детективов)

В статье рассматриваются способы представления пространства в немецких детективах, которые следует разделить на две большие группы: а) представление пространства при помощи лексем, маркирующих его; б) при помощи языковых средств, косвенно передающих пространственные характеристики. Также рассматривается влияние тенденций к глобализации и глокализации на способы манифестации пространства.

Ключевые слова: детективный жанр, пространственные характеристики, языковые средства, глобализация, глокализация

В произведениях детективного жанра категория пространства приобретает дополнительную функциональную нагрузку, обусловленную неразрывной связью с местом преступления. В ходе нашего анализа установлено, что способы представления пространства следует разделить на две большие группы: а) представление пространства при помощи лексем, его маркирующих, например, географические названия; б) при помощи языковых средств, косвенно передающих пространственные характеристики, например, названия блюд местной кухни и т. п.

В немецких детективах, опубликованных в период 2000–2020 гг., специфика описания пространства заключается в том, что в характеристиках места действия объективируются две тенденции: стремление к глобализации и, одновременно, к глокализации. Под глобализацией, вслед за немецким социологом и философом У. Бекем, мы понимаем процессы, в результате которых посредством транснациональных акторов взаимодействуют национальные государства и их суверенитет. Процессы реализуются в коммуникационно-техническом, экологическом, экономическом, трудовом, культурном, гражданско-правовом измерении [Beck 2007: 28–29; 42]. Под глокализацией английский социолог Р. Робертсон понимает реализацию глобальных тенденций на локальном уровне и взаимодействие глобального и локального в культурном пространстве [Robertson 1992].

В ходе анализа немецких детективов нами установлено, что эксплицитная презентация пространства на лексическом уровне осуществляется при помощи следующих онимов – топонимов, включая ойконимы, гидронимы, урбанонимы (годонимы, агоронимы, городские хоронимы); антропонимов и эвентонимов.

Так, например, в романе немецкого писателя и сценариста культового криминального сериала «Tatort», идущего на немецком телевидении уже 50 лет, Ш. Брюггентиса «Мальчик без тайн» (2009 г.) действие разворачивается в городе Кёльн, в федеральной земле Северный Рейн-Вестфалия. На первых страницах произведения упоминается знаменитый Кёльнский собор (Kölner Dom); затем следуют подробные описания отдельных кварталов и площадей: Breslauer Platz, Lübecker Straße и т. д. Встречаются также урбанонимы: Kölnarena, Mediapark или клуб Underground. Таким образом осуществляется знакомство читателя с городским ландшафтом, позволяющее ему следить за передвижениями главного героя в пространственно-временном

континууме. Упомянутые выше языковые средства способствуют выражению тенденции к глокализации в тексте немецкого детективного романа. В свою очередь, упоминания вьетнамского и китайского кафе дополняют картину современного многонационального города, транслируя таким образом тенденцию к глобализации.

В подтверждение вышесказанного приведём следующий пример. В романах детективной серии Т. Крузе о расследованиях комиссара в отставке Зайферхельда местом действия является небольшой город Швебиш Халль, расположенный на реке Кохер в федеральной земле Баден-Вюртемберг. Такие онимы, как собор Святого Михаила (St. Michaelskirche) на Marktplatz, наименования отелей Goldener Adler, Adelshof, Scholl, аптек Löwen, Mohren, Dreikönig, Brücken, винных ресторанов Weinstube Gräter и кафе Pfisterer & Oettinger и другие погружают читателя в атмосферу описываемого города, создают местный колорит и оформляют ландшафт, типичный для юга Германии. Включение клише о местных жителях также способствует созданию местного колорита. О швабской бережливости мы читаем в романе Крузе: „Jetzt war nicht der Moment für Skrupel. Und auch nicht für schwäbische Sparsamkeit“ [Kruse 2010: 139]. В романе Брюггентиса представлены клише о жителях Кёльна. Например, об их отношении к родному городу: „Ich weiß, dass Kölner ihre Stadt nur ungern verlassen“ [Brügghenthes 2009: 232]. Или о неспешности местных жителей: „Irgendjemand hatte irgendwo geschlafen. Köln“ [Brügghenthes 2009: 240].

Одновременно антропонимы в анализируемых нами немецких детективах демонстрируют реалии глобализованного современного мира: главного героя Брюггентиса зовут Збигнев, его мать родом из Польши. Имя его возлюбленной Лена распространено в славянских странах. Коллега Збигнева – Зейнел, курд по национальности, его жена носит имя Лейла. Именно имена собственные в этом случае выполняют функцию, сигнализирующую глобальное пространство. Збигнев, находясь в интересах следствия в итальянском Турине, читает имена жителей домов на табличках и приходит к следующему выводу: „...die Globalisierung machte auch vor Turin nicht halt“ [Brügghenthes 2009: 81].

На фоне тенденций к глобализации явно прослеживается стремление к самоидентификации. Подчеркивается тот факт, что место действия – Германия. Это подтверждается сравнениями, которые приводит комиссар Збигнев, анализируя методы полицейского расследования, принятые в Германии и Италии, или поведение врачей и водителей

автобусов Германии и Франции. При этом Збигнев находится во власти этнокультурных стереотипов: в Италии он повсюду подозревает мафию и коррупцию, во Франции отмечает недисциплинированность курящего за рулем автобуса водителя. Стереотип о немецком стремлении к порядку и совершенству находит своё отражение в том, что Збигнев, отмечая высокий уровень организованности преступной группы, на след которой он выходит, приходит к выводу, что её действия соответствуют высоким стандартам «немецкого качества». И, следовательно, данная группа могла быть образована и могла управляться из Германии: «Die ganze Perfektion der Organisation mutete deutsch an» [Brüggenthies 2009: 487]. Приведём следующий пример. Главный герой романов Крузе вышивает на сувенирных подушках, предназначенных на продажу японским туристам, фразу: «I love Germany».

Косвенное указание на пространство реализуется через иные языковые средства. В исследуемых нами детективах манифестации пространства с точки зрения тенденции к глокализации способствуют следующие языковые средства: диалектные вкрапления, например, в речь персонажей (Kölsch, Nordstadtkölsch); названия местных напитков, которым отдают предпочтение главные герои (пиво Kölsch, Haller Löwenbräu, вино Trollinger); блюда местной кухни (например, швабские блюда: Maultaschen, Kutteln); наименования локальной прессы (Kölner Stadt-Anzeiger, Haller Tagblatt); ссылки на художественные фильмы (Kölner Tatort); местные праздники (Haller Herbst) и другие.

В заключение подчеркнём, что средства вербализации пространства немецких детективов транслируют преимущественно идею глокализации, а именно, стремление к сохранению национально-культурной специфики на общем фоне тенденций к глобализации. Современное пространство в немецком детективе вербализуется при помощи языковых средств, выражающих элементы лингвистического и культурного ландшафта, социолингвистические параметры и этнокультурный компонент.

Литература

Beck U. Was ist Globalisierung? Irrtümer des Globalismus – Antworten auf Globalisierung. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2007.

Brüggenthies St. Der geheimnislose Junge. Frankfurt am Main: Eichborn AG, 2009.

Kruse T. Kreuzstich, Bienenstich, Herzstich. Kommissar Seifferheld ermittelt. München: Knauer Taschenbuch, 2010.

Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage, 1992.

TYPICAL WAYS OF VERBALIZING SPACE (based on the material of modern German detective stories)

The article deals with the ways of representing space in German detective stories, which should be divided into two large groups: a) the representation of space with the help of lexemes marking it; b) the representation of space with the help of linguistic means that indirectly convey spatial characteristics. The influence of globalization and glocalization trends on the ways of representing space is also considered.

Key words: detective genre, spatial characteristics, language means, globalization, glocalization

Сескутова Ирина Константиновна

кандидат филологических наук, доцент

Московский государственный лингвистический университет

Seskutova@bk.ru

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МУЗЫКАЛЬНОЙ РИТОРИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Целью доклада является анализ специфики использования музыкально-риторических фигур в дискурсивном пространстве художественного текста. Анализ материала подтверждает гипотезу о перспективности изучения музыкального модуса в общеязыковом и стилистическом плане.

Ключевые слова: музыкальная риторика, музыкальный модус, мультимодальность, художественный текст

В природе нет тишины. Даже если мы представим время, когда не существовало ни одной культуры, да и человека вообще, мы услышим бушующий океан, гул ветра, шум водопада. И в самые погожие дни лес полон звуками птиц, сверчков и насекомых. Что это – хаотичные шорохи и нескладные шумы или уже музыка? А, может быть, наш слух воспринимает природу как великую симфонию?

Мелодия, как некий флюид, связывает звуки в целостное единство и придает им тем самым новый, совершенно особый характер и смысл. Таким образом, музыку, ритмическое оформление слова можно рассматривать как закодированную информацию, в своей завершенности представляющую собой символ, эмблематическое олицетворение переживания, эмоционального воздействия. Единство слова, движения и звука, например, в опере не случайно, а обусловлено сущностью этого вида искусства как органического синтеза всех ритмических искусств.

С позиций собственно лингвостилистических постановка вопроса о важности рассмотрения музыкальной риторики как инструмента более глубокого проникновения в смысл художественного текста представляется интересной и перспективной, в том числе, поскольку прагматика музыкально «обремененного» высказывания в английском языке является областью малоизученной, однако релевантной задачам изучения эмоционально-экспрессивного воздействия в рамках языковой коммуникации.

В ходе изучения значимости обращения к музыкальной риторике выдвигается рабочая гипотеза, что музыкально-риторические фигуры и/или ассоциации, вызванные в сознании субъекта посредством языкового и/или музыкального кода, расширяют свой семантико-стилистический потенциал не только на уровне отдельных языковых единиц, но и на уровне всего текста.

Анализируя историю вопроса, отметим, что понимание музыки как выразительного языка, способного передавать самые различные чувства и представления начало утверждаться уже с XVII века. Как следствие, за музыкальными оборотами закреплялись устойчивые семантические значения для выражения определенного аффекта или понятия. По аналогии с классическим ораторским искусством подобные звуковые формулы получили название музыкально-риторических фигур, а система музыкальных приёмов, опирающаяся на классическую риторику, получила название музыкальной риторики [Носина 2008].

Наиболее ярко эти тенденции проявились в музыкальной теории барокко, прежде всего немецкой школе, которая видела в музыкальной риторике своеобразный ключ к прочтению заложенного в музыке духовного, образного и эстетического содержания. Кульминацией явилось изучение внутреннего смыслового мира музыки И. С. Баха, который через устойчивые мелодические обороты сумел выразить многозначность восприятия мира.

Музыкальная коммуникация – это не только музыка в чистом виде, а сложно организованная и целостная система, обеспечивающая циркулирование неоднородной (слуховой, визуальной, тактильной и иной) информации во временном пространстве, охватываемом музыкальной культурой общества, а также психологией музыкального восприятия. Иными словами, речь может идти об ансамбле ассоциаций, переживаний, активированных в сознании субъекта посредством языка, музыки, памяти, чтения, эмоций.

Языковая коммуникация не сводится к какой-то одной знаковой системе, а представляет собой форму конфигурации или симбиотического взаимодействия знаков. Как следствие, мономодальный подход к языку, при котором традиционно уделялось внимание сугубо вербальным аспектам коммуникации, в настоящее время меняется на более сложный и интегрированный вариант подачи информации. С позиций семиотической школы можно заключить, что «осознавая некоторый объект как текст, мы тем самым предполагаем, что он каким-то образом закодирован, презумпция кодированности входит в понятие текста. Однако сам этот код нам неизвестен – его еще предстоит реконструировать, основываясь на данном нам тексте» [Лотман 2002: 150].

Так как информацию о мире мы получаем через различные каналы восприятия, в основном через глаза, уши и ощущения, эти сенсорные каналы можно рассматривать как наши модальности (возможности): визуальная, аудиальная и кинестетическая. У каждого человека какой-то из сенсорных каналов развит лучше, поэтому естественно предположить, что, воспринимая действительность, индивид больше доверяет конкретному каналу и через данный доминантный канал восприятия сверяет достоверность любой информации.

Соответственно, процессы создания и интерпретации значений основываются на комплексном взаимодействии различных знаковых систем, или мультимодальностей, неразрывно связанных с типом мышления субъекта и репрезентативной системой, посредством которой информация, поступающая из внешнего мира, воспринимается и перерабатывается.

Различные «каналы» смыслообразования, известные в научной литературе как семиотические системы, могут включать в себя визуальные, вербальные, письменные, невербальные и музыкальные способы коммуникации, а также различные «мультимодальные» ансамбли из этих систем [Kress 2010].

Как различные сенсорные каналы взаимоадаптируются в рамках дискурсивного взаимодействия? Как, когда и зачем к вербальному каналу добавляются показания слухового / музыкального восприятия или наоборот? Каковы механизмы этой адаптации? Или рассмотрение восприятия речи как разновидности восприятия вообще покоится на допущении, что у всех видов восприятия и действия имеются сходные механизмы, которые только адаптируются к каждой из «модальностей», а на самом деле, возможно, представляют собой различные ипостаси человеческой природы? Как достигается «межканальный консенсус» [Демьянков 2019: 95]?

Учитывая растущую важность не только визуальных, но и звуковых образов в современном мире, любопытно проанализировать, как общение в различных семиотических режимах – нетривиальные сочетания вербального и музыкального в рамках целого текста – объединяя наши сенсорные способности, открывает новые возможности для более глубокого изучения процессов формирования смысла в художественном дискурсе.

Для иллюстрации теоретических положений нами выбраны три современных англоязычных коротких рассказа, полное понимание которых представляется неполным без обращения к инкорпорированному в них музыкальному модусу.

Выбор музыкальной (сенсорной) составляющей в каждом тексте глубоко символичен. Стилистически значимое выдвигание музыкального модуса в контексте анализируемых текстов, тесное взаимодействие слова и звука углубляют силу интонаций, наполняют текст удивительной психологической правдивостью. Проникновение музыкального модуса в содержательные пласты текста позволяет достичь большего эмоционального и интеллектуального наполнения художественного произведения. Цельность смысла раскрывается через музыкальную символику, а нюансы смысловых связей между элементами языка, дополняя и углубляя друг друга, образуют многослойный культурный контекст.

Анализ текстовых примеров подтверждает выдвинутую гипотезу о перспективности дальнейшего изучения музыкально-риторических связей для более глубокого проникновения в процессы формирования смысла художественного дискурса в общеязыковом и стилистическом плане.

Литература

Демьянков В. З. Согласование и адаптация модальностей // Когнитивные исследования языка. 2019. № 38. С. 88–100.

Лотман Ю. М. (2002). Текст в тексте. В кн.: Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства (с. 58–77). СПб.: Академический проект. 2002.

Носина В. Б. Символика музыки И. С. Баха. М.: Классика – XXI, 2008.

Kress G. Multimodality. A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication. London and New York: Routledge, 2010.

SEMANTIC AND STYLISTIC POTENTIAL OF MUSICAL RHETORIC IN LITERARY DISCOURSE

The purpose of the report is to analyze the specifics of the use of musical rhetorical figures in the discursive space of a literary text. The analysis of the material confirms the hypothesis about the potential of studying the musical mode through the prism of general linguistics and stylistics.

Key words: musical rhetoric, musical mode, multimodality, literary text

Тактаева Оксана Анатольевна

аспирант

Московский государственный лингвистический университет

oxanataktaeva@mail.ru

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ В ЛАНДШАФТНЫХ ОПИСАНИЯХ

Предметом рассмотрения являются способы выражения повествовательной перспективы в ландшафтных описаниях. На материале текстов произведений немецкоязычных писателей выявлено два типа выражения повествовательной перспективы и описаны их лингвистические характеристики.

Ключевые слова: перспективизация, фокализация, несобственно-прямая речь, смещение точки зрения

Перспективизация (*англ.* perspective, perspectivization, perspectivation, vantage point, viewpoint) – это способ и процесс характеристики объекта с точки зрения участника коммуникации. В когнитивной

лингвистике перспективизация рассматривается как дискурсивный механизм конструирования объекта с точки зрения говорящего / наблюдателя, где конструирование объекта одними участниками дискурсивного акта намеренно совершается для других его участников [Ирисханова 2013]. Перспективизация также используется в некоторых исследованиях по когнитивной нарратологии, где трактуется как способ выстраивания сюжета или как субъективная точка зрения повествователя (автора, персонажа и пр.) на то или иное событие [Глоссарий, URL]. В художественных текстах, помимо прямой и косвенной речи, четко маркирующей перспективу говорящего, наблюдаются случаи неявной перспективизации, когда изложение не сопровождается глаголами говорения или ментальной деятельности.

В статье рассматриваются способы выражения повествовательной перспективы в ландшафтных описаниях (несобственно-прямая речь (*erlebte Rede*) и *viewpoint shifting*). Цель – выявить типы повествовательной перспективы, используемые в ландшафтных описаниях, и дать каждому способу лингвистическую характеристику: определить основные языковые средства и функции каждого способа выражения повествовательной перспективы в ландшафтных описаниях.

Несобственно-прямая речь представляет собой форму передачи чужой речи, сочетающую в себе элементы прямой и косвенной речи. Несобственно-прямая речь является совмещением объективного авторского плана и субъективного плана персонажа при их относительном равновесии [Домашнев 1989: 107]. В несобственно-прямой речи в той или иной степени отражаются лексические и синтаксические особенности чужого высказывания, манера речи литературного персонажа, эмоциональная окраска, характерная для прямой речи, но передается она не от имени персонажа, а от имени автора, рассказчика, который в этом случае выражает мысли и чувства своего героя, объединяет его речь со своей. В результате создается двуплановость высказывания: передается «внутренняя речь» персонажа, его мысли, настроения (и в этом смысле «говорит» он), но выступает за него автор; объективная оценка событий сочетается с их преломлением сквозь призму восприятия персонажа [Розенталь, Теленкова 1976: 135].

Лингвистическими показателями несобственно-прямой речи являются транспозиция личных местоимений, система временных глагольных форм, зависящая от времени авторского повествования, отсутствие специальных слов и оборотов, вводящих несобственно-прямую речь

и др. Наиболее характерный тип несобственно-прямой речи – форма вопросительных и восклицательных предложений, выделяющихся в эмоциональном и интонационном отношении на фоне авторского повествования [Домашнев 1989: 107].

В следующем отрывке из романа «Хвали день к вечеру» Джинни Эрпенбек читатель видит улицы и переулки Вены глазами идущей по городу главной героини:

Margaretenstraße, Heumühlgasse, halt irgendwo entlang, Rechte Wienzeile, quer über den Naschmarkt, Linke Wienzeile, irgendwo, Girardigasse, Gumpendorfer Straße, Stürgengasse, Windmühlgasse, überall liegt der Schnee schulterhoch zu beiden Seiten der Straße, Theobaldgasse, Rahlgasse, rechts so gut wie links, Mariahilfer Straße, Babenberger Straße, Opernring, und glatt ist es, spiegelglatt. Will sie wirklich in den Opernring einbiegen? Oder lieber nach links in den Burggring? („*Aller Tage Abend*“ J. Erpenbeck)

В приведенном примере маркерами несобственно-прямой речи являются разговорная лексика (halt, irgendwo), экспрессивный порядок слов (инверсия), вопросительные предложения, и автообращение персонажа в форме 3-го лица.

Viewpoint shifting можно определить только в контексте. Этот способ передает субъективную перспективу, перспективу героя произведения. Ситуация описывается так, как ее воспринимает герой [Глоссарий, URL]. Viewpoint shifting не имеет типичных средств ввода в повествование (т. е. отсутствуют глаголы, указывающие на слова автора), например:

Von Bord aus gesehen, bewegt sich das Land („*Nach der Natur: Ein Elementargedicht*“ W. G. Sebald).

Земля как часть континента, суша не может двигаться, но в данном фрагменте автор передает восприятие действительности героем, который приближается к земле, находясь на корабле. В фокусе внимания находится ландшафт, который перед собой видит персонаж.

В следующем отрывке героиня романа Дж. Эрпенбек стоит на крыше дома и смотрит на город с высоты:

Dann lässt sie los, richtet sich auf und blickt auf die kleine Stadt da unten und die weite Landschaft. Es ist heller Tag, es gibt Strohdächer und Dächer, die mit Schindeln gedeckt sind, es gibt Straßen und Brunnen, in der Ferne Felder und Wald, Kühe stehen auf einer Weide, eine Kutsche fährt einen Feldweg entlang, unten vor dem Haus stehen Menschen, die zu ihr

aufblicken und jetzt schweigen und sich nicht rühren („*Aller Tage Abend*“ J. Erpenbeck).

В данном фрагменте городской пейзаж описывается не от лица рассказчика (окончание его перспективы маркирует первое предложение), а как бы от лица персонажа – женщины, которая стоит на крыше и смотрит на город, охватывая взглядом сначала отделенные кварталы, вплоть до полей и лесов на окраине города, а затем и место непосредственно перед собой, внизу, около дома, на крыше которого она стоит. Такой прием смены перспективы повествования, охватывается понятием внутренней фокализации. Рассказчик передает увиденное глазами персонажа, т. е. повествование ведется с точки зрения героя.

Таким образом, в ландшафтных описаниях можно наблюдать такие способы выражения повествовательной перспективы как несобственно-прямая речь и *viewpoint shifting*. Благодаря изменению фокуса повествовательной перспективы картина отражаемой фикциональной действительности приобретает многомерность, модус изложения окрашивает повествование таким образом, что читатель чувствует отношение героя к изложенному. Изменение повествовательной перспективы позволяет увидеть происходящее в разных ракурсах и получить более объемное изображение происходящего.

Литература

Домашнев А. И., Шишкина И. П., Гончарова Е. А. Интерпретация художественного текста: нем. яз.: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1989.

Ирисханова О. К. О понятии перспективизации в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка: сб. науч. тр. / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.: ИЯ РАН; Тамбов: ИД ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. С. 43–58.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976.

Перспективизация. URL: www.scodis.ru/студентам/гlossарий/перспективизация/ (дата обращения: 06.06.2021).

MEANS OF EXPRESSING NARRATIVE PERSPECTIVE IN LANDSCAPE DESCRIPTIONS

The article is devoted to the possible ways of expressing a narrative perspective in landscape descriptions. Based on the texts of the works of German

authors, two types of the narrative perspective have been identified. A linguistic characteristic is given to each type.

Key words: perspective, focalization, free indirect discourse, viewpoint shifting

СЕКЦИЯ V. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ДИСКУРСОЛОГИИ

Андреева Светлана Антоновна

кандидат филологических наук

Московский государственный лингвистический университет

sandreeva1@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ДИСКУРСЕ КОННЫХ СКАЧЕК

Долгая история и современная популярность конных скачек в Великобритании в сочетании с малой изученностью англоязычного дискурса конных скачек обусловили его рассмотрение в качестве институционального (на материале публикаций в средствах массовой информации).

Ключевые слова: институциональный дискурс, англоязычный дискурс конных скачек, масс-медиа

Конные скачки являются вторым по популярности видом спорта в Великобритании после футбола [Horse Racing in Great Britain, URL], принося в казну государства почти 3 миллиарда фунтов и способствуя развитию коневодства, различных сфер промышленности и услуг, в том числе индустрии гостеприимства, туризма и конного спорта.

Первые документированные скачки состоялись в Англии в 1174 году. В историю развития скачек внесли свой вклад английские монархи. Генрих VIII законодательно урегулировал вопросы коневодства. При Иакове I были созданы единые правила для конных скачек; скачки пользовались благосклонностью Карла I, Карла II, королевы Анны и других монархов.

В 1750 г. Жокейский клуб унифицировал правила для скачек и следил за их исполнением до образования специального контролирующего органа в 1993 г.

Скачки освещаются в национальной прессе, а с 1986 г. в газете The Racing Post. С 1950-х гг. конные скачки представлены на британском телевидении. Пионером показа была телекомпания Би-Би-Си,

но с 2012 г. права на показ были выкуплены другими телеканалами. С 2016 г. основные скачки можно смотреть на канале ITV.

В период пандемии соревнования были прерваны, но селекционная и тренерская работа продолжалась, несмотря на все ковидные ограничения. В настоящее время британское общество приветствует снятие ограничений на проведение соревнований и на допуск зрителей на ипподромы, что свидетельствует о важности конных скачек для британского общества и британской культуры.

Вместе с тем англоязычный дискурс конных скачек пока не стал предметом глубокого научного исследования (в отличие от футбольного дискурса), и в настоящей публикации представляется необходимым рассмотреть этот вид дискурса в его представленности в средствах массовой информации.

Как указывают Б. А. Зильберт и А. Б. Зильберт, сращение спортивного дискурса с массово-информационным дискурсом (дискурсом масс-медиа) должно рассматриваться как институциональный дискурс, с присущими ему характеристиками [Зильберт, Зильберт, URL].

Под институциональным дискурсом мы понимаем вербальную коммуникацию между двумя или более людьми, в рамках которой как минимум один участник является представителем института, выступающего работодателем по отношению к этому участнику, и цели коммуникантов частично определяются целями этого института (перевод наш. – А. С.) [Institutional Discourse, URL]. Применительно к англоязычному дискурсу конных скачек в рамках нашего исследования институтом выступают средства массовой коммуникации, в которых осуществляется публикация статей о прошедших или предстоящих соревнованиях.

В качестве практического материала исследования были выбраны две статьи из газеты Дейли Мейл (The Daily Mail) от 8 ноября 2010 года и 11 марта 2013 г. Публикация в ноябре 2010 года была посвящена результатам скачек на Кубок конезаводчиков (Breeders' Cup Classic), а в марте 2013 г. – предстоящему Челтенхемскому фестивалю (Cheltenham Festival), который открывает сезон так называемых «гладких скачек» (flat races). Таким образом мы видим, что публикации в газете преследуют разные цели: первая статья рассказывает о результате конкретного забега, а вторая стремится побудить интерес читателей к предстоящему конноспортивному празднику.

Это определяет разницу в размере публикаций – статья о результате забега практически вдвое меньше статьи, посвященной предстоящему Челтенхемскому фестивалю, точнее, одному из тренеров скаковых лошадей, Дэвиду Бриджуотеру, чей воспитанник The Giant Bolster считается одним из фаворитов.

Для обеих статей характерно использование большого количества терминологии из области скачек, причем термины не разъясняются: предполагается, что читатели с ними знакомы или же способны сами найти их значение.

Эти термины можно разделить на несколько групп.

1) термины, связанные с лошадьми и скачками:

gelding (мерин); mare (кобыла); filly (молодая кобыла); winning line (финишная черта); at odds of 50-1 (ставка 50 к одному); the 14-1 shot (попытка выиграть на лошади, на которую ставят 14 к одному); long odds (небольшая вероятность выигрыша); winner (победитель заезда); jump racing (барьерные скачки); runner (участник забега); second place behind <Name> (финишировать вторым после <кличка лошади>); to finish second to (финишировать вторым после); near-hind pastern joint (бабка левой задней ноги); a pulled-up run (заезд, прерванный жокеем, потому что лошадь бежала плохо); line-up (стартовая шеренга); defeat by a head (проиграть на длину головы); six (lengths) adrift (отставать на шесть корпусов); chasing pack (преследующая группа лошадей; «пелотон»); 20 lengths' start (опередить на 20 корпусов благодаря хорошему старту); an ask (посыл); a nose short (проиграть на длину носа);

2) термины, связанные с профессиональной деятельностью жокеев:

riding career (карьера жокея); stable jockey (жокей, постоянно трудоустроенный у какого-то тренера); seven rounds claiming jockey (жокей-ученик, который выиграл менее 20 заездов за свою карьеру и вследствие этого имеет право на снижение веса на 7 фунтов (примерно 3 кг)); a ride (заезд);

3) термины, связанные с профессиональной деятельностью тренеров:

a yard (конный двор); stable (конюшня).

Также статьи изобилуют названиями состязаний (Grand National; Cheltenham Festival; County Hurdle; Breeders' Cup; Turf Mile; Classic),

именами тренеров и жокеев (Lester Piggott; Frankie Dettori; Mike Smith; Nicky Henderson; Paul Nichols; David Bridgwater).

Все эти лексические единицы употребляются для передачи фактуальной информации, для создания необходимой атмосферы присутствия, а также для представления журналиста в качестве эксперта. Обе статьи написаны одним журналистом Маркусом Таунэндом (Marcus Townend), что позволяет предположить, что он находится в штате газеты и регулярно освещает тему скачек.

Наряду с вышеуказанными средствами в статьях присутствуют и стилистически маркированные явления, которые призваны поддерживать интерес читателя и сделать текст менее официальным. Справедливости ради надо отметить, что образность является достаточно клишированной, но тем не менее можно выделить несколько интересных примеров.

К числу клишированных примеров можно отнести такие стершиеся метафоры как:

burst of success (взрыв успеха); *to crush the spirit of* (растоптать / сломать чей-то дух); *to be robbed of* (украсть что-то, в данном случае победу); *cut through the pack* (проложить / прорезать себе путь сквозь группу лошадей); *Zenyatta's eclipse* (закат Зеняты (кличка лошади)).

Куда больший интерес для исследователя представляют такие оригинальные стилистические приемы как оригинальная метафора «programmed into her hard drive» (выражение буквально означает «быть записанным на жесткий диск», то есть стандартное поведение лошади уподобляется компьютерной программе, а она сама компьютеру); перифраз «there wasn't any money involved» (высказывание используется в сочетании с выражением «passed the winning line in front» («первым пересек финишную черту») и тем самым дает читателю понять, что это выражение не следует понимать буквально – лошадь, конечно, пересекла финишную черту первой в группе других лошадей, только это была не более чем тренировка, и за нее лошадь и тренер не получают призовые); сочетание сниженно-разговорной и книжной лексики в таких высказываниях как «takes the flak for *Zenyatta's eclipse*» и «to rubbish a verdict».

Отдельно необходимо отметить, что заголовки статей и подписи к фотографиям – как это принято в английской журналистике – изобилуют стилистическими приемами.

Так, рядом с фотографией Дэвида Бриджуотера на лошади по кличке The Giant Bolster размещена надпись: «Giant strides: trainer David Bridgwater rides out in the snow on the Giant Bolster», в которой первые два слова можно понять двояко. Если предположить, что это сочетание прилагательного и существительного, то перед нами описание размашистого хода лошади («гигантскими шагами»). Если же вспомнить кличку лошади и предположить, что перед нами сокращенная кличка, то конструкцию можно рассмотреть как сочетание существительного и глагола («Гигант размашисто шагает»). Таким образом мы имеем дело с игрой слов.

В заголовках статей также присутствуют стилистические приемы. В заголовке «My years of agony are over, and now I am going for Gold» можно выделить идиоматическое выражение «to go for gold», которое следует понимать как намерение заполучить что-то наиболее ценное. Однако написание слова «Gold» с заглавной буквы напоминает нам о названии кубка «Cheltenham Gold Cup», и мы понимаем, что тренер нацелен на выигрыш конкретного приза.

В заголовке второй статьи «The Blame Game» можно отметить наличие рифмы, а также идиоматическое выражение «the blame game», которое обычно означает «взаимный обмен обвинениями». Однако после прочтения статьи читатель узнает, что лошадь, которая обогнала Зенятту, зовут «Blame», и, следовательно, заголовок можно интерпретировать как «Игра лошади по кличке Блейм», что вновь указывает на игру слов.

Таким образом можно сделать вывод, что англоязычный дискурс конных скачек представляет широкое поле для изучения, которое еще ждет своего исследователя.

Литература

Зильберт Б. А., Зильберт А. Б. Спортивный дискурс: базовые понятия и категории; исследовательские задачи. 2001. URL: jsh_17_07zilbert.pdf (msu.ru) (дата обращения: 14.06.2021).

Horse Racing in Great Britain. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Horse_racing_in_Great_Britain (дата обращения: 14.06.2021).

Institutional Discourse // The International Encyclopedia of Language & Social Interaction, Karen Tracy, Cornelia Ilie, & Todd Sandel, (eds.). Boston: John Wiley & Sons. Pp. 809–826. 2015 (PDF) “Institutional Discourse.” In The

International Encyclopedia of Language & Social Interaction, Karen Tracy, Cornelia Ilie, & Todd Sandel, (eds.). Boston: John Wiley & Sons. Pp. 809–826. 2015 (researchgate.net).

ON HORSE-RACING DISCOURSE

The long history and modern popularity of horse racing in Great Britain coupled with insufficient research into the English-language horse-racing discourse have determined the need to study it as a variety of institutional discourse (on the basis of mass-media publications).

Key words: institutional discourse, English horseracing discourse, mass media

Анисимова Елена Евгеньевна

доктор филологических наук, профессор

Московский государственный лингвистический университет

letanisimova@mail.ru

ОТКРОВЕНИЕ О ВЕРЕ КАК ЖАНР РЕЛИГИОЗНЫХ СМИ

Доклад посвящен исследованию жанра откровение о вере в религиозных СМИ. В нем рассматриваются лингвопрагматическая характеристика жанра, его связь с жанрами исповеди и свидетельства, его когнитивные основания. Особая роль в жанре отводится концептам Путь (к Богу) и Встреча.

Ключевые слова: жанр, религиозный, публицистический, откровение

Обращение человека к Богу, традиционно описываемое в святоотеческой и теологической литературе, широко обсуждается в настоящее время в информационном пространстве СМИ и интернета, что приводит к формированию новых публицистических жанров. В журналистике под жанром понимается устойчивый тип публикаций, обладающих определенными схожими дифференциальными признаками [Тертычный 2006]. Особую популярность в религиозных СМИ за последние годы приобрел жанр, который условно можно назвать «откровение о вере», предметом которого является приход современного человека к Богу. Наименование жанра происходит от широкого значения слова «откровение» как действия, в результате которого открывается то, что прежде было сокрыто [Малый православный толковый словарь

2005]. Особенности исследуемого жанра рассматриваются в докладе на примере издания «В поисках Бога» [Смирнова 2021], созданного на основе бесед с известными людьми России на православном телеканале «Спас», а также немецкоязычного сайта «Campus fuer Christus», пользователями которого являются преимущественно молодые люди. Адресантами жанра откровения о вере выступают люди, обладающие разными социальными статусами, возрастными и гендерными характеристиками, которые являются носителями религиозного сознания. Адресатом предстает массовая аудитория, объединяющая верующих и неверующих людей, проявляющих интерес к вопросам религии. Интенция адресанта состоит в том, чтобы рассказать о личном сокровенном духовном опыте обретения веры, свидетельствовать о существовании Бога и собственным примером укреплять других в поисках истинного смысла жизни. Вне зависимости от внешней формы изложения (законченный рассказ от первого лица / рассказ, прерываемый наводящими вопросами, репликами, закадровыми комментариями журналиста-собеседника), откровение о вере всего остается монологическим жанром, является личной историей, «речью человека о себе». Данный жанр обнаруживает сходство с жанрами исповеди и свидетельства. С жанром исповеди [Пригарина 2012] откровение о вере сближают предельная откровенность, искренность, самоанализ и самооценка, признание адресантом своих ошибок и желание исправиться, поделиться с окружающими своим пониманием добра и зла. С жанром свидетельства откровение о вере объединяет стремление адресанта подтвердить, удостоверить реальность бытия Бога путем приведения фактов, аргументов из собственной жизни. В зависимости от степени развернутости содержания выделяются откровения-автобиографии, в которых адресант в хронологической последовательности на фоне канвы собственной жизни повествует о своем приходе к вере (характерны для выступавших на телеканале «Спас») и откровения-констатации, в которых адресанты скорее устанавливают факт своего обращения к Богу (типичны для историй на сайте «Campus fuer Christus»). Когнитивным основанием жанра откровения о вере являются религиозные концепты, которые формируют его содержание и вербализуются соответствующими лексическими единицами и высказываниями. К ним относятся концепты: Бог (Gott, Jesu, Herr; Бог, Господь, Христос, Творец, Он), Вера (Glaube, zum Glauben kommen, finden; вера, верить, уверовать, верующий. Самое главное – это вера), Промысл (по Промыслу Божию,

промыслительно, Воля Божия. Меня вдруг осенило, что на все Воля Божия), Чудо (Wunder. Der Herr tut auch heute noch Wunder; чудо, чудный. Любой врач был свидетелем каких-либо чудес), Путь (der Weg, der Weg zum Glauben; путь, путь к Богу, ко Христу, идти, приходить. По-разному люди приходят к Богу), Встреча (Begegnung, Jesu begegnen; встреча, встреча с Богом, Христом), Любовь (Liebe, lieben, Naechstenliebe leben; любовь, любовь Христа, любить. Бог – это любовь). Особую значимость в исследуемом жанре приобретают концепты Путь и Встреча, которые определяют модель жизни верующего человека, ее разделение в духовном и временном планах на жизнь «до» и «после» обретения веры. С концептом Путь до принятия Христа соотносятся фреймы-сценарии, отражающие типичные ситуации в жизни человека: духовный кризис (поиск смысла жизни, увлечение изотерическими, восточными духовными практиками); тяжелые жизненные обстоятельства (болезнь, утрата близких, несчастный случай и т. д.); столкновение с потусторонними (высшими божественными или низшими демоническими) силами; событие, предмет, деталь, послужившие отправной точкой для обретения веры (посещение храма, чудотворная икона, чтение Евангелия, сон, получение просимого и т. д.). Вербализация фреймов-сценариев до прихода к вере характеризуется в историях адресантов отрицательной аксиологической окраской:

Mein Leben war oft von Dunkelheit überschattet.

И если бы я не проснулась, я сегодня понимаю, я бы погибла, погибла физически.

С концептом Встреча (с Богом) соотносится фрейм-сценарий «открытие человеком Бога», отражающий процесс осознания человеком Божьего присутствия в своей жизни и последующие за ним поведенческие реакции. Вербализация данного фрейма-сценария отличается высоко положительной аксиологической окраской. Встреча с Богом в историях адресантов происходит постепенно или внезапно, вызывает у них небывалый подъем духовных сил, ощущение благодати, коренным образом изменяет их жизнь:

Ich fühlte mich wie neu geboren. Meine Depressionen waren von dem Moment an verschwunden.

И было такое чувство, как будто изнутри тебя всю грязь взяли, выкинули, и там засиял свет, и радостно стало.

Центральное место в откровениях о вере занимают отношения человека к Богу. К Богу адресанты испытывают глубокие личные, доверительные, подчас родственные чувства:

«У меня есть какое-то ощущение, что Бог лично мой. Я не соглашался с какими-то моментами своей жизни, немало роптал и в этом, действительно, я могу каяться и просить прощения, потому что не всегда был послушным ребенком своего небесного Отца. – Da waren Menschen, die eine leidenschaftliche, lebendige Beziehung zu Gott hatten und ihn sogar „Papa“ nannten. Dies war mir am Anfang fremd, aber es faszinierte mich.

В рассказанных историях Бог предстает как деятель, активно участвующий в жизни человека. Лексемы «Бог», «Господь» фигурируют здесь в самых различных контекстах: Бог «находит, посещает, решает, ведет, посылает, укрепляет, дает, управляет, дарит, согревает, освещает»; Господь «подсказывает, помогает обрести, показывает путь» и т. д. Опыт Богообщения у адресантов раскрывается в различных речевых актах, которые отражают разные стадии их приближения к Богу. На стадии сомнений, они представлены такими речевыми актами, как:

- вопрошение (вопрос к Богу, требование разрешить возникшее недоумение):

Wo ist Gott? Warum erhört er meine Gebete nicht? – Где, где этот мистический свет, сошедший на меня? Не получилось ... некого яркого-яркого озарения.

- требование к Богу видимо явить свое присутствие:
«Gott, wenn es dich gibt, dann zeig dich mir!»

На стадии воцерковления для адресантов становятся типичными такие речевые акты, как:

- мольба:
Господи, только спаси, только пронеси!
- благодарение:
Господи, спасибо, что живой!
- самоукорение:
Боже мой, какой же я грешник!
- славословие:
Слава Богу, это было испытание милостью Божией!

- признание (заявление о своей вере):
Ja, Herr, ich möchte mit dir und für dich leben»
- призыв (обычно к верующим):
Наша задача – нести слово о Христе, а это, прежде всего, слово о Любви!

Литература

Малый православный толковый словарь. М.: Русский язык – Медиа, 2005.
Пригарина А. С. Реализация исповедальной интенции в разных типах дискурса: автореф. канд. дис. ... филол. наук. Волгоград, 2012.
Смирнова Н. В. В поисках Бога. М.: Эксмо, 2021.
Тертычный А. А. Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2006.

REVELATION ABOUT FAITH AS A GENRE OF RELIGIOUS MEDIA

This report focuses on the research of the revelation genre in the religious media. It addresses linguapragmatic characteristics of the revelation genre, its relationship to the confession and testament, and its cognitive basis. Particular emphasis is placed on the concepts of the Way to God and Divine

Key words: genre, religious, publicistic, revelation

Букина Анна Викторовна

аспирант

Московский государственный лингвистический университет

anna.vk27@gmail.com

КОНТЕКСТ КАК АКТИВАТОР ЭКСПРЕССИВНОСТИ В МУЛЬТИМОДАЛЬНОМ АГИТАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ

Доклад посвящен роли контекста в мультимодальном агитационном дискурсе. Активизирующие функции контекста рассматриваются в отношении экспрессивных языковых средств в их взаимодействии с невербальными средствами эмоционального воздействия в англоязычных антивоенных плакатах.

Ключевые слова: контекст, агитационный дискурс, мультимодальность, экспрессивность

С момента обращения лингвистов к прагматическому (и коммуникативному) подходу в изучении языка, контекст является ключевым понятием лингвистических исследований. В настоящий момент, по мере того, как в лингвистике все больше наблюдается когнитивный поворот, рассмотрение контекста как смыслообразующего фактора становится все более продуктивным и актуальным подходом.

Проблематика смыслообразования является центральной в когнитивных исследованиях и изучалась на примере самых разных дискурсов, в том числе мультимодальных [Кибрик 2010]. Роль контекста в процессе смыслообразования рассматривалась в отечественных и зарубежных функциональных, прагматических и когнитивных исследованиях. Значительный вклад в понимание роли контекста в политическом дискурсе (включающим в себя агитационный дискурс) внес Т. А. ван Дейк, назвав контекст («событие») определяющим понятием для политического дискурса [van Dijk 1997].

В данном исследовании мы бы хотели выявить роль лингвистического и социокультурного контекстов в раскрытии экспрессивности в агитационном мультимодальном дискурсе и показать, что особую экспрессивность мультимодального взаимодействия обеспечивают экстралингвистические факторы.

Эмпирическую базу исследования составили англоязычные плакаты антивоенной тематики времен войны во Вьетнаме. Тематика была выбрана не случайно, так как, во-первых, такие плакаты обладают высокой степенью экспрессивности, а во-вторых, их интеграция в социокультурный контекст очевидна.

Агитационный мультимодальный дискурс имеет свои особенности ввиду 1) принадлежности к более широкому политическому дискурсу; 2) прагматических задач собственно агитационного дискурса (главные из которых – убеждение и эмоциональное воздействие); 3) наличия более одного модуса информации. Экспрессивность – ключевая характеристика плакатов как единиц мультимодального дискурса. Экспрессивность обусловлена задачами агитационного дискурса и имеет свои способы выражения путем мультимодального взаимодействия.

К языковым экспрессивным средствам, распространенным в агитационном дискурсе, относят эпитеты, эмоционально окрашенные лексические единицы с явной коннотацией (например, языковые единицы семантической оппозиции «свой – чужой» или принадлежащие к семантическим полям «ненависть», «война» и т. п.), а также употребление

повелительного наклонения, риторических вопросов, лексических и синтаксических повторов, элементов языковой игры.

Особыми средствами, относящимися к вербальному компоненту, являются знаки пунктуации, шрифт, способы размещения текста. В основном, применение графических и пунктуационных приемов является дополнительным конвенциональным способом усилить эмоциональность (например, восклицательный знак в экскламаторном предложении) или переместить фокус на ту или иную языковую единицу (например, выделение шрифтом или цветом языковой единицы). Однако, этим экспрессивный потенциал данных приемов не исчерпывается: их экспрессивность становится особо заметна при крайней лаконичности текста плаката либо при отсутствии невербального компонента. В этом случае графические и пунктуационные средства принимают на себя функции невербального компонента.

Так как передача информации в мультимодальном дискурсе происходит также по визуальному каналу, невербальные средства также являются средствами выражения экспрессивности. К невербальным средствам, оказывающим воздействие относятся цветовая схема, характер изображения, использование культурно-насыщенных символов.

Наиболее интересно то положение, что между лингвистическими и невербальными средствами происходит взаимодействие и взаимовлияние [Кибрик 2010; Волоскович 2012], которое приводит к усилению эмоционального воздействия в агитационном дискурсе.

Рассмотрение и тех, и других средств изолировано не отражает в полной мере осуществление эмоционального воздействия (хотя и может иметь практический смысл, например, для составления таксономий и т. п.), поэтому для современного дискурс-анализа важно включать самые разные факторы, влияющие на смысл послания и экспрессивность средств.

Именно контекст – как в широком, так и в узком лингвистическом смысле – активизирует механизм эмоционального воздействия в мультимодальном дискурсе. Лингвистический контекст обеспечивает осуществление эмоционального воздействия в вербальном компоненте. Эмоциональность вербального компонента при этом будет усиливать эмоциональность невербального. Из чего можно сделать вывод, что лингвистический контекст влияет на невербальный компонент лишь опосредованно.

Что же касается, широкого социокультурного контекста, то его влияние распространяется на все средства в агитационном мультимодальном дискурсе. При рассмотрении вербального компонента – текста плаката – следует учитывать всю совокупность экстралингвистических факторов.

Невербальный компонент, принимающий разнообразные формы – от цветовой схемы до конкретных символов и изображений – с одной стороны, может показаться сравнительно самостоятельным элементом, эмоционально заряженным сам по себе. Однако, при ближайшем рассмотрении, становится очевидно влияние социокультурного контекста на наше восприятие того или иного цвета, символа и изображения. Отдельным вопросом является проблема универсальности использования экспрессивных невербальных средств в разных социокультурах, а также индивидуальной интерпретации ввиду наличия различных фоновых знаний и различного опыта.

Говоря о роли лингвистического и социокультурного контекстов в агитационном мультимодальном дискурсе, мы не ограничиваемся рассмотрением отдельных плакатов. Плакат, по аналогии с текстом, до определенной степени замкнутая система, через взаимодействие вербальных и невербальных средств в которой создается свой внутренний контекст плаката. Однако, следует не забывать, что плакат – это единица агитационного дискурса, который является открытой, постоянно развивающейся и меняющейся «онлайн» системы. Единицы дискурса объединены контекстуально и лингвистически, другими словами, на внутренний контекст плаката влияет более широкий дискурсивный контекст.

Рассматривая роль внутреннего и внешнего контекстов, необходимо отметить такую особенность экспрессивных языковых и невербальных средств плаката как повторяемость экспрессивных средств и отсутствие разнообразия в их выборе. Речь идет об использовании одних и тех же эпитетов, эмоционально окрашенных слов с негативной коннотацией, слов, относящихся к одному семантическому полю, а также использовании лозунгов. Подобные повторяющиеся экспрессивные средства является частью широкого дискурсивного контекста, а не внутреннего контекста отдельного плаката, и их постоянное употребление создает особый стилистический эффект, обусловленный прагматическими задачами агитационного дискурса.

В заключение роль контекста в агитационном мультимодальном дискурсе сложно переоценить, так как именно контекст связывает вербальный и невербальный компоненты и обеспечивает эмоциональное воздействие агитационного плаката. Узкий контекст является активатором мультимодального взаимодействия и обеспечивает эмоционального воздействие отдельного плаката. Широкий лингвокультурный контекст представляет собой «общее поле» для всех единиц рассматриваемого дискурса (а также единиц других дискурсов, потенциально являющиеся экспрессивными средствами), которое, с одной стороны, напитывает смыслом каждую единицу, а с другой стороны, постоянно обогащается за счет каждой единицы дискурса. Этот постоянный взаимообмен между единицами одного и нескольких дискурсов не только позволяет раскрыть и усилить значения каждой отдельно взятой единицы дискурса и каждого используемого в ней компонента, но и обеспечивает особую эмоциональность средств.

Литература

Волоскович А. М. Когнитивные и семиотические аспекты взаимодействия компонентов полимодального текста: дис. ... канд. наук. М., 2012.

Кибрик А. А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования. 2010. № 4. С. 134–152.

van Dijk T. A. What is Political Discourse Analysis? // Belgian Journal of Linguistics. Political Linguistics. Amsterdam, 1997. Vol. 11.

CONTEXT AS AN EXPRESSIVENESS ACTIVATOR IN THE MULTIMODAL PROPAGANDA DISCOURSE

The report is devoted to the role of context in the multimodal propaganda discourse. The activating functions of context are examined in respect of expressive language means interacting with non-verbal emotional means in English anti-war posters.

Key words: context, propaganda discourse, multimodality, expressiveness

Ваничкина Александра Савельевна

кандидат филологических наук

Московский государственный лингвистический университет

alexvanichkina@gmail.com

**КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ДИСКУРСА
ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Дискурс информационной безопасности в последние годы претерпевает изменения и приобретает особенное значение для современного общества. Постепенно он оформляется в особый вид институционального дискурса. В данной статье рассматривается концептосфера данного вида дискурса, отдельно фокусируется внимание на выделении присущих ему базовых концептов.

Ключевые слова: концептосфера, дискурс, информационная безопасность, кибербезопасность, аксиология, ценность

В современном обществе существует представление о понятии «информационная безопасность» только в его технической (компьютерной) реализации, то есть в значении «кибербезопасность». Однако для того, чтобы правильно описать концептосферу дискурса информационной безопасности, мы должны провести четкую разделительную линию между этими двумя понятиями, дать им определение. Международный союз электросвязи определяет кибербезопасность как «набор инструментов, решений, отраженный в политике безопасности, концепций безопасности, защитных мер, практических руководств, подходов к управлению рисками, практических действий, тренингов, лучших практик и технологий, которые могут быть использованы для защиты киберпространства, а также активов организаций и пользователей. Под активами организаций и пользователей понимаются компьютерные присоединённые к сети устройства, персонал, инфраструктура, приложения, сервисы, телекоммуникационные системы, а также совокупность передаваемой и/или хранимой информации в киберпространстве...» [ITU, URL]

Понятие информационной безопасности шире понятия кибербезопасности и включает в себя все методы и способы защиты информации в любом ее виде, соответственно, является неотъемлемой частью информационной безопасности. Однако по мере развития

информационно-коммуникативных технологий кибербезопасность приобретает все большее значение, что приводит к тому, что эти два понятия начинают выступать как синонимы.

Одной из причин смешения понятий является опора на рамочный концепт БЕЗОПАСНОСТЬ, который заложен в самом термине и фактически становится фреймом. Согласно определению Oxford Advanced Learner's Dictionary слово *security* означает «the activities involved in protecting a country, building or person against attack, danger, etc» [OALD, URL]. Из определения следует, что в основе данного фрейма изначально лежат такие базовые концепты, как «опасность», «защита», «атака». Он относится к разряду базовых ценностей, которые апеллируют к основным потребностям и, соответственно, к страхам. В рамках рассматриваемого дискурса этот концепт соединяется с концептом «информация», который в современном обществе также становится базовым и, более того, он является ценностью, о чем свидетельствует частотная коллокация с концептом «value».

Например:

The DOD (Department of Defense) roadmap for unmanned systems describes a plan for thousands of unmanned air, sea, and ground systems, without a clear path for how all the data from those systems will be analyzed to create value [Weinbaum, Shanahan, URL].

В данном примере выражение «to create value», которое означает «to perform actions that increase the worth of something» [<http://www.businessdictionary.com/definition/value-creation.html>], употреблено в отношении существительного «data», которое синонимично существительному «information».

Current intelligence practices involve extracting information of value from large datasets of cross discipline (cross-intelligence) information – the needle in the haystack – leading to the bulk collection and storage of hay in hopes that eventually all needles will exist inside [Weinbaum, Shanahan, URL].

Во втором примере наблюдается соотнесение концепта VALUE и концепта INFORMATION, при этом значение «ценность» усиливается выражением «the needle in the haystack» («искать иголку в стоге сена»), то есть пытаться найти что-то ценное и труднодостижимое.

Вторым концептом-партнером SECURITY является концепт CYBER («кибер»), выраженный комбинированной формой, значение которой «connected with electronic communication networks, especially the

internet» [OALD, URL] в современной компьютеризированной реальности приобретает самостоятельное функционирование и большую лексико-грамматическую продуктивность. Практический материал показал, что эта комбинированная форма начинает функционировать самостоятельно, как в нижеприводимом примере:

Currently, due to the lack of prior systematic cyber security and defense education, the joint and senior level audience is often required to work through weeks of learning and study material in a few days or even hours [Tikk-Ringas Eneken et al., URL]

Это позволяет нам трактовать его не как словоформу, а как самостоятельное слово, несущее в себе концептуальную нагрузку. Сочетание концепта БЕЗОПАСНОСТЬ и концепта КИБЕР создало новый концепт КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ.

Иными словами, оба концепта объединены суперконцептом БЕЗОПАСНОСТЬ, который включает общность этих понятий, задает их аксиологическую составляющую. Здесь необходимо подчеркнуть, что несмотря на близость концептов ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ и КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ в узусе, они не только не синонимичны, но оба имеют свою концептосферу, и находятся в отношении иерархического подчинения.

Концепт ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ носит антропоцентрический характер, где «человеческий фактор» играет основную роль, а концепт КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ имеет техноцентрическую направленность. Здесь проявляется дихотомия «технический» vs «человеческий».

Сравним два примера, чтобы проиллюстрировать закономерность:

Пример 1

The goals of an offensive information-warfare campaign are to deny, corrupt, degrade, or destroy the enemy's sources of information on the battlefield. Doing so successfully, while maintaining the operational security of your own information sources, is the key to achieving "information superiority" – that is, the ability to see the battlefield while your opponent cannot [Nichiporuk, URL].

Анализ данного примера показывает, что семантическое поле концепта ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ создается с помощью следующих концептов: ИНФОРМАЦИОННОЕ ОРУЖИЕ, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРЕВОСХОДСТВО, ПОЛЕ БОЯ.

Пример 2

As the international community begins to recognize information operations as part of cyber conflict, states such as Singapore will have to develop new policies and possibly even new organizations to respond to information operations alongside the more traditional cyber security challenges. This may include the development of doctrines or framing of appropriate and proportionate responses to cyber incidents [Tan, URL].

Во втором примере мы наблюдаем следующие компоненты семантического поля концепта КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ: «вызов», «киберинциденты», «киберконфликт».

Информация как ключевая ценность является объектом борьбы в рамках информационных войн, и киберпространство становится полем боя, а кибербезопасность нацелена на обеспечение информационной безопасности в рамках информационных войн. Ключевым субъектом деятельности в обоих случаях является человек, который осуществляет атаку, представляет угрозу, является злоумышленником или же, находясь по другую сторону баррикад, отражает атаки, вычисляет угрозы и уязвимости и противодействует злоумышленнику.

Дискурс сферы информационной безопасности в значительной степени основывается на концептосфере военного дискурса, опираясь на военную метафору и заимствуя терминологию из военного дискурса. Эксперты в данной сфере рассматривают взаимодействие как «информационную войну» («information war»), которая разворачивается в «киберпространстве» («cyberspace»), представляющее собой «поле боя» («Battlefield») в «информационной среде» («information environment») с помощью «информационного оружия» («information warfare»). Стороны конфликта применяют тактики «нападения» и «защиты» («offense» и «defense»), «предметом конфликта» является «информация». Основные концепты могут быть условно разделены по принципу сторон конфликта, предмета конфликта, а также оружия. Все вышеозначенные элементы складываются в концептосферу информационной безопасности, которая может быть представлена в виде следующей схемы. Противоборство осуществляется между сторонами конфликта, которые осуществляют защиту и нападение посредством информационного оружия за информацию как предмет конфликта, а местом развертывания противоборства, то есть полем боя, является информационная среда в целом, и киберпространство в частности.

В рамках системного подхода отношения между этими двумя концептами носят холистический характер, где данные целокупности относятся к интегративным системам. Таким образом, они приобретают новые свойства, то есть свойства, принадлежащие именно совокупности как целому, а не ее отдельным частям, где концепт ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ играет главенствующую роль по сравнению с концептом КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ.

Литература

Nichiporuk B. U.S. Military opportunities: information-warfare concepts of operation // *The Changing role of information in warfare.* (ed.) Zalmay Khalilzad and John White. Santa Monica, CA: The RAND Corporation, Project Air Force, 1999. URL: <https://ndupress.ndu.edu/Media/News/Article/1130649/information-warfare-in-an-information-age/> (дата обращения: 14.06.2021).

Tan E. E. G. Small State Perspective on the Evolving Nature of Cyber Conflict. Lessons from Singapore. URL: https://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/prism/prism_8-3/prism_8-3_Tan_158-171.pdf (дата обращения: 14.06.2021).

Tikk-Ringas E., Kerttunen M., Spirito C. Cyber security as a field of military education and study. URL: <https://ndupress.ndu.edu/Media/News/Article/577562/cyber-security-as-a-field-of-military-education-and-study/> (дата обращения: 14.06.2021).

Weinbaum C., Shanahan J. N. T. Intelligence in a Data-Driven Age. URL: https://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/jfq/jfq-90/jfq-90_4-9_Weinbaum-Shanahan.pdf?ver=2018-04-11-125441-307 (дата обращения: 14.06.2021).

Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 14.06.2021).

International Telecommunication Union <https://www.itu.int/en/ITU-T/studygroups/com17/Pages/cybersecurity.aspx> (дата обращения: 14.06.2021).

THE CONCEPTUAL PARADIGM OF THE INFORMATION SECURITY DISCOURSE

Recently, the information security discourse has been undergoing major changes and has been acquiring special importance for the modern society. What is more, it is becoming a special type of institutional discourse. The article seeks to give an overview of its inherent sphere of concepts with a special focus on its basic concepts.

Key words: sphere of concepts, discourse, information security, cybersecurity, axiology, value

Иванова Мария Александровна

аспирант

Московский государственный лингвистический университет

mashaliva@rambler.ru

ЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ ТЕАТРАЛИЗАЦИИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВИРТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

В докладе рассматриваются способы языковой объективации феномена «театрализация», связанного с общей тенденцией к открытой демонстрации межличностных отношений в виртуальном пространстве. Любые типы межличностных отношений, в том числе дружба и вражда, становятся открытыми для общественности, что находит отражение в языке.

Ключевые слова: виртуальный дискурс, межличностные отношения, чат-коммуникация, театрализация

Современные процессы информатизации общества приводят к изменению всей системы коммуникации, реализуемой как между отдельными людьми, так и во всей культуре в целом. Популярность и доступность сети Интернет, мессенджеров, других видов электронного обмена информацией способствуют появлению новых возможностей и способов коммуникации, формируют новую сферу информационного взаимодействия. Технический фактор оказывает влияние не только на организацию информационного взаимодействия, но и на трансформацию социального и речевого поведения участников коммуникации, что, в свою очередь, отражается на когнитивных процессах, связанных с кодированием и декодированием транслируемой информации [Анищенко 2019: 10].

С целью изучения языковых аспектов трансформации коммуникативного поведения человека, обусловленной средой взаимодействия, в докладе рассматривается феномен театрализации (Theatralisierung). Под театрализацией понимается процесс внесения элементов театрального действия в различные аспекты повседневной жизни. В связи с тенденцией к визуализации и публичности люди «инсценируют» различные виды социальных отношений [Willems 2009: 75–110]. Такие межличностные отношения, как дружба или вражда, выносятся на всеобщее обозрение в рамках виртуальной коммуникации.

В наше время наибольшей популярностью пользуются квазисинхронные формы виртуальной коммуникации, а именно чат-коммуникации в социальных сетях, в которых происходит межличностное взаимодействие. Чат-коммуникация – это форма виртуальной коммуникации, протекающая в реальном времени между двумя и более участниками в сети Интернет. Ю. Шпитцмюллер относит чат к отдельной форме коммуникации, а не к типу текста или типу диалога, так как в чатах встречаются самые разные типы текста [Spitzmüller 2005: 33–56]. Благодаря высокой мобильности чат-коммуникация помогает как общаться и оставаться непрерывно на связи с уже существующими контактами, так и начинать и поддерживать новые. Возможность анонимности и дистантности создает благоприятную среду для неограниченной рамками комфортного социального взаимодействия демонстрации межличностных отношений, в том числе и негативных – вражды и ненависти. Так, оскорбления участников коммуникации, угрозы насилия, дискриминация становятся обычным явлением в Интернете.

В отличие от реальной коммуникации общение в виртуальном пространстве характеризуется удаленностью коммуникантов друг от друга в пространстве и во времени. У пользователей возникает виртуальный образ собеседника, основанный на ожиданиях и домысливании и поэтому часто не соответствующий действительности. С другой стороны, появляется возможность управлять самопрезентацией, представить себя наиболее выгодным образом, что способствует психологической раскрепощенности [Галичкина 2012: 53–71]. В виртуальном пространстве возникает некий аналог *театра*. А именно, каждая *реплика* пользователя (*актера*) в чате доступна не только тому, кому она адресована, но и всем участникам чата (*зрителям*) и рассчитана на то, чтобы произвести на них определенное (тщательно заранее продуманное, «описанное в сценарии») впечатление. Используются и другие присущие классическому «театру» элементы: *грим* (выбор аватара), *декорации* (размещение фотографий), *критики* (комментаторы) и др.

Термин «театрализация» появился в работах Г. Виллемса, который считал, что медиатизация общества привела к перестройке моделей или даже логики конструирования реальности через (медиа-)театральность. Г. Виллемс опирался в своей работе на аспекты театральности, описанные Э. Фишер-Лихте:

- перформативность (Performance) – процесс представления актера зрителям;
- инсценировка (Inszenierung) – процесс создания театральной сцены;
- телесность (Korporalität) – телесное присутствие действующих лиц;
- восприятие (Wahrnehmung) – роль и функции присутствующей публики.

Г. Виллемс утверждает, что эти аспекты трансформируются в рамках медиатизации общества. Например, аспект телесности достигается при помощи фотографий и видео. Публика становится постоянно присутствующим и незаметно наблюдающим действующим лицом, которое лишь условно оповещает о своем присутствии [Willems 2009: 75–110].

Рассмотрим, как проявляется феномен «театрализации» в виртуальной коммуникации на примере социальной сети Twitter. В одном из фрагментов пользователь рассказывает своим читателям о сложностях выбора темы курсовой работы и ее написания. Пользователь инсценирует свою проблему, рассчитывая на реакцию поддержки других комментаторов:

„Von ‘Alles doch nicht so einfach’ zu ‘Vielleicht sollte ich einfach abbrechen’ über ‘Ist mein Thema überhaupt so gut, wie ich es aufbauen möchte?’ bis hin zu ‘Egal ich schreib einfach irgendwas hin’ looove it 😊“.

Выделенная на письме кавычками прямая речь, отражающая мысли автора на разных стадиях подготовки курсовой работы, предстает как реплики монолога актера на сцене. Экспрессивность и эмоциональность «выступления» усиливаются использованием вопросительных предложений и графостилистических средств (эмодзи и знаки препинания). Автор употребляет англоязычное заимствование с итерацией букв (*looove it*), в котором можно «услышать» интонацию сарказма.

В комментариях к посту можно увидеть с какой поддержкой воспринимается это сообщение «зрителями»: „*das fühle ich so sehr weiterhin viel Erfolg, du schaffst das!!!!!!*♥“; „*I believe in you miri* 😊“; „*Du schaffst das, ich schicke dir ganz viel Kraft und denke an dich* 😊💜“; „*Du schaffst das, in 2½ Monaten ist das Schlimmste immerhin vorbei*💜“. Некоторые комментаторы отмечают свой опыт в аналогичных ситуациях, давая автору понять, что он не одинок: „*Oh was ein Mist* 😞 *hatte das*

Gefühl meinem Prof war alles egal, er wollte nur einen Titel haben und ne kurze Erklärung am Telefon 🦴😂. В первых трех комментариях встречается фраза „Du schaffst das“, выражающая поддержку и вовлеченность комментаторов в проблему автора. Можно также отметить, что для придания сообщениям экспрессивности и эмоциональной окраски, активно используются эмодзи, восклицательные предложения с большим количеством восклицательных знаков, употребляются лексические единицы, которые маркируются в словарях как бранные / грубые слова („Mist“). Установка на неформальность и самовыражение проявляется в переключении в процессе коммуникации с немецкого языка на английский. Перечисленные языковые средства используются участниками чата не только для придания текстовым репликам большей выразительности, но и для создания эффекта коллективного присутствия и единого эмоционального отклика всех участников чата на обозначенную проблему.

Таким образом, можно говорить о театрализации межличностных отношений в виртуальном пространстве. Так, дружба и вражда становятся все более публичными, «театрализованными». Участники виртуальной коммуникации используют имеющиеся в их распоряжении языковые средства для создания необходимых театральных эффектов, таких как имитация физического присутствия, телесного контакта и другие. Изучение этих лингвистических приемов необходимо для понимания фазы современного развития языка социальных сетей.

Литература

Анищенко А. В. О влиянии информационной коммуникационной среды на процессы концептуализации эмоций // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 11 (827). С. 9–19.

Галичкина Е. Н. Общая характеристика компьютерно-опосредованного дискурса // Интернет-коммуникация как новая речевая форма: коллективная монография. М.: ФЛИНТА, Наука, 2012. С. 53–71.

Spitzmüller J. Spricht da jemand? Repräsentation und Konzeption in virtuellen Räumen / Erschienen in: G. Kramorenko (Hg.) (2005): Aktualnije problemi germanistiki i romanistiki. Bd. 9/I. Smolensk: SGPU, 2005. S. 33–56.

Willems H. Theatralität als (figurations-)soziologisches Konzept: Von Fischer-Lichte über Goffman zu Elias und Bourdieu. In: Willems H. (Hrsg.): Theatralisierung der Gesellschaft. Band 1: Soziologische Theorie und Zeitdiagnose. Wiesbaden: vs Verlag, 2009. S. 75–100.

LINGUISTIC ASPECTS OF THEATRICALIZATION OF INTERPERSONAL RELATIONS IN VIRTUAL DISCOURSE

The report dwells on the ways of linguistic objectification of the theatricalization phenomenon that is associated with the general tendency towards open demonstration of interpersonal relations in cyberspace. Any kind of interpersonal relations, among them friendship and hate, are put to publicity, which is reflected in the language.

Key words: virtual discourse, interpersonal relations, chat communication, theatricalization

Имбер Славяна Юрьевна

преподаватель

Московский государственный лингвистический университет

yanaimber@yandex.ru

ЧАСТНООЦЕНОЧНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ В КОММЕНТАРИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ FACEBOOK: НА ПРИМЕРЕ НОВОСТНОГО СООБЩЕСТВА SPIEGEL ONLINE

В статье на материале комментариев в социальных сетях, которые являются на сегодняшний день одним из самых распространенных способов обмена мнением среди пользователей, рассматриваются частнооценочные значения, реализуемые в каждой комментарии как оценочном высказывании.

Ключевые слова: комментарий, социальная сеть, оценка, частнооценочное значение

Коммуникационные возможности, предоставляемые современному человеку с помощью сети Интернет кажутся невероятными: Всемирная паутина охватывает миллионы людей по всему миру и объединяет их в общем цифровом пространстве, позволяя им не только свободно общаться друг с другом, но и обмениваться знаниями и мнениями.

Выражение точки зрения пользователей в сети Интернет, в частности в социальных сетях, может осуществляться разными способами. Например, обсуждение пользователями какой-либо новости посредством написания друг другу личных сообщений. Одним из самых

распространенных является написание комментариев к различного рода публикациям в сообществах или группах [Имбер 2020]. По нашему мнению, комментарием в социальной сети является устный или письменный неповествовательный текст с возможными невербальными элементами, представляющий собой реакцию пользователя на какое-либо сообщение. Подчеркнем, что подобная реакция может быть выражена как достаточно длинным, развернутым, «лемматизированным прямо или косвенно комментарием (т. е. с включением или без включения поясняемых элементов)» [Брагинская 2009: 26], так и краткой эллиптической конструкцией. Кроме того, социальные сети позволяют использовать «эмодзи», «стикеры» и «gif»-картинки для написания комментария. Подчеркнем, что выражение пользователем оценки в своем высказывании является, наряду с самопрезентацией, одной из функций комментария в «виртуальной коммуникативной среде» [Карпоян 2015: 242–245].

На данный момент комментарии пользователей в социальных сетях представляют собой сложную переплетающуюся систему, состоящую из «комментариев-стволов» и исходящих от них «комментариев-ветвей». Первый вид высказываний пользователей, как правило, относится непосредственно к новостному сообщению, то есть комментирующий выражает свою точку зрения, строит предположения касательно обсуждаемых событий. Стоит отметить возрастающее число пользователей, не довольных качеством и актуальностью предлагаемой журналом информации („Welch ein Glück, dass wir ansonsten keine wichtigeren Probleme auf der Erde haben“, „Umwelt Verschmutzung, Krieg, Hunger, Wälder die Brennen, Atomkatakstrofen. Aber in Deutschland wird immer noch über Harken Kreuzer diskutiert“, „Sommerloch lässt grüßen“). «Комментарии-ветви» являются реакцией других пользователей на «комментарии-стволы». Это может быть выражение солидарности с «основным» комментирующим или же несогласие, которое может привести к оживленному обмену мнениями или даже спору. Также в «комментариях-стволах» пользователи могут развивать идеи первого комментирующего, предлагать свои варианты дальнейшего разворачивания событий. Таким образом, анализ комментариев с точки зрения оценочности не представляется возможным без их привязки к определенному новостному сообщению.

В основу нашего исследования легла новостная публикация сообщества SPIEGEL ONLINE „Löffingen: Fahrgeschäft sieht aus wie

Hakenkreuz – Karussell muss schließen“ («Лёффинген: аттракцион выглядит как (нацистская) свастика – карусель должна закрыться») (<https://www.facebook.com/watch/?ref=saved&v=574524293079873>). Данная новость вызвала достаточно высокую активность пользователей и получила, таким образом, 6.5 тыс. комментариев, что предоставило нам обширный материал для анализа. Стоит отметить, что администрация группы SPIEGEL ONLINE предпочла опубликовать данное сообщение в видеоформате. Отметим, что данный вид представления информации дает пользователю возможность изучить запечатленный на пленку материал, оценить его и составить собственное мнение об инциденте, которое будет свободно от влияния различного рода сторонних факторов.

В нашем исследовании мы сконцентрировались на выделении частнооценочных значений, обуславливающих основание оценки пользователей. Основу нашего исследования составляет классификация частнооценочных значений, предложенная Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1999]. Подчеркнем, что некоторые комментарии не позволили нам однозначно выявить основание оценки и, соответственно, частнооценочное значение, с точки зрения которого и проводилось оценивание. С целью проведения более тщательного исследования мы обратились к рассмотрению комментария как оценочного высказывания со всеми его неотъемлемыми компонентами: объект, субъект, основание, характер оценки. Отдельные случаи представляют собой сочетание нескольких видов частной оценки, представленной в той или иной мере. В результате нашего анализа мы пришли к следующим выводам:

1. Субъектом оценки являются пользователи, которые публикуют свое высказывание, а также в большинстве случаев прибегают к цитированию «общего мнения» или каких-либо неписанных правил, аксиом для подкрепления своей позиции.

2. Объектом оценки пользователей выступает не всё новостное сообщение целиком, а отдельные его компоненты, например, предполагаемое сходство, действия сотрудников парка, преувеличение серьезности инцидента пользователями Reddit, при этом, пользователь в рамках своего высказывания может выразить положительное отношение к одному компоненту новостной публикации и негативное к другому.

3. Ведущую роль в комментариях занимает эксплицитно выраженная абсолютная оценка, содержащая имплицитное сравнение, которое восходит к неким нормам, правилам, установкам, мнениям

общества и СМИ (в нашем случае – прессы). Подчеркнем также часто встречающийся абсолютный характер оценки, выраженный с помощью категоричной деонтической модальности. При анализе характера оценки мы обратили внимание на наличие небольшого количества прилагательных, истинный смысл которых раскрывается только при полном рассмотрении не только всего текста высказывания, но и комментариев других пользователей, образующих собой некую сеть из «комментариев-стволов» и «комментариев-ветвей».

4. Выделение частнооценочных значений в текстах комментариев, а также основанных на них аспектов оценки продемонстрировали нам многослойность и комплексность большинства высказываний. Пользователи давали оценку произошедшему, руководствуясь различными аспектами, таким образом, в одном отдельном высказывании могли успешно сочетаться и функционировать несколько различных категории частнооценочных значений. Отметим, что в ходе анализа аспекта и частной оценки некоторых комментариев мы руководствовались словами-классификаторами, которые, однако, в более сложно организованных высказываниях, являлись скорее элементом, направляющим исследователя на ложный путь. Таким образом, мы пришли к выводу, что истинная структура и суть комментария раскрываются только при анализе его как целого. Наиболее часто встречающимися были комментарии пользователей, содержащие этическую, эстетическую и нормативную оценку инцидента. Также отметим элементы эмоциональной, интеллектуальной и психологической оценки в некоторых высказываниях пользователей;

5. В процессе изучения текстов комментариев нами были отмечены различные стили поведения пользователей: одни – подробно, наглядно выражали свое мнение, подкрепляя его примерами и разъясняя своим собеседникам спорные моменты. С целью устранения недоразумений такие пользователи прибегали к использованию графического выделения слов для расстановки акцентов, брали в кавычки некоторые слова с намерением показать своему собеседнику, что имеют в виду нечто совершенно противоположное, активно использовали «эмодзи», чтобы восполнить нехватку невербальных средств в письменной коммуникации. Другие – не утруждали себя какими-либо дополнительными разъяснениями, не облегчая, таким образом, для собеседника процесс понимания и побуждая его «додумывать» и предполагать, что подразумевал автор комментария.

Литература

Артюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.

Брагинская Н. В. Комментарий как механизм инноваций в традиционной культуре и не только/ Н. В. Брагинская // Культура интерпретации до нового времени / отв. ред.: Ю. В. Иванова, А. М. Руткевич. М.: Изд. дом ГУ – ВШЭ, 2009.

Имбер С. Ю. Оценочность комментариев в социальной сети: на примере новостного сообщества SPIEGEL ONLINE на «Facebook» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 842 (13). 2020. С. 48–56.

Карпоян С. М. Функции комментария на различных коммуникативных платформах социальных сетей // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-kommentariya-na-razlichnyh-kommunikativnyh-platformah-sotsialnyh-setey> (дата обращения: 25.05.2021).

PARTIAL ESTIMATE IN WEB COMMENTS: SPIEGEL ONLINE COMMUNITY ON FACEBOOK

This report is devoted to the studying of partial estimates as exemplified in the comments found on social networks as one of the most common ways of exchanging opinions between users. The author considers partial estimates, which are expressed in each comment.

Key words: comment, social network, evaluation, partial estimate

Kałasznik, Marcelina

PhD

Universität Wrocław, Wrocław, Polen

marcelina.kalasznik@uwr.edu.pl

HÖFLICHKEIT ALS KOMMUNIKATIVE STRATEGIE IN VORSTELLUNGSTEXTEN VON ÄRZTEN AUF ARZTBEWERTUNGSPORTALEN

Im Fokus dieses Beitrags befinden sich Vorstellungstexte von Ärzten auf Arztbewertungsportalen, die im Hinblick auf die sprachlichen Erscheinungsformen von Höflichkeit untersucht werden. Erstens wird das Ziel verfolgt, zu zeigen,

welche Muster des höflichen sprachlichen Verhaltens realisiert werden. Zweitens wird versucht, die Frage zu beantworten, welche Rolle der Höflichkeit in der Online-Selbstdarstellung von Ärzten zukommt.

Schlüsselwörter: Höflichkeit, Vorstellungstexte, Selbstdarstellung, Arztbewertungsportale

Im Fokus dieses Beitrags befinden sich Vorstellungstexte von Ärzten auf Arztbewertungsportalen, die dazu genutzt werden, erstens im Internet auffindbar zu sein und zweitens das Image des Arztes und ggf. seiner Praxis darzubieten. Arztbewertungsportale geben Ärzten somit eine Möglichkeit zur Online-Selbstdarstellung. Im Folgenden wird der Blick auf einen besonderen Aspekt der Selbstdarstellung von Ärzten gerichtet, und zwar auf die sprachlichen Realisierungsformen von Höflichkeit in deren Präsentation. Ausgegangen wird davon, dass die Selbstdarstellung von Ärzten in der virtuellen Realität die erste Auskunft darüber gibt, wie die Behandlung in der Wirklichkeit verlaufen wird und wie die Kontakte zu Patienten gestaltet werden. In diesem Zusammenhang wird angenommen, dass die Präsentation eines Arztes im Internet auf seine Wahrnehmung während eines in der Wirklichkeit stattfindenden Besuches projiziert werden kann. Das Ziel der Studie besteht darin, anhand der Analyse von Höflichkeitsakten in Vorstellungstexten von Ärzten zu zeigen, wie sich Ärzte als Textproduzenten darstellen und wie sie ihre potenziellen Patienten als Textempfänger positionieren.

Der Begriff Höflichkeit wird dabei als solche verbalen und/oder außerverbalen Verhaltensweisen verstanden, die in einer kommunikativen Situation nicht unterlassen werden dürfen [vgl. Marcjanik 2007: 9]. Im Folgenden wird der Blick auf die sprachlich realisierte Höflichkeit gerichtet, d. h. auf die in einer Gemeinschaft allgemein akzeptierten sprachlichen Muster der höflichen Vorgehensweisen, die gewöhnlich mit bestimmten kommunikativen Situationen zusammenhängen [op. cit.: 12]. In der linguistischen Höflichkeitsforschung, deren Ursprünge sich bereits am Anfang des 20. Jahrhunderts nachweisen lassen [vgl. Bonacchi 2013: 52], kann auf folgende Konzepte hingewiesen werden: pragmalinguistischer Ansatz, soziopragmatischer und soziokultureller Ansatz sowie die Übertragung der Theorie der Kulturstandards auf den soziopragmatischen und soziokulturellen Ansatz [vgl. op. cit.: 52–77]. Die folgenden Überlegungen reihen sich einerseits dabei in den pragmatischen Ansatz ein, indem sie darauf abzielen, Höflichkeitsakte

in der Ärzte-Selbstdarstellung zu analysieren. Die Höflichkeitsakte werden als Sprechakte aufgefasst, «die zur Realisierung von höflichen Äußerungen bzw. Gesprächsschritten dienen» [Bonacchi 2013: 125]. Andererseits wird die kulturologische Forschungsperspektive nicht außer Acht gelassen, die die Hauptfunktion von Höflichkeitsakten darin sieht, «dass sie das rituelle Gleichgewicht unter Interaktanten wahren» (ibidem). Höflichkeitsakte können außerdem andere Funktionen realisieren, die allerdings kulturspezifisch sind.

Das Korpus der Untersuchung bilden 30 Texte, die im März 2020 Ärzte-Profilen auf dem Arztbewertungsportal Jameda.de entnommen wurden. Untersucht werden Profile von Orthopäden aus Berlin, wobei angenommen wird, dass sowohl die Wahl des medizinischen Fachgebiets als auch des Suchortes keinen Einfluss auf die ermittelten Realisierungsformen von Höflichkeit ausübt. Um ein Untersuchungskorpus zusammenzustellen, müssen allerdings aufgrund der unüberschaubaren Anzahl auf den Portalen eingetragener Ärzte die beiden Kriterien herangezogen werden. Analysiert werden jedoch nicht die ganzen Profile, sondern allein die Texte aus der Sektion Herzlich Willkommen. Die erforschten Texte variieren im Hinblick auf ihre Länge zwischen über 500 Zeichen und 4000 (inklusive Leerzeichen).

Literatur

Marcjanik M. Grzeczność w komunikacji językowej. Warszawa, 2007.

Bonacchi S. (Un)Höflichkeit. Eine kulturologische Analyse Deutsch – Italienisch – Polnisch. Frankfurt am Main, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Warszawa, Wien, 2013.

POLITENESS AS A COMMUNICATIVE STRATEGY IN INTRODUCTORY TEXTS FROM DOCTORS ON DOCTOR RATING PORTALS

This article focuses on introductory texts from doctors on doctor rating portals, which are examined with regard to the linguistic manifestations of politeness. First, the aim is to show which patterns of polite linguistic behavior are implemented. Second, it tries to answer the question of the role of politeness in the online self-presentation of doctors.

Key words: politeness, introductory texts, self-presentation, doctor review portals

Канашина Светлана Валериевна

кандидат филологических наук

Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
svetlanakanashina@yandex.ru

ИНТЕРНЕТ-МЕМ**КАК ЛИНГВОВИЗУАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС**

Статья посвящена рассмотрению интернет-мема в качестве лингвовизуального политического дискурса. Основными характеристиками мема являются лингвовизуальность, карикатурный стиль, юмористическая направленность, интерактивность и богатый стилистический потенциал.

Ключевые слова: интернет-мем, политический дискурс, лингвовизуальность, интерактивность, карикатура

Интернет-мем, представляющий собой вирусную единицу интернет-пространства, может рассматриваться как эффективное средство политической коммуникации [Колтунова 2015], [Паршин, Радюк, Манухина, Головина 2018].

Одним из аспектов функционирования мемов является их использование политиками с целью завоевать симпатии электората [Шомова 2019]. Востребованность интернет-мемов в политической сфере объясняется тем, что они обладают огромной воздействующей силой, обусловленной выразительностью, наглядностью и эмоциональностью данных единиц. Применение интернет-мемов в качестве политической стратегии взаимодействия с электоратом особенно актуально в коммуникации с молодым электоратом, не охваченным традиционными СМИ (телевидением, радио, прессой), но высоко восприимчивым к контенту социальных сетей, где функционируют интернет-мемы. В качестве примера можно привести предвыборную кампанию Д. Трампа 2015–2016 гг., важным аспектом которой стала трансляция интернет-мемов с целью установить виртуальный диалог с избирателями и повысить поддержку Д. Трампа в качестве кандидата на пост президента [Бортников, Пунгина 2017].

В процессе политической коммуникации интернет-мемы демонстрируют несколько важных и специфических особенностей, среди которых лингвовизуальность, карикатурный стиль и юмористическая

направленность. Лингвовизуальность интернет-мемов заключается в их полимодальном характере, т. е. в их способности транслировать информацию с помощью вербального и визуального кодов, что позволяет добиться эффекта красочности, иллюстративности, емкости значения. Карикатурный стиль интернет-мемов реализуется в схожести с жанром карикатуры, для которого свойственны сатиричность, злободневность, образность. Что касается юмористической направленности, данная особенность мемов проявляется в стремлении комически репрезентировать различные аспекты политической жизни. При этом природа комического в интернет-мемах разнообразна, и в данных единицах могут наблюдаться такие проявления комического, как гротеск, каламбур, пародия и т. д. Данные характеристики обеспечивают эффективность прагматического механизма мемов.

Функционируя как политический дискурс, интернет-мем также демонстрирует такую важную характеристику, как интерактивность. Интерактивное начало мемов реализуется в возможности реципиентов реагировать на политически окрашенные мемы в формате лайков, дизлайков, репостов, комментариев. Интерактивность политических мемов обеспечивает диалогический характер взаимодействия политических фигур с электоратом, благодаря чему устанавливается компьютерно-опосредованная связь между отправителями мемов, в роли которых выступают политики, стремящиеся к воздействию на электорат, и реципиентами – интернет-пользователями, на которых направлено коммуникативное сообщение с применением политически окрашенных мемов.

Необходимо отметить, что еще одной примечательной особенностью интернет-мема как политического дискурса является богатый стилистический потенциал, который раскрывается в использовании разнообразных стилистических средств, среди которых метафоры, гротеск, гиперболы, персонификация. Стоит подчеркнуть, что зачастую наблюдается полимодальное функционирование стилистических приемов в мемах, т. е., к примеру, вместо вербальной метафоры в мемах распространено использование полимодальных метафор, в которых стилистический эффект достигается при участии вербального и визуального компонентов мема.

Кроме того, стилистическое пространство мема отличается насыщенностью стилистическими приемами в контексте одной единицы, несмотря на минимализм мемов. Таким образом, в рамках одного

сжатого мема может наблюдаться несколько стилистических приемов, благодаря чему стилистический эффект в меме становится более мощным и выразительным. Политики умело используют богатый стилистический потенциал мемов для интеракции с электоратом.

Стоит добавить, что использование интернет-мемов в качестве политического дискурса отвечает современным запросам времени и вписывается в парадигму компьютерно-опосредованной политической коммуникации. В настоящее время политики стремятся эффективно использовать новые цифровые инструменты для взаимодействия с аудиторией, среди которых можно отметить блог-публикации, пиар-кампании в интернете, онлайн-петиции и т. д. Разнообразие и широкая распространенность цифровых технологий, направленных на завоевание симпатии электората, свидетельствуют о том, что политические процессы все активнее перетекают в пространство онлайн-коммуникации. Из вышесказанного следует, что интернет-мемы, будучи цифровым культурным продуктом, соответствуют современным тенденциям политической коммуникации между политическими фигурами и электоральным корпусом.

Интернет-мемы также выступают как один из прагматически мощных цифровых инструментов воздействия на политические массы. Прагматический эффект обусловлен массовостью и репликацией данного феномена. Активное тиражирование политически окрашенных мемов обеспечивает охват обширной аудитории, в результате политические фигуры имеют возможность «достучаться» до большого количества реципиентов. В то же время репликация мемов обеспечивает постоянное обновление мема-источника путем воспроизводства новых копий с различными вариациями, что позволяет избежать быстрого устаревания мема и поддерживает интерес аудитории к данной единице.

Рассмотрим в качестве примера мем, который был размещен Д. Трампом в твиттере в 2019 г. после того, как демократы в Палате представителей проголосовали за импичмент Трампа. В данном меме на черно-белом фоне изображен сидящий в кресле Д. Трамп. Сопроводительная надпись переводится так: «На самом деле они преследуют не меня, они преследуют вас. Я всего лишь стою на пути». Интернет-мем стал инструментом коммуникации с избирателями с целью завоевать симпатию и привлечь на свою сторону. В качестве изобразительно-выразительных средств наблюдается визуальный контраст

черного и белого, который привлекает внимание и передает идею категоричности, лексический повтор лексемы *be after* – *англ.* преследовать, разыскивать, а также манипулятивное использование жеста для апелляции к реципиентам. Кроме вышесказанного, можно отметить эмоциональность данного мема, которая создается с помощью цветового символизма: черный цвет передает настроение мрачности, угнетенности, серьезности. Диалогичность данного мема выразилась в обратной связи реципиентов, которые создали множество копий данной мема с различными вариациями, в том числе юмористического характера.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что интернет-мем является аудиовизуальным политическим дискурсом, сферой функционирования которого выступает компьютерно-опосредованная коммуникация между политическими фигурами и электоратом. Как показало исследование, интернет-мем отличается такими характеристиками, как аудиовизуальность, карикатурный характер, юмористическая направленность, интерактивность, богатое стилистическое пространство, а также прагматическая нагруженность. Коммуницируя с избирательным корпусом с помощью мемов, политики стремятся освоить современные цифровые инструменты взаимодействия с реципиентами.

Литература

Бортников Н. А., Пунгина А. П. Визуальный политический интернет-мем как инструмент постправды // Политика постправды в современном мире: сборник материалов по итогам Всероссийской научной конференции с международным участием/ под редакцией О. В. Поповой. СПб: ООО «Скифия-принт», 2017. С. 38–40.

Колтунова М. В. Медиамемы в политическом пропагандистском дискурсе // Международный научный журнал. 2015. № 3 (9). С. 85–92.

Паршин П. Б., Радюк А. В., Манухина И. А., Головина Т. А. Мем как объект политического дискурса // Современное гуманитарное научное знание: мультидисциплинарный подход-2018: материалы международной научно-практической конференции / под общ. ред. И. В. Рогозиной. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2018. С. 26–28.

Шомова С. А. Выборы президента РФ-2018 в зеркале мемов: новые реалии политической коммуникативистики // *Polis: Journal of Political Studies*. 2019. № 3. С. 157–173.

INTERNET MEME AS MULTIMODAL POLITICAL DISCOURSE

The article looks at the internet meme as multimodal political discourse. The main characteristics of the meme are multimodality, caricature style, humour, interactivity and rich stylistic content.

Key words: internet meme, political discourse, multimodality, interactivity, caricature

Клиновская Анна Анатольевна

кандидат филологических наук
Московский государственный лингвистический университет
anna-klinov2@yandex.ru

Стрельцова Валентина Викторовна

кандидат филологических наук
Московский государственный лингвистический университет
strelzova2013@yandex.ru

СОЮЗ 90 / ЗЕЛЕННЫЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КОНСТРУИРОВАНИЯ ИМИДЖА ПАРТИИ В НЕМЕЦКИХ СМИ

Доклад посвящен рассмотрению конструирования и модификации имиджа политической партии «Союз 90 / Зеленые» в немецких качественных СМИ с ее основания до настоящего времени. Материалом для анализа послужили более 80 статей, отобранных по тематическому признаку и опубликованных на немецких информационных интернет-сайтах spiegel.de, tagesschau.de, faz.net, zeit.de, dw.de в период с 1980 по 2021 гг. Особое внимание в докладе уделяется избирательным кампаниям 1998 и 2021 гг.

Имидж рассматривается как динамическая система стереотипов, или конструкт, который характеризуется высокой степенью устойчивости и ригидности, соотношением определенных тенденций и событий с личностью политиков [Armbrecht, Avenarius 1993: 59–61].

Он целенаправленно конструируется в коллективном сознании, отличается прагматической направленностью и часто позитивной окраской [Донец 2001: 184]. Г. Г. Почепцов так описывает процесс

формирования имиджа: «В массовое сознание усиленно вводится какая-то нужная черта, которая своим присутствием может оттенять другие черты, носящие отрицательный характер» [Почепцов 2001: 159]. Чаще всего конструирование и модификация имиджа связаны с проведением предвыборной кампании.

Несмотря на то, что имидж определяется лингвистами как конструкт с высокой степенью устойчивости, он подвержен изменениям. В докладе имидж партии «Союз 90 / Зеленые» рассматривается в динамике на протяжении более 40 лет, что позволило отметить изменения содержательного характера и проследить, какие языковые средства конструируют имидж этой партии в немецких СМИ.

Партия «Зеленые» заявила о себе в ФРГ на федеральном уровне в 1980 г. Основная идея, объединившая ряд гражданских инициатив и неформальных движений, состояла в критике существующих общественных отношений (несоблюдение принципа равноправия), политического курса во внутренней и внешней политике. Ключевыми пунктами программы новой партии стали следующие: постепенный отказ от использования атомной энергии и последовательный переход к возобновляемым источникам энергии, предотвращение разрушения природы, изменение условий труда, повышение степени участия граждан в принятии политических решений, социальная справедливость и толерантность, критика членства в НАТО (определившая внутрипартийные дискуссии и внутреннее разделение на сторонников компромиссов и пацифистов).

Фактически новая партия противопоставляла себя всем другим силам партийного ландшафта ФРГ и позиционировала себя как альтернатива существующим партиям – Antiparteien-Partei. В СМИ партия представлялась как «партия одного программного пункта», партия определенной социальной группы, партия критиков, зарабатывающих на этом политические очки. Отношение к новой партии в СМИ в начале ее истории часто было критическим из-за ее программных целей и часто провокационного политического стиля ее представителей. Для обозначения членов партии использовались лексемы с отрицательной коннотацией, такие как Ökos / Ökospinner und Anarchos, Christen und Kommunisten, Feministinnen und Spontis.

Постепенно политика партии перестала ассоциироваться исключительно с экологией, этому способствовало объединение с идеологически близкой партией бывшей ГДР «Союз 90». Необходимость

расширения собственного электората и более широкого участия в политической жизни заставили «Зеленых» жертвовать первоначальными идеалами и корректировать свою политику, например, в отношении использования вооруженных сил с целью разрешения военных конфликтов, осуществления перехода на возобновляемые источники энергии и решения возникающих в связи с этим экономических трудностей. Следствием этого развития стало разделение партии на реалистов и традиционных пацифистов (Realos и Fundis).

Со временем политика партии стала более умеренной, о чем свидетельствует принятие новой партийной программы, а также предвыборные заявления партийного руководства о стремлении «Зеленых» к управлению страной. Обсуждая содержание новой партийной программы, журналисты отмечают сдвиг партии в сторону центра, как, например, в заголовке «Grünes Grundsatzprogramm. Ab in die Mitte» (www.tagesschau.de). Целью партии, заявленной руководством, является победа на выборах в 2021 г., поэтому изменения в программе призваны привлечь как можно большее число избирателей:

Die Grünen wollen die Mitte der Gesellschaft ansprechen, keine Milieu-Partei mehr sein (www.tagesschau.de).

Однако в СМИ этот политический курс часто расценивается как отказ от традиционных партийных ценностей или даже как беспринципность. Примером может служить следующий отрывок из статьи под заголовком «Debatte um Grundsatzprogramm. Die Grünen umarmen alle und jeden»:

Auf Bundesebene ... wollen sie (die Grünen) erst wieder in die Regierung und können deshalb gefahrlos viele Ideen und Visionen wortreich verkaufen. Sie versuchen damit, alle und jeden zu umarmen: Umweltschützerinnen und Großkonzerne, Gentechnikgegnerinnen wie Wissenschaftsgläubige, Pazifistinnen und Realisten, Hartz-IV-Empfänger oder Startup-Gründerinnen. (www.tagesschau.de).

Цели партии сегодня противопоставляются в СМИ идеалам «Зеленых» на момент основания. Чтобы прийти к власти, «Зеленым» приходится жертвовать первоначальными принципами, что подчеркивается в следующем контексте:

Unter ihrer neuen Führung sind die Grünen pragmatischer geworden, haben viele ideologische Zöpfe abgeschnitten. In vielen Punkten – etwa bei Militäreinsätzen ohne Mandat der Vereinten Nationen – besteht der

Fortschritt darin, dass sie das Dilemma neuerdings benennen, wenn auch nicht auflösen (www.faz.net).

При помощи метафоры журналист проводит параллель между эволюцией внешнего вида партийных деятелей, которые «отрезали себе косички», и программы, избавившейся от радикальной идеологии и ставшей более прагматичной.

В качественной прессе ФРГ деятельность партии «Союз 90 / Зеленые» несмотря на значительную долю критики в целом оценивается положительно. Положительный имидж партии «Союз 90 / Зеленые» создается в дискурсе СМИ при помощи таких перифразов, как *verlässlicher Koalitionspartner, Umweltpartei, Gewinner, Game Changer*.

Положительная оценка присутствует также в комментариях результатов выборов в федеральных землях Гессен и Баден-Вюртемберг, таких как *grüner Höhenflug, Erfolgswelle, Rekordergebnis, Superstart ins Superwahljahr*. По итогам выборов в Баден-Вюртемберге в журнале «Шпигель» отмечается, что почти вся карта федеральной земли зеленая. Это отражается в заголовках статей «*Noch grüner wird schwierig*» и «*Grün, grün, grün ist alles was ich habe*».

Как показывает анализ, имидж партии в значительной мере формируется под влиянием имиджа ее ведущих политиков. При этом было установлено, что политика одного из самых известных представителей партии, председателя правительства федеральной земли Баден-Вюртемберг В. Кречмана ломает устоявшиеся представления о политике «Зеленых» и отличается консерватизмом.

Ряд критических замечаний в рассмотренных контекстах подрывает в целом положительный имидж партии. Но в условиях политической борьбы любое упоминание партии или политика в СМИ способствует повышению интереса к ним.

Среди языковых средств создания имиджа партии «Союз 90 / Зеленые» необходимо упомянуть использование символики партии в различных по оценке контекстах. В первую очередь, зеленый цвет, присутствующий в названии партии, ассоциируется с экологией, но этот концепт гораздо сложнее. Цветовая политическая символика в данном случае используется как средство компрессии, то есть возможности с помощью прилагательного *grün* передать и закрепить в общественном сознании связь с такими важными для политических целей этой партии концептами, как *Nachhaltigkeit* (постоянное развитие), *Solidarität* (солидарность), *Gleichberechtigung* (равноправие) и т. д. Использование

в СМИ прилагательного «зеленый» часто продиктовано соображениями языковой экономии (*die grüne Politik, Basis*), но при этом прилагательное в контексте приобретает различные коннотации.

Также важными средствами конструирования имиджа являются ресурсы немецкого словообразования и концептуальная метафора.

Литература

Донец Н. П. К типологии стереотипов // Социальная власть языка: сб. науч. тр. Воронеж: государственный университет, 2001. С. 183–188.

Почепцов Г. Г. Информация & дезинформация. Киев: Ника-Центр, Эльга, 2001.

Armbrecht H., Avenarius W. Kann Image Gegenstand einer Public-Relations-Wissenschaft sein? Berlin: Westdeutscher Verlag, 1993.

GERMANY'S GREEN PARTY: LINGUISTIC MEANS OF IMAGE DEVELOPMENT IN GERMAN MASS MEDIA

The presentation looks into the phenomenon of image of Germany's Green party. The presentation sets out to show the development of the Green party image from a protest movement to a serious political player. The paper analyzes linguistic means of image construction in German mass media.

Key words: image, election campaign, party symbolism, cognitive metaphor, Green party

Куликова Ольга Викторовна

доктор филологических наук, доцент

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
ok517@yandex.ru

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ КАК ОСНОВА ГИБРИДИЗАЦИИ ГЕОКУЛЬТУРНОГО ДИСКУРСА

Геокультурный дискурс рассматривается как гибридное образование, служащее воплощением разнообразных дискурсов, связанных с отображением в культуре специфических черт географического пространства и основанных на объединяющем их принципе антропоцентризма.

Ключевые слова: антропоцентризм, геокультурный дискурс, гибридикация, нарративный континуум, дискурсивные практики

Исследования современных лингвистов свидетельствуют о том, что в настоящее время лингвистическая наука находится на стадии парадигмального сдвига, выражающегося в последовательном переходе к антропоцентрической парадигме исследований языка. Согласно Е. С. Кубряковой, антропоцентризм, как один из основных принципов современной лингвистики, проявляется в том, что «человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели» [Кубрякова 1995: 212]. В этом смысле геокультурный дискурс не является исключением. Геокультурный дискурс как гибридное явление отличается сложной архитектурой, состоящей во взаимодействии и взаимовлиянии представленных в нем жанров различных дискурсов / субдискурсов (таких, как художественный, исторический, искусствоведческий, литературоведческий, культурологический, мифологический и многие другие), при этом каждый из них характеризуется антропоцентрическими свойствами, существенными для формирования геокультурного метадискурса: ориентированностью на человека, стремлением к его познанию, коммуникативной направленностью, обращенностью к адресату информации. То есть, принцип антропоцентризма выступает общим, объединяющим началом для всех субдискурсов и жанров-конституентов геокультурного дискурса, что позволяет говорить об антропоцентризме как основе его гибридизации.

Представленный текстами разнообразных составляющих его жанров, мир геокультурного дискурса создается нарративным континуумом как способом его вербальной объективации [Куликова 2020], что также обеспечивает его антропоцентрический характер: по мнению исследователей-нарратологов, в фокусном пространстве нарратива всегда находится человек. Нарратив сконцентрирован прежде всего на человеке и его внутреннем мире, испытывающем изменения под влиянием описываемых событий [Bruner 2003]. При этом антропоцентризм геокультурного нарратива имеет разнообразные дискурсивные проявления.

В качестве примера обратимся к произведению такого жанра, как журналистское расследование из области литературоведения, которое при определенных условиях становится интегративной частью гибридизированного геокультурного дискурса и служит демонстрацией присущего ему антропоцентризма. В данном случае речь идет об известном журналистском расследовании «Логодедал. Тайна замка

Бельвуар», которое в соответствии с названием подразумевает исследование загадочных событий, связанных с геокультурной локацией [Шульженко 1992]. Однако автор, отталкиваясь от названия культурного объекта – замка – и используя его как своеобразную «приманку» для читателей, в сознании которых образ средневекового замка обычно связан с чем-то загадочным и мистическим, концентрируется на расследовании тайны личности Шекспира – фокус перемещается на человека и людей, которые могут стоять за этим именем.

Проявление геокультурного антропоцентризма усиливается при актуализации дискурсивной практики, получившей название «гений места», подразумевающей обращение к известной личности (реальной или вымышленной), события жизни которой связаны с определенным геокультурным объектом. «Гений места», как одна из наиболее эффективных практик геокультурного дискурса, служит надежным подтверждением его антропоцентричности, поскольку ее реализация строится на социально-психологическом основании, заключающемся в том, что человеку интересен другой человек, особенно, знаменитый – детали его быта, времяпровождения и т. п., что «очеловечивает» геокультурный объект и таким образом делает его привлекательным в глазах целевой аудитории.

Следует упомянуть еще одну – достаточно редкую – дискурсивную практику, основанную на принципе антропоцентризма и участвующую в формировании мира геокультурного дискурса, а именно преобразование фрагмента реального мира под воздействием художественного нарратива, в центре которого – известный персонаж. Шерлок Холмс – гениальный сыщик, в реальное существование которого поверили миллионы читателей, присылавшие ему письма по адресу, который в эпоху Конан Дойля просто не существовал. Как дом-музей Шерлока Холмса этот адрес появился позже, вызванный к жизни благодаря незаурядной личности его вымышленного обитателя. Сегодня дом по адресу 221b, Baker Street, London – лондонская достопримечательность, привлекающая толпы туристов.

Представляется, что рассмотрение всего нескольких примеров оказывается достаточным для признания принципа антропоцентризма основополагающим фактором, поддерживающим гибридизацию геокультурного дискурса, формирующегося «вокруг» подлинных или вымышленных героев документального или художественного нарратива.

Литература

Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века: сб. статей. М., 1995. С. 144–238.

Куликова О. В. Геокультурный дискурс в свете нарративной коммуникации // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2020 №3. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/22FLSK320.pdf>

Шульженко И. Г. Логодедал, или Тайна замка Бельвуар // Огонек. 1992. №8-9. URL: https://www.studmed.ru/shulzhenko-i-g-logodedal-ili-tayna-zamka-bel-vuar_0fc57d8c323.html (дата обращения: 15.05.2021).

Bruner J. The Narrative Construction of Reality // Narrative Intelligence / edited by Michael Mateas and Phoebe Sengers. Amsterdam. The Netherlands. John Benjamins Publishing Co, 2003. P. 41–63.

ANTHROPOCENTRISM AS THE BASIS OF GEOCULTURAL DISCOURSE HYBRIDISATION

Geocultural discourse is considered to be a hybrid construct which serves the purpose of realization of various discourses aimed at reflecting specific features of geographical locations in culture and is based on the principle of anthropocentrism, which is common to them all.

Key words: anthropocentrism, geocultural discourse, hybridization, narrative continuum, discourse practices

Куницына Олеся Мионовна

кандидат филологических наук
Московский государственный лингвистический университет
Kunitsyna_mglu@mail.ru

ВИЗУАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ИЗУЧЕНИЯ МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Для изучения особенностей функционирования языка и изображения в мультимодальных медиатекстах немецкими лингвистами была разработана концепция визуальной лингвистики. Она опирается на знания других лингвистических и неязыковых дисциплин и адаптирует их подходы и методологии для исследования вербально-визуальных комплексов.

Ключевые слова: визуальная лингвистика, мультимодальность, мультимодальный дискурс, мультимодальный текст

Современное повседневное общение и обмен информацией через разные медиаканалы создают новые задачи для лингвистики текста, которая исследует эти явления общения. Язык в чистом виде не может использоваться в коммуникативной реальности и в текстоаналитической практике без учета невербальной составляющей. Изучение мономодальности отходит на второй план, новый образ современного текста освобождает лингвистику от ее фиксации на идеализированном чисто лингвистическом качестве. Вербальный текст встроен в мультимодальный дискурс, понимание которого возможно лишь как восприятие больших вербально-визуальных контекстов. Их интерпретация формирует основу для мультимодального восприятия языка.

Многие отечественные и зарубежные лингвисты в своих работах конца XX – начала XXI века призывают к более широкому взгляду на текст, чем только лингвистический (Klemm, Stöckl 2010; Schmitz 2011; Fix 2008). Наряду с вербальным текстом они фиксируют изображение в тексте, а также физическую текстовую поверхность. У. Шмитц указывает на слабые места в лингвистике текста и прикладной лингвистике и призывает принимать во внимание иконическое наполнение текста. У. Фикс пишет: «Тексты никогда не существуют только лингвистически, в них всегда задействованы другие символы, будь то жесты, выражения лица, голосовые подсказки или (...) изображения, типографика, тип бумаги и т. д. Поскольку все эти символы несут в себе смысл, поскольку все они появляются на поверхности текста, чтобы дать что-то понять в текстовой среде и быть воспринятыми, их нельзя игнорировать. Таким образом, нельзя извлечь один код, лингвистический, из текстового комплекса и захотеть прочитать его смысл целиком» (перевод наш. – О.К.) [Fix 2008: 31].

Постепенно приходит признание того, что мультимодальность, т. е. комбинация различных знаковых систем в одном сообщении, не является особым случаем, но постоянно присутствует, когда мы имеем дело с лингвистическими произведениями, будь то устные или письменные [Lobin 2018: 107].

Такие смешанные формы коммуникации особенно распространены в медиадискурсе. Мультимодальные тексты можно встретить в социальных сетях (Facebook, Instagram или Twitter), в кино, рекламе. Примерами являются также инфографики, произведения графического дизайна, изобразительных искусств, записи в блогах, статьи. Сегодня мы наблюдаем «бум текстовых областей, которые, помимо лингвистических символов, впечатляют и другими типами символов. На двухмерной

поверхности различные знаки связаны друг с другом и составляют всеобъемлющее значение. В общении между коммуникантами поверхности расширяются в трехмерные пространства» [Lobin 2018: 79].

Вербальный текст остается центральным дискурсообразующим элементом, вокруг которого формируется семиотическое пространство, но при этом многие лингвисты заявляют, что лингвистика в широком смысле «слишком долго была слепа к изображениям» [Schmitz 2011; Klemm, Stöckl 2010], и разрабатывают новые концепции для анализа и подробного изучения мультимодального дискурса.

Лингвистика текста, несомненно, является прогрессивной и гибкой дисциплиной, но ее предмет и методы имеют свои границы. Они распространяются до изучения концепции мультимодального текста. Для изучения поликодовых текстов, состоящих из вербального компонента и статического изображения, немецкими лингвистами была разработана концепция визуальной лингвистики (Bildlinguistik) [Klemm, Stöckl 2010; Lobin 2018], которая будет использовать подходы и методы лингвистики текста, а также стилистику и переноситься на языковую и визуальную коммуникацию через адаптацию и дальнейшее развитие.

Основной работой, в которой разъясняется понятие визуальной лингвистики и закладываются основы этого научного направления, является сборник «Bildlinguistik» (Diekmannshenke, Klemm, Stöckl 2010). Сам термин визуальная лингвистика — это своего рода метафора. Визуальная лингвистика не пытается объяснить изображения в их различных разновидностях как язык или рассматривать их как текст, а, скорее, исследовать вербально-визуальные комплексы в средствах массовой информации с помощью инструментов, пришедших из лингвистики. Соответственно, визуальная лингвистика — это не лингвистика только изображения.

Визуальные науки, такие как изобразительное искусство или медиалогия, либо интересуются исключительно изображением без языка, либо концентрируются в первую очередь на социальной значимости и влиянии медиа. В век визуального и аудиовизуального необходима интеграция дисциплин и методов исследования, чтобы можно было объяснить обилие таких коммуникативных процессов.

Вербальные и визуальные составляющие объединены в текстах в коммуникативные события, дополняют друг друга своей репрезентативной и выразительной силой. Визуальная лингвистика, таким образом, означает рассмотрение отношений между языком

и изображением в текстах в целом и использование лингвистических концепций, моделей и методов для исследования изображения, которое преимущественно интегрировано в тексты средств массовой информации [Klemm, Stöckl 2010: 9].

Методы исследования и терминология находятся в стадии разработки, но ученые уже составили основной список задач, которыми может заниматься визуальная лингвистика, а также список вопросов, ответы на которые можно будет найти в рамках визуально-вербального подхода. Предметом изучения этого нового лингвистического направления является изучение функционирования языка и статического изображения в средствах массовой коммуникации.

Развитие визуальной лингвистики представляет собой сложную задачу. Но в свете растущей мультимодальной и мультимедийной коммуникации и ее социальной значимости она просто необходима. Поскольку мультимодальные тексты в средствах массовой информации включают не только письменный язык и неподвижные изображения, визуальная лингвистика позиционируется как часть мультимодальной лингвистики [Schmitz 2011: 24]. В рамках визуальной лингвистики планируется разобраться с двумя центральными кодами, такими как язык и изображение и исследовать их взаимодействие, чтобы впоследствии применять разработанные подходы и методы для других более сложных мультимодальных текстов в трехмерном измерении.

Литература

Fix U. Text und Textlinguistik. // Nina Janich. Textlinguistik. 15 Einführungen. Tübingen: Gunter Narr. 2008. S. 15–34.

Klemm M., Stöckl H. Bildlinguistik – Standortbestimmung, Überblick, Forschungsdesiderate. // Diekmannshenke H., Klemm M., Stöckl H. Bildlinguistik. Berlin: Erich-Schmidt. 2010. S. 7–18. URL: https://stoeckl.sbg.ac.at/Stoeckl/Publikationen_2_files/Stoeckl%20Klemm_Bildlinguistik_2010.pdf (дата обращения: 05.05.2021)

Lobin H. Digital und vernetzt. Das neue Bild der Sprache. J.B. Metzler, Stuttgart: Springer-Verlag GmbH. Deutschland. 2018.

Schmitz U. Sehflächenforschung. Eine Einführung. // Diekmannshenke H., Klemm M., Stöckl H.. Bildlinguistik. Theorien – Methoden – Fallbeispiele. Berlin: Erich Schmidt. 2011. S. 23–42. URL: http://www.linse.uni-due.de/files/PDF_in_Katalog/publikationen/Online-Publikationen/Sehflächenforschung-2010.pdf (дата обращения: 05.06.2021)

VISUAL LINGUISTICS AS ONE OF THE DIRECTIONS OF STUDYING MULTIMODAL DISCOURSE

To study the peculiarities of the functioning of language and images in multimodal media texts, German linguists developed the concept of visual linguistics. It draws on the knowledge of other linguistic and non-linguistic disciplines and adapts their approaches and methodologies for the study of verbal-visual complexes.

Key words: visual linguistics, multimodality, multimodal discourse, multimodal text

Malakhova Victoria Leonidovna

PhD

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)

v.l.malakhova@inno.mgimo.ru

PRAGMATIC COMMENT AS A TYPE OF ENGLISH DISCOURSE FUNCTIONAL RELATIONS

The objective of the work is to analyse one of the pragmasemantic relations in the system of discourse functional links, that of pragmatic comment. The author discloses the main features of pragmatic comment as a special type of functional link, and gives examples illustrating its peculiarities.

Key words: discourse, the English language, pragmasemantic space, functional relations, pragmatic comment

Discourse analysis in linguistics mostly aims at specifying language means and systemic mechanisms engaged in discourse space formation. In terms of systems properties discourse is qualified as a holistic dynamic multilevel system. Its pragmasemantic space is formed through functional relations which create and regulate the internal and external interaction of communicative units. Discourse functional relations make the focus of scholarly interest for many linguists ([Iriskhanova 2011; Khramchenko 2017; Ponomarenko 2018], etc.), since they actually build up the discourse semantic plane. Discourse functional relations, or links, are defined by T. van Dijk as a specific semantic role or function between sentences/utterances; this function rests on semantic

correlations between propositions and on the relations between facts and their properties in “possible worlds” [van Dijk 1981].

The array of such relations is quite extensive: specification, generalization, expansion, amplification, cause, hyponymy, etc. The objective of the present work is to analyze pragmatic comment as one of the discourse functional relations.

Pragmatic comment is a rather special type of links between adjacent statements; it mostly expresses pragmatic increments, like emotional and appraisive comments, modal aspects, illocutionary effect, reasoning, impressions, etc. For example:

“Is that you? I can’t believe it! Is that really you?” (*R.S. Sharma. The monk who sold his Ferrari: A fable about fulfilling your dreams & reaching your destiny*).

To be losing David right after the failure of my marriage, and right after the terrorizing of my city, and right during the worst ugliness of divorce... Well, this was simply too much (*E. Gilbert. Eat, Pray, Love*).

The above examples show that for pragmatic comment the development of the proposition of the basic (first) statement is not peculiar. What we mean is: the semantic plane of the second sentence does not advance the situation described, it only reflects and emphasizes the personal assessment, modality, and attitude of the speaker to the situation. The creation of such emotional discourse background is the exact function of this type of relations. It characterizes not only the nature of the correlation between discursive units but, what is more important, also the interaction of communicants and their perception of the situation. The range of aspects subject to pragmatic comment can be quite diverse:

- assessment and characteristics of the object of the communication situation:

Not to think about it. Oh, it was swell advice (*E. Hemingway. The sun also rises*).

- perception of and attitude to the communication situation:

He feels very badly... He should be in bed. (*E. Hemingway. The sun also rises*).

- opinion / reasoning about the actions / behaviour or about the personal features of those participating in the situation:

...you were so kind to come visit, dear child. I see now how kind you are (*R. Bradbury. Death is a lonely business*).

- regulation of the process and direction of communication:

When I saw you turn that poor old guy's pockets inside out I knew it had to be him. Now what do you say? (*R. Bradbury. Death is a lonely business*).

- meta-verbal comments:

I couldn't explain it to him. Hell, I couldn't explain it to myself (*S. King. Hearts in Atlantis*).

- expression of feelings, emotions, impressions:

Welcome home. Of course, it'd never felt like home (*M. Marr. Wicked Lovely*).

- self-correction improving one's own communicative behavior:

I am afraid I misjudged you in the past. I beg your pardon (*W. S. Maugham. The vessel of wrath*).

The linguistic actualization of pragmatic comment may have various forms. For example:

I – I was glad to help you – and I hope I really was a help to you... Didn't I let you copy my ship for Mars? Didn't I fly the first few recruiting missions? Didn't I help you figure out how to control the Martians, so they wouldn't make trouble? Didn't I spend day after day helping you to design the new religion? (*K. Vonnegut. The Sirens of Titan*).

In this extract, the consecutive partly repeated phrases are, in fact, rhetorical questions: the author of the discourse is unlikely to expect a response from the partner. And the overall discourse space helps comprehend the speaker's emotional state, that of frustration, resentment and, to some extent, reproach.

Pragmatic comment found in monologues is even more typical of dialogical speech. It can be explained by the fact that natural interpersonal communication usually generates pragmatic meanings, gives rise to spontaneous, sometimes unexpected thoughts, ideas, impressions, etc.; the communicant expresses his / her emotional reaction as some kind of comment:

"We've missed you." [...] "I bet you have." (*Gr. Daryl. Second Person, Present Tense*).

Here we see that the response fulfills the pragmatic function of agreement, confirmation but also (and that actually has a greater pragmasemantic value for the quoted discourse) irony.

Summing up, the presented analysis revealed the specific nature of pragmatic comment. What distinguishes it from other types of functional relations in English discourse is that pragmatic comment does not expand the eventivity of the situation. It possesses high stylistic efficiency since it represents a variety of pragmatic meanings and expresses the emotional state or reaction of the communicants.

References

Dijk T. van. Studies in the pragmatics of discourse. The Hague; New York: Mouton, 1981. 331 p.

Iriskhanova O.K. Strategii porozhdenija i interpretacii diskursa kak otrazhenie jevrstichnosti verbal'nogo obshhenija [Strategies for generating and interpreting discourse as a reflection of the heuristic nature of verbal communication] // Aktual'nye problemy sovremennoj leksikologii i frazeologii. Tezisy dokladov Mezhdunarodnoj nauchnoj konerencii k 100-letiju professora I. I. Chernyshovoj [Actual problems of modern lexicology and phraseology. Abstracts of the International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of Professor I.I. Chernyshova]. 2011. Pp. 89–96 (in Russian).

Khramchenko D. Kooperativnyj effekt pragmaticheskogo vozdeystvija v anglijskom diskurse mass-media [Cooperative effect of pragmatic impact in English mass media discourse] // Voprosy prikladnoj lingvistiki [Issues of applied linguistics]. 2017. No 3(27). Pp. 86–95 (in Russian).

Ponomarenko E.V. Otnosheniya pragmaticheskogo kommentariya v sisteme funktsional'nykh svyazey anglijskogo diskursa [Pragmatic comment relations in the system of English discourse functional links]. Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologija [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology]. 2018. Volume 24. No 2. Pp. 153–157. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-153-157> (in Russ.).

Никонова Екатерина Валерьевна

преподаватель

Московский государственный лингвистический университет

katjanik@mail.ru

СЕМАНТИКО-СЕМИОТИЧЕСКАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЫ КАК УСЛОВИЕ ЕЕ ИНТЕРАКТИВНОСТИ

В работе рассматриваются способы семиотической и семантической презентации пространства компьютерной игры, то есть совокупности видимых на экране надписей (в том числе использующих паратекстуальные средства выразительности), символов и изображений.

Ключевые слова: язык компьютерной игры, семиотика игры, семантика игрового мира, новые медиа, интерактивность

Под презентацией пространства компьютерной игры понимается одновременная демонстрация на экране изображений, символов и текста, принадлежащих к различным «ипостасям» компьютерной игры: компьютерную игру правомерно рассматривать и как программу, и как художественное произведение [Кузьмина, Сидоров 2012], и как разновидность «нового медиа». Однако лишь изучение взаимодействия всех компонентов предоставляет наиболее объективную картину. Подобное исследование еще не проводилось на материале компьютерных игр, и цель данного сообщения состоит в том, чтобы описать презентацию пространства игры с точки зрения интерактивности, то есть организации «коммуникации в системе правил, разработанных с учетом индивидуального запроса» [Ворошилова 2010: 60].

Компьютерная игра, как и все «новые медиа», характеризуется мультимедийностью, т.е. способностью транслировать информацию по нескольким каналам, и интерактивностью [Красноярова 2013] – возможностью взаимодействия пользователя с текстом или изображением на экране.

В случае с компьютерной игрой интерактивность выражается как в изменении игроком окружающего протагониста мира за счет манипуляций с игровыми предметами, смене картинки при перемещении по миру, так и в действиях, осуществляемых при получении игроком

стимула (достижение установленной на уровне содержания игры цели, следование подсказкам или советам других персонажей).

Транслируемая игрой аудиовизуальная информация может быть сравнена с информацией из интерактивного кинофильма или, скорее, информацией из интерактивной театральной постановки, сочетающей в себе:

- наблюдаемый интерактивный телеспектакль, в котором игрок принимает активное участие, поскольку уровень условности в компьютерной игре в большей мере соответствует пьесе;

- сценарий театральной пьесы, так как именно на авторские ремарки больше всего похожи появляющиеся в кадре надписи «It's (название предмета). It might come in handy», или более короткие «Fuse x 1». Реплики протагониста, озвучивающие его реакцию или мысли, часто выполняют функцию реплик актера, произносимых в сторону зрительного зала. Остальные персонажи на ряд его высказываний не реагируют, адресатом подобных высказываний является исключительно игрок.

Игроку, наблюдающему за происходящим на экране, демонстрируется совокупность двух визуально и семантически неразделимых категорий, а именно – изображение игрового мира включает в себя и интерфейс программы, и собственно интерактивную «картинку» разной степени детализации.

Передача информации в рамках компьютерной игры задействует одновременно несколько каналов восприятия информации:

- визуальный (изображение на экране, текст без озвучки),
- аудиальный (озвученный текст без субтитров, звуковые эффекты, музыкальное сопровождение).

При этом часто задействованы оба канала (озвученный текст реплик протагониста задействует аудиальный канал, субтитры и отображение происходящего в игровом мире – визуальный).

Оформление интерфейса и различные способы представления игроку места действия (демонстрация картинки и дополняющее ее текстовое описание) выполняют несколько задач:

- информируют о сюжете и позволяют проследить его развитие;
- знакомят с основными закономерностями игрового мира и побуждают к определенным действиям;
- создают атмосферу игрового мира и увеличивают эффект «иммерсивности» (погружения, вовлеченности в происходящее) [Murray 1998].

Далее подробнее рассмотрим функции двух основных компонентов, формирующих игровое пространство:

Интерфейс программы, то есть видимое на экране в процессе игры служебное меню (или инвентарь, наиболее типичный для игр жанра «квест») в основном играет вспомогательную роль при передаче информации, касающейся содержания истории. Однако интерфейс отчасти создает атмосферу игрового мира – например, если сюжет игры затрагивает музыку, то в оформлении меню и окна инвентаря могут присутствовать изображения нот, мифологические мотивы в сюжете игры усиливаются изображениями рун. Текстовые названия предметов в инвентаре (текст появляется на экране при наведении на предмет курсора) указывают на то, что тот или иной объект является частью игрового мира. Специфические названия предметов встречаются, когда речь идет об оружии (реальном или существующим только в вымышленном мире) или об играющих ключевую роль в сюжете предметах. Такие названия характеризуют совокупность всех сцен (локаций), весь игровой мир.

Намного чаще в играх жанра «квест» в инвентаре находятся ключи, монеты, отвертки и части головоломов, необходимые для их решения, эти предметы, как правило, характеризуют жанр в целом, а не отдельно взятый игровой мир. В «шутерах» в инвентаре с большей вероятностью окажутся патроны, в «квестах» и играх-приключениях – предметы домашнего обихода или инструменты. Семантически они устанавливают правила взаимодействия с действительностью, принятые в рамках данной игры, и характеризуют игровой мир и степень его реалистичности. Отображение места действия в компьютерной игре, безусловно, создает атмосферу игрового мира за счет использования нетекстовых аудиовизуальных сигналов – изображений пейзажей или помещений, характерных для игрового мира и сопровождающихся музыкальными композициями или звуковыми эффектами.

Однако и здесь можно проследить зарождение нового языка или, как минимум, новых образов-символов, сигнализирующих о принадлежности игры к тому или иному типу. Место действия «госпиталь» может быть использовано в любом жанре, но преобладает в играх жанра «хоррор». То же самое можно сказать и о локациях «подземная система тоннелей» или «подвал». Так, уже один взгляд на изображение на экране позволяет понять, о какой жанровой направленности идет речь – и не всегда это достигается исключительно за счет цветовой

гаммы, которая тоже является неязыковым маркером жанра игры (темные и мрачные тона в «ужасах», светлые и насыщенные – в прочих жанрах).

К лексическим средствам нативного (вписанного в окружение) представления игрового пространства могут быть отнесены надписи на зданиях, вывесках, дорожных знаках – иногда присутствуют узнаваемые названия, измененные для соблюдения авторского права, но по большей части названия вымышлены. «Говорящие» названия вносят вклад в создание атмосферы и даже намекают на сюжетные закономерности, как, например, название города «Howlville».

Все типы нативных надписей являются полимодальными текстами, так как в сочетании с окружением предоставляют дополнительные сведения о наблюдаемом объекте (например, покосившиеся от времени дорожные указатели свидетельствуют о том, что дорога заброшена).

При презентации игрой места действия также важны два типа текстов:

1) Найденные протагонистом записки, документы, книги различной тематики, описывающие тот или иной объект и его историю. В реалистичном мире они будут походить на настоящие публикации и оформляться по тем же правилам, что и в повседневной жизни (в первую очередь это утверждение иллюстрирует имитация газетных статей или официальных документов). С содержательной точки зрения данные тексты либо знакомят с закономерностями мира, либо предоставляют важную сюжетную информацию.

2) Реплики или мысли протагониста (героя компьютерной игры), передающие его реакцию на видимые им предметы.

Здесь наблюдается довольно интересная закономерность – около двух третей реплик имеют инструктирующий характер для игрока, содержат в себе совет, каким образом игрок может преобразовать пространство компьютерной игры. Получая инструкцию, оформленную как внутренний монолог, например, однозначную «I could open that door if I had a key» или более многозначительное восклицание «What a mess!» (может содержать побуждение навести порядок или выполнять исключительно экспрессивную функцию), игрок направляется на поиски необходимого в данной ситуации предмета. Пространство компьютерной игры представляется как поддающееся преобразованию за счет действий и решений игрока, что подчеркивает и интерактивный характер игры, и активную роль игрока, присутствующего

в игровом мире опосредованно, но способного модифицировать его через действия протагониста.

Треть «закадровых реплик» выполняет экспрессивную функцию, при этом преобладают ситуации, когда протагонист восхищается видом или испытывает чувство страха или волнения. В таком случае текст усиливает эффект «погружения» в игру и создает нужный автору текста настрой.

Таким образом, пространство компьютерной игры как совокупность представленных на экране семиотических элементов семантически дополняется лексическими единицами или получает благодаря им единственно возможную в рамках игрового мира интерпретацию.

Литература

Murray M. Hamlet on the Holodeck: The Future of Narrative in Cyberspace. MIT Press. 1998.

Ворошилова Е. С. Интерактивность как выразительное средство эстетических практик в условиях киберпространства // Вестн. Том. гос. ун-та. 2010. № 332. С. 59–62.

Красноярова Д. К. Язык рекламы в пространстве новых медиа // Омский научный вестник. 2013. № 5 (122). С. 254–257.

Кузьмина Г. П., Сидоров И. А. Компьютерные игры и их влияние на внутренний мир человека // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева. Чебоксары, 2012. № 2 (74). Ч. 2. С. 78–84.

SEMANTIC AND SEMIOTIC PRESENTATION OF COMPUTER GAME SPACE AS A CONDITION OF ITS INTERACTIVITY

The article covers methods of semantic and semiotic presentation of computer game space, i.e. the totality of inscriptions (including the ones introducing paratextual expressive means), symbols and images displayed on the game screen.

Key words: computer game language, game semiotics, game world semantics, new media, interactivity

Радченко Олег Анатольевич

доктор филологических наук, профессор
Московский государственный лингвистический университет
radoleg@gmail.com

**«ОТРАВЛЕННЫЕ ПЕРЬЯ»
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ГЕРМАНИИ XVII СТОЛЕТИЯ**

В сообщении анализируются особенности политического пасквиля как жанра общественной полемики в Германии XVII в. на примере фрайбургской «Анатомии статуса» 1671 г. и «Пасквиля времён Тридцатилетней войны». Выявление особенностей этого специфического жанра немецкого политического дискурса позволяет обосновать тезис о его стилистическом и интеллектуальном нисхождении к современной политической коммуникации и утрате терминологичности в результате «истеризации концепта» в полемическом сетевом общении.

Ключевые слова: политический дискурс, пасквиль, Тридцатилетняя война, истеризация концепта

В политическом дискурсе России нередко встречаются нелестные характеристики отдельных текстов как «пасквилей», к примеру: «Жириновский в 2016 году «выпустил» очередной пасквиль» или «Глазами Путина: зачем Нарышкин написал антиамериканский пасквиль»¹. Этот термин взят на вооружение не только современными политическими пропагандистами различных направлений, но и литературными критиками, хотя ему и присущ некий советский пафосный оттенок. Достаточно вспомнить рецензию романа «Доктор Живаго» в газете «Правда» от 26 октября 1958 г.: «Роман Пастернака – это политический пасквиль, а пасквиль, это не художественная литература. Можно, обмакнув квач в дёготь, густо вымазать забор, но это не искусство, дёготь – не краска и квач – не кисть художника. Роман Пастернака – это реакционная публицистика низкого пошиба, облечённая в форму литературного произведения»². В гораздо более современном очерке творчества весьма скандального российского писателя используется такой же стиль: «Политолог Андреас Умланд полагает, что некоторые из книг Платонова –

¹ URL: <https://educalingo.com/es/dic-ru/paskvil>

² URL: http://starosti.ru/address_article.php?address=1958-10-23

это «политический пасквиль», для которых характерны «патологический антиамериканизм, бредовая конспирология, апокалипсические картины будущего мира и фантастические утверждения о грядущем новом рождении русской нации»¹.

Не касаясь истории пасквиля как литературного жанра (см. подробнее [Мальцева 2001; Дегтярева, Осипова 2019]), отметим, что, по всей вероятности, в данном случае мы имеем дело с истеризацией концепта (по аналогии с «истеризацией дискурса» Жака Лакана), поскольку в собственном смысле пасквиль анонимен (см. определение в словаре «Дуден» – *anonyme Schmäh-, Spottschrift, schriftlich verbreitete Beleidigung*²), но связан с распространением сведений о действительных порочащих обстоятельствах.

В этой связи представляют большой интерес примеры подлинного политического пасквиля, обнаруживаемые в истории немецкого интеллектуального дискурса.

Первый анализируемый пример восходит к истории политических баталий XVII века во Фрайбурге, описанных архивариусом города Ф. Хефеле в 1927 г. Весьма подробно описывая преследования выявленных авторов пасквилей против Папы римского, кардиналов и императоров в позднеантичные времена (от обвинений в государственной измене при императоре Августе с присуждением побоев, бесчестья и иногда смертной казни до указа Карла V в 1530 г. о запрете явного или тайного изготовления пасквилей и их общественного распространения), Хефеле указывает на требование с большой осторожностью и тщанием изобличать авторов, издателей и распространителей пасквилей, которым полагались бичевание и высылка из страны [Hefele 1927: 21].

Мода на политические пасквили во Фрайбурге возникает в 1510 г., когда анонимный автор размещает издевательские стихи в адрес профессора Иоганна Экка, будущего участника диспутации с Мартином Лютером. Тематика появившихся в дальнейшем текстов была связана с критикой кальвинистов, взятчицтвом канцлера Передней Австрии, деятельностью иезуитов. Хефеле приводит также текст пасквиля 1671 г., который был обнаружен диаконом храма в Кирххофене заложным за распятие. Составленная как полилог с участием девяти

1 URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>

2 URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Pasquill>

известных политических персон того времени, эта «Анатомия» предлагает едкую критику существующих порядков, украшенную символикой Брайзгау (лев), Христа (пеликан) и Франции (лилия) и содержащую в строках 57–60 «ответ» избличаемых. Последовавшие за этим скандал и раздоры между рыцарством и городскими властями, шестилетние беспорядки и двадцатилетняя оккупация Фрайбурга французскими войсками позволяют представить себе последствия политического пасквиля как, в свою очередь, логичного итога социальных разногласий времен Тридцатилетней войны.

Ещё более масштабным, хотя и не повлекшим за собой столь серьёзных политических противоречий, представляется «Пасквиль времён Тридцатилетней войны», приведённый Оскаром Шаде в «Ваймарском ежегоднике немецкого языка, литературы и искусства» [Schade 1855]. Не содержащий указаний на место и время создания, текст озаглавлен как «Зерцало империи и мира, в коем всякого сословия и всякой должности качество / подобно квинтэссенции извлечено и показано / посредством каждой персоны изречения» [Schade 1855: 66]. В полилоге принимают участие 113 политических и религиозных персон, городов, стран, представителей сословий и народов Европы и Азии, рек, различных конфессий, документов, персонификаций права и даже грешник из ада. Немецкий текст перемежается с латинским, носит крайне издевательский характер: так, «турецкий император» восклицает, что не может бесплатно хранить священную могилу, а «московиты» утверждают, что *neutralitas periculosa* (нейтралитет опасен) [Schade 1855: 70].

Многие намёки и характеристики, особенно личностей и стран, достаточно сложно интерпретировать без знания тонкостей дипломатии, религиозной ситуации и политической обстановки в Германии тех лет. В то же время обнаруживается близость немецких политических пасквилей к стилистике «плясок смерти», например, тексту знаменитой фрески берлинского храма св. Девы Марии 1484 г., представляющему собой своеобразные также содержащие известную иронию беседы представителей различных сословий со смертью.

Тексты пасквилей обладают не только сложной структурой и большим количеством критикуемых персонажей, они также опираются на событийные пресуппозиции, требуют тонкого инсайта и исключительного языкового чутья для точного и полного декодирования своего совокупного смысла.

В известном отношении современные политические инвективы эпохи интернета сопоставимы с классическими политическими пасквилями прошлого, за исключением изысканности формы и степени «небулёзности» содержания. Эволюция политического пасквиля от античности до наших дней – это история нисхождения и опрошения не только самого жанра, но и, по всей вероятности, общественно-политической коммуникации и её интеллектуального субстрата.

Литература

Дегтярева Д.А., Осипова В.Д. Пасквиль как специфическая форма сочинительства: исторический аспект // Молодежь третьего тысячелетия. Сборник научных статей. Омск, Издательство ОГУ, 2019. С. 298–302.

Мальцева Т.В. Литературная полемика и жанр комедии в русской литературе XVIII – начала XIX в.: дис. ... д-ра филол. наук. 10.01.01. Санкт-Петербург, 2001.

Hefele F. Ein politisches Pasquill aus dem Jahre 1671. Eine stadt- und kulturgeschichtliche Betrachtung // Amtliches Einwohnerbuch der Stadt Freiburg im Breisgau: für das Jahr 1927/28. Freiburg im Breisgau, 1927. S. 20–29.

Schade O. Ein Pasquill aus der Zeit des Dreißigjährigen Krieges // Weimarisches Jahrbuch für deutsche Sprache, Literatur und Kunst. Bd. 2, 1855. S. 66–74.

«POISONED PENS» IN THE POLITICAL DISCOURSE OF THE 17TH-CENTURY GERMANY

The report analyzes features of political lampoon as a genre of public polemics in the 17th-century Germany exemplified by the Freiburg «Anatomy of Status» of 1671 and the «Lampoon of the Thirty Years' War». The identification of the features of this specific genre of the German political discourse allows to substantiate the thesis about its stylistic and intellectual descent to modern political communication and the loss of terminology as a result of the «hysteria of the concept» in the modern polemical network communication.

Key words: political discourse, lampoon, the Thirty Years' War, hysteria of the concept

Степанова Елена Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент
Самарский государственный медицинский университет
pretty.step@bk.ru

Протасов Андрей Дмитриевич

доктор медицинских наук, профессор
Самарский государственный медицинский университет
crosss82@mail.ru

**МИФ ОБ ИММУНИТЕТЕ
В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ**

Статья посвящена исследованию мифа об иммунитете в научно-популярном медицинском дискурсе. Показано, что мифы об иммунитете формируют общественное сознание и позволяют представить медицинское знание в неожиданной перспективе. Утверждается, что миф об иммунитете обладает лингвистическими и экстралингвистическими свойствами.

Ключевые слова: миф, иммунитет, медицинский дискурс, семантика

Исследованию научно-популярного медицинского дискурса посвящено множество работ современных лингвистов. Научно-популярный медицинский дискурс изучается по вопросам с точки зрения метафоричности [Уткина 2006], а также лингвистических особенностей его письменной реализации [Шишкина 2017]. Однако научно-популярный медицинский дискурс недостаточно изучен сквозь призму наивной картины мира, составным элементом которой является миф. Интерес к мифической составляющей картины мира обусловлен взаимодействием научных и ненаучных форм познания, необходимостью обоснования новых идей, подходов в науке, в том числе в медицине, преодолении стереотипов в сознании представителей лингвокультурного общества.

Существует множество мифов о механизмах иммунной системы, с помощью которых организм защищает себя от действия различных факторов, повреждающих его клетки и ткани [Ярилин 2008: 135]. Всё же изучение мифа об иммунитете с лингвистической точки зрения является новой областью исследования, поскольку до сих пор не описаны способы репрезентации мифа об иммунитете в научно-популярном медицинском дискурсе.

Предметом исследования является миф об иммунитете и способы его актуализации в научно-популярном медицинском тексте.

Актуальность исследования обусловлена тем, что мифы об иммунитете в научно-популярном медицинском тексте формируют культурное пространство и передаются из поколения в поколение. Также мифы об иммунитете формируют общественное сознание и позволяют представить медицинское знание в неожиданной перспективе.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что полученные результаты вносят вклад в изучение семантики мифа об иммунитете, а также языковых средств ее реализации в научно-популярном медицинском дискурсе.

Практическая значимость исследования определяется тем, что в ней предложена типология феноменологических когнитивных структур (ФКС), характеризующая семантику мифа, а также описаны лингвистические способы репрезентации ФКС.

Материалом для исследования послужили англоязычные научно-популярные медицинские журналы «Stanford Medicine» за период 2010–2021 гг.

Методологической основой исследования стала работа В. В. Красных «“Свой” среди “чужих”: миф или реальность?», в которой утверждается, что все знания и представления хранятся в виде когнитивных структур: лингвистических и феноменологических [Красных 2003: 238].

Данное положение экстраполируется на наше исследование, цель которого состоит в описании семантики мифа об иммунитете, которая формируется ФКС (термин В. В. Красных), а в качестве лингвистических когнитивных структур (ЛКС) выступает их собственно языковое выражение.

Поставленная цель определяет задачи исследования:

- 1) описать типологию ФКС, характеризующую семантику мифа;
- 2) проанализировать лингвистические способы репрезентации ФКС.

Цель и задачи исследования определили выбор следующих методов исследования:

- культурологический анализ, предполагающий учёт совокупности представлений, связанной с мифом об иммунитете;
- описательно-аналитический контекстуальный метод – непосредственный анализ контекста, содержащего языковые репрезентации мифа об иммунитете.

Как показал анализ, семантика мифа об иммунитете формируется когнитивными структурами, где экстралингвистические знания представляют собой ФКС, а в качестве ЛКС выступает их собственно языковое выражение.

В настоящем исследовании приводится разработанная авторами типология ФКС, характеризующая семантику мифа об иммунитете в пространстве медицинского научно-популярного текста. Данные ФКС отражают культурные представления в сознании человека, которые, с одной стороны, экономят его усилия при восприятии информации, с другой – фиксируют и сохраняют культурно обусловленные ценности.

Лингвистический анализ языкового материала позволил нам выявить метафорические модели (средства репрезентации феноменологических когнитивных структур), ЛКС, которые репрезентируют семантику мифа об иммунитете.

Приведем метафорические модели, представляющие собой понятийную область, элементы которой связаны различными семантическими отношениями («выполнять функцию», «способствовать», «каузировать», «быть примером») [Баранов 1994]:

а) *иммунитет как биологическое существо:*

The Bodyguard¹.

б) *иммунитет как животное:*

Microbes don't own wings or legs [там же].

в) *иммунитет как деятельность человека:*

Immune system attacks your healthy cells [там же].

г) *иммунитет как война и военные действия:*

One treatment to help combat this is immunotherapy, a type of cancer treatment that helps strengthen patients' immune systems and fight off cancer [там же].

Дальнейший анализ семантики мифа об иммунитете позволил подразделить ФКС на следующие группы:

1. Прецедентный феномен, актуализирующийся с помощью аллюзии к художественному фильму. Например, аллюзия «The Invader»², которая ассоциируется с одноимённым бельгийским фильмом.

¹ Goldman B. Close Encounters. Stanford Medicine, 2013, vol. 30, no. 2. p. 14.

² Goldman B. The Invader. Stanford Medicine, 2020, vol. 37, no. 2. p. 14.

Главный герой, нелегальный иммигрант из Африки, сильный и харизматичный, Амаду (Amadou), оказывается выброшенным на берег на юге Европы. Судьба приводит его в Брюссель, где он начинает строить новую жизнь, возлагая на неё свои самые лучшие ожидания. Его эксплуатируют, и его иллюзии относительно Европы быстро рушатся. Он погружается в пучину насилия и беззакония. Так, и COVID-19 внедряется в клетки человеческого организма, как завоеватель, и разрушает органы.

2. **Прецедентное высказывание**, актуализирующееся с помощью цитаты известного деятеля, например, “Know your enemy” («Знай своего врага») [Goldman 2020: 14]. Данная цитата принадлежит военному китайскому стратегу Сунь-Цзы (VI–V века до н. э.). Сегодня, когда COVID-19 распространился по всему миру, величайшая армия ученых-медиков, стремится как можно быстрее изучить все, что может быть связано с вирусом, вызвавшим пандемию.

Таким образом, прагматическая цель мифа об иммунитете в научно-популярном медицинском дискурсе сконцентрирована на фиксации и популяризации научного знания. Миф об иммунитете обладает лингвистическими и экстралингвистическими свойствами. Экстралингвистические свойства представляют собой установку на передачу читателю обобщённого научного знания. В свою очередь лингвистические свойства характеризуют стремление автора передать оригинальность исследования.

Феноменологические и лингвистические когнитивные структуры, которые репрезентируют миф об иммунитете, актуализируются в медицинском научно-популярном тексте, мифологизируют медицинское знание, придавая ему, с одной стороны философский, с другой – занимательный характер.

Литература

Баранов А. Н. Словарь русских политических метафор. М.: Помовский и партнёры, 1994.

Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.

Уткина Т. И. Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе: семиотический, когнитивно-коммуникативный, прагматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006.

Шишкина Е. В. Лингвистические особенности письменного медицинского научно-популярного дискурса как институциональной формы

взаимодействия (на материале немецкого языка) // Лингвистика и лингводидактика: вопросы теории и практики (апробация результатов исследований учёных Волгоградских вузов). Материалы региональной межвузовской научной конференции. Волгоград, 2017. С. 189–191.

Ярилин А.А. Иммуниетет // Большая российская энциклопедия. Том 11. Москва, 2008, С. 135.

MYTH ABOUT THE IMMUNITY IN POPULAR SCIENCE MEDICAL DISCOURSE

The article studies the myth of immunity in popular science medical discourse. It is shown that myths about immunity mold public consciousness and allow medical knowledge to be presented from an unexpected perspective. It is stated that the myth of immunity has linguistic and extralinguistic characteristics.

Key words: myth, immunity, medical discourse, semantics

Федоровская Виктория Олеговна

кандидат филологических наук, доцент
Первый Московский государственный медицинский университет
им. И. М. Сеченова Минздрава России
fedorovskaya_v_o@staff.sechenov.ru

ДИСКУРСИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ДЕКОНСТРУКЦИИ В ЯЗЫКЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ (на материале жанра ток-шоу)

В статье рассматривается фрагмент литературно-критического дискурса, формируемый на основе дискурсивных практик ток-шоу «Литературный квартет». Характеризуется используемая в ток-шоу дискурсивная стратегия деконструкции. Определяются средства ее вербализации.

Ключевые слова: язык литературной критики, ток-шоу, дискурсивная практика, дискурсивная стратегия деконструкции

Развитие медийного дискурса влечет за собой трансформацию дискурсивных практик в сфере литературной критики. Если в XIX в. основными формами ее репрезентации являлись критические статьи

в литературоведческих изданиях и периодической печати, то в XX в. литературная критика открыла для себя такие новые медийные пространства, как радио и телевидение, а в XXI в. – Интернет, что привело к усилению значимости устных форм репрезентации литературно-критических текстов. В конце XX – начале XXI в. значительное влияние на развитие устных форм репрезентации литературной критики в Германии оказало ток-шоу «Литературный квартет» («Das Literarische Quartett», 1988–2001 гг.), концепция которого была разработана ведущим критиком страны того периода Марселем Райх-Раницким по предложению Второго канала немецкого общественного телевидения ZDF. «Литературный квартет» стал прототипом медиаформата литературно-критического ток-шоу и с течением времени получил статус самой рейтинговой литературной программы на немецком телевидении. Популярность программы была обусловлена особой формой репрезентации литературной критики, которая являла собой увлекательное, полемичное обсуждение современной литературы на доступном для гетерогенной телезрительской аудитории уровне.

Изучение дискурсивных практик, реализуемых в ток-шоу «Литературный квартет», в данной работе осуществляется с опорой на метод Венской школы дискурса, позволяющий проследить три взаимодействующих между собой уровня дискурса: уровень содержания, уровень стратегий и уровень форм реализации [Wodak 1998: 71]. Фрагмент литературно-критического дискурса, формируемый дискурсивными практиками ток-шоу «Литературный квартет», создавался взаимодействием различных групп акторов, включающих литературных критиков, ученых-литературоведов, писателей, журналистов.

Анализ уровня содержания позволяет выделить ряд существенных характеристик данного фрагмента дискурса. Тематикой ток-шоу являлось критическое обсуждение новинок книжного рынка, включавших, как правило, произведения современных авторов. Оценка произведения осуществлялась исходя из аксиологических критериев – таких, как целостность произведения, динамичность повествования, убедительность персонажей, инновационность, самобытность и уместность использования языковых средств, актуальность, наличие у автора способностей лирика / рассказчика, творческое развитие автора, эмоциональное воздействие произведения на читателя.

Адресатами высказываний участников ток-шоу являлись представители неоднородной аудитории, включавшей наряду с экспертами

в области литературоведения малоподготовленных телезрителей. Усиление интереса к современной литературе у этой категории адресатов Райх-Раницкий считал одной из основных целей ток-шоу. Следуя традициям Просвещения, Райх-Раницкий видел в литературном критике воспитателя, педагогические усилия которого должны быть направлены на читателей и заключаться в формировании у них представления о том, что может считаться качественной литературой [Reich-Ranicki 1992: 56]. Реализации соответствующей цели должны были способствовать однозначность оценочных суждений и их понятность для гетерогенной аудитории. Оптимальной формой диалогического взаимодействия в этой связи становилась полемика.

Проявление лояльности в отношении авторов произведений Райх-Раницкий считал нецелесообразным. На стратегическом уровне данный подход находил отражение в использовании дискурсивной стратегии деконструкции. Под стратегией в контексте анализа дискурса понимается направленный на достижение определённой цели план действий, которые могут быть как осознанными, так и в известной мере автоматизированными [Wodak 1998: 75]. Стратегия деконструкции получает вербальную экспликацию путем дискредитации, объектом которой в исследуемом фрагменте дискурса выступают: 1) обсуждаемые произведения, 2) их авторы. Под дискредитацией вслед за А. В. Ленец и Д. С. Сергеевой понимается «негативное воздействие на достоинство личности, подрыв доверия к ней, умаление ее авторитета и значения» [Ленец и др. 2018: 103]. Рассмотрим некоторые типичные для «Литературного квартета» способы вербализации стратегии деконструкции.

Распространенным видом оценочных суждений являются ассертивные высказывания с прямой авторизацией, выражающейся в использовании личного местоимения *ich*: *Wozu soll ich eigentlich ein Buch über Kalkutta lesen? Mich persönlich interessiert Kalkutta überhaupt nicht!* (über „Zunge zeigen“ von G. Grass). В целом эксплицитная авторизация снижает категоричность высказываний, поскольку переводит утверждаемое с уровня абсолютно достоверного на уровень лично утверждаемого конкретным лицом [ср. Дмитриева и др. 2019: 141]. Однако в контексте полемики «Литературного квартета», направленной в том числе и на усиление роли критика в литературном процессе, прямая авторизация высказываний как способ актуализации личной позиции может рассматриваться как средство усиления категоричности высказываний.

Самопозиционирование критиков в качестве экспертов сочетается с тактикой инвективы в отношении авторов рецензируемых произведений, целью которой является оскорбление, унижение противника [Ленец и др. 2018: 104]. Средствами реализации тактики являются субъективно-оценочные языковые средства:

- используемые в уничижительном значении указательные местоимения и определенные артикли в сочетании с именами собственными:

„Was ist mit diesem Grass los? ... Er kann ja kein Thema finden, der Grass, ist er „ausgeschrieben“? (über „Zunge zeigen“ von G. Grass).

- вежливое обращение *Herr*, используемое в уничижительном значении в отношении не присутствующего на ток-шоу лица (автора книги):

„Glauben Sie, Herr Steidl hat das gemacht, ohne Herrn Grass zu fragen?“
 „Ach, wir sind schuld, weil wir Herrn Grass angeregt haben, dieses Buch zu schreiben?“ (über „Ein weites Feld“ von G. Grass).

- сниженная лексика:

Er kann viel, dieser Martin Walser, erzählen kann er ums Verrecken nicht! (über „Ein springender Brunnen“ von M. Walser).

На уровне средств образности тактику инвективы реализуют:

- пейоративно окрашенные эпитеты:

„erbärmliches Buch“ (über „Kalypso“ von M. Köhlmeier),
 „miserable Literatur“ (über „Mein Jahr in der Niemandsbucht“ von P. Handke),
 „wertlose Prosa“ (über „Ein weites Feld“ von G. Grass).

- мелиоративно окрашенные эпитеты как средство выражения иронии или сарказма:

Wer ist der größte, der bekannteste, der berühmteste deutsche Schriftsteller heute unter den Lebenden? Ich glaube, nach wie vor Günter Grass (über „Zunge zeigen“ von G. Grass).

В приведенном примере используется прием градации – перечисление эпитетов, выраженных прилагательными в превосходной степени. В контексте разгромной критики в адрес Гюнтера Грасса мелиоративные эпитеты приобретают уничижительное значение и становятся средством выражения сарказма.

- сравнения:
Also, Herr Grass ist groß genug, dass er nicht wie ein Papagei wartet, was die Kritiker sagen, um ein Buch zu schreiben (*über „Ein weites Feld“ von G. Grass*).
- метафоры:
ich finde dieses Buch eine Beleidigung (*über „Die Gunnar-Lennefsen-Expedition“ von K. Schmidt*).
- гиперболы:
...das ist ein Buch, das total wertlos und langweilig ist ... Von der ersten bis zur letzten Zeile“ (*über „Ein weites Feld“ von G. Grass*).

Представленные примеры, разумеется, отражают лишь часть спектра средств, которые участники «Литературного квартета» используют для реализации стратегии деконструкции, привнося в ток-шоу элемент зрелищности. В дискурсивном пространстве, формируемом ток-шоу, языковые средства разных уровней функционируют в тесной взаимосвязи друг с другом. Их рекуррентное использование способствует трансформации дискурсивных практик в языке литературной критики.

Литература

Дмитриева М. Н. Особенности коммуникативных стратегий аргументации и адресации в научном тексте // М. Н. Дмитриева, С. Т. Нефедов // Германистика 2019: пове et pova: материалы Второй международной научно-практической конференции. Москва: Изд-во МГЛУ, 2019. С. 139–143.

Ленец А. В. Языковая манифестация коммуникативной стратегии дискредитации как способа конструирования имиджа политика в виртуальном пространстве (на материале предвыборных твитов Д. Трампа) / А. В. Ленец, Д. С. Сергеева // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. No 52. С. 98–111. DOI: 10.17223/19986645/52/6.

Das Literarische Quartett: Gesamtausgabe aller 77 Sendungen von 1988 bis 2001/ P. Just, P. Pfitzenmeier, N. Uther (Hg.). Berlin: Directmedia Publishing, 2006. In 3 Bd.

Reich-Ranicki M. Der doppelte Boden. Gespräch mit Peter von Matt. Zürich: Ammann Verlag, 1992.

Wodak R. Zur diskursiven Konstruktion nationaler Identität / R. Wodak., R. de Cillia, M. Reisigl, K. Liebhart, K. Hofstätter, M. Kargl. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1998.

DISCURSIVE STRATEGY OF DECONSTRUCTION IN THE LANGUAGE OF LITERARY CRITICISM (based on the material of the talk show genre)

The paper deals with the discourse fragment of literary criticism, formed on the basis of the discursive practices of the Literary Quartet talk show. The discursive strategy of deconstruction used in the talk show is characterized. The means of its verbalization are identified.

Key words: language of literary criticism, talk show, discursive practice, discursive strategy of deconstruction

Цветаев Егор Юрьевич

аспирант

Московский государственный лингвистический университет

yegortsветаev@gmail.com

МОДЕЛЬ ДИСКУРСА ПРЕДВЫБОРНЫХ ТЕЛЕДЕБАТОВ

В исследовании выявляется и анализируется лингвокогнитивная модель дискурса предвыборных теледебатов, а также характерные для неё параметры и их варьирование во Франции и США на материале президентских дебатов 2017 и 2020 годов соответственно.

Ключевые слова: дискурс теледебатов, критические дискурсивные исследования, теория дискурса, когнитивная лингвистика, корпусная лингвистика

В последние годы многие исследователи из различных областей гуманитарного знания обращают внимание на рост недоверия в странах Западной Европы и Северной Америки к демократическим институтам и политическому процессу как таковому. Так, по замечанию Дальгрена, «недоверие к политике и СМИ преследуют человечество на протяжении всей истории, но можно утверждать, что в наши дни это недоверие достигло невиданных ранее масштабов» [Dahlgren 2018: 25].

Начиная с 1970-х годов многие исследователи отмечали рост недоверия к власти среди населения США и стран Западной Европы. В 1990-е годы исследования, проведённые в ряде западных демократий, показали падение уровня политической вовлечённости со стороны населения. Оно связывалось с ростом чувства бессилия и только

усугубилось неудовлетворительной реакцией на это явление со стороны правящих элит. Доверие к привычным политикам, партиям, СМИ и политической системе в целом было подорвано. Затем, в начале XXI века, исследователи констатировали умеренный рост доверия, но деятельность и всплеск популярности правопопулистских движений со временем вновь ухудшили положение вещей [Dahlgren 2018].

Этот кризис доверия, его индивидуальные проявления в отдельных странах привлекли внимание и исследователей языка. Особую роль представители самых различных направлений языкознания уделяли и продолжают уделять с возрастающим интересом языку предвыборных теледебатов, которые, по мнению ряда исследователей, являются крайне информативными, поскольку позволяют понять ценностные ориентиры политиков и представляемых ими сил. Это связано с тем, что в процессе дебатов есть возможность выявить те коммуникативные стратегии, которые кандидаты считают наиболее эффективными для обращения к потенциальным избирателям с целью постулирования ценностей, которые должны убедить их отдать за них голос [Boyd 2013: 299–301].

При том, что в политической лингвистике существуют исследования предвыборных дебатов из разных западных демократий, на наш взгляд две из них, Франция и США, представляют особый интерес при анализе проявлений кризиса доверия в отношении демократических институтов в политическом дискурсе. Это связано с тем, что каждая из них, с одной стороны, разделяет выделенные нами проблемы, а с другой имеет крайне различные политические традиции и институты. И Франция, и США во многом задают тон коммуникации между политиками накануне выборов в демократических странах, а предвыборные теледебаты в обеих государствах подвергаются лингвистическому анализу с 1960-х годов с самых различных точек зрения.

Выбор именно этого типа политической коммуникации для анализа позволяет обработать обширный языковой материал с учётом впечатляющего количества методологических наработок, и именно выявление сходств и различий между предвыборными теледебатами во Франции и США представляет собой цель настоящего исследования. Более того, для отслеживания наиболее актуальных тенденций в динамике языковых изменений лингвокультурных характеристик дискурса предвыборных теледебатов мы обращаемся к наиболее актуальному материалу для сравнительного анализа. В случае с США это речь

кандидатов на пост президента Джо Байдена и Дональда Трампа во время предвыборных теледебатов, прошедших накануне президентских выборов 2020 года. В случае с Францией материалом для исследования стали предвыборные теледебаты 2017 года между Эммануэлем Макроном и Марин Ле Пен.

Описанный выше кризис доверия привёл также к появлению лингвистических теорий дискурса, в частности – критических дискурсивных исследований, КДИ, а несколько позже на политический дискурс обратили внимание и сторонники когнитивного подхода к языку. Эти методы доказали свою продуктивность при анализе различного языкового материала, приводя к конкретным выводам о том, как политическая борьба находит отражение в языке и о том, следствием каких социальных процессов является. Однако, именно предвыборные теледебаты, хоть и анализированные ранее через призму КДИ и когнитивной лингвистики, во многом остались в тени других видов политической коммуникации.

Нам представляется, что использование этой оптики, которая ранее нечасто, но успешно применялась для анализа предвыборных теледебатов, в сочетании с методами корпусной лингвистики и теми наработками, которые уже фигурировали в трудах исследователей, обращавшихся к языку теледебатов, позволит прийти к более глубокому пониманию наблюдаемого кризиса доверия. В рамках настоящего исследования мы предпринимаем попытку выявить лингвокогнитивную модель дискурса (ЛКМД) предвыборных теледебатов Франции и США через анализ корпуса текстов на предмет ряда параметров, основываясь на уже проведённых исследованиях языка теледебатов.

Из исследований, не связанных с КДИ и когнитивной лингвистикой, мы привлекаем в качестве параметров вежливость, косвенное или прямое обращение к сопернику [Sullet-Nylander, Roitman 2016], употребление местоимений «я» или «мы», число раз, когда оппоненты берут слово заново, предпочтение говорить о своих достижениях или о провалах соперника, оспаривание фактов или того, как их воспринимает собеседник, степень персонализированности, перебивание одного кандидата другим и склонность к обсуждению регламента самих дебатов, а также адресность речи собеседников и степень их полемичности. Привлечённый корпус текстов был проанализирован нами на предмет наличия и интенсивности проявления этих параметров.

КДИ же, по замечанию Т. ван Дейка, «располагают большим количеством разных методов изучения в зависимости от цели исследования», склонны к «методологическому плюрализму», в частности к прагматическому, стилистическому и риторическому анализу, которые другими исследователями привели к получению тех параметров, которые мы перечислили выше [ван Дейк 2013: 20–21]. Для нашего исследования, однако, принципиальной является не та совокупность методов или способов, которые являются традиционными для КДИ, а свойственная КДИ-анализу фокусировка «на таких системах и структурах дискурса, которые могут зависеть или изменяться как функция соответствующих социальных условий использования языка, или которые могут содействовать определённым социальным последствиям дискурса, например, влияние на социальные убеждения и действия реципиентов» [ван Дейк 2013: 22].

Когнитивные исследования политического языка в свою очередь не обошли дискурс предвыборных теледебатов стороной. Анализ реализации моделей строгого отца и заботливого родителя в этом дискурсе позволил наглядно показать возможности теории Дж. Лакоффа, выявившего эти модели, для характеристики происходящих в политической жизни США процессов [Boyd 2013]. В связи с этим мы привлекли результат анализа корпуса текстов на предмет наличия маркеров этих моделей чтобы показать различия в интенсивности их проявления в дискурсе теледебатов США и Франции.

Проведённое исследование позволило заключить, что на основании анализа отобранного языкового материала можно говорить о наблюдаемости специфической ЛКМД предвыборных теледебатов с рядом характерных параметров. Также удалось заключить, что во Франции и США эта ЛКМД варьируется под влиянием экстралингвистических факторов, связанных с особенностями политических, культурных и общественных процессов в этих странах.

Литература

- ван Дейк Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации: пер. с англ. М.: Либриком, 2013.
- Boyd M. S. Reframing the American dream: Conceptual metaphor and personal pronouns in the 2008 US presidential debates // *Analyzing Genres in Political Communication: Theory and practice. Journal of Language and Politics*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co., 2013. № 50, P. 297–320.

Dahlgren P. Media, Knowledge and Trust: The Deepening Epistemic Crisis of Democracy // *Javnost-The Public*. Ljubljana: EURICOM, 2018. Vol. 25, № 1–2. P. 20–27.

Sullet-Nylander F., Roitman M. “Mais vous avez tout à fait raison M. le Premier ministre” Termes d’adresse et débats politiques télévisés de l’entre-deux-tours (1974–2012) // *Pragmática Sociocultural/Sociocultural Pragmatics*. Berlin: De Gruyter, 2016. № 4. P.1–24.

TELEVISED DEBATES DISCOURSE MODEL

The study describes the televised election debates discourse in terms of Linguo-Cognitive Discourse Model as well as deals with the particular cases of France and USA, where two different variations of the said Model appear.

Key words: televised debates discourse, critical discourse studies, theory of discourse, cognitive linguistics, corpus linguistics

СЕКЦИЯ VI. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анищенко Алла Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет
allan031@yandex.ru

Ларина Татьяна Сергеевна

преподаватель
Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
t.larina@my.mgimo.ru

ВОЛИТИВНЫЕ МЕЖДОМЕТИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

В статье предпринимается попытка определить место волитивных междометий в системе речевых актов. Выделяются такие особенности волитивных междометий, как интенциональность, конвенциональность, наличие конкретного адресата.

Ключевые слова: коммуникативно-прагматическая парадигма, междометия, волитивные междометия, теория речевых актов

История изучения междометий, берущая начало еще в I в. до н. э., обнаруживает различные подходы к пониманию сущности исследуемых единиц и определению границ данной категории, статуса междометий в системе языка, а также их роли в коммуникации. Анализируя структуру, семантику и прагматику междометий под различным углом зрения, лингвисты приписывают им широкие возможности [Анищенко 2006]. Обобщая данные исследований, можно говорить о выделении в лингвистике четырех семантико-функциональных типов междометий – эмоциональных, повелительных (волитивных / императивных),

контактоустанавливающих (фатических), а также звукоподражаний. При этом, общими критериями отнесения к категории междометий являются морфологическая неизменяемость, синтаксическая изолированность и десемантизация производных единиц. Однако одно лишь деление междометий на лексико-грамматические разряды не позволяет выявить коммуникативную природу этих единиц и рассмотреть специфику их использования в речевом процессе.

В рамках данного исследования интерес представляют волитивные междометия немецкого языка, характеристика их потенциала при реализации речевых актов побуждения. Под волитивными междометиями понимаются неизменяемые единицы, выполняющие в коммуникации импрессивную функцию (воздействие на состояния адресата, в качестве которого может выступать как человек, так и животное). В немецком языке традиционно выделяют следующие семантические группы волитивных междометий (ср. *нем.* Aufforderungswörter, Aufforderungssingale, Appellinterjektionen, Signalwörter, Zurufe, imperativische Interjektionen, stimulierende Interjektionen):

- привлечение внимания или установление контакта (*he, heda, holla, hallo, ahoi* и др.);
- призыв / требование сохранять тишину, покой (*pst, pss, pscht, st, sch* и др.);
- призыв / требование приблизиться, удалиться, изменить положение в пространстве (*sch, ksch, husch, husch, dalli; put, put, hü, hottehü, har, wis, hott, huf* и др.);
- команды при выполнении различных действий (*hau ruck, ho ruck, zack* и др.).

В последние годы появились работы, исследующие междометия с коммуникативно-прагматической точки зрения. В них авторы отказываются от традиционного толкования междометий с позиции части речи и выводят их на уровень высказывания на основании признака коммуникативной автономности, т.е. способности выступать в качестве отдельного сообщения. Так, например, А. Г. Кюрегян группирует волитивные междометия в рамках одного функционально-семантического класса побудительных стереотипных коммуникативов – неизменяемого, порождаемого в диалогическом тексте класса слов, утративших первоначальную номинативную функцию, которые, включаясь в модальную сферу побуждения, выражают с помощью соответствующей интонации разные оттенки волеизъявления [Кюрегян 1990: 9].

Несмотря на то, что эквивалентность междометий высказываниям очевидна, дискуссионным, однако, некоторое время оставался вопрос не только о том, какие типы речевых актов реализуют междометия, но и о принципиальной возможности рассматривать междометия как речевые акты. Так, например, А. Вежбицкая, объединяя эмотивные, когнитивные и волитивные междометия как языковые знаки, выражающие текущее ментальное состояние говорящего, в работе «Семантические универсалии в описании языков» (1999) высказывает мнение, что междометия не являются речевыми актами ввиду того, что не имеют иллокутивной силы (не включают в себя компонент «я говорю...» или «я говорю это, потому что...») [Вежбицкая 1999: 615]. Чтобы ответить на вопрос, возможно ли рассматривать волитивные междометия как реализацию речевого акта, необходимо идентифицировать в нем три основные составляющие речевого акта:

- 1) локуцию (произнесение высказывания, обладающего не только фонетической, лексико-грамматической и семантической структурами, но и значением);
- 2) иллокуцию (реализацию определенного коммуникативного намерения);
- 3) перлокуцию (воздействие на сознание или поведение адресата, изменение сложившейся ситуации и создание новой ситуации).

Например, при произнесении волитивного междометия *psst* в сознании коммуникантов актуализируется призыв вести себя тихо / тише (локутивный акт). Значение данного междометия известно носителям немецкоязычных лингвокультур, что обуславливает конвенциональность его использования. Оно может быть заменено семантической формулой «*sei still / тише*», которая обладает иллокутивной силой «*я говорю это, так как хочу, чтобы вы замолчали / вели себя тихо*», следовательно, преследуемая иллокутивная цель – призыв к тишине (иллокутивный акт).

Проблема наличия перлокутивного эффекта, о которой можно говорить в случае эмоциональных междометий, не всегда предполагающих наличие адресата, в случае с волитивными единицами снимается, поскольку их использование в речи непременно подразумевает наличие адресата, который должен совершить / не совершить некое действие.

Необходимо отметить, что основным признаком иллокутивного акта является его иллокутивная цель – цель, которая в соответствии с интенцией адресанта должна быть распознана адресатом.

В силу разнообразия коммуникативных намерений в человеческой речевой деятельности разновидности речевых актов многочисленны. Дж. Серль выделяет репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы, декларативы. Поскольку волитивные междометия выражают определенные волеизъявления, желания, то, логично было бы относить волитивные междометия к разряду директивов, ведь в самом общем виде директивный речевой акт определяется как выражение волеизъявления говорящего, направленное на каузацию деятельности адресата. Особенностью реализации директивного речевого акта посредством волитивных междометий являются его конвенциональность и характер каузируемого действия – срочное, однократное и безусловное [Шкапенко 125].

Таким образом, междометия предстают как комплексный феномен, требующий дальнейшего всестороннего анализа с различных точек зрения и с учетом всех структурных, семантических и функциональных особенностей. Отличительными характеристиками волитивных междометий, наделяющими их иллокутивной силой и обеспечивающих отношение их к директивным речевым актам, является их интенциональность и наличие конкретного адресата. Коммуникативно-интенциональное содержание интеръекционных высказываний отражает их иллокутивную функцию и обуславливает их место в системе речевых актов.

Литература

Анищенко А. В. Функциональный аспект междометных единиц: на материале современной австрийской художественной литературы: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева; под ред. Т. В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999.

Кюрегян А. Г. Функционально-семантический класс побудительных стереотипных коммуникативов диалогического текста (на материале современного французского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.

Шкапенко Т. М. Основы интеракционно-прагматической теории междометия: монография / Т. М. Шкапенко. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2017.

VOLITIVE INTERJECTIONS IN THE CONTEXT OF SPEECH ACT THEORY

In the paper an attempt is being made to determine the place of volitive interjections in the system of speech acts. Such features of volitive

interjections as intentionality, conventionality, and the presence of a specific addressee are being highlighted.

Key words: communicative-pragmatic paradigm, interjections, volitive interjections, speech act theory

Бабенко Наталья Сергеевна

кандидат филологических наук
Институт языкознания РАН
babenkons@yandex.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ «ПОСЛАНИЯ О ПЕРЕВОДЕ» М. ЛЮТЕРА В ТРАКТОВКЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИСТИКИ

Историография языковой деятельности М. Лютера показывает, что его текст «Послание о переводе» считается программным сочинением, на основании которого делаются далеко идущие выводы относительно степени влияния реформатора на развитие немецкого литературного языка. В работах современных германистов ряд мифологем подвергается основательному пересмотру.

Ключевые слова: раннее Новое время, языковая культура, лингвоцентричный дискурс, коммуникативная история немецкого языка

500-летие Реформации, широко отмечавшееся во всем мире в 2017 году [Kulturelle Wirkungen 2018], стало мощным стимулом для определения новых перспектив изучения эпохи, отмеченной многообразными процессами общественно значимых преобразований, связанных с реформаторским движением и ролью М. Лютера.

Историография языковой деятельности М. Лютера показывает, что его текст «Послание о переводе» считается программным сочинением, на основании которого делаются далеко идущие выводы относительно степени влияния реформатора на развитие немецкого литературного языка. В работах современных германистов ряд мифологем подвергается основательному пересмотру.

Для рассмотрения на материале текста М. Лютера «Послание о переводе» (1530) предлагается комплекс историко-филологических

проблем, которые открываются в связи с появлением новых подходов к изучению истории немецкого языка как истории коммуникативных отношений, складывавшихся в раннее Новое время в условиях расширения социокультурных функций этнических языков европейских стран. В современных исследованиях [Schneiders 2012; Kotin 2018; Ромашко 2017; Бабенко 2020], посвященных языковой деятельности М. Лютера, наблюдается интенсивное накопление и расширение знаний о разных аспектах его языковой культуры. Вместе с тем происходит некоторая переоценка прежних представлений о М. Лютере как языковой личности. При этом речь идет не о пересмотре выдающейся роли М. Лютера в истории немецкого языка, которая никоим образом не подвергается сомнению, а о несколько иной расстановке акцентов в оценках, о конкретизации, комментировании и интерпретации текста «Послания о переводе» с позиции новых историко-филологических и лингвистических знаний.

Переводческая проблема стоит, судя по названию Послания, в центре внимания его автора, однако эта отсылка к практикам перевода, и острота высказываний Лютера по поводу упреков католических теологов и переводчиков в том, что он существенно исказил смысл библейского текста, не исчерпывают всего многообразия поднимаемых автором вопросов лингвистического характера, имеющих прямое отношение к формированию узуса общедоступного немецкого языка. Послание относится к разряду сопроводительных текстов (Begleittext), его смысл должен был заключаться в обосновании новых принципов перевода, что и стало ведущим мотивом многих историографических работ, посвященных Посланию и его роли в развитии теолого-переводческой практики. Однако в тексте Послания теологические аргументы теснейшим образом переплетаются с филологическими и лингвистическими.

Комментируя частные примеры, связанные с контекстами употребления немецкого *allein* (лат. *sola*) – ограничительной частицы с положительной семантикой – и развивая дискурс на тему уместности ее появления при переводе сакрального текста с латинского языка на немецкий, Лютер формулирует обобщения, которые, по его убеждению, должны были бы означать поворот в переводческой практике библейских текстов. Действительно, именно лютеровские переводческие принципы стали доминирующими не только в издательских центрах

на реформированных территориях, но и в католических изданиях Библии. Вместе с тем Послание Лютера оставляет множество вопросов относительно рефлексии автора по поводу языковых аспектов переводческой деятельности. Новые данные, полученные с помощью контрастивного анализа языковых фактов относительно аргументов Лютера в пользу добавления в перевод на немецкий язык библейского текста частицы *allein* («только»), отсутствующей в оригинале, показывают, что Лютер несколько преувеличил дискурсивную роль этой частицы как особого феномена в узусе общеупотребительного немецкого языка [Kotin 2018: 117].

Послание о переводе Лютера представляет собой неоднозначный по своей идеологии текст, в котором обнаруживается множество полемически резких, а также спорных, с точки зрения современных знаний об эпохе Реформации, суждений Лютера о переводческой практике и роли языкового фактора в ней. Некоторые сомнения в объективности вызывает в свете новых данных и ставшее знаменитым высказывание Лютера о том, что подлинную, ясную немецкую речь «надлежит [...] спрашивать [...] у матери в доме, у детей на улице, у простого человека на рынке [...] и примечать, что у них с уст слетает, да в согласии с этим и переводить, тогда и они поймут да заметят, что с ними по-немецки говорят (перевод дается по: [Ромашко 2017: 201]). Данный совет Лютера прост и не лишен некоторой иронии, поскольку формат обыденной речи сам по себе не мог обеспечить качественный перевод сакрального текста; для этого требовалось особое языковое мастерство, в отсутствии которого Лютер упрекал своих оппонентов, правда, не всегда заслуженно.

Лингвоцентрическая проблематика пронизывает весь небольшой по объему (40 00 00 слов) текст «Послания о переводе» М. Лютера [Schneiders 2012: 256]. Послание актуализирует полемику относительно форм существования немецкого языка и их использования в письменности; вводит в публичный дискурс идею о необходимости преодолеть влияние классических языков, прежде всего латыни, в письменности для расширения сферы массовой коммуникации; помещает в фокус внимания существование такой языковой реальности, как *Lutherdeutsch* – «личный» языковой опыт Лютера; фиксирует важный этап в истории немецкого языка, связанный с развитием форм языковой рефлексии и их отражением в публичном дискурсе XVI века.

Литература

Бабенко Н. С. «Послание о переводе» М. Лютера (1530) в двух аспектах истории немецкого языка: критика языка (Sprachkritik) и практика языка (Sprachgebrauch) // *Mit rade unde dade* : сборник научных статей к юбилею Екатерины Ричардовны Сквайрс. Москва: Макс Пресс, 2020. С. 17–29.

Ромашко С. А. Мартин Лютер. Послание о переводе (1530): Опыт комментированного перевода//Последователи Реформации и российское общество: пути совместного развития (к 500-летию Реформации). Общественная палата Российской Федерации. Заокский христианско-экологический Институт, 2017. С. 196–205.

Kotin M. Ex sola fide? Ein Beitrag zu linguistischen Aspekten der Diskussion in Luthers Sendbrief vom Dolmetschen aus der Sicht der modernen kontrastiven Linguistik//*Jahrbuch für germanistische Sprachwissenschaft*, 9. Berlin/Boston, De Gruyter. 2018. S. 106–116.

Kulturelle Wirkungen der Reformation. Cultural Impact of the Reformation/ Kongressdokumentation Lutherstadt Wittenberg, August 2017. Zwei Bde. Leipzig, Evangelische Verlagsanstalt. 2018.

Schneiders H.-W. Luthers Sendbrief vom Dolmetschen – Ein Beitrag zur Entmythologisierung//*Zeitschrift für Translation und Fachkommunikation (trans-kom)* 5, [2] (2012). S. 254–273.

THE LINGUISTIC AND CULTURAL POTENTIAL OF M. LUTHER'S EPISTLE ON TRANSLATION IN THE INTERPRETATION OF MODERN GERMAN STUDIES

Historiography of the language activity of M. Luther shows that his text “The Epistle on Translation” is considered a program work, on the basis of which far-reaching conclusions are made about the extent of the reformer's influence on the development of the German literary language. In the works of modern Germanists, a number of mythologemes are subjected to a thorough revision.

Key words: Early Modern times, language culture, linguocentric discourse, communicative history of the German language

Диденко Виктория Дмитриевна

преподаватель

Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
wikadidenko@gmail.com

**СТРАТЕГИЯ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ
УСТНЫХ ВОСПОМИНАНИЯХ**

Исследование посвящено языковым аспектам сохранения и формирования коллективной памяти лингвосоциума; на примере устных интервью-воспоминаний рассматриваются стратегии и тактики, целью которых является позиционирование исторического события.

Ключевые слова: устная история, коллективная память, речевые стратегии, стратегия позиционирования события

Технологический прогресс в области сбора и сохранения информации, а также естественное сокращение числа непосредственных свидетелей важных исторических событий прошедших десятилетий обусловили актуальность изучения устных воспоминаний как исторического источника. Интерес к устным воспоминаниям вызван не только их исторической, но и социокультурной ценностью. Все больше внимания уделяется устной истории (Oral History) и роли устных воспоминаний в формировании коллективной памяти нации как совокупности представлений о событиях прошлого, формируемых и принятых в рамках определенного лингвосоциума [Тивьяева 2018; Assman 2007; Andresen et al. 2015].

Устное воспоминание имеет определенную прагматическую направленность; оно социально и культурно детерминировано, отражает субъективное восприятие исторических событий отдельными представителями лингвосоциума. Материалом данного исследования стал корпус устных воспоминаний-интервью, собранный в рамках проекта, подведомственного государственному историческому фонду (Stiftung Haus der Geschichte der Bundesrepublik Deutschland), задачей которого является сбор и хранение устных воспоминаний свидетелей исторически значимых событий. В работе анализируются средства реализации

дискурсивных стратегий, нацеленных в конечном итоге на сохранение важных исторических событий в коллективной памяти нации и на формирование определенного отношения к этим событиям.

Формированием корпусов устных воспоминаний мы обязаны устной истории – научной дисциплине и социальной технологии изучения устных воспоминаний как исторических источников. В процессе сбора устных воспоминаний исследователям приходится учитывать следующие факторы: современные социокультурные установки, относительную неподготовленность речи, высокую степень персонифицированности текстов, обеспечение технического оснащения, неудобства, созданные наличием техники для видеофиксации во время интервью и др. Все эти нюансы могут как создавать помехи сбору достоверной информации, так и служить инструментами воздействия на зрителя.

Чтобы проанализировать, каким образом устные воспоминания воздействуют на реципиента, мы обратились к речевым стратегиям и тактикам. Любая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели [Иссерс 2002]. Основной коммуникативной целью устного воспоминания является передача информации будущим поколениям (*какую информацию необходимо передать*). Рассматриваемая нами стратегия позиционирования события «работает» с фокусом внимания реципиента и преследует следующие цели: определение места события в коллективной памяти нации (*насколько важна передаваемая информация*) и формирование его оценки (*как реципиент должен воспринять передаваемую информацию*).

Очевидно, что эта стратегия реализуется не только непосредственно в устных воспоминаниях-интервью их участниками, но и при работе с собранным материалом. Об этом свидетельствует рубрикация сайта, а также количественное преобладание видеоматериалов по некоторым темам. На сайте zeitzeugen-portal.de представлено 962 видео разной продолжительности, среди которых количественно лидируют видеоматериалы (далее в скобках даны раздел и количество видеофрагментов), отражающие такие события и исторические эпохи, как Эра Ульбрихта (*die Ära Ulbricht*) (387), возведение Берлинской стены (*der Bau der Mauer*) (121) и ее падение (*Mauerfall – der 9. November*) (181), Германское единство (*die deutsche Einheit*) (217), начало Второй мировой войны (*der Beginn des Zweiten Weltkriegs*) (94) и ее конец (*Niederlage und Befreiung*) (193), а также ее последствия (*Leben in den Trümmern*) (158).

Частотность упоминания событий отражает их общественную значимость и заостряет на них внимание зрителя. Позиционированию события в процессе интервью служат следующие тактики:

1. Тактика *акцентирования внимания на последствиях события*, задачей которой является формирование отношения к событию через оценку его последствий.

Реализация данной тактики достигается при помощи речевого хода «выражение чувств и эмоций в отношении последствий события». Например, г-н Глазер (Glaser), рассказывая о послевоенном времени, так описывает свое эмоциональное состояние:

das Glück, keine Sirenen mehr, kein Bombenangriff – «счастье, никаких сирен, никаких бомбардировок» (зд. и далее перевод наш. – *Прим. авт.*).

2. Тактика *сопоставления ценностей* призвана обратить внимание реципиента на событие с учетом общепринятых в современном лингвосоциуме представлениях о культурных ценностях.

Реализации данной тактики служат следующие речевые ходы:

– упоминание общепринятых ценностей, таких как СЕМЬЯ, ЧЕСТЬ, СВОБОДА и др. Говоря о возведении Берлинской стены, Рената Вайс (Renate Weiss) подчеркивает трагичность ситуации, в которой разлучались целые семьи:

wir konnten doch zu unseren Familien nicht mehr... mussten wir uns alle verabschieden voneinander, mit Tränen in den Augen – «мы больше не могли попасть к нашим семьям... нам пришлось попрощаться друг с другом, со слезами на глазах».

– выражение сомнения или негативного предчувствия. Рассказывая о своих впечатлениях о начале войны, г-н Дирламм (Dierlamm) говорит о противоречиях, возникших в его сознании в то время и поставивших под сомнение его восприятие события: с одной стороны, это радость началу войны, казавшейся 12-летнему подростку интересной и захватывающей; с другой стороны, это подсознательный страх войны:

ich hatte ab und zu gleich ein unwohles Gefühl, ich war 12 Jahre alt, es war interessant, ein Krieg bricht aus. Auf der anderen Seite, hat man schon eine gewisse Vorstellung, was der Krieg bedeutet – «в то же время у меня периодически возникало нехорошее чувство, мне было 12, было интересно, начинается война. С другой стороны, имелось уже определенное представление о том, что означает война».

– противопоставление взглядов на описываемое событие тогда и сейчас. Так, говоря о своей реакции на падение Берлинской стены (ощущение сомнения и угрозы), г-жа Йенч (Jentsch): подчеркивает, что речь идет именно о ее восприятии тогда, которое отличается от восприятия сейчас:

Wir reden jetzt von damaliger Zeit, jetzt würde ich mich anders ausdrücken. – «Мы сейчас говорим о том времени, сейчас бы я высказалась иначе».

3. Тактика *дискредитации участников событий*, целью которой является позиционирование события с негативной точки зрения, путем подрыва авторитета причастных лиц.

Для данной тактики наиболее характерен речевой ход «оценка участников событий». Например, в своих воспоминаниях г-жа Вайскопф (Weißkopf) описывает отношение людей к солдатам штурмовых отрядов:

die SA hielt man für grässliche Leute – «штурмовиков (от *Sturmabteilung* – SA) считали ужасными людьми»;

4. Тактика *похвалы участников событий* призвана создать положительный образ события через формирование позитивного отношения к его участникам и их действиям.

Типичными речевыми ходами данной тактики являются:

– выражение одобрения действий участников, например политиков. Например, г-н Карасек (Karasek) одобряет действия первого канцлера ФРГ, Конрада Аденауэра:

die Westanbindung ist eine ungeheure Leistung – «западная интеграция – это невероятное достижение».

– причисление к группе «своих» усиливает позитивное восприятие события и заставляет зрителя сопереживать свидетелям, таким как г-жа Москини Дюбуа (Moschini Dubois), описывающей атмосферу после падения Берлинской стены:

das Gefühl „das Unmögliche ist möglich“, die Menschen können ohne Waffen was schaffen und diese Menschen sind wie du – «ощущение “невозможное возможно”, люди могут чего-то добиться без оружия и люди эти такие как ты».

Таким образом, стратегия позиционирования события имеет цель определить место события в коллективной памяти нации, закрепить

его в памяти, что достигается при помощи различных речевых ходов, общей задачей которых является смещение фокуса внимания рецепиента на событие, его участников и последствия. Необходимо отметить, что особенностью устных воспоминаний является как их современная социокультурная обусловленность с одной стороны, так и их ретроспективная направленность, с другой стороны. Кроме того, устные воспоминания являются носителями культурных смыслов и информации об исторических событиях, а значит являются отражением ценностей своего времени. Это позволяет говорить об устных воспоминаниях как ценном для формирования национальной идентичности источнике.

Литература

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Москва: Едиториал УРСС, 2002.

Тивьяева И. В. Фиксация и трансляция индивидуальной памяти средствами естественного языка. Москва: Флинта, 2018.

Andresen K., Apel L., Heinsohn R. Es gilt das gesprochene Wort: Oral History und Zeitgeschichte heute // Es gilt das gesprochene Wort. Oral History und Zeitgeschichte heute. Göttingen: Wallstein, 2015. S. 7–22.

Assman A. Geschichte im Gedächtnis. Von der individuellen Erfahrung zur öffentlichen Inszenierung (Krupp-Vorlesungen zu Politik und Geschichte am Kulturwissenschaftlichen Institut im Wissenschaftszentrum Nordrhein-Westfalen. Band 6). München: Beck, 2007.

HISTORIC EVENT POSITIONING STRATEGY IN GERMAN ORAL MEMORIES

The research is dedicated to the issue of preserving and forming the collective memory of the linguistic society; on the example of oral memories, strategies and tactics are considered, the purpose of which is positioning of a historical event.

Key words: oral history, collective memory, speech strategies, event-positioning strategy

Гусева Алла Ефимовна

доктор филологических наук, профессор
Московский государственный областной университет
angst51@rambler.ru

Мальцева Лилия Геннадьевна

аспирант
Московский государственный областной университет
lilsay@mail.ru

СИНОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ (на примере лексико-фразеологического поля «Общение»)

В настоящем исследовании рассматриваются синонимические парадигматические отношения фразеологизмов на примере лексико-фразеологического поля «Общение» в английском, немецком и русском языках. Выявляются и систематизируются формальные признаки фразеологической синонимии.

Ключевые слова: парадигматические отношения, синонимия, фразеологический синоним, лексико-фразеологическое поле

Парадигматические отношения как наиболее важные связи лексических единиц в их основной номинативной функции для отражения действительности организуют словарный состав языка в сложную семантическую систему [Кузнецова 1989: 32].

При проявлении парадигматических отношений единиц лексикона, объединенных в лексико-фразеологическом поле (далее – ЛФП), одна и та же языковая единица может параллельно входить в различные лексико-семантические парадигмы, что отражает отсутствие однолинейности.

При исследовании ЛФП «Общение» на материале английского, немецкого и русского языков на предмет наличия в нем семантических категорий было выявлено функционирование основного типа парадигматических отношений – синонимии.

В данном докладе рассматриваются синонимические отношения фразеологизмов английского, немецкого и русского языков как одного из основополагающих типов парадигматических отношений на примере ЛФП «Общение».

Синонимия и, в частности, фразеологическая синонимия является одной из самых ведущих по распространенности и продуктивности семантических языковых категорий [Stepanova, Ćernyševa 2003: 200].

Существенный вклад в исследование фразеологической синонимии внесли такие отечественные лингвисты, как И. Б. Голуб [Розенталь, Голуб, Теленкова 2010], А. Е. Гусева [Гусева 2008], А. В. Кунин [Кунин 1996], И. И. Чернышева [Stepanova, Ćernyševa 2003] и др.

По определению А. Е. Гусевой, фразеологические синонимы – «фразеологические единицы, обладающие общей концептуальной соотносительностью, соотносимые, как правило, с одной частью речи и имеющие возможные различия в структурно-синтаксической организации, степени мотивировки значения, оттенках значения, характере контекстуальных связей, стилистической окраске и функционально-речевой сфере» [Гусева 2008: 27].

Комплексный анализ исследований в области фразеологических синонимов на базе рассматриваемых языков показал, что эталоном являются следующие критерии: принадлежность к одному и тому же концепту; соотносительность, как правило, с одной частью речи; наличие возможных расхождений в семантике и функционально-стилистической принадлежности.

Анализ ЛФП «Общение» показал наличие таких типов фразеологических синонимов в зависимости от следующих признаков: структурного, семантического и стилистического.

По структурному признаку фразеологические синонимы подразделяются на:

- 1) одноструктурные фразеологические синонимы, для которых характерна одинаковая схема построения;
- 2) разноструктурные фразеологические синонимы, у которых схема построения отличается.

По семантическому признаку фразеологические синонимы подразделяются на:

- 1) равнозначные фразеологические синонимы, которые различаются по структуре, лексическому составу и образности, но вместе с тем обозначают одно и то же понятие и имеют одну и ту же функционально-стилистическую характеристику;
- 2) идеографические фразеологические синонимы, различающиеся степенью интенсивности.

По стилистическому признаку фразеологические синонимы подразделяются на:

- 1) стилистические, которые называют одно и то же понятие, отличаясь друг от друга стилистической окраской и сферой употребления;
- 2) стилистико-идеографические, в которых присутствуют семантические и стилистические различия.

В исследуемом ЛФП «Общение» было выделено 10 синонимических рядов на материале английского, немецкого и русского языков.

Приведем примеры одного из микрополей (далее – МИП) макрополя (далее – МАП) ЛФП «Общение» на материале рассматриваемых языков:

МАП «Неформальное общение»

МИП «Спор, ссора»

Английский язык:

have an argument; have a quarrel; bandy / exchange words; raise a row; have a fight (AmE); split hairs; lock horns (with sb); be at each other's throats; give a mouthful (informal).

Немецкий язык:

mit j-m Streit bekommen; mit j-m in Streit geraten; mit j-m im Streit liegen; Krach machen; ein Konzert machen; sich um des Kaisers Bart streiten (ugs.); sich / einander in den Haaren liegen (ugs.); wie ein Brüllaffe schreien (ugs.); wie am Spieß schreien / brüllen (ugs.); schimpfen wie ein Rohrspatz (ugs.); den Mond anbellern (salopp).

Русский язык:

поссориться / рассориться в пух и прах; спорить до хрипоты; с жаром спорить; ломать копыта (*книжн., ирон.*), жить как кошка с собакой (*прост.*); биться об заклад (*разг.*); устроить сцену (*разг.*); скрестить шпаги (*разг. устар.*).

Компонентный состав синонимических рядов ЛФП «Общение» на материале трех рассматриваемых языков разнороден, в нём представлены фразеологические синонимы всех видов (одноструктурные и разноструктурные; равнозначные и идеографические; стилистические и стилистико-идеографические).

Особенностью данного поля является наличие значительного количества идеографических и стилистических фразеологических

синонимов. Сопоставление фразеологизмов английского, немецкого и русского языков выявило ряд общих черт, что позволяет утверждать, что фразеологическая синонимия – явление универсальное.

Литература

Гусева А. Е. Основы лингвокогнитивного моделирования лексико-фразеологических полей в немецком и русском языках: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Гусева А. Е. М., 2008.

Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М.: Высшая школа, 1989.

Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996.

Розенталь Д. Э. Современный русский язык/ Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. М.: Айрис-пресс, 2010.

Stepanova M. D., Černyševa I. I. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. M.: Akademia, 2003.

SYNONYMOUS RELATIONS OF THE PHRASEOLOGICAL UNITS OF ENGLISH, GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES (case study of the lexico-phraseological field “Communication”)

The paper discusses the synonymous paradigmatic relations of the phraseological units on the material of the lexico-phraseological field ‘Communication’ in English, German and Russian languages. Formal similarity criterion of the phraseological synonymy is identified and systematized.

Key words: paradigmatic relations, synonymy, phraseological synonym, lexico-phraseological field

Перова Екатерина Юрьевна

кандидат культурологии, доцент

Московский государственный лингвистический университет

eperova71@list.ru

ТЕОРИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК КОНТЕКСТ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА Р.-М. РИЛЬКЕ

В настоящее время в междисциплинарном научном пространстве активно обращаются к теории межкультурной коммуникации. Вместе с тем на уровне

поэтических текстов мировой величины могут преодолеваются национальная специфика и культурные различия.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; Россия и Германия; Р.-М. Рильке; наднациональное

Гуманитарная наука на современном этапе продолжает вектор развития от дисциплинарности к междисциплинарному подходу (частичной и интегративной междисциплинарности) и далее – к *topical interdisciplinarity* (актуальной междисциплинарности). При этом, с одной стороны, возникает необходимость привлечения социокультурного и исторического контекста для исследований в области лингвистики, например. С другой стороны, тот или иной научный подход может восприниматься как относительный (зависящий от исторической ситуации, например) и / или неполный.

Межкультурная коммуникация в этом отношении как академическая научная дисциплина востребована с 1954 г., с выходом книги Э. Холла и Д. Трагера «Культура как коммуникация». Позже появилась работа Э. Холла «Немой язык», 1959 г. На Западе изучение межкультурной коммуникации как учебной дисциплины было связано в первую очередь с прагматической необходимостью адаптации к условиям свободного перемещения и взаимодействия людей в рамках создания Европейского союза, в частности экономического компонента системы.

Этим отчасти была обусловлена схематичность в определении особенностей того или иного вида культуры и моделей их взаимодействия. Так, например, Россия и Германия «по параметрической модели Г. Хофстеде ... имеют разные позиции по всем культурным измерениям» [Куликова 2004: 52], что проявляется на речевом и ментальном уровнях. Конечно, по некоторым параметрам культуры России и Германии оказываются близкими, но в большинстве позиций заметно отличаются. И эти характеристики относятся ко внешнему взаимодействию представителей названных культур, скорее связывая модели поведения с принятыми правилами этикета, в том числе делового.

И в настоящее время межкультурная коммуникация востребована прежде всего при подготовке специалистов в сфере деловой коммуникации. Так, например, сравнивая поведение немцев и русских в данной области, исследователи отмечают, что «как носители индивидуалистских и коллективистских ценностных представлений, немцы и русские

по-разному ведут себя, сотрудничая в тех или иных структурах» и т. д. [Куликова 2004: 52].

Вместе с тем наряду с названной прагматической мотивацией для более проникновенного изучения культуры «Другого» необходимо расширять культурный контекст за счет привлечения классических текстов художественной литературы. Тем более поэтических, образность которых как правило преодолевает упрощенность любых схем.

Наследие Р.-М. Рильке сохраняет свою актуальность и значение для исследователей, представителей разных областей научного знания. Не случайно недавно закончилась реализация межкультурного проекта «Рильке и Россия», организованного учебными заведениями России и Германии в рамках Российско-германских образовательных партнерств 2018–2020 гг. В проекте был сделан акцент на «языковые средства выражения рефлексии русскими и немецкими ролевыми субъектами», при том, что «оценочные суждения сравниваются в межкультурном плане» [Кострова 2020: 101]. Проект разрабатывался на основе «знакомства с биографией Рильке, его перепиской с русской художественной интеллигенцией, его путешествием в Россию и интерпретацией его стихов...», в том числе обращались к аутентичным текстам начала XX века на немецком языке [Кострова 2020: 102–103].

Один из исследователей переписки известных русских поэтов и Р.-М. Рильке отмечает: «Австрийский поэт Рильке, русский поэт в эмиграции М. Цветаева и русский поэт советской эпохи Б. Пастернак оказались соединены» единым «культурным полем» [Субботина-Мегирянц 2000: 32–33]. И это было связано не столько со знанием русскими поэтами языка и культуры Германии, а Р.-М. Рильке России, ее языка и культуры, но с восприятием мира посредством образов и не поверхностным его видением. Так, одним из первых впечатлений Р.-М. Рильке при посещении России было следующее: «... в сумерках возвышались очертания храма, в тумане по сторонам его стояли паломники, ожидающие, когда откроются двери. Это необычайное зрелище потрясло меня до глубины души. Впервые в жизни мной овладело невыразимое чувство, что-то вроде чувства родины» [Рильке, URL]. М. Цветаева писала Рильке, что его «имя не рифмуется с современностью...». Через образ Орфея, который раскрывается в творчестве поэтов, и о котором встречаются слова в переписке, М. Цветаева, показывая принадлежность поэта к наднациональному, замечает: «Я не русский поэт и всегда недоумеваю, когда меня им считают и называют. Для того и

становишься поэтом чтобы не быть французом, русским и т. д.», и продолжает: «но в каждом языке есть нечто лишь ему свойственное, что и есть сам язык. Поэтому по-французски ты звучишь иначе, чем по-немецки... Немецкий глубже французского, полнее, растяжимее, темнее. ... Язык неблагодарный для поэтов – потому ты и стал писать на нем. Почти невозможный язык» [Рильке, URL].

У каждого из участников названной переписки был большой опыт поэтического перевода, – творчество, которое воспринималось как жизнь. М. Цветаева предворяла свой перевод отдельных писем Рильке следующими словами: «А сегодня мне хочется, чтобы Рильке говорил – через меня. Это, в просторечии, называется перевод. (Насколько у немцев лучше – nachdichten! Идя по следу поэта, заново прокладывать всю дорогу, которую прокладывал он. Ибо, пусть – nach (вслед), но – dichten! – то, что всегда заново. Nachdichten – заново прокладывать дорогу по мгновенно зарастающим следам). Но есть у перевода еще другое значение. Перевести не только на (русский язык, например), но и через (реку). Я Рильке перевожу на русскую речь, как он когда-нибудь переведет меня на тот свет» [Рильке, URL].

Творчество Р.-М. Рильке входит в золотой фонд мировой литературы и остается востребованным, и не только филологами, лингвистами, литературоведами, но и в контексте поиска более широких значений и универсальных смыслов.

На материале поэтического творчества названных авторов, их переписки, уточняющей оттенки восприятия лексических единиц языка и архетипов мировой культуры, можно рассмотреть потенциальное расширение возможностей взаимодействия, описанных в теории межкультурной коммуникации.

Литература

Кострова О. А. Рефлексивный дискурс в проектной деятельности: по итогам межкультурного проекта «Рильке и Россия» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26. № 3. С. 101–107.

Куликова Л. В. Особенности русско-немецкой коммуникации как отражение конфронтации национальных коммуникативных стилей // Вестник Воронежского государственного университета, Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2004. № 2. С. 52–60.

Райнер Мария Рильке, Борис Пастернак, Марина Цветаева. Письма 1926 года. URL: https://royallib.com/read/rilke_rayner/pisma_1926_goda.html#0/ (дата обращения: 25.05.2021)

Субботина-Мегирьянц Т. А. Диалог лирических сознаний в общекультурном европейском пространстве (Р.-М. Рильке – Б. Пастернак – М. Цветаева) // Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада. Воронеж, 2000. Т. 2. С. 22–35.

THEORY OF INTERCULTURAL COMMUNICATION AS A CONTEXT FOR STUDYING R.-M. RILKE

Currently, in the interdisciplinary scientific space, the attention is actively being turned to the theory of intercultural communication. At the same time, national specificity and cultural differences can be overcome at the level of poetic texts on a global scale.

Key words: intercultural communication, Russia and Germany, R.-M. Rilke, supranational

Томская Мария Викторовна

кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет
maria.tomskaya@mail.ru

РЕЧЕВЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ ПРИ КОГНИТИВНОЙ НАГРУЗКЕ В СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ В ЯЗЫКОВОЙ ПАРЕ «НЕМЕЦКИЙ – РУССКИЙ»

В докладе представлены некоторые результаты работы по исследовательскому проекту, выполняемому Центром СКОДИС при МГЛУ. Проект направлен на решение актуальной проблемы выявления особенностей вербального и невербального поведения переводчиков-синхронистов в условиях интенсивной когнитивной нагрузки.

Ключевые слова: синхронный перевод, когнитивная нагрузка, вербально-телесное поведение, полимодальность, речевое затруднение

Для изучения речевой деятельности в условиях когнитивного напряжения ценность приобретает исследование вербально-телесного поведения переводчиков-синхронистов (проводится в МГЛУ при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-18-00357), что обусловлено не только трудностью этого вида перевода, но и сложностью

осуществляемой при этом интеллектуальной деятельности. Одновременное выполнение нескольких когнитивных операций – «восприятия и понимания, сохранения в памяти и поиска (выработки) переводческих решений и эквивалентов, говорения и самоконтроля» [Кошкин 2016: 29] – ведет к так называемой повышенной когнитивной нагрузке, которая может проявляться как глобально (т. е. характеризует деятельность в целом), так и локально (в определенные моменты затруднений) [Ирисханова и др. 2019]. В данной работе рассматриваются речевые затруднения как локальные проявления повышенной когнитивной нагрузки. Анализ данных в рамках исследовательского проекта проводился по материалам видеозаписей из кабины для синхронного перевода. Видеозапись осуществлялась с трех камер одновременно для получения трех ракурсов – сверху из-за спины переводчика, спереди крупным планом и «глазами самого переводчика» (айтрекер). Полученные тройные видеозаписи интегрировались в программу ELAN для аннотации жестов и речевых эпизодов с затруднениями. В качестве испытуемых выступили лишь носители русского языка, переводившие с русского языка (L1) на немецкий (L2) и наоборот. Материалом для перевода стали 10-минутные аудиозаписи научно-популярного характера на немецком и русском языках на схожую тематику – на тему биоразнообразия. Видеозаписи переводчиков были разделены на две группы по профессиональному параметру – переводы более опытных синхронистов (не менее трех лет интенсивной работы) и записи менее опытных переводчиков (менее трех лет интенсивной работы или периодическая (в среднем раз в месяц)). В соответствии с задачами проекта в программе ELAN были аннотированы две основные категории – жесты и речевые затруднения, каждая из которых подразделялась на субкатегории. Жесты дифференцировались по функциям – адаптеры, репрезентирующие жесты, прагматические жесты и дейктические жесты [Bressem, Müller 2014; Cienki 2017]. Речевые затруднения разделялись на: паузы хезитации, повторы (звуков, слов), усечения слов и конструкций, заполнители пауз, общее замедление темпа речи, долгие паузы или акустический ноль, увеличение длительности звука (гласных и согласных) и проч. [Ирисханова и др. 2021]. Кроме того, упомянутые речевые затруднения рассматривались как хезитационные явления в широком смысле, которые требуют заполнения в виде филлеров, рестартов, фальстартов, увеличений длительности звука и проч. На данном этапе работы над исследовательским проектом мы можем

говорить лишь о некоторых предварительных результатах, относящихся к категории речевых затруднений – гезитационные явления прагматически по-разному заполняются или не заполняются в зависимости от уровня подготовки переводчика-синхрониста.

Литература

Ирисханова О. К., Маковеева А. И., Томская М. В. «Жестовый поворот» в исследованиях профессиональной коммуникации: синхронный перевод // Когнитивные исследования языка / гл. ред. Н. Н. Болдырев; вып. № 1 (44): Когнитивные исследования естественной коммуникации: Qs&As: материалы Круглого стола. МГЛУ. 29 октября 2020 г. / гл. ред. вып. О. К. Ирисханова. М.: ИЯ РАН; Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. С. 190–202.

Ирисханова О. К., Петров А. А., Маковеева А. И., Леонтьевна А. В. Когнитивная нагрузка в условиях синхронного перевода: опыт полимодального анализа // Когнитивные исследования языка / гл. ред. сер. Н. Н. Болдырев; вып. XXXVIII. Языки, культуры, модальности: интеграция методов когнитивных исследований языка: сб. науч. тр. / отв. ред. вып. В. З. Демьянков, О. К. Ирисханова. М.: ИЯ РАН; Тамбов : Издательский дом Тамб. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 2019. С. 100–116.

Кошкин Р. К. Сравнительный анализ количественной динамики англо-русского и русско-английского синхронного перевода // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2016. № 2. С. 28–43.

Bressem J., Müller C. A repertoire of German recurrent gestures with pragmatic functions // Body Language Communication: an International Handbook on Multimodality in Human Interaction. Berlin: De Gruyter Mouton Press, 2014. P. 1575–1592.

Cienki A. Analysing metaphor in gesture: A set of Metaphor Identification Guidelines for Gesture (MIG-G) // The Routledge handbook of metaphor and language / Eds. Semino E., Demjen Z. London: Routledge, 2017. P. 131–147.

SPEECH DYSFLUENCIES UNDER COGNITIVE LOAD IN SIMULTANEOUS INTERPRETATION (GERMAN – RUSSIAN)

This paper presents some of the results of the research project carried out by the Scodis Center at the Moscow State Linguistic University. The project is aimed at solving the urgent problem of identifying the features of the simultaneous interpreter's verbal and co-verbal behavior under the intense cognitive load.

Key words: simultaneous interpretation, cognitive load, verbal and co-verbal behavior, multimodality, speech dysfluencies

Хлопова Анна Игоревна

кандидат филологических наук

Московский государственный лингвистический университет

chlopova_anna@mail.ru

СОПОСТАВЛЕНИЕ БАЗОВОЙ ЦЕННОСТИ GLÜCK В НЕМЕЦКОЙ И АВСТРИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Объектом нашего исследования является базовая ценность Glück в немецкой и австрийской лингвокультурах. Для решения вопроса, связанного с содержательной характеристикой базовой ценности *Glück* мы сопоставляем результаты двух свободных ассоциативных экспериментов, проведенных в 2020 г.

Ключевые слова: базовые ценности, динамика, свободный ассоциативный эксперимент, лингвокультура

Ценности являются в современной науке предметом изучения не только лингвистики, но и философии, социологии, политологии и других научных дисциплин, так как они неразрывно связаны с культурой страны, с обычаями, моральными и религиозными установками народа. Ученые различных наук акцентируют, что ценности – это некие смыслы, которыми индивиды руководствуются в повседневной жизни и, которые дают им определенный ориентир. Эту идею поддерживают К. Клакхорн, Р. Лей, К. Шлехт, Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин и др. При этом ученые подчеркивают идею наследования ценностей каждым новым поколением.

Объектом нашего исследования является базовая ценность Glück в немецкой и австрийской лингвокультурах. В качестве основного метода используется свободный ассоциативный эксперимент. Для решения вопроса, связанного с содержательной характеристикой базовой ценности Glück мы сопоставляем результаты двух свободных ассоциативных экспериментов, проведенных в 2020 г. в форме google-анкеты с носителями немецкой и австрийской лингвокультур. В ассоциативном эксперименте участвовали респонденты, проживающие в немецких городах Фехта, Берлин, Потсдам, Баден-Баден, Фрайбург и в австрийских городах Вена, Клагенфурт, Грац. Возраст респондентов варьировался от 17 до 23 лет, Участники эксперимента получали

анкету с 28 словами-стимулами. Задача респондентов заключалась в том, что они должны были написать первую пришедшую на ум ассоциацию на слово-стимул Glück. В ходе эксперимента было получено по 100 реакций с немецкой и с австрийской стороны. Было отобрано по 50 реакций. Для более точного анализа данных все реакции классифицировались в соответствии с моделью ассоциативного значения В. А. Пищальниковой [Пищальникова 2007] на понятия, представления, эмоциональные реакции, формально-грамматические реакции и культурные реакции. Выделим также дополнительные признаки, на основе которых происходит ассоциирование.

Наибольшее количество реакций немецких респондентов понятийные. Они соответствуют словарным значениям лексемы, являются синонимами слова Glück или его антонимами. Как и в случае с реакциями немецких респондентов, понятийные реакции австрийцев соответствуют словарным значениям исследуемой лексемы. Интересно отметить, что как в немецкой, так и в австрийской лингвокультурах к ядерным реакциям относится Zufall, что может свидетельствовать о принятии респондентами факта недолговечности счастья, а также случайного его появления в жизни человека.

Представления немецких респондентов связаны преимущественно с счастьем в семейной жизни и. О высокой роли дружеских отношений свидетельствует дополнительный признак 'счастье в дружеских отношениях'. Признак 'внутренняя удовлетворенность' связан с ценностями, наличие и реализация которых является базовой потребностью человека. Признак 'стремление к счастью' связан с осознанием респондентами того факта, что счастье необходимо заработать, прилагать все усилия для его достижения. Дополнительный признак 'цена счастья' указывает на то, что счастье невозможно купить. Признак 'материальное благополучие' выделяется на основе единичной реакции, что подтверждает уже отмеченную идею о том, что для респондентов счастье не является материальной категорией, а, прежде всего, моральной ценностью. Отметим попутно, что респонденты указывают также на недолговечный характер существования такой ценности как счастье.

В реакциях-представлениях австрийских респондентов можно выделить следующие признаки: 'внутренняя удовлетворенность', 'характеристика счастья', 'любимое занятие', 'важность счастья', 'независимость от внешних обстоятельств'. Реакции, соответствующие признаку 'внутренняя удовлетворенность', сводятся преимущественно к иным чувствам

человека, которые способствуют осознанию им своего счастливого существования. Интересно, что реакция Musik относится к ядерным реакциям. Вероятно, она носит культурный характер и могла бы в равной степени входить в состав культурных реакций. Отметим, что Австрия ассоциируется не только у носителей австрийской лингвокультуры, но и у носителей других лингвокультур, с музыкой известных австрийских композиторов: В. А. Моцарта, И. Штрауса, Й. Гайдна, Г. Малера и т. д. Музыкальность считается специфической национальной чертой австрийцев. Признак 'важность счастья' свидетельствует о необходимости этой категории для австрийцев. В отличие от немецких респондентов австрийцы полагают, что они сами являются «творцами своего счастья». Ни одна из полученных реакций не может свидетельствовать о том, что они полагаются на высшие силы или иные обстоятельства, которые могут сделать их счастливыми.

В результате эксперимента с носителями немецкой лингвокультуры выявлено 13 формально-грамматических реакций, из которых 8 являются производными словами от слова *Glück*.

Среди реакций с носителями австрийской лингвокультуры формально-грамматических не выделено.

Всего в результате эксперимента с носителями немецкой лингвокультуры выявлено 23 культурные реакции, которые связаны, прежде всего, с символами счастья: четырехлистный клевер, который приносит удачу и счастье в различных вариантах, поросенок, который также является одним из типичных символов. Реакции Lotto и Spiele связаны у респондентов с удачей в азартных играх.

Наиболее частотной реакцией в эксперименте с носителями австрийской лингвокультуры является невербальная реакция grün. Известно, что зеленый цвет связывают со здоровьем, плодородием и восстановлением сил. Считается, что он оказывает успокаивающий эффект и вызывает чувство надежды на лучшее. Поэтому данный цвет благоприятно влияет на человека в тех ситуациях, когда он переживает страх или тревогу. Реакция Gewinn связана с удачей в азартных играх. Silvester – канун Нового года, праздника, когда сбываются все желания и мечты. Однако известно, что празднование Нового года в европейских странах отличается от празднования этого праздника в России. Птица является в разных лингвокультурах символом счастья, добра, света. В австрийской лингвокультуре птицу соотносили с богиней Хольдой, которая олицетворяла возрождение весны и тепла.

Сопоставляя полученные результаты отметим, что понятийные реакции австрийских и немецких респондентов совпадают, таким образом мы можем отметить устойчивое словарное содержание базовой ценности Glück в обеих лингвокультурах. Однако, реакции-представления четко указывают на неодинаковость лингвокультур, неодинаковость мышления их носителей. В обеих лингвокультурах счастье воспринимается не только как чувство удовлетворения, но подчеркивается недолговечный характер исследуемой ценности. В австрийской лингвокультуре реакции-представления представлены гораздо меньшим количеством признаков, что указывает на меньшую актуальность этого понятия, более редкое использование лексемы в языке носителей. Для носителей немецкой лингвокультуры Glück – это состояние, к которому необходимо стремиться и для получения которого необходимо преодолевать препятствия и иметь положительные качества характера. Для немецких респондентов счастье проявляется в семейных и дружеских отношениях. Такое содержание базовой ценности противоречит восприятию базовой ценности Glück австрийцами. Для них счастье не зависит от внешних обстоятельств. Человек сам должен к нему стремиться. При этом отмечено, что счастье является категорией субъективной и поэтому респонденты имеют разное отношение к ней. Несмотря на это большинство респондентов признают счастье как важную базовую ценность и считают ее необходимой.

Литература

Пищальникова В. А. История и теория психолингвистики: Курс лекций. Ч. 2. Этнопсихолингвистика. М.: МГЛУ, 2007.

COMPARISON OF BASIC VALUE 'GLÜCK' IN GERMAN AND AUSTRIAN LINGUISTIC CULTURES

The object of our research is the basic value 'Glück' in German and Austrian linguistic cultures. To solve the issue related to the content characteristic of the basic value 'Glück', we compare the results of two free associative experiments conducted in 2020.

Key words: basic values, dynamics, free associative experiment, linguistic culture

СЕКЦИЯ VII. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЛИНГВОДИДАКТИКЕ

Анищенко Алла Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет
allan031@yandex.ru

Яковлева Виктория Вадимовна

преподаватель
Московский государственный лингвистический университет
vipanteleeva@mail.ru

ИНФЛЕКТИВЫ КАК СРЕДСТВО ТРАНСЛЯЦИИ ЭМОТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ КОМИКСЕ

В статье на основе анализа эмотивных контекстов в историческом образовательном комиксе выявляются типы эмотивных инфлективов. Устанавливается их соотносительность со способами трансляции эмотивной информации в естественной коммуникации.

Ключевые слова: инфлексив, эмоции, эмотивная информация, исторический комикс, образовательный комикс, инфотеймент

Комикс как феномен массовой культуры, используя все возможности современных технологий и преимущества новой коммуникационной среды, расширяет свой жанровый и функциональный репертуар. Новый формат подачи информации – формат, который предполагает преподнесение сообщения в развлекательной, легкой для восприятия, часто утрированно упрощенной форме, сделал комикс популярным среди представителей различных социокультурных групп. Инфотеймент, т. е. комбинирование информации (information) и развлечения (entertainment), вызвал изменения в способах и механизмах трансляции информации, в том числе и эмотивной.

Преимуществом комикса перед другими печатными информационными средствами является его способность трансформировать большой объем информации, обеспечив ее компактность и доступность восприятия путем визуализации значимых смыслов.

В современном мире отчетливо прослеживается тенденция внедрения комикса во многие сферы жизни, в том числе и в образовательную сферу; стали издаваться комиксы на научные темы. Особенностью таких комиксов становится не их развлекательный характер, а образовательный потенциал, сочетающий высокую информативность с максимальной простотой [Яковлева 2020: 181].

Материалом исследования послужил немецкоязычный исторический комикс «Flughunde» (рус. Крыланы) автора М. Байера (M. Beyer) и иллюстратора У. Луст (U. Lust). События комикса, разворачивающиеся в период нацизма, развиваются по двум параллельным повествовательным линиям. Одна линия сюжета описывает жизнь Германа Карнау, звукорежиссера и исследователя вокала, другая – девочки Хельги, фамилия которой в комиксе не раскрывается, но фоновые знания помогают читателю узнать в ней старшую дочь Йозефа Геббельса, ближайшего сподвижника Адольфа Гитлера, министра пропаганды нацистской Германии. Читатель наблюдает за изменениями взглядов героев комикса – Карнау, который все больше погружается в национал-социалистическую идеологию, и Хельги, которая, напротив, не принимает сложившийся строй.

Цель исследования – выявить инфлективы, используемые для трансляции эмотивной информации в немецкоязычном историческом комиксе. Объектом предлагаемого исследования выступают эмотивные инфлективы – вербальные элементы, представляющие собой неизменяемые формы глаголов, образованные путем усечения суффикса инфинитива, используемые в комиксе для манифестации чувств и эмоций действующих персонажей.

Появление в немецком языке неизменяемых единиц, получивших название *инфлективы* (*Inflektive*), связывают с проникновением в немецкоязычную массовую культуру в первой половине XX века англоязычных комиксов. Спустя несколько десятилетий развитие интернет-коммуникации дало импульс к возникновению новых, обнаруживающих большее структурное и функциональное разнообразие неизменяемых единиц и вызвало интерес лингвистов к этой неоднозначной языковой категории. Исследующий инфлективы и инфлективные конструкции

в различных типах текста П. Шлобински (P. Schlobinski) различает три вида этих языковых единиц, которые в зависимости от их функций и значения подразделяются на:

- 1) оноματοпоэтически используемые инфлективы – инфлективы, реализующие свойства звукоподражательного элемента (*meck, plumps*);
- 2) чистые инфлективы – инфлективы без оноματοпоэтической функции (*schluchz, seufz*);
- 3) инфлективные конструкции – сложные инфлективные формы (*ganzfestknuddel*) [Schlobinski 2001: 206].

Проанализируем на материале исторического комикса, как обеспечивается передача эмотивной информации и какую роль при этом играют инфлективы.

В естественной коммуникации эмоции имеют три формы объективации:

- невербальное выражение в виде мимики и жестов (смех, плач, хмурый взгляд, подвешивание головы и т. д.);
- физиологические проявления, которые сопровождают эмоциональные реакции (частота сердечных сокращений, кровяное давление, повышенное потоотделение, покраснение кожи, расширенные зрачки и т. д.);
- вербальные формы выражения на разных уровнях языка (использование междометий, эмотивов и т. д.) [Schwarz-Friesel 2013: 57].

Свойственная комиксу ограниченность возможности использования вербального компонента и необходимость компрессии информации обуславливают формирование особой эмотивной семиотической системы, в которой в процессе взаимодействия вербального и невербального компонентов создаются специфические семиотические единицы, позволяющие моделировать различные эмоции [Анищенко 2018: 77]. В комиксе присутствуют условия для «существования» инфлективов – быстрота / стремительность развития действий и интенсивность выражения чувств и эмоций.

Инфлективы, участвующие в объективации эмоций, можно подразделить на три группы:

- 1) единицы, непосредственно указывающие на звуковое сопровождение эмоции (*schluchz, kicher*);

- 2) единицы, непосредственно указывающие на эмотивную мимику и жесты (*tätschel, grins*);
- 3) единицы, называющие транслируемую эмоцию (*freu, staun*).

Анализ исторического комикса «Flughunde» выявил, что среди эмотивных инфлективов преобладает группа «чистых инфлективов» (P. Schlobinski), непосредственно указывающих на коммуникативно значимые элементы фонации (тембр и модуляции голоса, интонацию) и выступающих в качестве звукового сопровождения эмоции. Единицы этой группы преимущественно обозначают характеристики голоса и произнесения звуков, дополнительные призывы при выражении недовольства, разочарования, отвращения.

Помимо распространенных в комиксах инфлективов с простой структурой *seufz* [FH, S. 69, 167, 180] (от *seufzen* – вздыхать, охать), *keuch* [FH, S. 34] (от *keuchen* – тяжело дышать, задыхаться), встречаются единицы, имеющие особую структуру. Например, инфлексив *gmmgll* [FH, S. 66] сопровождает кадр, на котором изображен ребенок в парикмахерском фартуке, выражающий нежелание стричься, в то время как мать велит ему сидеть смирно. Данный инфлексив, транслирующий недовольство и слабый протест персонажа, вызванные неизбежной необходимостью подчиниться воле старшего, образован от глагола *grummeln* – бормотать, выражать недовольство (*нем. leise und undeutlich [vor sich hin] sprechen; murmeln, brummeln*) путем высечения гласных. Читатель комикса «слышит» недовольное бормотание ребенка, который только таким образом может выразить свое эмоциональное состояние.

Подобным способом образован инфлексив *snmpf* [FH, S. 55], сопровождающий рыдания ребенка. Отметим, что инфлексив образован от глагола «*schnupfen*», первое семантическое значение которого «втягивать табак через нос» (*нем. fein pulverisierten Tabak durch stoßweises, kräftiges Einatmen in die Nasenlöcher einziehen*), а второе – «хлюпать, всхлипывать» (*нем. laut die Luft einziehen, schluchzen*). В контексте исследуемого исторического комикса данный инфлексив транслирует сопровождающуюся всхлипываниями эмоцию обиды, возникшую у маленького ребенка из-за того, что старшие братья и сестры отобрали его любимую игрушку.

Следующую группу составляют инфлективы, указывающие на эмотивную мимику и жесты. Следует отметить, что в данном историческом комиксе разграничивается использование инфлективов «*klapp*» [FH, S. 105, 124] и «*klatsch*» [FH, S. 137], которые часто выступают как

синонимы. Так, инфлексив «*klapp*» (от *klappen* – ein kurzes, meist dumpfes Geräusch, wie es bei einem Schlag entsteht, verursachen (рус. стучать, вызывать короткий, преимущественно глухой шум, как при ударе) сопровождает эмоцию восторга и восхищения персонажей и фигурирует в контекстах, где персонажи хлопают в ладоши от радости. В то время как *klatsch*, имея похожее семантическое значение (от *klatschen* – ein schallendes Geräusch durch das Aufschlagen von etwas Schwerem auf etwas Hartes von sich geben (рус. издавать громкий шум при ударе о что-то твердое) сопровождает звонкую пощечину, которую отец дает непослушному сыну во время светского приема.

Отметим, что группа инфлексивов, включающая называющие транслируемую эмоцию единицы, в историческом комиксе «*Flughunde*» не представлена. Мы предполагаем, что эта особенность комикса связана с возможностью показать эмоциональное состояние персонажей графически. Изображение мимики и жестов персонажей комикса, испытывающих базовые эмоции, достаточно информативно и не требует вербальной конкретизации

Таким образом, исторический комикс как разновидность образовательного комикса, транслируя историческую информацию и реализуя дидактическую функцию, актуализирует текстовую категорию эмотивности. Языковыми маркерами эмоций в комиксе выступают инфлексивы, сообщающие информацию об эмоциональном состоянии персонажей, отражая при этом вербальный, невербальный и паравербальный способы экспликации эмоций в естественной коммуникации.

Литература

Анищенко А. В. К вопросу о концептуализации эмоций в немецкоязычном комиксе // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 9 (801) / 2018. URL: http://libranet.linguanet.ru/prk/Vest/9_801.pdf

Яковлева В. В. Взаимодействие вербального и невербального в образовательном комиксе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 19, № 6, 2020. С. 180–189. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.14>

Schlobinski P. *knuddel zurückknuddel – dich ganzdollknuddel* – Inflektive und Inflektivkonstruktionen im Deutschen. Zeitschrift für germanistische Linguistik, 2001. № 29. S. 192–218.

Schwarz-Friesel M. Sprache und Emotion. Tübingen und Basel: UTB GmbH 2013.
Lust U., Beyer M. Flughunde. Graphic Novel. Berlin: Suhrkamp Verlag 2013.

INFLECTIVES AS A MEANS OF TRANSMITTING EMOTIVE INFORMATION IN A GERMAN-LANGUAGE HISTORICAL COMICS

Based on the analysis of emotive contexts in historical educational comics, the article identifies the types of emotive inflectives. The correlation is established with the ways of emotive information transmitting in natural communication.

Key words: inflective, emotion, emotive information, historical comics, educational comics, infotainment

Afontschenkowa Julia Vitaljevna

Dozentin

Moskauer Staatliche Linguistische Universität

afon4enkova2011@yandex.ru

PROJEKTORIENTIERTES LERNEN – ABER WIE?

Der Beitrag befasst sich mit der Typologie von Projektmethoden für Fremdsprachenunterricht. Projekte können sich u.a. nach der Art der Aktivität und der sozialen Interaktion, nach der Anzahl der Teilnehmer oder nach der Laufzeit des Projektes unterscheiden. Die Projektmethode wird als Voraussetzung für eine forschungskreative Atmosphäre im Fremdsprachenunterricht angesehen.

Schlüsselwörter: Projektmethode, intersubjektive Projekte, Typologie, Kreativität

Der Artikel basiert auf den Ansichten moderner russischer und deutscher Wissenschaftler, die ihre große praktische Erfahrung mit der Anwendung und Implementierung von Bildungstechnologien auf der Grundlage der Projektmethode gemacht haben [Oelkers 1997; Pennauer 2002; Wicke 2004].

Der Ansatz des projektorientierten Lernens im Fremdsprachenunterricht in der modernen russischen und deutschen Sprachdidaktik ist von großer Bedeutung. Aufgrund des wachsenden Bedarfs an Fachkräften mit Fremdsprachenkenntnissen auf dem Arbeitsmarkt besteht auch Motivationsbedarf beim Erlernen der Sprachen der internationalen Kommunikation. Und dies wiederum bringt eine Veränderung des soziokulturellen Kontextes des Fremdsprachenlernens mit sich. Daher bestimmen die Lehrkräfte neue Wege bei der inhaltlichen Auswahl und

Gestaltung von Materialien, Arten und Formen von Kontrolle. Und bei der Umsetzung der gesetzten Ziele und festgelegten Aufgaben helfen den Pädagogen verschiedene Arten von interaktiven Technologien, zu denen auch die Projektmethode gehört.

Die Idee, projektorientiertes Arbeiten wirksam im Fremdsprachenunterricht einzusetzen, ist nicht neu. Sie existierte bereits vor der Veröffentlichung des Artikels des amerikanischen Pädagogen W. Kilpatrick „The Project Method“, in dem er als erster die Projektidee als ein Vorhaben, das von Herzen kommt definierte. Tatsächlich arbeitete bereits 1905 eine Gruppe russischer Pädagogen unter der Leitung von S. T. Schatsky an der Einführung dieser Methode in die pädagogische Praxis. Diese Methode ist in vielen Ländern der Welt zu einem festen Bestandteil des modernen Fremdsprachenunterrichts geworden. Und das ist ganz verständlich, denn sie ermöglicht dem Lehrenden, eine forschende, recht kreative Atmosphäre im Klassenzimmer zu schaffen, die zur Bildung eigenständigen Denkens bei den Lernenden beiträgt.

Der Artikel untersucht verschiedene Arten und Formen der Projektarbeit im Deutschunterricht, bei denen eine Fremdsprache (Deutsch) wirklich als Kommunikationsmittel fungiert und ein Mittel zur Lösung der bedeutenden, praxisorientierten Problemstellung ist. Der Einsatz solcher Aufgaben im Fremdsprachenunterricht trägt nicht nur zur Bildung der Sprachkompetenzen bei, sondern entwickelt auch universelle Kompetenzen (die Fähigkeit, im Team zu arbeiten, verschiedene Kommunikationsformen durchzuführen, mehrstufige Aufgaben zu bestimmen und zu lösen usw.) und motiviert auch zum Erlernen der Fremdsprache als Instrument der sozialen Interaktion.

Wenn man eine Unterrichtseinheit als Projekt konzipiert, kann meist hohe Motivation, viel Engagement und selbstbestimmtes Handeln bei den Lernenden freigesetzt werden. Da für Projekte vielfältige Kompetenzen erforderlich sind, können mehrere Lehrplanvorgaben aus nahezu allen Arbeitsbereichen des Deutschunterrichts mit einem Projekt abgedeckt werden. Auch fachübergreifendes bzw. fächerverbindendes Arbeiten ist im Rahmen von Projekten möglich.

Wie es schon erwähnt wurde, hat der Ansatz des projektorientierten Lernens inzwischen einen hohen Stellenwert in der Didaktik des modernen Fremdsprachenunterrichts, wird jedoch nach wie vor kontrovers diskutiert, da mehr oder weniger schwammige Definitionen des Begriffes „Projekt“ kursieren, die für Verwirrung sorgen. Hier wird

der Versuch unternommen, „Projekt“ als Form des handlungsorientierten und schüler / studentenzentrierten Lehrens und Lernens genauer zu bestimmen.

Projektunterricht ist eine besondere Form des Unterrichts, denn es handelt sich hier um ein von Lehrenden und Lernenden gemeinsam geplantes und von seinen Inhalten her bestimmtes Geschehen zum Zweck des Lernens, das einen Bezug zur Institution Schule/Hochschule beinhaltet und herstellt. Der Projektunterricht unterscheidet sich nicht nur theoretisch, sondern auch praktisch von dem traditionellen Unterricht. Es werden Aspekte eines freien, d.h. weitgehend autonomen Lernens berücksichtigt. Erfahrungsgemäß fällt es vielen Lehrkräften ziemlich schwer, sich von der Sicherheit des lehrbuchzentrierten Fachunterrichts zu lösen und damit die Sicherheit für die eigene Unterrichtsgestaltung aufzugeben. Und es ist auch verständlich. Denn in ihrer Ausbildung wurden bisher nur die wenigsten Pädagogen auf diese Herausforderung vorbereitet. Und oft müssen sich die Kollegen ohne jede Vorerfahrung auf Experimente dieser Art einlassen. Daher muss deutlich betont werden, wie wichtig es ist, sich dem Projektunterricht anzunähern.

Projektunterricht beinhaltet handelndes Lernen, d.h. er ist immer mit aktiver Arbeit der Lernenden gleichzusetzen. Im Vordergrund der Arbeit steht nicht mehr der Pädagoge, sondern der Lerngegenstand. Er ist der gemeinsame Bezugspunkt aller Beteiligten am Lernprozess, an dem und mit dem die Lernenden eigene Erfahrungen machen.

Der Lehrende hilft, gibt Anregungen, bietet Zusatzmaterialien an, schlägt Bearbeitungstechniken vor und moderiert Gruppenprozesse, bleibt jedoch mehr oder weniger im Hintergrund, während die Lernenden Arbeitsverfahren, Möglichkeiten der Problemlösung und Ergebnisse selbst aushandeln.

Praktisches Tun, Denken und die Aneignung von Wissen spielen eine ebenso große Rolle wie das Experimentieren. Inhalte des Projektunterrichtes werden von der Lerngruppe frei gewählt und strukturiert, methodisches Vorgehen und Materialaufbereitung miteinander geleistet, die zeitliche Ordnung wird frei festgelegt, das Anspruchsniveau des Einzelnen und der Gesamtgruppe bleiben gleichwertig nebeneinander erhalten.

Als Projekte werden unterrichtliche Unternehmungen bezeichnet, die den üblichen Unterrichtsrahmen und die Aufgliederung der Fächer überschreiten, indem sie sich von der akademischen Ausrichtung der

Unterrichtsinhalte lösen und den Lernenden die Möglichkeit geben, die Lerninhalte zu einem gewissen Maß (praktisch) mit zu bestimmen. Den Lernenden wird bewusst Verantwortung für ihren eigenen Lernprozess übertragen. Ausgangspunkt ist meist ein Problem aus der Erfahrungswirklichkeit der Lernenden; wichtig ist, dass diese emotional angesprochen werden, damit sie einen direkten Zugang zu der Thematik finden, sich rasch mit dieser identifizieren und ihre Vorerfahrungen einbringen können. Hier bietet sich die fächerübergreifende Kooperation an, um die Lernenden möglichst vielseitig fördern zu können.

Literatur

- Oelkers J.* Geschichte und Nutzen der Projektmethode. Beltz, Weinheim 1997.
- Pennauer E.* Der große Zampano: Transkulturell, universell, multifunktionell – einfach Lehrer eben, in *ÖdaF – Mitteilungen des Österreichischen Verbandes für Deutsch als Fremdsprache*. Wien, 2002.
- Wicke R. E.* Aktiv und kreativ lernen. Projektorientierte Spracharbeit im DaF-Unterricht. Max Hueber Verlag, München 2004.

PROJECT-ORIENTED LEARNING – BUT HOW?

The article highlights one of the modern methods of teaching a foreign language – the project method. In the domestic methodology, a typology of projects is presented, which distinguishes projects by type of activity, according to the principle of the subject-content area of the project, by the nature of coordination, by the nature of contacts, by the number of participants, by the duration of the project. The project method allows you to create a research creative atmosphere in a foreign language lesson, where each student is involved in an active cognitive process based on a collaboration method.

Key words: method of projects, intersubject projects, typology, research, creative projects

Гринкевич Екатерина Александровна

преподаватель

Московский государственный лингвистический университет

kathysubbotina@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-СЕРВИСА GOOGLE ARTS & CULTURE В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ТИФЛОКОММЕНТАТОРОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (английский язык, языковой вуз)

Подготовка высококвалифицированных специалистов по профессиям XXI века требует внедрения новых ресурсов и методов обучения. Интернет-сервис Google Arts & Culture имеет обширный дидактический потенциал, который следует использовать при обучении тифлокомментаторов английскому языку.

Ключевые слова: тифлокомментирование, интернет-ресурсы, методика преподавания иностранных языков и культур, межкультурная компетенция

Учитывая ориентацию современного общества на подачу информации в виде зрительных образов, люди с нарушениями зрения остаются без доступа к колоссальному сегменту информации: они не могут следить за происходящим на экране или на сцене во время показа фильма или спектакля, они не могут воспринимать объекты архитектуры и живописи, они не могут полноценно общаться в социальных сетях. В глобальном плане, они лишены интеграции в общество, поскольку не являются полноценными носителями культурного и социального кода. Таким образом, на сегодняшний день в России остро стоит проблема адаптации слепых и инвалидов по зрению в обществе.

Во многих европейских странах и США законы давно работают в пользу людей с особенностями здоровья, поэтому увидеть человека с нарушениями зрения в кинотеатре или музее не является чем-то необычным [Raï 2010]. В России лишь недавно взят курс на формирование инклюзивного общества: ратифицированная в 2012 году Конвенция о правах инвалидов и программа «Доступная среда», начатая в 2017 году, направлены на повышение уровня жизни инвалидов и их интеграцию в общество. В частности, Федеральный закон обязывает создателей национальных фильмов снабжать их субтитрами и тифлокомментариями для зрителей с ограниченными возможностями.

Тифлокомментарий – это закадровое вербальное описание визуальной составляющей фильма, спектакля, телевизионной программы и других мероприятий, подготовленное и осуществляемое с учётом специфических особенностей незрячих людей [Обиух, Корнеев 2017: 14]. В европейской и американской традициях принят термин «аудиодескрипция» (от англ. *audio description*), который обозначает аудиозапись описания предмета, пространства или действия.

Несмотря на принимаемые законы, на данный момент невозможно полноценно внедрить тифлокомментирование ввиду отсутствия необходимого количества квалифицированных специалистов. Тем не менее, в этом направлении ведется активная работа, и подготовка тифлокомментаторов ведется в том числе и на вузовском уровне. С 2018 года в Московском государственном лингвистическом университете реализуется программа бакалавриата «Тифлокомментирование и межкультурная коммуникация», в рамках которой студентов учат делать тифлокомментарий на русском, немецком и английском языках.

Умение выполнить тифлокомментарий не только на родном, но и на двух иностранных языках (не прибегая при этом к переводу русскоязычного текста на иностранный) значительно расширяет объем компетентности тифлокомментатора. Аудиодескрипция в данном случае становится многоплановым процессом, в котором тифлокомментатору необходимо учитывать языковые картины мира, адаптировать концептуальные картины мира двух языковых культур, не забывая при этом про физиологические и психологические особенности незрячего человека. Тифлокомментатор, с одной стороны, выступает в роли переводчика (не только между языками, но и семиотическими системами), с другой – является посредником между двумя культурами для инвалида по зрению, расширяя его культурные горизонты. Таким образом, специалист в области тифлокомментирования должен не только обладать обширными фоновыми знаниями, но и владеть приёмами их адаптации.

Подготовка столь комплексных специалистов со знанием иностранных языков заставляет пересмотреть систему иноязычной подготовки. Стоит отметить, что курс общего английского языка недостаточен для формирования ключевых компетенций тифлокомментатора со знанием двух иностранных языков, поэтому, в первую очередь, был актуализирован содержательный компонент рабочих программ дисциплин «Практический курс второго иностранного языка» и «Практикум

по культуре речевого общения (второй иностранный язык)». Серьёзные изменения коснулись второй дисциплины, поскольку она изучается на 3 и 4 курсах, во время которых студенты также проходят учебную и производственную практики. Таким образом, содержательно дисциплина включает в себя следующие темы: «Внешность и характер человека», «Спорт», «Театр», «Киноискусство», «Телевидение», «Изобразительное искусство», «Архитектура», «Скульптура», «Дизайн».

Использование наглядных ресурсов – это одна из составляющих успешной подготовки тифлокомментаторов со знанием иностранных языков. Интернет-платформа Google Arts & Culture, предоставляющая доступ к изображениям произведений искусства в высоком разрешении, может быть использована при освоении самых сложных тем курса, а именно «Изобразительное искусство», «Архитектура», «Скульптура», «Дизайн». Помимо произведений искусства, данный сервис открывает доступ к аутентичным материалам: интервью с деятелями искусства, комментарии и статьи позволяют уйти от традиционных методов обучения, при этом совместив профессиональную и лингвистическую направленность. При помощи этой платформы студенты могут неограниченно пользоваться материалами страноведческого характера. Мобильная версия платформы также дает возможность экспериментировать с виртуальной и дополненной реальностью. Предвидя востребованность данного сервиса в образовательной среде, Google предлагает несколько планов уроков, которые могут быть адаптированы под разные дисциплины. Для преподавателя ресурс может служить для:

- 1) составления ролевых игр (например, обучающиеся сами собирают виртуальную коллекцию картин или образцов скульптуры и архитектуры и составляют к каждому из них тифлокомментарий);
- 2) отбора контрольного лексического материала;
- 3) круглых столов и дискуссий на различные темы;
- 4) отработки изученного лексического и грамматического материала;
- 5) проектных заданий.

Таким образом, методики обучения тифлокомментаторов английскому языку, основанные на использовании интернет-сервиса Google Arts & Culture, направлены на решение следующих задач:

- 1) формирование навыков и умения чтения;
- 2) совершенствование умения монологического и диалогического высказывания;

- 3) обогащение словарного запаса как повседневной, так и тематической лексикой;
- 4) знакомство студентов с культуроведческой информацией;
- 5) активизация познавательной и мыслительной деятельности обучающихся;
- 6) индивидуализация процесса обучения;
- 7) развитие активности и самостоятельности при решении коммуникативных заданий;
- 8) активизация у обучающихся всех каналов восприятия;
- 9) создание условий для формирования речевых навыков во внеаудиторное время в процессе самостоятельной работы студентов.

Литература

Google Arts & Culture. [Online]. URL: <https://artsandculture.google.com/> (дата обращения 04.08.21).

Rai S. A Comparative Study of Audio Description Guidelines Prevalent in Different Countries. 2010.

Обиух П.А., Корнеев М.О. Пособие по тифлокомментированию / Рос. госуд. соц. ун-т; Хабаров. краев. спец. б-ка для слепых. М., 2017.

USING GOOGLE ARTS & CULTURE IN TEACHING AUDIO DESCRIBERS ENGLISH AT A LINGUISTIC UNIVERSITY

Training highly qualified specialists in 21st century jobs requires incorporating new resources and methods of teaching. Google Arts & Culture is a service whose didactic potential should be used in teaching English to audio describers.

Key words: audio description, Internet resources, methodology of foreign language teaching, intercultural competence

Дёмина Дарья Аркадьевна

кандидат педагогических наук, доцент

Московский государственный лингвистический университет

dasha_k@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Предлагается ввести в лингводидактику термин «языковая профессиональная личность», опираясь на концепты «языковая личность», «вторичная языковая

личность» в лингвистике и лингводидактике, а также «профессиональная идентичность», «психограмма», «профессиограмма» и «профессионально важные качества» (ПВК) в психологии труда. Профессиональная личность и языковая профессиональная личность рассматриваются в трех измерениях: личном, профессиональном и культурном.

Ключевые слова: языковая личность, вторичная языковая личность, профессиональная личность, профессиональное образование

В лингвистике и лингводидактике широко используется понятие «языковая личность», «вторичная языковая личность», Е. В. Левина также предлагает на основе концепта «языковой личности» описать способ бытования языка в профессиональной сфере, Е. В. Левина говорит об особой «профессиональной картине мира языка» [Левина 2001: 28]. И. И. Халеева пишет, что профессиональная картина мира может объединять представителей различных культур, предлагая логику мышления, не свойственную профессионалам в других областях [Халеева 1999: 7]. С другой стороны, культура также может оказывать свое влияние на область профессии: в разных культурах существует различная профессиональная номенклатура, профессии могут по-разному цениться, внутри профессий могут быть обусловленные культурой различия. Исходя из мысли, что профессиональная принадлежность и профессиональное сознание могут влиять на картину мира человека, мы предлагаем в лингводидактике оперировать понятием «языковая профессиональная личность».

В психологии существует направление «психология труда», которое изучает психологические характеристики трудовой деятельности. Одним из предметов изучения психологии труда являются свойства личности, как они проявляются в процессе труда. В рамках этого направления разрабатываются профессиограммы, в которых, в частности, прописаны требования, предъявляемые профессией к человеку, его личностным качествам, особенностям мыслительных процессов, знаниям, умениям, навыкам, компетенциям. Результаты такого анализа могут и должны быть применены в педагогике, что и происходит в настоящее время, когда разрабатываются профессиональные стандарты, на которые опирается система высшего образования.

Также в психологии есть понятие «профессиональная идентичность» – «осознанная индивидом его принадлежность к профессиональному сообществу по уровню образования, профессиональным

компетенциям и профессиональной культуре, а также по его включенности в профессиональную группу, которая отождествляет данного индивида как “своего”» [Перинская 2018: 209]. В данном понятии не отражается важный для нас аспект: как конкретная профессия влияет на конкретного индивида, его картину мира, как уровень развития его языковой профессиональной личности может влиять на его профессиональные компетенции.

Мы предлагаем ввести понятие «профессиональная личность» – совокупность личностных качеств, знаний, умений, навыков, компетенций, формирующихся у человека в процессе его личностного становления, воспитания как члена социума, профессионального обучения и профессиональной деятельности, проявляющиеся как в профессиональной деятельности, так и в других сферах жизнедеятельности.

Сейчас в педагогике применяются компетентностный подход, согласно которому у будущих специалистов должна быть сформирована определенная совокупность компетенций, при этом компетенции не закреплены за каким-то отдельным предметом, но развиваются в рамках изучения различных предметов, в том числе иностранного языка. Обучение иностранным языкам является неотъемлемой частью общего профессионального становления человека, поэтому мы предлагаем в лингводидактике оперировать понятием «языковая профессиональная личность» – языковые способности индивида, предполагающие овладение системой языка и профессией и определяющие возможность ведения (межкультурной коммуникации) в рамках профессионального дискурса.

В примерной основной образовательной программе на основании профессионального стандарта прописываются те компетенции, которыми должен овладеть специалист в процессе обучения. Компетенции делятся на универсальные, общепрофессиональные и профессиональные. Мы исходим из того, что профессиональная личность, как любая ментальная конструкция, является трехмерной (что отражает трехмерное мышление человека в трехмерном мире). Можно разложить профессиональную личность по заданным примерными образовательными программами осям: универсальные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции. Однако мы предлагаем расширить этот подход и рассматривать профессиональную личность не только как результат чисто обучающей деятельности, но как результат образования в течение всей жизни в рамках определенного общества.

Мы предлагаем представить модель профессиональной личности в качестве трехмерной конструкции с тремя измерениями: личностные качества и характеристики; черты, характеристики, знания, умения, навыки и компетенции, формируемые конкретной культурой; качества и характеристики, знания, умения, навыки и компетенции, формируемые в рамках освоения профессии. Это позволяет нам максимально полно оценить, какой вклад профессиональная личность может сделать в своей профессии, как профессиональное становление отражается на личности человека.

Языковую профессиональную личность также можно представить в виде трехмерной конструкции с теми же осями: личное, культурное, профессиональное, так как изучение языков влияет на все эти направления, в свою очередь, все эти направления отражаются на языковой личности профессионала. Таким образом мы можем применить междисциплинарный подход и активно использовать результаты исследований в области психологии, психологии труда, лингвистики, методики преподавания, лингводидактики.

Литература

Левина Е. В. Формирование лингво-когнитивного экономического тезауруса обучаемых (на базе использования немецкоязычных художественных текстов): дис. ... канд. пед. наук. М., 2001.

Перинская Н. А. Профессиональная идентичность. // Знание. Понимание. Умение. М.: Московский гуманитарный ун-т. Вып. № 2. 2018. С. 209–211.

Халеева И. И. Интеркультура – третье измерение межкультурного взаимодействия? (из опыта работы переводчиков) // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации. М., МГЛУ. Вып. 444. 1999. С. 5–14.

LANGUAGE PROFESSIONAL PERSONALITY

It is proposed to coin into linguodidactics a new term «language professional personality», drawing on the concepts «language personality», «secondary language personality» in linguistics and linguodidactics, as well as «professional identity», «psigram», «professiogram» and «professionally important qualities» in labor psychology. Professional personality and linguistic professional personality are considered in three dimensions: personal, professional and cultural.

Key words: language personality, secondary language personality, professional personality, professional education

Романова Мария Валерьевна

кандидат педагогических наук

Московский государственный лингвистический университет

rmw80@mail.ru

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Исследование посвящено влиянию новых социально-психологических характеристик современных учащихся на процесс обучения иностранным языкам. В статье рассматриваются изменения в области межличностной коммуникации и познавательных процессов личности (мышлении, памяти, внимании) в условиях цифровизации.

Ключевые слова: цифровизация, межличностная коммуникация, память, внимание, клиповое мышление, обучение иностранным языкам

Цифровизация образовательных процессов и социального взаимодействия за последнее десятилетие привнесла заметные педагогическому сообществу изменения в отношении социально-психологического развития современного учащегося. Данные изменения в свою очередь порождают определенные педагогические вызовы, которые меняют традиционные подходы к обучению иностранным языкам в целом и в высшей школе в частности.

Цифровое общение, в которое ежедневно погружено молодое поколение, опосредовано большей частью письменной интеракцией, что снижает практику реальной межличностной коммуникации. Этот фактор существенно сказывается на уровне культуры общения и речи современного учащегося, уровне его эмоционального интеллекта, в также готовности реализовывать конвенциональные коммуникативные паттерны в разных ролевых социальных ситуациях [Ваничкина, Романова 2020]. Вызовы данного спектра связаны с необходимостью интеграции в содержание обучения иностранным языкам выше обозначенных умений, которые могут быть интерпретированы как «гибкие» (soft skills) и которые вне зависимости от выбранной профессии требуются молодым людям в современном мире. Дело в том, что процесс коммуникации в эпоху цифровизации становится ключевым для решения повседневных и деловых вопросов. Например, в IT-компаниях,

где рамки планирования сильно сжаты в силу непрерывного развития технологий, даже техническим специалистам, которые в основном работают с программным обеспечением и оборудованием, необходимо уметь принимать множество коллективных решений, которые рождаются в процессе межличностного обсуждения. В этой связи сотрудники не могут позволить переговорам быть нерезультативными или конфликтными, иначе это приведет работу компании к неэффективности.

Таким образом, рациональность внедрения в обучение иностранным языкам набора умений для успешного межличностного взаимодействия обоснована, прежде всего, их социальной и профессиональной востребованностью для современного учащегося. Во-вторых, обращение к целевому развитию данных умений в рамках обучения иностранным языкам связано с тем фактом, что в условиях цифровой среды молодые люди в значительно меньшей степени стали актуализировать навыки межличностного общения в своей жизни по сравнению с двумя-тремя десятилетиями назад, когда данные умения естественно формировались у подростков в соответствии с этапами их социально-психологического формирования. В-третьих, именно предмет «Иностранный язык» за счет своей многогранности применения педагогических подходов (коммуникативного, личностно-ориентированного, компетентностного и др.) позволяет смоделировать среду социального общения во всех ее проявлениях, а значит создать продуктивные условия для развития данных умений.

Одновременно с влиянием на традиционные модели коммуникации цифровая среда оказывает определенное воздействие на когнитивное и психологическое развитие не только современного учащегося, но и общества в целом. Однако, в нашей работе мы обозначим только те болевые точки, которые негативно влияют на учебный процесс в рамках лингвистической подготовки учащихся. В фокусе нашего внимания находятся познавательные процессы, отвечающие за успешность обучения иностранному языку: память, внимание и мышление. Традиционная отечественная методика обучения иностранному языку (Н. И. Гез, Н. Д. Гальскова, А. Н. Щукин, Г. М. Фролова, Н. Ф. Коряковцева и др.) рассматривает данные познавательные процессы в качестве ключевых для освоения иностранного языка не только как системы, но и как способа приобщения к инокультуре, как к инструменту расширения собственных границ развития посредством вхождения в глобальное интеллектуальное сообщество.

Однако современные исследования в области психологии, психиатрии, нейрофизиологии и нейробиологии (С. Гринфилд, М. Замфир, О. Макаровска, Д. Э. Мейер, К. Роуэн, М. Шпитцер и др.) указывают на новые личностные характеристики, формирующиеся у современного индивида в цифровой среде, которые в свою очередь оказывают воздействие на его мышление, память и внимание. Эти новые характеристики включают в себя клиповость мышления, цифровую амнезию, номофобию, синдром Снежаны и др. Схематично воздействие данных факторов на традиционные познавательные процессы можно представить следующим образом [Макаровска 2010; Романова 2017].

Таблица

	Мышление	Внимание	Память
Клиповость мышления – неспособность к восприятию длительной линейной последовательности – потока однородной и одностильной информации	деградация навыка аналитического мышления выраженная в неспособности понимания причины и следствия явлений из-за невозможности анализировать логические связи; временная ограниченность на осмысление и реагирование на получаемую информацию	уменьшение объема устойчивости внимания и концентрации	увеличение объема мгновенной памяти, интенсивное использование кратковременной памяти, снижение активизации долговременной памяти
Цифровая амнезия – снижение мнемической активности индивида в силу возможности переложить ответственность за хранение информации на внешний источник, например, Интернет		уменьшение объема устойчивости внимания и концентрации	отсутствие установки на запоминание
Номофобия – фобия отсутствия мобильного телефона, сопровождающаяся такими симптомами как раздражительность, невозможность сосредоточиться, чувства сильного дискомфорта, печали, потерянности	снижение активности сети пассивного режима работы мозга («дефолт системы мозга»), отвечающей за анализ информации и ее синтез для создания образов реальности и знаний		

	Мышление	Внимание	Память
Синдром Снежаны – аддикция индивида к успешной личностной самопрезентации, прежде всего, в соцсетях в виде лайков, а также желание управлять впечатлением о себе в социуме	усиление эмоционально-чувственного и ослабление логико-рационального начал при восприятии информации, принятии и реализации решений	превалирование непроизвольного внимания над произвольным	

Важно отметить, что указанным трансформационным процессам личности подвержены не только представители так называемого «цифрового поколения», но и предыдущие поколения в силу цифровизации всех сфер повседневной и профессиональной жизни.

В этой связи представляется возможным говорить о необходимости исследовать каким образом данные изменения в социально-психологическом развитии современного учащегося повлияют на процесс обучения иностранным языкам. Поскольку мышление, память, внимание являются ключевыми когнитивными инструментами индивида, от которых зависит скорость прогресса и продуктивность в освоении того или иного иностранного языка. Нам видится чрезвычайно важным изучить проявление данных изменений в познавательных процессах современных учащихся во всех видах речевой деятельности (чтение, аудирование, говорение и письмо), чтобы вскрыть болевые точки и приступить к поиску решений незамедлительно, поскольку ключевым фактором в цифровом веке является скорость принятия решений и действий.

Литература

Ваничкина А. С. Развитие коммуникации в условиях цифровизации: форсайт прогноз / А. С. Ваничкина, М. В. Романова // Наука без границ: синергия теорий, методов и практик: материалы Международной научной конференции, Москва, 28–30 октября 2020 года / отв. ред. О. К. Ирисханова. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2020. С. 202–205.

Макаровска О. Клиповость мышления и формирование межкультурной компетенции // *Studia Rossica Posnaniensia*, Vol. XXXV: 2010, pp. 133–143. ISBN 978-83-232-2247-7. ISSN 0081-6884. Adam Mickiewicz University Press, Poznan. pp. 133-143. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/159789138.pdf> (дата обращения: 05.08.2021).

Романова М. В. Цифровое поколение как новый субъект обучения иностранному языку для специальных целей / М. В. Романова // Информационные технологии в науке, бизнесе и образовании: сборник трудов IX Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Москва, 01 декабря 2017 года. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2017. С. 127– 131.

NEW CHALLENGES OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES IN THE DIGITAL AGE

The research is dedicated to the formation of new socio-psychological characteristics of contemporary learners and their impact on foreign language teaching. The transformation of interpersonal communication and cognitive processes (thinking, memory, attention), provoked by intensive digitalization of daily and professional life are overviewed.

Key words: digitalization, interpersonal communication, memory, attention, mosaic thinking, foreign language teaching

Харитоновна Елена Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный областной университет
charitonova-elena@yandex.ru

СИМВОЛООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

В данной статье с позиций лингвосемиотики и лингвокультурологии отражены результаты исследования символообразующей функции отдельных компонентов (исторических, географических, культурных и других) фразеологических единиц немецкого языка. Рассмотрены как национально маркированные, так и универсальные слова-символы.

Ключевые слова: немецкая фразеология, символ, национальный компонент, лингвокультурология

Понятие символ в науке в целом, и в лингвистике в частности трактуется неоднозначно [Харитоновна 2014]. Разработанность данной темы подтверждается научными трудами таких ученых, как Ю. М. Лотман, А. Ф. Лосев, А. А. Потебня, М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский,

Ц. Тодоров, М. Л. Ковшова и др. Наименьшее разночтение вызывает тот факт, что с помощью символов человек условно обозначает некие понятия, идеи, закрепленные в сознании и культуре путем сопоставления предметного образа и глубинного смысла. Символообразующая функция дает возможность человеку понимать реальность, устанавливать связи и отношения с миром, придавать значение своему опыту, переосмысливать происходящее, создавать новые смыслы, вдохновляться на осуществление творческих замыслов.

Совокупность культурных особенностей является одним из характерных признаков нации, поэтому основную часть культуры любого народа составляет не межнациональный, а специфически национальный компонент [Ловяникова 2008: 16]. В связи с этим представляется интересным проследить отражение немецкой культуры в семантике фразеологии, а именно в проявлении символообразующей функции отдельных национальных компонентов фразеологических единиц (далее ФЕ), что и представляет собой цель данного исследования.

Очевидно, что большинство национально окрашенных компонентов ФЕ связаны с историей, культурой, а также представляют собой национальные антропонимы, топонимы и т.п. Рассмотрим ряд примеров, сгруппировав их по тематическому признаку ключевых компонентов.

Исторические факты

- *hausen wie die Hunnen* – «распоясаться». Отражается жестокость и беспощадность гуннов, кочевого народа Центральной Азии, которые при Атиле (434–453 гг.) покорили многие народы Западной Европы. Символ варварского поведения.
- *der Gang nach Kanossa* «поход в Каноссу», т. е. поход с повинной, и *nach Kanossa gehen* – «идти в Каноссу», т. е. идти с повинной. Отражено событие 1077 года, когда отлученный от церкви германский император Генрих IV пошел пешком в замок Каносса, чтобы принести покаяние находившемуся там Папе. Символ вынужденного унижения.
- *böhmische Dörfer* – «богемские деревни», т. е. китайская грамота. Во время Тридцатилетней войны после включения королевства Чехия в государство Габсбургов оно было переименовано в Богемию. Названия чешских деревень звучали для немцев неприемлемо. Символ чего-либо непонятного.

Исторические личности

- *rangehen wie Blücher* (букв. 'наступать как Блюхер') – Блюхер был образцом солдата и стал символом необыкновенной решительности и храбрости.
- *erschossen sein wie Robert Blum* (букв. 'быть расстрелянным как Роберт Блюм') – символ нелепой гибели. Известный политический деятель XIX в. возглавлял саксонскую демократическую партию, принимал участие в сражениях на баррикадах, но после падения Вены был арестован, когда спокойно сидел за беседой в гостинице.
- *der ehrliche Makler* – «честный маклер» – так назвал себя Бисмарк в своей речи на Берлинском конгрессе в 1878 г., подчеркивая роль незаинтересованного посредника в улаживании конфликта, хотя на самом деле поддерживал английские и австрийские требования в ущерб России. Символ беспристрастного посредника.

Литература

- *Deutschland. Ein Wintermärchen* – «Германия. Зимняя сказка» – заголовок произведения Г. Гейне, которое поэт написал после путешествия по родине, когда убедился, что никаких радикальных перемен в стране не произошло, используется как символ спокойной, размеренной жизни.
- *der Ritt über den Bodensee* «поездка через Боденское озеро» – символ опасного предприятия, восходит к балладе Г. Шваба «Der Reiter über den Bodensee» о всаднике, который скачет по заснеженной долине, торопясь добраться до Боденского озера, и на вопрос к прохожему, далеко ли еще до озера, получает ответ, что озеро уже позади.
- *Eulenspiegel machen / treiben* – «представлять Эйленшпигеля», т. е. проказничать. Тиль Эйленшпигель – герой популярного народного романа о странствиях и проделках хитрого крестьянина воплощает образ весельчака и балагура.

Географические названия

- *j-n auf den Blocksberg wünschen* – «желать, чтобы кто-то оказался на Блоксберге», т. е. посылать кого-то к черту. Согласно древнему поверью Блоксберг выступает символом ведьмовского шабаша.

- *in Buxtehude* – «в Букстехуде», т. е. очень далеко. Символ захламленности.

Имена собственные часто реализуются в имена-символы, становясь символическими носителями определенных черт характера, предметов.

- Hans: *Hans Immerdurst* – «любитель выпить», *Hans Guckindiluft* – «разиня», *Hans Ohnesorge* – «беспечный человек», *Hans Hasenfuss* – «трус», *Hans Liederlich* – «ветреник», *Hans Taps* – «увалень»;
- Heinrich: *sanfter Heinrich* – «скромный человек», *auf müden Heinrich machen* – «быть пессимистом», *süßer Heinrich* – «сахарница»;
- Otto: *doller Otto* – «смельчак», *den Otto machen* – «притворяться обиженным», *Otto Normalverbraucher* – «средний потребитель»;
- Liese: *ein vergessliches Lieschen* – «забыха», *eine liederliche Liese* – «неряха»; *Lieschen Müller* – «обыватель»;
- Grete: *fliegendes Gretchen* – «стюардесса», *faule Grete* – «пушка».

Другие реалии

- *wie ein Landsknecht fluchen* – «ругаться как ландскнехт». Ландскнехты (наемная пехота) воевали в самых разных странах Европы, поэтому ругались на всех европейских языках. Употребляется как символ грубости, неотесанности.
- *aufgeputzt / geschmückt wie ein Pflingstochse* (букв. 'разряженный как бык на Троицу') «расфуфыренный, разряженный». По южногерманскому обычаю при первом выгоне скота на пастбище быков украшали венком и пестрыми лентами. Выступает символом чрезмерно пышного, часто неуместного внешнего вида.

Однако надо отметить, что не только национально маркированные, но и слова универсальной семантики способны выступать в качестве символюобразующих в составе ФЕ. В немецкой лингвокультуре свинья считается символом богатства и благоденствия, отсюда и традиционная форма для копилки в виде поросенка. Поэтому и в некоторых ФЕ мы находим соответствующую символическую коннотацию: *j-d hat Schwein* «кому-л. везет» (не всегда заслуженно) восходит к традициям рыцарских турниров, на которых поросенок выступал в качестве утешительного приза самому слабому участнику; *das nenne ich Schwein!* «Вот это удача!».

Стоит также отметить и метафорическое значение некоторых словосочетаний, например:

- *weiße Maus* – регулировщик уличного движения в белой форме. Во множественном числе означает алкогольные галлюцинации.
- *blauer Brief* – 1. Извещение об увольнении 2. Письмо родителям из школы о плохом поведении или успеваемости ребенка
- *ein nervöses Hemd* – клубок нервов и др.

Как видим, фразеология несет в себе наиболее яркую характеристику национальной специфики этноса, и особенно отчетливой эта специфика становится, когда в состав фразеологизма входит слово-символ. Большинство символов создаются народом для конкретных целей и обозначения конкретных явлений. Фразеологизмы и заключенные в них символы накапливают, хранят и передают информацию о культурно значимых фактах действительности, а также несут некую оценку этих фактов. Можно предположить, что фразеологизмы, содержащие в своем составе слово-символ, не дают исчезнуть этому символу, поддерживая его употребление в языке. Адекватная оценка символов, вложенных в тот или иной фразеологизм, облегчает понимание иной культуры, поэтому при изучении иностранного языка целесообразно уделять внимание и языковой символике.

Литература

Ловяникова В. В. Ономастическая фразеология в лингвокультурологическом аспекте (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Нальчик, 2008.

Харитонова Е. Ю. Трактровка понятия «символ» в лингвистике // Вестник МГОУ. 2014. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

SYMBOL-FORMING FUNCTION OF NATIONAL COMPONENTS OF GERMAN PHRASEOLOGICAL UNITS

This article reflects from the linguo-semiotic and linguo-cultural point of view the results of the study of the symbol-forming function of certain national components (historical, geographical, cultural and other) of phraseological units. The research is carried out on the material of the German language.

Key words: German phraseology, symbol, national component, cultural linguistics

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

*Добровольский Дмитрий Олегович, Кротова Елена Борисовна,
Цветаева Елена Николаевна, Шарандин Артём Вячеславович*

СЛУЖЕБНЫЕ И ДИСКУРСИВНЫЕ СЛОВА:
ВАРИАТИВНОСТЬ ГРАММАТИЧЕСКОЙ НОРМЫ 3

Dalmas, Martine

VIelfalt der Bezüge, VIelfalt der Funktionen:
WEGE ZUR METADISKURSIVITÄT 9

Зыкова Ирина Владимировна

ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ КАК ФАКТОР ЛИНГВОКРЕАТИВНОГО
МОДЕЛИРОВАНИЯ КИНОДИСКУРСА 13

Павлова Анна Владимировна

О ПРОЕКТЕ ДВУЯЗЫЧНОГО РУССКО-НЕМЕЦКОГО СЛОВАРЯ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-КОНСТРУКЦИЙ 19

Rada, Roberta

POLYLEXIKALE CORONEOLOGISMEN IM DEUTSCHEN
UND UNGARISCHEN 24

Szczęk, Joanna

SELBSTPRÄSENTATION DER POLNISCHEN GERMANISTISCHEN
WISSENSCHAFTLICHEN ZEITSCHRIFTEN IN DER DIGITALEN
WELT – STRUKTURELLE UND MULTIMODALE ASPEKTE 27

Яковенко Екатерина Борисовна

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ГЕРМАНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ
И ФАКТЫ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ В КНИГЕ Э. СЕПИРА «ЯЗЫК»
(к столетию первого издания) 31

СЕКЦИЯ I

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Асташкина Надежда Николаевна

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ЗАГОЛОВКАХ
(на примере публицистических статей) 35

<i>Avakova Yulia Mikhailovna</i> ACCESSIBLE WRITING AND PLAIN LEGAL DANISH: MAJOR GUIDELINES AND GOALS	39
<i>Basova Tatiana Aleksandrovna</i> THE SYMBOLISM OF THE COMPONENT 'BONE / BONES' IN ENGLISH PHRASEOLOGY	42
<i>Заблоцки Элеонора Юрьевна</i> ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ КОРОНА-ВИРУСА НА ПОЯВЛЕНИЕ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	45
<i>Захарова Мария Юрьевна</i> КОНЦЕПТ «БОЛЬ» В НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (на материале немецких паремий).....	51
<i>Катамадзе Мария Олеговна</i> К ВОПРОСУ О КОРПУСНОМ АНАЛИЗЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ	55
<i>Куликова Валерия Александровна</i> О КОРОЛЯХ, ГЕРЦОГАХ И ГРАФАХ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ СРАВНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	61
<i>Левицкий Андрей Эдуардович</i> НОВАЯ ЛЕКСИКА КАК ОТРАЖЕНИЕ НОВЫХ СИТУАЦИЙ (на материале современного английского языка)	65
<i>Нефедова Любовь Аркадьевна</i> ЛЕКСИКА НЕМЕЦКОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНОГО МНОГООБРАЗИЯ	69
<i>Мальцева Елизавета Игоревна</i> ЛЕКСИКА И ТЕКСТ В МЕТАЯЗЫКЕ ИСКУССТВА	74
<i>Orlova Yelena Vladimirovna</i> TRIGGERS OF THE ARTISTIC SYMBOL "STONE"	78
<i>Панкратьева Елена Сергеевна</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВЕСНЫХ КОМПЛЕКСОВ В КНИЖНЫХ ЭМБЛЕМАХ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ	80
<i>Рахматуллаева Надежда Геннадьевна</i> СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ АНАЛОГИЯ В УСЛОВИЯХ ЛИНГВОКРЕАТИВНОГО ВСПЛЕСКА, ВЫЗВАННОГО ПАНДЕМИЕЙ	85

<i>Taymour Maria Pavlovna</i> MULTIMODAL METAPHORS IN MODERN VIRTUAL DISCOURSE	89
<i>Tokareva Natalya Dmitrievna</i> STYLISTIC USE OF COLLOCATIONS IN BRITISH NEWSPAPER DISCOURSE	93
<i>Fedulenkova Tatiana Nikolaevna</i> USUAL STRUCTURAL PATTERNS IN BUSINESS TERMINOLOGICAL PHRASEOLOGY	96
<i>Iagupova Larisa Nikolaevna</i> ZU DEN UNPRODUKTIVEN WORTBILDUNGSTYPEN IM MITTELHOCHDEUTSCHEN HANDSCHRIFTENKORPUS.....	99

СЕКЦИЯ II ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Барсукова Эльмира Камилловна</i> ИСТОКИ ДВОЙНОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	104
<i>Бондарь Владимир Анатольевич</i> ОБ АОРИСТИЗАЦИИ ПЕРФЕКТА В СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИЙ ПЕРИОД	108
<i>Гурецкая Мария Вячеславовна</i> РАЗВИТИЕ КОНЦЕПТА «СОСТОЯНИЕ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (в период XIV–XX вв.).....	113
<i>Дмитриева Мария Николаевна</i> МОДЕЛИ ИМЕННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА ШВЕЙЦАРИИ В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ	116
<i>Mukhin Sergey Vladimirovich</i> ON FIXITY OF THE V+N WORD-COMBINATIONS WITH THE VERB <i>NIMAN</i> IN GOTNIC.....	120
<i>Первак Татьяна Владимировна</i> СЕМАНТИКА МОДАЛЬНЫХ СЛОВ С СУФФИКСОМ <i>-WEISE</i> В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ.....	124
<i>Салькова Марина Алексеевна,</i> <i>Петрова Любовь Сергеевна</i> НОРМА, УЗУС, АНОМАЛИЯ: ОНИ ТАКИЕ РАЗНЫЕ, И ВСЁ-ТАКИ ОНИ ВМЕСТЕ	129

Сорокина Татьяна Сергеевна

«ВПОМОГАТЕЛЬНОСТЬ» АНГЛИЙСКИХ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ:
ПУТИ, ТЕМПЫ И СТЕПЕНЬ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ 133

Шипова Ирина Алексеевна

ПРАГМАТИКА КОМПОЗИТНЫХ ФОРМ
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(на материале текста романа «Качели дыхания» Герты Мюллер)..... 137

СЕКЦИЯ III

ФОНЕТИКО-ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Bogdanova Iolanta Mikhailovna

CHALLENGES AND PERSPECTIVES
OF TEACHING PHONETICS DISTANTLY
(in lockdown) 142

Simarin Dmitry Alexandrowich, Gubanova Kristina Alexandrovna

DIE PROSODISCHEN BESONDERHEITEN DER STATISCHEN
AUDIODESKRIPTION 146

Карпенко Елена Игоревна, Калашникова Елена Александровна

СПОСОБЫ КИНЕСИКО-ПРОСОДИЧЕСКОГО ОФОРМЛЕНИЯ РЕЧИ
ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРСОНАЖА
(на материале немецкоязычной художественной литературы) 150

Weidauer, Sebastian

TRANSFERPROZESSE BEIM FREMDSPRACHERWERB
RUSSISCH-DEUTSCH 155

СЕКЦИЯ IV

ЛИНГВОЛИТЕРАТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Абрамов Пётр Валерьевич

АУТОПОЭЗИС И РЕКУРСИЯ
В ЖАНРЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ 159

Бакина Анна Дмитриевна

БИБЛИЯ И БИБЛЕИЗМЫ В АСПЕКТЕ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ
(на материале произведений У. Шекспира) 162

Башилова Юлия Владимировна

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ МОТИВА ПУТИ
В РОМАНЕ-ПУТЕШЕСТВИИ «СТРАНСТВИЯ ФРАНЦА ШТЕРНБАЛЬДА»
ЛЮДВИГА ТИКА 166

<i>Воронина Анна Игоревна, Любимова Наталия Викторовна</i> ОРОНИМЫ В ШВЕЙЦАРСКОЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ГОРНОЙ ПРОЗЕ	169
<i>Киосе Мария Ивановна</i> УСПЕШНАЯ И ОПТИМАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ МЕТАФОР ДЕТЬМИ И ВЗРОСЛЫМИ.....	173
<i>Кострова Ольга Андреевна</i> ХРОНОТОП В НЕМЕЦКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ЛИНГВОЛИТЕРАТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ.....	178
<i>Рыбакова Маргарита Борисовна</i> ТИПИЧНЫЕ СПОСОБЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА (на материале современных немецких детективов)	182
<i>Сескутова Ирина Константиновна</i> СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МУЗЫКАЛЬНОЙ РИТОРИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ.....	186
<i>Тактаева Оксана Анатольевна</i> СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ В ЛАНДШАФТНЫХ ОПИСАНИЯХ.....	190

СЕКЦИЯ V

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ДИСКУРСОЛОГИИ

<i>Андреева Светлана Антоновна</i> К ВОПРОСУ О ДИСКУРСЕ КОННЫХ СКАЧЕК	195
<i>Анисимова Елена Евгеньевна</i> ОТКРОВЕНИЕ О ВЕРЕ КАК ЖАНР РЕЛИГИОЗНЫХ СМИ	200
<i>Букина Анна Викторовна</i> КОНТЕКСТ КАК АКТИВАТОР ЭКСПРЕССИВНОСТИ В МУЛЬТИМОДАЛЬНОМ АГИТАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ	204
<i>Ваничкина Александра Савельевна</i> КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ДИСКУРСА ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	209
<i>Иванова Мария Александровна</i> ЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ ТЕАТРАЛИЗАЦИИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВИРТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ	214
<i>Имбер Славяна Юрьевна</i> ЧАСТНООЦЕНОЧНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ В КОММЕНТАРИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ FACEBOOK: НА ПРИМЕРЕ НОВОСТНОГО СООБЩЕСТВА SPIEGEL ONLINE	218

Kałasznik, Marcelina

HÖFLICHKEIT ALS KOMMUNIKATIVE STRATEGIE
IN VORSTELLUNGSTEXTEN VON ÄRZTEN
AUF ARZTBEWERTUNGSPORTALEN 222

Канашина Светлана Валериевна

ИНТЕРНЕТ-МЕМ КАК ЛИНГВОВИЗУАЛЬНЫЙ
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС 225

Клиновская Анна Анатольевна, Стрельцова Валентина Викторовна

СОЮЗ 90 / ЗЕЛЕНЫЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
КОНСТРУИРОВАНИЯ ИМИДЖА ПАРТИИ В НЕМЕЦКИХ СМИ 229

Куликова Ольга Викторовна

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ КАК ОСНОВА ГИБРИДИЗАЦИИ
ГЕОКУЛЬТУРНОГО ДИСКУРСА..... 233

Куницына Олеся Мироновна

ВИЗУАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ
ИЗУЧЕНИЯ МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО ДИСКУРСА..... 236

Malakhova Victoria Leonidovna

PRAGMATIC COMMENT AS A TYPE OF ENGLISH DISCOURSE
FUNCTIONAL RELATIONS..... 240

Никонова Екатерина Валерьевна

СЕМАНТИКО-СЕМИОТИЧЕСКАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ
ПРОСТРАНСТВА КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЫ
КАК УСЛОВИЕ ЕЕ ИНТЕРАКТИВНОСТИ 244

Радченко Олег Анатольевич

«ОТРАВЛЕННЫЕ ПЕРЬЯ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
ГЕРМАНИИ XVII СТОЛЕТИЯ 249

Степанова Елена Сергеевна, Протасов Андрей Дмитриевич

МИФ ОБ ИММУНИТЕТЕ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ
МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ 253

Федоровская Виктория Олеговна

ДИСКУРСИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ДЕКОНСТРУКЦИИ
В ЯЗЫКЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ
(на материале жанра ток-шоу) 257

Цветаев Егор Юрьевич

МОДЕЛЬ ДИСКУРСА ПРЕДВЫБОРНЫХ ТЕЛЕДЕБАТОВ 262

СЕКЦИЯ VI ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Анищенко Алла Валерьевна, Ларина Татьяна Сергеевна*
ВОЛИТИВНЫЕ МЕЖДОМЕТЯ
В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ 267
- Бабенко Наталья Сергеевна*
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ «ПОСЛАНИЯ О ПЕРЕВОДЕ»
М. ЛЮТЕРА В ТРАКТОВКЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИСТИКИ..... 271
- Диденко Виктория Дмитриевна*
СТРАТЕГИЯ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ
УСТНЫХ ВОСПОМИНАНИЯХ..... 275
- Гусева Алла Ефимовна, Мальцева Лилия Геннадьевна*
СИНОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ
(на примере лексико-фразеологического поля «Общение») 280
- Перова Екатерина Юрьевна*
ТЕОРИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
КАК КОНТЕКСТ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА Р.-М. РИЛЬКЕ 283
- Томская Мария Викторовна*
РЕЧЕВЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ ПРИ КОГНИТИВНОЙ НАГРУЗКЕ
В СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ В ЯЗЫКОВОЙ ПАРЕ
«НЕМЕЦКИЙ – РУССКИЙ»..... 287
- Хлопова Анна Игоревна*
СОПОСТАВЛЕНИЕ БАЗОВОЙ ЦЕННОСТИ GLÜCK
В НЕМЕЦКОЙ И АВСТРИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ 290

СЕКЦИЯ VII ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЛИНГВОДИДАКТИКЕ

- Анищенко Алла Валерьевна, Яковлева Виктория Вадимовна*
ИНФЛЕКТИВЫ КАК СРЕДСТВО ТРАНСЛЯЦИИ
ЭМОТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ
ИСТОРИЧЕСКОМ КОМИКСЕ..... 294
- Afontschenkowa Julia Vitaljevna*
PROJEKTORIENTIERTES LERNEN – ABER WIE? 299

<i>Гринкевич Екатерина Александровна</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-СЕРВИСА GOOGLE ARTS & CULTURE В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ТИФЛОКОММЕНТАТОРОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (английский язык, языковой вуз).....	303
<i>Дёмина Дарья Аркадьевна</i> ЯЗЫКОВАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ.....	306
<i>Романова Мария Валерьевна</i> НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....	310
<i>Харитоновна Елена Юрьевна</i> СИМВОЛООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ.....	314

Научное электронное издание

ГЕРМАНИСТИКА 2021: NOVE ET NOVA

Материалы IV Международной научной конференции

10–12 ноября 2021, МГЛУ, г. Москва

Издание печатается в авторской редакции

Верстка: *Ю. Г. Герасимова*

Дизайн обложки: *А. Г. Проскуряков*

Подписано в печать 15.11.2021

Усл. печ. л. 20,4. Формат 60x90 1/16

Заказ 94/21

ФГБОУ ВО МГЛУ

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

Тел./факс (495) 245-33-23

E-mail: ipk-mglu@rambler.ru